

**КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. Вернадского
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
&
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ**

**Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2016**

УДК 37
ББК 74.00
П 50

Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Главные редакторы:

Т.А. Сенюшкина, доктор политических наук, профессор.

А.В. Баранов, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

А.Г. Герцен, кандидат исторических наук, доцент.

Е.В. Черный, доктор психологических наук, доцент.

Е.А. Сенюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 Политическое пространство и социальное время / Под ред.
Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ»,
2016. – 270 с.
ISBN 978-5-906813-73-2

В сборнике размещены материалы выступлений участников XXVIII Харакского форума, состоявшегося в г. Ялта 12 – 16 мая 2015 г. и XXIX Харакского форума, состоявшегося в г. Ялта 2 – 6 ноября 2015 г. Раскрываются проблемы формирования политического пространства и социального времени, коллективной памяти, соотношения религиозной и этнической идентичности в условиях культурного и цивилизационного разнообразия, анализируются международные политические процессы в условиях формирования многополярного мира, интеграционных процессов и геополитической конкуренции.

УДК 37
ББК 74.00

ISBN 978-5-906813-73-2

© Сенюшкина Т.А., 2016
© Баранов А.В., 2016
© ИТ «АРИАЛ», 2016

Абрамова М.А., Костюк В.Г.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ, АККУЛЬТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ

Статья посвящена установлению этнического и регионального компонентов установок поведения и аккультурационных стратегий молодежи Республики Саха (Якутия) и Хакасии по результатам социологических исследований.

Ключевые слова: межэтнические установки, аккультурационные стратегии, молодежь, этническая идентичность, региональная идентичность.

The article is devoted to the ethnic and regional components of the attitudes and acculturation strategies the Republic of Sakha (Yakutia) and Khakassia on the questionnaires' materials.

Keywords: inter-ethnic setting, acculturation strategies, young people, ethnic identity, regional identity.

Представленный материал является обобщением теоретических и эмпирических исследований, проведенных в Республиках Саха (Якутия) и Хакасия в 2008–2013 гг. Локализация объектов исследования – Якутия и Хакасия – определяется экономической, геополитической, социальной и культурной спецификой данных регионов как представляющих с одной стороны, модель евразийской цивилизации, синтезирующей славянские, тюркские и арктические социокультурные составляющие, а с другой – регионы с разной долей русского населения (свыше 80% в Хакасии, менее 40% в Якутии). Исследование носило теоретико-эмпирический характер. Каждый из респондентов опрашивался, как правило, по всем трем методикам. В Республике Саха (Якутия) опрошено 3830 человека, в Республике Хакасия – 1843 человека в возрасте от 14 до 30 лет.

Из многих аспектов межэтнических отношений молодежи выделены виды самоидентификаций в полиэтничном и поликультурном пространстве; отношение к своей этнической самоидентификации и ситуации ее актуализации; установки в межэтнических отношениях (социальные дистанции).

Юношам и девушкам предлагалось оценить, насколько важно для них осознавать себя: представителем своего этноса; гражданином России; жителем своей республики; сибиряком; представителем Севера (для молодежи Якутии); гражданином мира – по шкале «очень важно», «важно», «не важно».

Как в целом по республикам – Хакасии и Якутии, так и по этническим группам хакасов, саха, коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и русских – общероссийская самоидентификация для большинства социокультурных типов важнее республиканской и этнической. Особенно заметно это в группе русской молодежи, для которой характерен крайне низкий показатель ответов «очень важно осознавать себя жителем республики» (не более 15–17% и в Якутии, и в Хакасии). В то же время это очень важно для саха, КМНС и хакасов, у которых некоторые социокультурные типы предпочли республи-

канскую самоидентификацию общероссийской (это типы со сформированным этническим самосознанием). То есть, региональный патриотизм более характерен для аборигенов Сибири, чем для русских, у которых «малая родина» – вся Россия. При всей важности самоидентификации себя как гражданина России, нежели жителя того или иного региона (республики, Сибири), все же соотношение значимостей общероссийской и республиканской самоидентификаций среди русской молодежи (в среднем 5:1, а среди «космополитических» типов – и более чем 10:1) нельзя признать оптимальным, а скорее оно является проблемным – и в плане прошлой, и будущей истории. Использование метода типологизации позволило выделить группу молодежи среди хакасов и саха, имеющих установки как коллективистов со сформированным этническим самосознанием. Было выявлено, что если для коллективистов со сформированным этническим самосознанием — ощущать себя жителем республики важнее, чем гражданином России или представителем своего народа (так считают 57–59%), то по мере снижения степени сформированности этнического самосознания важность республиканской самоидентификации тоже уменьшается, и среди «космополитов» – хакасов и саха – она важна соответственно лишь для 19% и 17% молодежи.

Этническая самоидентификация более четко проявляется у саха, хакасов и КМНС. Важность ее снижается при переходе от социокультурных типов со сформированным этническим самосознанием к «космополитическим», что характерно и для русской молодежи. Менее всего важно ощущать себя представителем своей национальности для «космополитов», особенно «индивидуалистов–космополитов» среди хакасов и саха (соответственно лишь для 7 и 10% в этих группах). В целом можно заметить, что со снижением степени сформированности этнического самосознания (от сформированного к «космополитическому») важность всех самоидентификаций во всех, как правило, этнических и региональных группах уменьшается: как среди коллективистских, так и индивидуалистских социокультурных типов. При этом степень сформированности этнического самосознания оказывает более сильное влияние на дифференциацию значимости разных самоидентификаций – этнической, региональной, общероссийской – среди социокультурных типов молодежи, чем фактор «коллективизм–индивидуализм».

Региональные различия видов самоидентификаций проявляются в том, что ощущение себя гражданином России более важно для «коллективистов» Хакасии, чем Якутии, в то время как жителем республики – наоборот: важнее для молодежи Якутии (и «коллективистов», и «индивидуалистов»). Эти различия определяются как разным соотношением численности русской молодежи и молодежи саха и хакасов, так и некоторыми различиями их видов самоидентификаций среди выделенных социокультурных типов.

Рассмотрение самоидентификаций социокультурных типов, выделенных по типу «этноцентризм–этно-индифферентность», показал, что этническая идентичность менее всего важна для всех индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания социокультурных типов молодежи, а наиболее важна, как правило, для этноцентристов. Аналогичный вывод спра-

ведлив в целом и для других видов идентичностей – республиканской и общероссийской, за исключением этно-индифферентных КМНС и русских в Якутии: для первых гражданство России весьма значимо (54%), для вторых оно наименее значимо не для группы этноиндифферентных, а для предпочитающих моноэтническую среду проживания (62%).

Максимально высокие показатели важности общероссийской идентичности – среди русских этноцентристов в Якутии (81%) и этноцентристов–хакасов (78%). Для хакасов этническая идентичность во всех типах, за исключением предпочитающих этнолингвистическую среду, менее важна, чем общероссийская и республиканская; у саха – обратная картина (за исключением группы этноиндифферентных). Для русской молодежи общероссийская идентичность во всех типах – самая важная, а республиканская – наименее важная, особенно для этноиндифферентных (всего 7–8%), причем для всех типов русской молодежи Хакасии более важна республиканская идентичность, чем для соответствующих типов Якутии. То есть, для русской молодежи Хакасии, доминирующей по численности среди других этнических групп, региональный патриотизм выражен несколько четче, чем в Якутии, где ее доля среди молодежи ниже, чем доля саха.

Можно сделать вывод, что если для индивида не очень важно и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на языке своего этноса, то для него не очень важны принадлежность и к своей этнической группе, и к региональному сообществу, и к гражданству России.

Индикатором межэтнических отношений являются и, так называемые, социальные дистанции – предпочтение (или безразличие) лиц своей национальности при выборе друзей (ближний круг общения); коллег по работе, руководителя по работе (средний круг общения); работников органов власти, руководителя республики (дальний круг общения). Рассмотрим, как влияет социокультурный тип на эти выборы среди наиболее многочисленных этнических групп – русских, саха, хакасов

Заметно, что по мере снижения степени сформированности этнического самосознания снижается и уровень этноцентризма – предпочтения лиц своей национальности во всех кругах общения – как среди коллективистских, так и среди индивидуалистских социокультурных типов. Сильнее всего проявляется, как правило, этноцентризм среди типов молодежи со сформированным этническим самосознанием: при выборе друзей, власти и руководителя республики; в Хакасии среди русских в большей мере среди индивидуалистов, а в Якутии – среди коллективистов – русских и саха. При этом минимальной социальной дистанцией (минимумом этноцентризма) оказывается выбор партнера по работе (коллеги), а самым – этноцентристским для большинства типов молодежи – выбор руководителя Республики (для хакасов и саха), руководителя по работе и друзей – для русских со сформированным этническим самосознанием. При выборе друзей максимально «длинной» социальной дистанцией оказалась для русских индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием в Хакасии (70% предпочитают выбрать «своего»), а минимальной (10-13%) – для хакасов – «космополитов». Для последнего («космополи-

тического)» социокультурного типа вообще характерен самый низкий уровень этноцентризма по всем позициям «социальной дистанции».

То есть, в аспекте межличностных отношений молодежи, судя по «социальным дистанциям», безразличие к своей этнической идентичности, языку и культуре своего народа снижает уровень отрицательных межэтнических установок в сознании личности и в масштабе микросреды может рассматриваться в качестве позитивного фактора интеграции.

Аналогичный вывод позволяет сделать также анализ распределения по «социальной дистанции» социокультурных типов молодежи, выделенных по типологии «этноцентризм–этноиндифферентность»: среди этноиндифферентных, для которых неважно и жить среди лиц своей национальности, и разговаривать на ее языке, так же, как и среди «космополитов», самый низкий уровень этноцентризма, а самый высокий – среди этноцентристов, что и следовало ожидать. Так, например, 84% молодежи саха–этноцентристов предпочитают «своего» при выборе друга, а этноиндифферентная молодежь – 47%, русская молодежь в Якутии – соответственно 76 и 40%, и такое соотношение отмечается в других этнических группах.

Таким образом, формирование межэтнических установок и специфики социальных дистанций обусловлено не только этнической, но и региональной принадлежностью молодежи. Можно сделать вывод, что социокультурная типология позволяет более детально проанализировать сложную диалектику и различные тенденции этнокультурных и этносоциальных процессов в регионах – как в макро-, так и в микромасштабе этих процессов и выявить, какие социальные, культурные и личностные подсистемы социокультурных типов молодежи играют интегративную, а какие – дезинтегративную роль в тех или иных процессах, в той или иной среде.

Антонюк В.А., Самохин А.А.

ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

В статье установлены вызовы национальной безопасности России в Черноморском международном регионе в аспекте военной, дипломатической и экономической активности стран НАТО, Украинского кризиса.

Ключевые слова: безопасность, вызовы, Россия, Черноморский регион.

The article established national security calls of Russia in the Black Sea international region in terms of the military, diplomatic and economic activity of OTAN, Ukrainian crisis.

Keywords: security, challenges, Russia, the Black Sea region.

Черноморский регион в широком понимании включает в себя как страны и территории, имеющие выход к побережью Черного моря – Болгарию, Грузию, Россию, Румынию, Турцию, Украину, так и прилегающие к региону – Азербайджан, Армению и Молдову. Регион, ставший на рубеже веков сосре-

доточением конкуренции торгово-экономических и геополитических интересов, далек от исчерпания в ближайшее время конфликтного потенциала. Ситуация осложнилась усилением присутствия в Черноморье внерегиональных государств и структур, таких как США, Европейский Союз и Североатлантический Альянс.

Усиление позиций НАТО в Черноморском регионе со вступлением Румынии и Болгарии в Альянс в 2004 году, предоставление своих территорий для создания американских военных баз, а также элементов ЕвроПРО, принятие Турцией в одностороннем порядке ограничений режима судоходства в проливах Босфор и Дарданеллы и закрепление ее роли в качестве региональной державы значительно осложняют проведение политики национальных интересов России в регионе.

Фундаментальный интерес Североатлантического альянса к Черноморскому региону нашел отражение в таких документах НАТО, как «Параметры европейской безопасности на юге континента» 2001 г., «Концепции обороны от террористических угроз» 2002 г., «Развитие новой Евроатлантической стратегии в отношении Черноморского региона» 2004 г. В рамках данной стратегии, регион рассматривается руководством НАТО как южный рубеж «Евроатлантического сообщества», находящийся на границе с «Большим Ближним Востоком», поэтому Запад заинтересован в укреплении безопасности и стабильности в Причерноморье в целях предупреждения распространения угрозы через «южный буфер» [1].

Одной из важнейших составляющих политики укрепления НАТО в регионе являлась программа «Партнерство ради мира», предусматривающая новый подход к расширению отношений блока с европейскими государствами, входящими ранее в ОВД, и бывшими республиками СССР, в том числе Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдовой и Украиной.

«Политика открытых дверей», провозглашенная НАТО, давала возможность ускоренного сближения Азербайджана, Грузии и Украины с Альянсом. Однако грузино-юго-осетинский, в дальнейшем грузино-российский кризис, августа 2008 г. существенно повлиял на перспективы их скорой интеграции. Несмотря на позицию США и ряда других государств Альянса на Бухарестском саммите НАТО 2008 г., Грузии и Украине было отказано в предоставлении Плана действий по подготовке к членству в НАТО (ПДПЧ). Бухарестский саммит явился для Украины и Грузии саммитом разочарования. И хотя эти страны не получили официального приглашения стать участниками ПДПЧ, делегации натовских государств дали понять, что дорога в НАТО для Киева и Тбилиси расчищена, необходимо лишь немного подождать [2].

4 апреля 2009 г. по итогам встречи Североатлантического совета в Страсбурге/Келе в отношении Черноморского региона было заявлено: «Черноморский регион по-прежнему является важным для евроатлантической безопасности» [3].

Активность Альянса в Черноморском регионе резко возросла в связи с политическими событиями в Украине 2014 г. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг обвинил Россию в агрессивных действиях на Украине, а также по

отношению к странам-членам Североатлантического альянса. В интервью Би-би-си он сказал, что Россия нарушила международное право и проводит политику, угрожающую безопасности в Европе [4].

В июле 2014 г. началась, по оценкам политологов, «Черноморская игра на нервах». Россия и страны НАТО на этом театре военных действий одновременно начали широкомасштабные военно-морские учения [5]. Провокациями со стороны Альянса отличилась и весна 2015 г., корабли НАТО непрерывно входили в акваторию Черного моря, что вызвало недовольство и ответные меры России в форме плановых учений и постоянного дежурства в регионе.

Реакцией Североатлантического альянса на воссоединение Крыма с Россией явилась программа усиления военного потенциала в Восточной Европе, а также возобновление дискуссий о продолжении расширении блока на Восток. На упомянутом саммите в Бухаресте (2008 г.) Берлин и Париж выступили против присутствия Грузии в Альянсе, теперь же позиция Европы изменилась. Вашингтон сыграл на опасениях европейцев о возможном «реванше» со стороны России в Восточной Европе. Контакты между Тбилиси и Брюсселем по поводу предоставления Грузии Плана действий по подготовке к членству в НАТО активизировались [6].

Что касается Украины, то, по мнению помощника заместителя генерального секретаря НАТО Джеймса Шеа, на данный момент она не готова к членству в Организации североатлантического договора. Он отметил, что альянс планирует сосредоточить силы на том, чтобы «помочь демократической стране в ее трудностях». Тем не менее, Генсек альянса Й. Столтенберг сообщил, что заявка Украины о вступлении в НАТО будет рассмотрена на общих основаниях [7].

На протяжении многих лет государством – форпостом НАТО в регионе является Турция, состоящая в Альянсе с 1952 г. Турция – одно из пяти государств-членов НАТО, которые имеют на своей территории ядерные боеприпасы Альянса. Территория Турции со времен «Холодной войны» остается местом базирования внерегиональных военных объектов и проведения натовских учений. На основе двусторонних соглашений с США, в Турции было построено более 60 различных объектов военной инфраструктуры, таких, как аэродромы, военно-морские базы, стартовые позиции ракет, склады спецназначения [8].

В конце 2005 г. подписаны соглашения с Румынией и Болгарией о создании на их Черноморском побережье американских военно-морских баз «в целях поддержания коммуникаций с воинскими группировками в Ираке». На одной из них – в районе аэродрома близ Констанцы размещена штаб-квартира Восточноевропейской оперативной группы Пентагона.

Усиление позиций США в Черноморском регионе обуславливается тем, что Америка считает Черноморье «стратегическим коридором», открывающим путь к охваченным кризисами районам Ближнего и Среднего Востока и одновременно своеобразным «цивилизационным барьером» между исламским и христианским миром [9].

Кроме того, американское присутствие было должно, по мнению тогдашнего румынского президента Т. Бээску, «уравновесить» позиции России в регионе. Не допустить силового решения конфликтов. Грузинский политолог Г. Нодиа высказал мнение, что размещение баз на западном побережье Черного моря – это один из этапов продвижения США в регион Южного Кавказа, «имеющий как политическое, так и военно-стратегическое значение» [10].

Помимо расширения влияния НАТО, к числу наиболее очевидных вызовов для России в регионе, безусловно, можно отнести до конца не урегулированные конфликты межэтнического и территориального характера в Абхазии, Нагорном Карабахе, Приднестровье и Южной Осетии. В свою очередь, влияющих на атмосферу доверия к России со стороны Азербайджана, Армении, Грузии и Молдовы.

В этом проблемном ряду вызовов безопасности России особое место занимает «Украинский кризис». Обострение внутривнутриполитической ситуации в Украине, вследствие ряда причин, в том числе непоследовательной политики президента Виктора Януковича по вопросу интеграции Украины в Европейский Союз, привело к государственному перевороту 2014 г., свержению действующей власти, гражданской войне, пропаганде неонацизма и русофобства, в корне изменив характер двухсторонних отношений братских государств. Запад выступил в поддержку Украины, проводя политику двойных стандартов. США, не имеющие тесных торгово-экономических контактов с Россией, оказывают давление на Евросоюз, вынуждая его применить в отношении Российской Федерации экономические и политические санкции, которые несут, в первую очередь, значительный институциональный ущерб взаимоотношениям России и ЕС.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Целью политики НАТО в регионе является вовлечение региональных государств в структуры западного образца, что в последствии создаст условия для продвижения западноевропейских ценностей и обоснования для обретения государств Причерноморья полноценного членства в Альянсе.

2. Интеграция региональных стран с ЕС предполагает усиление его позиций в регионе и ограничение экономических возможностей России.

3. Для американской внешней политики важна поддержка статуса США как мировой сверхдержавы и влиятельного игрока во всех ключевых географических точках планеты, в том числе и в Черноморском регионе.

4. Турция, оставаясь государством-членом НАТО и стратегическим союзником США, является региональной державой, продвигающей свои национальные интересы.

5. Сохраняющаяся напряженность межгосударственных отношений России с Грузией, Молдовой и, особенно, Украиной на фоне продолжающегося украинского внутривнутриполитического кризиса.

Все это свидетельствует о том, что на Россию и впредь будет оказываться давление с целью снижения уровня обеспеченности ее геополитических интересов по самым разным направлениям в Черноморском регионе.

Литература

1. Безнос Н.Н., Анализ концептуальных основ стратегии НАТО в Черноморском регионе. Режим доступа: http://science.crimea.edu/zapiski/2011/philos_kulturof/fil24_3_4/18_bez.pdf (дата обращения: 14.05.2015).
2. Ляшук Ю.А., Бухарестский саммит НАТО и трансформация альянса. Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/1404/232/> (дата обращения: 15.05.2015).
3. Заявление по итогам встречи в верхах в Страсбурге/Келе. Режим доступа: <http://nato.w-europe.org/show.php?art=1653&rubr=27> (дата обращения: 12.05.2015).
4. Генсек НАТО: Россия – угроза безопасности Европе. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/11/141114_stoltenberg_nato_russia_interview (дата обращения: 12.05.2015).
5. Россия – НАТО: черноморские игры на нервах. Режим доступа: <http://www.novogorodinform.org/news/id/2141> (дата обращения: 13.05.2015).
6. Агаджанян М., Грузия и НАТО. Режим доступа: http://ruskline.ru/opp/2014/04/8/gрузија_i_nato/ (дата обращения: 15.05.2015).
7. В НАТО уверены, что Украина пока не готова к членству в альянсе. Режим доступа: http://so-l.ru/news/show/v_nato_uvereni_chno_ukraina_poka_ne_gotova_k_chlens (дата обращения: 13.05.2015).
8. Взаимодействие Турции и НАТО. Режим доступа: <http://nato.pf/ru/turkey.html> (дата обращения: 12.05.2015).
9. Кулик С., Черноморский диалог – возможен ли он? Режим доступа: <http://www.blackseanews.net/read/8969> (дата обращения: 13.05.2015).
10. Мамулашвили Г. Черное море перестало быть «русским озером». Режим доступа: <http://www.etpress.ru/?content=article&id=972> (дата обращения: 15.05.2015).

Баранецкий А.Н.

ВО ЧТО МОЖЕТ ОФОРМИТЬСЯ «СОСРЕДОТОЧЕНИЕ» РОССИИ

Статья посвящена раскрытию политико-психологических и коммуникационных технологий воздействия на массы. Дана критика апологетики «цветных революций».

Ключевые слова: информационная война, политико-психологические и коммуникационные технологии, культура, «цветные революции».

The article is devoted to disclosure of political and psychological and communication technologies of influence on the masses. Criticism of apology of “color revolutions” is made.

Keywords: information war, political, psychological and communication technologies, culture, “colour revolutions”.

Уже не первый год стали крылатыми слова «Россия сосредотачивается». Эти слова лидера страны пробудили широкий спектр надежд. В чём их смысл и каковы возможности нашего общества для сосредоточения в условиях информационной войны? Идея оружия требует логического определения. Положим, что оружие есть инструмент пресечения инициативности субъекта, который определён как враг. Если это положение принять за основу логики военного дела, то врагу вовсе не обязательно сообщать, что он враг. Побудить врага думать, что он «партнёр» – это тоже инструмент пресечения его военных инициатив. Конечной целью военного дела по отношению к врагу является его исчезновение (уничтожение). Вопрос о сроках – это вопрос стратегии и тактики. Если есть способы сделать детей врагов влюблёнными в «заокеанскую» цивилизацию, то можно подождать, пока их родители просто вымрут. И лишь исподволь готовить для памяти о родителях имидж отвратительных, низменных, смешных, безобразных – чтобы взрослым детям через 40 лет стыдно было признаваться, - откуда они родом. Война по такой стратегии является уже не «культурной» и не «информационной», она – психоделическая. Чтобы дети стыдились памяти о родителях. Главный инструмент психоделической войны – это эстетика. Все остальные виды оружия стоит засекретить. Оружие, бесспорно, всем нам надо. Но какое важнее?

Психоделическим технологиям можно противопоставить только сокровенное, невыразимое, потаённое, совершенно проникновенное переживание несомненности беспредельной нравственной высоты отечественной культуры. Любые иные попытки «воевать» на фронте информационной войны будут всегда использоваться «гуманитарного» манипулирования как материал для извращения. И чем выше будет качество выставленного «напоказ» нашего благородства – тем выше будет эффект враждебной технологии осквернения святынь. Они создали инструменты осквернения любых святынь. Поэтому мера ценности святыни до осквернения поднимает показатель эффективности осквернения. А ничем, кроме осквернения чужих святынь вестернизаторы никогда не занимались, не занимаются и заниматься не будут. В том смысл и оправдание их бытия перед лицом породившего их международного бюрократического клана самовластительных злодеев любой масти.

«Достать» сокровенные центры интересов международного бюрократического клана самовластительных злодеев можно прежде всего игнорированием их «внимания» и интересов, но для этого требуется, чтобы от них отвернулось всё «общество игрек», например общественность всей России. Чтобы отвернуться от чужих соблазнов, требуется вспомнить о том, что было и будет смыслом бытия каждой семьи, каждого рода. Вестернизаторы навязывают целый букет смыслов и у всех яркие фантики внешней привлекательности. Смыслом бытия отечественной культуры уже тысячу лет является сокровенная одарённость. И образ «Иванушки-дурачка» подчёркивает ценность отторжения показухи умничающих зазнаек уже более тысячи лет. Для христианской религиозной идеологии не будет никакого ущерба, если в центр половины проповедей поставить заботу о словах Христа об участии рабов, которая ждёт всех тех, кто закопает талант в землю, слова о том, что талант этот дан всем

без исключения. Для мусульман Христос – святой Исса. Следовательно, для них вполне приемлема забота о талантливости детей. Важно, что подчёркивается справедливость Творца, который всем дал по таланту и никого не обделил. На таком фоне превратить людей в экстремистов религиозного или политического толка – идеологически невозможно. От самих священников народ также ждёт талантливых проповедей, заботы о человечности и сердечности, а не заунывных ритуалов в стиле Средних веков. После христианской и исламской идеологии в России широко распространилась социал-демократическая версия строительства доброго и светлого будущего. Важно, что смысл социализма изначально был связан с Просвещением, требованием профессионализма.

В работах Маркса, Энгельса, Ленина много идей по поводу неизбежности и необходимости культивирования талантливости. Это обусловлено тем, что в основе мировоззрения социалистов всегда был гносеологический оптимизм, они не сомневались в том, что талантливость и гениальность познаваемы, что их секрет неизбежно будет раскрыт. То, как изображают идею социализма его враги, мягко говоря, не похоже на то, как он являл себя сам. Капиталистическая эпоха представлялась социалистам как «школа профессионализма». Поэтому перед педагогами и психологами СССР ставилась задача открыть как можно больше эффективных способов развивать способности детей и юношества.

И стоит подчеркнуть, что «тайна» одарённости, способы определения бездарности в одном отношении, - в отношении культуры мысли, - уже «переоткрывают» третий раз. 1-й, - это сотни трудов философской классики, 2-й – это история психологии и педагогики СССР, 3-й – это десятки лет модернизации тестов на креативность и исследования одарённости как таковой на всей планете. Обыватель твердит, что «будущее непознаваемо», что «одним дано, а иным не дано». Он – реальный враг, - как христианства, так и ислама, как либерализма, так и социализма. Мобилизации предполагает знание своих собственных ресурсов. Но главный ресурс – это культура мышления, – она даст технологии и людей, которые обеспечат создание и внедрение оных. Следовательно, мобилизация всех ресурсов страны есть начало использования великих открытий образовательных, учебных и воспитательных технологий XX века. Эти открытия стали классикой и историей отечественных гуманитарных наук, они признаны профессионалами всей планеты. Но подавляющее количество отечественных администраторов из числа власть имущих ничего не знает об этом, осознанно избегает углубляться в историю отечественных наук о человеке, что однозначно указывает на причины, по которым эти администраторы оказались у власти. Их на эти должности усадили резиденты враждебных нашей цивилизации спецслужб. Прослойка населения, заинтересованных в том, чтобы администратором в нашей стране был невежда, - просто нет. Вопрос Шерлока Холмса: «Кому это выгодно», - не оставляет логику иного. Третьего не дано. Враждебным спецслужбам гораздо интереснее и удобнее, чтобы невежественный руководитель даже не догадывался о том, как он сумел «войти во власть». Он себе выдумает и оправдания и обоснования. Отдельные

случаи самопроизвольного попадания невежд и самодуров на высшие посты – лишь дополняют общую картину оккупации статусных должностей акцентуированными личностями.

Мобилизация отечественных технологий для обновления работы с кадрами автоматически означает уход невежд и акцентуированных самодуров из структуры власти. Иначе мобилизация не состоится.

И спецслужбы враждебных политических систем приложат огромные усилия для того, чтобы невежды у власти задержались как можно дольше, чтобы память о смысле написания дипломов никто не осмелился глубоко и достоверно проверить именно у невежд в руководящих креслах. Благодаря кадровому застою всегда удавалось гарантировать как технологическое отставание, так и массив компромата для создания жутковатого, неприятного, постыдного имиджа для касты чиновников врага, который думает, что он «партизёр». Эта технология в годы украинского кризиса благодаря просчётам творцов «цветных революций» являлась во всей своей обнажённости. Инициаторы экспорта революций, - именно они, по словам российского президента – похоже что «возомнили себя гениями», - «превзошли» русофобов XX века. Эти интеллектуальные самодуры сами – не русофобы. Основной инструмент их работы – технологии распространения эстетического отвращения к России, русским, СССР, истории России и СССР «Доказательства», «объективность», «правда», - это эпитеты из их эстетической системы, которые связаны только с фиксацией на образах из России всего низменного, безобразного, комически отталкивающего, омерзительного. «Бездоказательность», «испорченный вкус», «ложь» - это автоматическая диагностика любых попыток разглядеть в России хоть что-то возвышенное, прекрасное, благородное. Это не фобия. Это эстетика. Навязчивые неврозы распространяют влюблённость в Америку и высокомерно-эстетское отвращение к России. Работа СМИ Украины – достаточная иллюстрация этой технологии. Если в центре холодной войны стоял «моральный» пафос и СССР клеймили как «империю зла», то в центр психоделической войны ставится не этические, а эстетические манипуляции массовым сознанием. Это дешевле, и это даёт эффект быстрее. Любая экономия сводится к экономии времени, а технологии, - единственное средство, которое позволяет делать всё в 10 и в 100 раз быстрее.

Технология – это итог внедрения научных открытий в практику работы; благодаря этому внедрению могут ускориться все типы прогресса: технического, интеллектуального, нравственного. Уже опубликован ряд статей о том, как именно модернизировать тесты на креативность, чтобы создать кадровую политику повышенного уровня эффективности (КППУ). Эта технология позволит менее чем за пару лет освободить креативных людей от засилья интеллектуальных самодуров любого происхождения. Это и был бы магистральный сюжет сосредоточения нации. Когда интеллектуалы бывали востребованы обществом, - эффект в истории известен. Между 1700 и 1725 гг. экономика России выросла более чем в 50 раз. Между 1923 и 1929 гг. экономика СССР выросла более чем в 5 раз. Агенты информационной и психоделической войн вывели эти факты из учебников и СМИ, так как знают опасность уважения к

своей Родине для тех сил, которые планируют вывозить отсюда всю креативную молодую генерацию населения и превращать её в слуг своих стран. Воспитывают уважение к «конкурентоспособности». Но что это за качество, - разве оно важно для того, кто талантлив? Кто создаёт нетленные шедевры, - тот вне конкуренции. Гносеологический оптимизм осмеян, вытравлен, талантливость объявлена непознаваемой и недостижимой. Интеллектуалы и только интеллектуалы могут возродить понимание того, что все дети – талантливы и что «Бог всем дал по таланту».

Пусть первое время не удастся возродить ту высоту юридически-правовой культуры цивилизации 1960–1980-х гг., когда всё население выходило из дома без оружия и дома не держали оружия. Когда унижение безработицей и безденежьем было таким же «ужасником», как сказки о людоедах – «бармалехах». Когда в каждом трудовом коллективе критика руководства не только звучала ежемесячно, но и вела к исправлению критикуемого. Когда оплату коммуналки можно было делать раз в год и не тратить время жизни на мысли о деньгах. Когда цены 30 лет почти не менялись на всём пространстве огромной цивилизации. Когда цензурная речь на улицах не звучала, и массовой наркомании не было вообще.

Это была та высота юридически правовых и человеческих отношений, которая осталась неизвестной и недоступной населению западных стран.

Поэтому народ констатирует переход от народовластия к «демократии» в 1991–1993 гг. как факт деградации и падения. Экономическая свобода подразумевает, что инициаторов никто не будет притеснять и итогом своего проекта – прибылью, - он сможет счастливо распорядиться и будет защищён. Как это и было в годы НЭПа и плана ГОЭЛРО. Возрождение народовластия на основе кадровой политики повышенного уровня эффективности и возрождение экономической свободы – в этом смысл мобилизации и сосредоточения всех сил России. Но могут ли что-то иные народы?

Современные технологии по сравнению с сомнительными авантюрами экспорта революций предлагают в тысячи раз более заманчивые результаты благодаря внедрению достижений наук в практику работы. На таком фоне вполне резонно прогнозировать очередную революцию менеджеров в развитых странах. Для спасения народов Запада требуется обновить кадровую политику теми же методами, о которых речь шла выше – через модернизацию тестов на креативность. КППУ вполне может стать платформой для новой революции менеджеров на Западе. Соответственно – модернизация тестов на креативность окажется основным инструментом отказа от информационных и психоделических войн. Информационная и психоделическая войны порождены бездарными самодурами и тиражируют таковых. А кадровая политика повышенного уровня эффективности это оружие людей, освобождающих от бездарности. Общество, которое мы создаём, вполне может быть лучше, чем советский строй даже в самых добрых его проявлениях.

Баранов А.В.

КОНФЛИКТНОСТЬ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НОВОРОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ

В статье раскрыты противоречия украинской идентичности, выявлены основания ее социально-групповой и территориальной фрагментации на материалах анкетных опросов. Определены ресурсы конструирования идентичности Новороссии.

Ключевые слова: украинская идентичность, идентичность Новороссии, конфликт, конструирование, индикаторы.

The article reveals the contradictions of Ukrainian identity, the basis of its social-group' and the territorial fragmentation on the materials of questionnaires. The resources of identity construction of Novorussia are established.

Keywords: Ukrainian identity, the identity of the Novorussia, the conflict, the construction of indicators.

В Украине устойчиво проявляются идентификационные размежевания, вызванные отсутствием исторических оснований государственного единства. Неудача конструирования национальной идентичности на этнократической основе стала весомым фактором дезинтеграции украинского государства в ходе кризиса и гражданской войны 2013–2015 гг.

Цель тезисов – установить, какие индикаторы общественного мнения выражают конфликтность украинской идентичности и тенденции конструирования конкурирующих проектов, в частности, идентичности Новороссии. Эмпирическая основа работы включает статистику переписи населения 2001 г. и голосований на выборах в Украине, опубликованные итоги анкетных опросов.

Прочная украинская идентичность и в государственном, и в этнокультурном смыслах не сформирована. Вряд ли она может быть закреплена на основе ориентаций, присущих только Западу страны. По итогам анкетного опроса 2002 г., 37% респондентов на первое место ставили региональную, а не общенациональную идентичность [1, с. 134]. В другом опросе 2002 г. с более дробной шкалой ответов считали себя, прежде всего, гражданами Украины 41,0%; жителями своей местности – 31,6%; гражданином СССР – 12,7%; жителями региона – 5,9%; представителями своего народа – 3,0%; «гражданином мира» – 2,7% [2, т. 2, с. 343]. Данные долгосрочные факторы делают Украину «глубоко расколотым» обществом.

Преобладающий фактор расколов идентичности – языковой. Украинское общество расколото примерно по приверженности государственному языку в повседневном общении. По анкетному опросу 2004 г. (Киевский международный институт социологии), в семье 45% жителей страны говорит по-украински, 10% - на обоих языках, 45% - на русском [3, с. 89]. В западных областях считают украинский язык родным практически все респонденты (свыше 95%); в центральных областях и Киеве – половина опрошенных; на Востоке и Юге предпочитают русский язык.

Важный аспект – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – лишь бытовой (язык национальных меньшинств) 74,5% жителей западных областей; 44,3% - центральных; 17,7% - восточных и 14% - южан (по данным Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [4, с. 219]. С государственным статусом обоих языков соглашались 53,3% южан, 55,3% жителей восточных областей, 30,2% в центральных областях и 7,9% - в западных. Судя по опросу 2006 г., во всей Украине поддерживали статус русского языка как второго государственного 56,2% респондентов; против выступали 35,9% [1, с. 134]. Судя по анкетному опросу, проведенному Центром региональных исследований и стратегий, на юге Украины весной 2011 г. доля считающих родным языком русский достигал 95-97%, а выступали за русский язык в роли регионального 43%, второго государственного – 41% респондентов [5].

Эскалация конфликта идентичностей отчетливо началась с лета 2012 г. в связи с принятием закона Украины о региональных языках. Опрос Центра им. А. Разумкова (27 июля – 9 августа 2012 г.) во всех регионах (репрезентативная выборка 10979 чел. старше 18 лет, погрешность 1%) выявил различия идеологических и партийных ориентаций. На Западе доминировала националистическая приверженность (29%). В Центре – равенство националистической (15%) и социал-демократической (13%) приверженности. На Юге и Востоке преобладала поддержка союза с Россией (14%) и коммунистических идей (8-9%). Среди сторонников Партии регионов – наибольший уровень желающих воссоединения с Россией (22%) [6, с. 60-61].

Киевский международный институт социологии накануне падения власти В.Ф. Януковича и Партии регионов провел опрос 8-18 февраля 2014 г. (выборка 2032 чел. старше 18 лет во всех областях Украины и Крыму, погрешность не более 2,2%). 30% в качестве основной причины конфликта указали «влияние Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». Но мнения резко дифференцированы по регионам: на Востоке и Юге так считали 57% и 44%, в Центре и на Западе – 17% и 5%. Наибольший удельный вес тех, кто симпатизировал участникам «Евромайдана», в Западном (80%) и Центральном регионах (51%). На Юге 20% симпатизировало участникам силового давления на власть. Меньше всего их в Восточном регионе – 8% [7].

Представляет большой интерес анкетный опрос, проведенный в июне 2011 г. Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в Николаевской, Одесской и Херсонской областях, Автономной Республике Крым (АРК) (гнездовая пропорциональная выборка 2500 чел., погрешность 3%). Гражданами Украины, в первую очередь, считали себя 46% респондентов, своего города или местности – 31%, области или группы областей – 10%, гражданином СССР – 9%. Но данный баланс сильно различался по 4 регионам: в АРК и на Херсонщине гражданами Украины считали себя 37-38%, а в Николаевщине – 66%. Очевидна зависимость распределений от этнической идентичности. Считали себя русскими 62% крымчан, 24% жителей Одесской обла-

сти, 18% херсонцев и 14% жителей Николаевской области. Причём гражданская идентичность преобладала у 68% украинцев и лишь у 26% русских в 4 регионах. Установлена прямо пропорциональная зависимость между уровнем приверженности Украине и поддержкой прозападной геополитической ориентации [8, с. 272-273, 282-283].

Анкетный опрос 10-15 апреля 2014 г., проведенный Киевским международным институтом социологии в 8 областях Юга и Востока страны (выборка 3232 чел., погрешность 1,8%), доказал резкое размежевание внутри макрорегиона [9]. Отчетливо выделяются Донецкая и Луганская области, где в 1,5-2 раза была ниже признанию легитимности захватившего власть 22 февраля режима. Респонденты из этих областей видели решение проблем в федерализации Украины и тесном сотрудничестве с Россией. От 58,1 до 62,9% жителей Донбасса поддерживали воссоединение Крыма с РФ (в целом по Югу и Востоку был характерен паритет: за реинтеграцию 43,0 при 44,3% против). Если в целом в 8 областях Юга и Востока считали «Евромайдан» оправданным протестом 41,7%, то в Донецкой и Луганской областях – соответственно, 20 и 26,8%. Далее по нарастанию поддержки «Евромайдана» последовательность такова: в Запорожской области – 43,7%, Харьковской – 47,5%, Одесской – 50,1%, Днепропетровской – 54,5%, Николаевской – 60,3% и Херсонской – 61,9% [9]. Донбасс отчетливо выделялся неприятием нового режима. Небольшой перевес прозападных ориентаций выражен в Запорожской, Харьковской и Одесской областях. Отчетливо преобладала поддержка нового режима в Днепропетровской, Николаевской и Херсонской областях.

Данные тенденции проявлялись и по иным индикаторам идентичности в опросе 10-15 апреля 2014 г. Так, считали для себя главной угрозой «вторжение России» 6,4% респондентов в Донецкой области, 10,7% - в Луганской и, на контрасте, 36,2% - в Николаевской и 42,7% - в Херсонской областях [9]. Именно в Донецкой и Луганской областях – наивысший процент опрошенных, которые считали, что «Россия справедливо защищает интересы русскоязычных граждан на Юго-Востоке». Эти регионы резко выделялись поддержкой гипотетического ввода российских войск, экономических и политических ориентаций на Россию, а не на Евросоюз и США. Только в Донбассе потенциальная угроза со стороны киевского режима оценивалась как более весомая, чем со стороны РФ. Индикаторы позиционирования сообществ Донбасса носят отчетливый антиолигархический характер.

Сделаем выводы. Украина – «глубоко расколотое» общество. Отсутствует устойчивая национальная идентичность большинства граждан. Устойчиво проявляются долгосрочные социокультурные размежевания: центр – периферия (с преобладанием локальной идентичности), город – село, религиозность – секулярность, русскоязычные – украиноязычные территории. Пространственное распределение расколов совпадает, усиливая их конфликтогенный потенциал. Общепринятое в научной литературе идентификационное деление Украины на отчетливо выраженные Запад, Центр, Юг и Восток не вполне соответствует реальности. Речь должна идти о центрах («ядрах» ареалов) и об их перифериях, переходных от одного ареала к другому [10]. Ярко выражены этно-

культурные лакуны, индикаторы идентичности в них значительно отличаются от окружающего ареала (Закарпатье, Киев).

Политический кризис 2013–2014 гг. сделал необратимым рост русской этнической и российской государственной идентичности в Республике Крым и г. Севастополе. Более сложные процессы идут в Донбассе вследствие гражданской войны. Вероятно критическое ослабление украинской идентичности и рост региональной – новороссийской, если эти процессы не будут прерваны этноцидом и депортациями со стороны киевского режима. В остальных 6 областях Юга и Востока отчетливо выражен конфликт субкультур, но режим владеет инициативой в конструировании идентичностей. Наибольшая приверженность этнонациональной украинской идентичности проявляется в Херсонской, Николаевской и Днепропетровской областях, относительно меньшая (по убыванию) – в Запорожской, Одесской и Харьковской областях. Это создает значительные исходные препятствия для конструирования идентичности Новороссии как единого исторического и политико-культурного пространства. Нарастает размежевание областей Украины по индикаторам выбора между европейской и евразийской интеграцией, отношения к государственному перевороту.

Литература

1. Попов Э.А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 134.
2. Кремень В.Г., Табачник Д.В., Ткаченко В.М. Україна: проблеми самоорганізації. Київ, 2003. Т. 2. С. 343.
3. Марков С.А. «Оранжевая революция» - пример революции глобального сообщества // «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005. С. 89.
4. Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь, 2005. С. 219.
5. Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! Режим доступа: <http://www.km.ru/ukraine/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/> (дата обращения: 06.07.2011).
6. Інформаційно-аналітичні матеріали «Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (робоча версія): до круглого столу на тему «Україна напередодні парламентських виборів: чи справдяться очікування громадян». 26 вересня 2012 р. Київ, 2012. С. 60-61.
7. Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине. Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine> (дата обращения: 06.03.2014).
8. Князева Е.В. Самоидентификации населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. Одесса, 2013. С. 272-273, 282-283.

9. Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014. Режим доступа: <http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598.html> (дата обращения: 11.05.2014).

10. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М., 2012.

Баранов А.В.

УЧЕБНИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК КАНАЛ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СООБЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ КРЫМА И КУБАНИ¹

Статья посвящена сравнению функций учебников региональной истории как канала конструирования региональной идентичности Крыма и Кубани. Сделаны рекомендации по совершенствованию государственной образовательной политики в данных регионах.

Ключевые слова: региональная история, идентичность сообщества, конструирование, канал, учебник истории, Крым, Кубань.

The article is devoted to the comparison of regional history textbooks' functions as a channel for the construction of the regional identity of the Crimea and Kuban. Made recommendations on improving the state's educational policy in this regions.

Keywords: regional history, the identity of the community, the construction, channel, a history textbook, the Crimea, Kuban region.

Для упрочения российской гражданской идентичности основой является система образования. На первый план выдвигается проблема содержания исторического образования, определения модальности оценки событий прошлого. Историческое образование в школе и вузе не должно, как это происходит во многом сейчас, раскалывать молодёжь и общество по идеологическому, этноязыковому либо религиозному признаку. На Форуме народов Юга России 23 января 2012 г. В.В. Путин подчеркнул необходимость выработать такое понимание единства исторического процесса, при котором каждый гражданин, представитель каждого народа чувствовал бы себя наследником «одной для всех» великой истории России [1].

В этом русле важно ориентировать педагогов на раскрытие сложного, противоречивого, но неуклонного становления российского полиэтничного

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем по теме № 3435 «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации, исследование проблем зарубежных северо-кавказских диаспор в аспекте обеспечения стабильности и безопасности России, анализ проблем этнокультурного и исторического образования, анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа».

общества, в которое внесли вклад все регионы, этнические группы, конфессии. Принципиальной должна стать установка: нет «титulyных» и «пришлых», «жертв истории» и «палачей», а есть сообщество равноправных граждан России, устремлённых в будущее, находящих в памяти о прошлом конструктивные идеи и ориентиры. Напротив, «национальная» история, проявляющаяся в системе образования регионов РФ после распада СССР, превращает историю в трагедию с коллективной ответственностью живущих поколений за прошлое, раскалывает полиэтничное общество [2, с. 101-102; 3, с. 128-166]. Формированию гражданской идентичности России препятствуют: этноцентризм, конфликтное восприятие болевых точек истории и их политизация. Это чревато эскалацией угроз сепаратизма. Прошлое не может быть предметом стыда и мести, а должно стать фундаментом российского самосознания, признания «единства в многообразии».

Позитивным выходом стал бы, по мнению Т.П. Хлыниной, проект «исторического забвения» или «счастливой памяти» [4, с. 104-105]. Проект исходит из необходимости изменения целей: изучение истории в школе извбавляет молодого человека от необходимости «ставить вопрос о вине родителей, вине предков и вине нации» [5, с. 51].

Федеральный закон № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» [6] ещё в 2007 г. отменил национально-региональный компонент государственного стандарта общего образования. Введенные федеральные государственные образовательные стандарты должны обеспечивать единство образовательного пространства России. Но на деле дисциплины регионального цикла продолжают сохранять значимое место в системе среднего образования. Наибольший интерес они вызывают со стороны учащихся «титulyных национальностей», у которых сильнее выражена религиозная и этническая идентичность.

Система образования в полиэтничном макрорегионе должна стать важным институтом воспитания толерантности и согласия. Региональная история должна рассматриваться как часть российской. Сохраняя свое значение, она включается во всемирную историю, изучаемую в контексте взаимодействия народов и культур и призванную способствовать формированию толерантности и «российскости». В школьном курсе истории требуется найти оптимальное сочетание общероссийских закономерностей, дающих представление о логике исторического процесса, а также региональных и локальных аспектов.

Решить эти проблемы, по предложению Е.Ф. Кричко [7, с. 82-97], могла бы гибкая и динамичная структура учебных курсов, включающая несколько уровней: мировой, национальный (всероссийский), региональный, локальный. Если содержание первых двух уровней представляет собой инвариантную часть, подлежащую аттестации как показатель выполнения учебным заведением федеральных стандартов, то два последних наполняются материалом в зависимости от места и типа учебного заведения, что обеспечивается системой подвижных «вкладышей».

Мы сравнили ряд учебников для средней и высшей школы по региональной истории, изданных в Краснодарском крае, Республике Крым и г. Севастополе [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Их общей чертой является установка: воспитывать гордость за свой регион, положительный образ его символов гордости и ключевых событий прошлого. И на Кубани, и в Крыму школьная история стала «полем битвы» между этнизированными концепциями прошлого. На Кубани таковы противоречия в трактовках казачье-горских отношений (Кавказской войны и мухаджирства XIX в.), конфликта казаков и русских «иногородних» в первой трети XX в., сепаратистской казачьей государственности времен Гражданской войны 1918–1922 гг. Для истории Крыма дискуссионными остаются проблемы взаимоотношений народов, Гражданской войны, коллаборационизма 1941–1944 гг., депортации 1944 г., оценки периода украинского правления 1992–2013 гг. В Крыму, по сути, сформировались изолированные и противоречащие друг другу русская [12, 13, 16], украинская [15] и крымскотатарская [14] версии школьной истории. И на Кубани, и в Крыму централизованное регулирование содержания и идеологической направленности учебников региональной истории было слабым, непоследовательным. В 1990-х гг. формирование исторической памяти происходило стихийно, складывалось определенное противопоставление истории России как «большой» Родины и Кубани как региона. «Казакцентризм» либо «адыгоцентризм», на наш взгляд, одинаково нежелательны в осмыслении истории Южной России.

Следует учитывать, что в российском Крыму конституционно закреплена трехязычие, действуют школы и классы с преподаванием на родных языках, а также активно развивается религиозное образование. В школах Краснодарского края доминирует русский язык, но рост миграционных процессов может привести к требованиям диаспор изучать историю на армянском, адыгейском и других языках этнических меньшинств. Попытка ряда участников украинских и казачьих объединений ввести местные наречия - «кубанську мову» в программу средней школы не нашла поддержки ни родительской обществу, ни органов власти.

Напротив, в условиях воссоединения Крыма и России, нарастающего понимания цивилизационной самостоятельности России необходимо сделать упор в программах среднего и высшего образования на доказательства социокультурного, политического, экономического единства нашей общей Родины. Применительно к Кубани и Крыму созидательна идея Новороссии, частью которой оба региона стали в 1783 г. и развивались как единый общественный организм вплоть до 1917 г., а позже, пусть деформированно, – и в рамках Советского государства.

Необходимы меры политики формирования российской идентичности в сфере исторического образования:

1. Департаменты и отделы образования и науки могут предложить учреждениям общего образования изменения в содержании регионального компонента образования. Дисциплины регионального цикла должны толерантно излагать сведения о культуре и истории этнических групп и конфессий, существующих в том или ином субъекте федерации. Следует организовать курсы

повышения квалификации преподавателей средних школ и вузов; провести «круглые столы» педагогов, сотрудников структур управления образованием и профессиональных политологов с обсуждением учебных программ и учебно-методической литературы; обеспечить независимую экспертизу школьных программ и учебников в федеральном научно-педагогическом сообществе. Учебные издания, содержащие доказанные этнологической и религиоведческой экспертизой конфликтогенные тезисы, должны исправляться, а при отказе авторов – не допускаться к использованию в учебном процессе.

Необходимо учесть в учебных программах регионального цикла дисциплин предложения центров национальных культур, привлекать их представителей к ведению учебных занятий и воспитательных мероприятий. Следует формировать прочные представления о гражданской идентичности всех россиян независимо от их этнического самосознания, языка, вероисповедания и иных культурно значимых отличий. Полезно разработать в структурах управления образованием учебные программы тренинга межкультурной коммуникации и профилактики этноконфессиональных конфликтов с акцентом на их внедрение в местах компактного проживания этнических меньшинств.

Требуется принять на уровне региональных и муниципальных органов власти программы целевой подготовки педагогов, в т.ч. – представителей этнических меньшинств. При необходимости программы могут становиться межрегиональными (на уровне федерального округа). Полезно провести конкурс на разработку учебно-методического пособия для учителей по профилю «Религиоведение». На наш взгляд, преподавать подобный курс должны светские педагоги, как правило, историки и обществоведы. В учебных программах и пособиях для средней школы должны быть отражены ценностно нейтральные сведения о всех распространенных в регионе конфессиях. Положительный опыт такого рода уже накоплен.

Следует обобщить на уровне полпредств Президента РФ по Крымскому и Южному федеральным округам и органов власти субъектов федерации положительный опыт преподавания по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания российского патриотизма, распространять достижения через электронные и текстовые СМИ.

Качественную специфику имеют задачи и механизмы формирования российской идентичности средствами высшего образования. Прежде всего, студенчество – социальная группа, уже прошедшая первичную социализацию и имеющая сложившиеся стереотипы этнической идентичности. Уровень высшего образования более специализирован в сравнении со средним. Реализация Болонской образовательной системы в России привела к тому, что обязательных гуманитарных дисциплин стало критически мало («Отечественная история», «Философия»). Выбор вариативных спецкурсов во многом зависит от исходного типа идентификаций студентов, от внешней привлекательности дисциплин по выбору. В данной связи неотложны следующие меры политики в сфере формирования российской идентичности:

- выделение бюджетных средств на курсы повышения квалификации преподавателей высшей школы – этнологов, религиоведов, регионоведов, историков, социологов, политологов, конфликтологов;

- оживление программ межвузовских обменов преподавателями и студентами. Программы потребуют конкурсного отбора независимыми экспертами, координации и целевого финансирования;

- повышение статуса учебных дисциплин «Этнология» и «Религиоведение», «Политология» и «Конфликтология», они должны войти в федеральный компонент гуманитарно-социальных дисциплин для бакалавров всех гуманитарных направлений. Преподавание этих дисциплин должно быть толерантным и учитывающим приоритеты интеграции России.

Ведущие профильные вузы могут взять на себя проведение повышения кадров государственных и муниципальных служащих, учителей средней и средней специальной школы, сотрудников правоохранительных органов. Данная деятельность может финансироваться из регионального бюджета.

Необходимо разработать и утвердить процедуры независимой научной экспертизы учебной и учебно-методической литературы регионального компонента, дабы не допускать пропаганду нетерпимости и тенденциозного изложения фактов. Эти процедуры должны проводиться признанными в обществе профессиональными учёными, быть «прозрачными» для научных и педагогических сообществ и СМИ; однотипными на уровнях муниципалитетов, субъектов федерации и федеральных округов.

Необходимо рецензировать учебники истории, обществознания, литературы, географии и переиздавать на государственные средства, рекомендовать к использованию в учебном процессе только те из них, которые формируют объективное отношение к историческому наследию России.

Литература

1. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин, прибывший с рабочей поездкой в Ставропольский край, принял участие в Форуме народов Юга России. Режим доступа: <http://archive.government.ru/special/docs/17843/> (дата обращения: 25.01. 2012).

2. Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006. С. 101-102.

3. Казенин К.О. Элементы Кавказа: земля, власть и идеология. М., 2012. С. 128-166.

4. Хлынина Т.П. Фактор общего прошлого и его возможности в развитии Южного макрорегиона // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февр. 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С. 97-110.

5. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума, 19-20 июня 2008 г. М., 2009. С. 51.

6. Федеральный закон РФ № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры Государственного образовательного стандарта». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc;base=LAW;n=140580> (дата обращения: 30.07.2013).

7. Кринко Е.Ф. Между любовью к «малой родине» и конструированием идентичности: учебники истории в республиках Северного Кавказа // Национально-патриотическое строительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 82-97.

8. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.

9. Трёхбратов Б.А. История Кубани: учеб. пособие. Краснодар, 2000.

10. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: Учеб. для высш. учеб. завед. / рук. авт. кол. В.Е. Щетнёв; авт. А.В. Баранов, Ю.А. Болдырев, А.В. Жинкин и др. Краснодар, 2004.

11. Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи. Учеб. пособие для 8 кл. общеобраз. учрежд. Майкоп, 2013.

12. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма (учеб. пособие). Симферополь, 2005.

13. Алтабаева Е.Б., Коваленко В.В. На черноморском перекрестке: Крым с древнейших времен до конца XVIII века. 4-е изд., перераб. и доп. Севастополь, 2014.

14. Ислам в истории и культуре Крыма: учеб. пособие. Симферополь, 2013.

15. Пометун Е.И., Гупан Н.Н. История Украины: 11 класс. Киев, 2013.

16. Дюличев В.П. Крым. История в очерках. XX век. Симферополь, 2005.

Беспалова Т.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА

В работе установлен интегративный и деструктивный потенциал трансформации государственного патриотизма в России. Дана авторская оценка трансформаций патриотизма в современной государственной политике.

Ключевые слова: государственный патриотизм, интегративный и деструктивный потенциал, трансформация.

In this text integrative and destructive potentials of transformation of state patriotism in Russia are determined. Author's evaluation of transformation of patriotism in contemporary state policy is realized.

Keywords: state patriotism, integrative and destructive potential, transformation.

Проблема формирования патриотизма в современной России имеет множество контекстов, один из которых связан с возрождением и конструированием патриотической памяти нашего народа. Длительное отрицание русской

идентичности и ценности патриотизма, их инструментальное использование в управляемой протестной деятельности современной России привело к противоборству смыслов. В период трансформации российского общества мы столкнулись с борьбой политических сил, которые по-разному представляют будущее России (федерация, империя и пр.). Эти политические проекты обусловлены встроенностью принципа патриотизма в определённые идейно-политические конструкции и его подчинением приоритетным идеологическим ценностям (либеральным, евразийским, коммунистическим и пр.).

Теоретико-методологический поиск интеграционных оснований идентичности российского общества переходного периода включает стратегии определения, во-первых, приоритетного типа идентичности, во-вторых, социокультурных форм конструирования доминирующей идентичности (гражданской, национальной, конфессиональной, патриотической и т.п.), в-третьих, социально-политических технологий разрешения конфликтов этнонациональных интересов и ценностей [1].

3 момента, на наш взгляд, определяют специфику форм проявления организованной патриотической памяти:

1. Формирование востребованного государством («официального») патриотизма.
2. Правовое обоснование этого процесса.
3. Непосредственно сама реальность – патриотические практики и социокультурный запрос на определённое содержание патриотизма.

Если содержание официального патриотизма не совпадает с социокультурным запросом общества, то власть, формирующая его, рано или поздно будет устранена. Очевидно, что важным аспектом устойчивости и социальной эффективности любой управленческой системы является воспроизводство собственных патриотических практик. Становится объяснимой хрупкость политической системы в период трансформации общества, так как борьба политических сил предполагает столкновение различных образов отчизны.

Государственный («официальный») патриотизм в 2014 г. полностью изменил представления политической элиты о будущем России и актуализировал идею «русского мира». Реализация проекта «русский мир» началась раньше, чем появилась необходимость её философско-политологического обоснования.

Вызывает серьёзные опасения декларативное использование русской риторики в современном российском политическом пространстве без её адекватного идеологического обоснования и подкрепления политическим действием.

Идея «русского мира» облекается в разные формы, подвергается жёсткой критике, но очевидно одно – в условиях краха коллективной идентичности нашего общества, её рассеивания на мелкие псевдоидентичности (политическая, гендерная, семейная и пр.), затяжные «войны идентичностей» - действительно необходимо конструирование приоритетного типа коллективной идентичности.

Формирование приоритетного типа коллективной идентичности обусловлено возникшим ещё в 1990-е гг. запросом на «русскость» (победа В.В.

Жириновского на выборах 1993 г. была обеспечена русской риторикой и декларативной постановкой русского вопроса). Впервые в современной политической истории России русская тема стала легитимной (почти легальной).

Вызывает сомнение, что обозначение православной составляющей русскости будет действительно всерьёз воспринято современным российским обществом. Религиозная идентичность не может навязываться, это очень сложный тип идентификации человека, основанный на вере и здесь немислимо сконструировать «удобный» государству тип верования. Единственное, что можно осуществить в этом направлении – это донести до общества значимость православия для формирования российской государственности, его понимание не просто как основы национальной и духовной культуры русского народа, а прежде всего, как глубинный религиозный код русской цивилизации.

Особенно важными в период социокультурной трансформации общества становятся ритуалы, мифы и культы. «Новая» мифология связывается с русской идентичностью и востребована в ином качественном измерении. Русскость выступает, таким образом, и дискурсивным и презентативным символом одновременно. С одной стороны, возникают разработки идеи «русского мира», русской цивилизации, становятся востребованными ценности православного мировоззрения, а с другой стороны, различные картины-образы, раскрывающие разные смыслы русскости – «русская весна», «русское молчание», «русский Крым», «Новороссия как символ русского мира», «русское пространство» и т.д. Таким образом, создаются патриотические символы, возрождающие коллективную историческую память нашего народа.

Русское пространство, выступая одним из патриотических символов, не представляется без храмов, иначе теряется его русскость. Как только восприятие православия будет основано на реальных религиозных ощущениях, тогда русская цивилизация вернёт себе место в мировом пространстве, так как этот религиозно-культурный код является значимым не только для русского народа, но и для всех политических субъектов, воспринимающих русское политическое пространство за пределами России.

III Ставропольский Форум Всемирного Русского Народного Собора «Глобальные вызовы – русский ответ» легитимировал русскую тему в среде политической и научной элиты, актуализировал становление многополярного состояния мира, которое пока не стало фактором стабилизации сложных международных отношений. Проблема русского национализма получила парадоксальное звучание-через отрицание «малого русского национализма» к «большому национализму» в контексте евразийского проекта и концепции «русского мира». Формирование новой государственной идеологии связано с возрождением патриотической памяти народа, с обращением к уваровской формуле «Православие. Самодержавие. Народность» и концепции Филофея «Москва – третий Рим», к византийскому наследию и русскому патриотизму. На наш взгляд, требуется серьёзное философское обоснование концепции «русского мира» для достижения реальной, а не декларативной интеграции народа.

Социокультурные особенности формирования патриотизма всегда востребованы в период возрождения исторической памяти народа. По факту

наличия патриотизма все народы равны, в то время как, по специфике проявления наблюдается существенная разница. Например, американский патриотизм в большей степени опирается на англо-саксонскую протестантскую идентичность и формируется как гражданский, в то время как русский/российский патриотизм связан с православным мировоззрением, соборностью и проявляет себя в двух приоритетных, на наш взгляд, формах: народной и государственной.

Обозначение государствообразующего статуса русского народа может явиться интегративным символом для всех наций и народов, проживающих на территории РФ, на основе русской культуры, русского языка и служения великой России. Необходимо вернуть понятиям «русский» и «российский» синонимичность, отказаться от термина «россияне», ввести наиболее привычное «граждане России», вернуть графу «национальность» в паспорт – таким образом будет решена проблема соотношения «русского» и «российского» и будет преодолено противоречие между гражданской и этнокультурной трактовками российской идентичности.

В проекте Государственной Программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 годы» используются понятия «общность россиян», «российские граждане», «российский народ», что создаёт некую анонимность в определении субъекта национального возрождения. Формирование гражданского патриотизма не может быть национально безликим. Представляется научно не обоснованным и не корректным понятие «многонациональная и многоконфессиональная Россия». Необходимо обозначить в проекте программы социокультурную специфику патриотизма, ввести в оборот следующие системообразующие понятия: «духовно-политическое единство граждан России», «государствообразующая роль русского народа», «русская православная цивилизация», «русский язык», «русская культура» и пр. без отрицания необходимой государственной поддержки этнокультурного развития малочисленных народов и защиты прав национальных меньшинств. Иначе, размывание национальной идеи, её абстрактность проявит себя в деструктивных политических формах.

Представляется своевременным отказ от излишнего акцента на конструировании регионального патриотизма, региональной идентичности, образа «малой родины», так как без консолидирующей идеологии государственного патриотизма (нет такого понятия в проекте Программы) возрастает потенциал распространения сепаратистских тенденций. Интересы России сейчас в условиях информационной и экономической войны шире её государственных границ, это необходимо учесть, обозначая геополитический ресурс государственного патриотизма. Необходимо констатировать факт формирования на региональном уровне различного ценностного содержания патриотизма, что не способствует долгожданному единству российского народа. В таком контексте важным является осмысление категории «регионального патриотизма» в системе политического и государственного инжиниринга [2].

Государственная легализация и легитимация русской темы позволит избежать дальнейшей радикализации и маргинализации русской темы в полити-

ке. Требуется реальное решение проблем русских в Прибалтике, на Украине, в Казахстане и др., что создаст долгожданное интегративное пространство не только в России, но и на территории постсоветского пространства с народами ближнего зарубежья, с которыми нас объединяет не просто общее историческое прошлое, но и ментальная память.

«Русский мир» - это русская цивилизация, которая определяет вектор развития нашей государственности. Восприятие Родины в современный период развития российской государственности, несомненно, шире государственных границ РФ, так как оно связано с решением русского вопроса на территории всего постсоветского пространства (Прибалтика, Казахстан, Украина и др.).

«Русский мир» - это новый геополитический статус России, это возможность реализации глобального политического проекта, связанного с воссоединением разделённого русского народа. «Русский мир» как наднациональное мировоззрение должно выступить новой государственной идеологией, аксиологическим содержанием государственного патриотизма современной России.

Формы организованной патриотической памяти (мифы, ритуалы, культы, клятвы, символы и пр.) будут воспроизводить содержание собственных патриотических практик в новом идеологическом измерении, ориентируясь на привычный имперский тип российской государственности, коллективистские ценности, симфонию властей, державность, соборность и русский дух.

Литература

1. Беспалова Т.В. Социокультурная и политическая легитимация патриотизма в конфликтных условиях российского переходного общества. СПб., 2010. С. 39.
2. Заяц П.В. Осмысление категории «региональный патриотизм» в системе политического инжиниринга // Юристъ-правоведъ. Ростов н/Д, 2013. № 5. С. 35.

Бродский Ю.И.

РОССИЯ – ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК?: МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ГУМАНИТАРНЫЙ АНАЛИЗ

Автор проводит анализ философии истории России в аспекте цивилизационного выбора между Западом и Востоком. Предложен коэффициент терпимости/нетерпимости в межкультурных взаимодействиях. Сделан вывод о повышенной комплиментарности между культурами России и Китая.

Ключевые слова: Россия, Запад, Восток, математические модели, цивилизационный анализ.

The author analyzes the philosophy of Russian history in terms of civilizational choice between East and West. Proposed coefficient of tolerance / intolerance in intercultural interaction. It is concluded that increased complementarity between the cultures' values of Russia and China.

Keywords: Russia, West, East, mathematical models, civilizational analysis.

Положение, в котором оказалась Россия в XXI веке, очень напоминает XIII век. Стоит все тот же вопрос: куда идти – на Запад, или на Восток?

В XIII веке этот вопрос решал Александр Невский, и он выбрал Восток: «Надо крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Не все тогда думали так же, как князь Александр. Например, дружить с Западом против Востока хотели его брат князь Андрей, а также великий воин того времени – князь Даниил Галицкий [1]. И в наше время цивилизационный выбор Александра Невского оценивается по-разному: положительно традиционалистами [2] и отрицательно либералами [3]. Смысл отрицательных оценок примерно следующий: «Выбери князь Александр Запад – давно бы мы уже были Европой».

Последние лет 300 мы всё прорубаем окно в Европу где, судя по тому как последние четверть века идут переговоры о безвизовом режиме, нас не очень то и ждут. Сколь привлекал нас Запад – столь же, а может даже и больше пугал Восток. Степь была Дикой, Ордынская империя – игом, татарами еще относительно недавно пугали детей, а чеченцами и сейчас кое-кого пугают. С Турцией всю жизнь воевали, пока вдруг она не стала всероссийской здравницей. А как тревожит соседство с миллиардным Китаем!

Если посмотреть старые книги по истории, например, Мауро Орбини [4], М.В. Ломоносова [5], в них мы обнаружим память о том, что когда-то славяне жили на Западе по крайней мере до Эльбы, если не до Рейна. То же показывают и современные археологические раскопки на территории Германии, об этом пишут и научно-популярные издания [6]. Оказывается, длительное время на Западе славяне не выживают. Несмотря на то, что очень туда стремятся, начиная с великого воина Святослава, перенесшего вопреки просьбам матери свою столицу из Киева на Дунай. Стремятся – значит, что-то им там нравится, а Восток пугает. Но под Ордой мы худо-бедно, а выжили, а под Турцией выжили южные славяне, хотя и у них, и у нас об этих периодах нашей истории остались в фольклоре пренеприятнейшие воспоминания. Есть, правда, точка зрения [7], что эти плохие воспоминания несколько преувеличены, однако из фольклора слова не выкинешь. Как же может быть, что приятное может оказаться смертельным, а неприятное – по крайней мере не вредным?

Моделирование межкультурного взаимодействия с помощью уравнений конкуренции [8] иллюстрирует возможность подобной ситуации. Дело в том, что качественно поведение решения уравнений конкуренции зависит прежде всего от соотношений между собой конкуренции внутри культуры с ее конкуренцией с чужой культурой, названных [8] коэффициентами нетерпимости. Эти коэффициенты можно было бы также назвать двойными стандартами – они показывают во сколько раз конкуренция внутри самой культуры больше или меньше ее конкуренции с чужой культурой. Таким образом, одним из важных результатов работы [8] является утверждение, что неверно измерять одну культуру мерками другой – такое измерение неинформативно. Единственно верной мерой культуры является лишь она сама, т.е., конкурентное

давление, которое оказывает чужая культура, следует сравнивать с ее собственной внутренней конкуренцией и ни в коем случае не с конкуренцией внутри своей культуры.

Тем не менее, именно последним сравнением мы занимаемся постоянно, и это легко понять – конкурентное давление чужой культуры, что называется, дано нам в ощущениях, внутренняя конкуренция нашей культуры – это то, что известно нам с детства, а вот внутренняя конкуренция чужой культуры – есть предмет изучения (притом не всегда успешного) узкого круга специалистов. Особенно сложно, если в силу принципа рациональных ожиданий, впервые предложенного американским экономистом Дж. Мутом (John Fraser Muth) в 1961 г. [9], эти коэффициенты становятся управлениями сторон и меняются ими на «коротких временах» (а мы видим, что двойные стандарты – часто любимые управления в межгосударственных отношениях).

Таким образом, Запад вполне может привлекать своим более низким общим (с учетом коэффициента нетерпимости) конкурентным давлением, в то же время сам этот коэффициент может быть больше 1, что представляет опасность.

В то же время Восток, пугая своей брутальностью (абсолютной величиной конкурентного давления больше привычной), может иметь коэффициент нетерпимости меньший, что делает его неопасным. Это может проявляться некоторым снисхождением к чужим – типа «ну какой с них спрос!». Может ли такое быть? Приведем цитату из текущей прессы о чеченцах: «Чеченцы – простой народ, но умеют прощать. Чужих, не своих. Своего народ не даст простить, будут подкалывать постоянно: ты, мол, со своими врагами разберись, а потом голос подавай». – Владимир Кашлюнов, терский казак, глава Наурского района Чечни [10].

Далее интересно исследовать, почему могут возникнуть такие отношения между культурами. Для этого исследуются особенности поведения в интересующих нас культурах, а именно западной русской и китайской. Анализ опирающийся на работы [11; 12] показывает, что для западноевропейской культуры, ведущей преемство от Рима, характерны релятивизм, атомизм и стремление к локальной оптимизации. В этой связи интересны работы, посвященные коллективному поведению, проводившиеся в ИПУ РАН еще с советских времен [13, 14], которые утверждают, что именно такой тип поведения наименее защищен от манипуляций при определенных демократических процедурах. Для русской культуры важным является стремление к актуализированной истине [11], а для китайской [12] – к истине конструктивной, что определяет больший коллективизм последних двух культур и меньшую подверженность манипуляциям.

Как доказано нами [15, 16], образующие устойчивую структуру текущие представления об актуализированной истине в сочетании с вытекающим из них коллективизмом, достаточно сильно мешают локальной оптимизации, для которой более всего подходят атомизм и релятивизм. Этим может быть обусловлено давнее раздражение западной культуры против культуры российской

– право оптимизировать (конечно, внутри правового поля) там одно из основополагающих.

Что касается Востока – здесь нам не видится непримиримых противоречий. Наоборот, возможно, конструктивный китайский подход помог бы нам не принимать за актуализированную истину очередной мираж, а китайцам – иногда освещать их бесконечный путь – дао светом той самой истины.

Во всяком случае, если бы автор был Автором той имитационной модели, в которой мы все вместе находимся, он бы обязательно предусмотрел несколько сценариев встречи России с Китаем – они во многом предназначены для такой встречи – их культуры могли бы удачно дополнить друг друга.

Таким образом, мы подходим достаточно близко ко многим положениям работы [7], правда, с другой стороны.

Литература

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Кн. II, т. 3-4. 765 с.

2. Святой Александр Невский как полководец и дипломат // Доклад Митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира (Иким) на конференции «Александр Невский». МГИМО, 4 декабря 2007. М., 2007.

3. Янин В.Л. Александр Невский был грешником // Аргументы и факты. Стенограмма лекции, вышедшей в эфир 4 мая 2010 г. на телеканале «Культура» в рамках проекта ACADEMIA. http://www.aif.ru/society/history/valentin_yanin_aleksandr_nevskiy_byl_greshnikom

4. Орбини М. Книга Историография: початие имене, славы и расширения народа славянского. СПб., 1722. 346 с.

5. Ломоносов М.В. Древняя российская история. Харьков: Фолио, 2009. 224 с.

6. Задорнов М.Н. Князь Рюрик. Откуда пошла земля Русская. М.: Алгоритм, 2012. 240 с.

7. Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб.: Кристалл, 2002. 352 с.

8. Бродский Ю.И. Толерантность, нетерпимость, идентичность: простейшие математические модели взаимодействия культур. Saarbrücken, 2011. 68 с. <http://simul.ccas.ru/articles/Print.pdf>

9. Поселов И.Г. Принцип рациональных ожиданий: обзор концепций и примеры моделей. М.: ВЦ РАН, 2008. 79 с.

10. Асламова Д. Почему чеченцы теперь больше патриоты России, чем иные москвичи // Комсомольская правда. 2014. 22 окт.

11. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2007. 633 с.

12. Буланенко М.Е. Для всякой ли философии важна истина? Два взгляда на философию доханьского Китая // Россия и АТР. Владивосток. 2013. № 1. С. 105-121.

13. Борзенко В.И., Лезина З.М., Логинов А.К., Цодикова Я.Ю., Чеботарев П.Ю. Стратегии при голосовании в стохастической среде: эгоизм и коллективизм // Автоматика и телемеханика. 2006. № 2. С. 154-173.

14. Чеботарев П.Ю., Логинов А.К., Цодикова Я.Ю., Лезина З.М., Борзенко В.И. Анализ феноменов коллективизма и эгоизма в контексте общественного благосостояния // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. Кн. 3. С. 607-617.

15. Бродский Ю.И. Устойчивое развитие и кризисные явления в эволюции сложных систем // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов. 2009. Т. 24, № 1 (24). С. 103-137.

16. Бродский Ю.И. Простейшие математические модели взаимодействия культур: толерантность, нетерпимость, идентичность, миграция // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. С. 2805-2814.

Вакулова Т.В.

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДПОСЫЛОК УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

В работе коллективная память рассматривается как одна из основных причин Украинского кризиса, аргументируется конфронтационный характер исторической памяти.

Ключевые слова: коллективная память, роль, формирование, предпосылки, Украинский кризис.

In this work collective memory is regarded as one of the main causes of the Ukrainian crisis, argued confrontational type of historical memory.

Keywords: collective memory, the role, formation, background, Ukrainian crisis.

Тектонические сдвиги политической и исторической идентичности украинского общества, ужесточение конкуренции между политическими силами внутри государства, деструктивные воздействия извне на характер политической системы Украины придают теме особую как научную, так и практическую актуальность.

Коллективная память как один из характерных и структурирующих элементов социальной и социокультурной системы играет особую роль в кризисные моменты развития общества и государства.

Роль коллективной памяти определил в своих исследованиях французский философ и социолог М. Хальбвакс. Основная идея его работы «Социальные рамки памяти» (1925 г.) заключается в том, что память индивидов и групп социально детерминирована. М. Хальбвакс выдвинул гипотезу о том, что понятия исторической памяти и истории далеко не одно и то же, т.е., в обществе различные группы могут сохранять «свою» память, а также «по-своему» трактовать одни и те же исторические факты и события [1].

Существуют также различные способы передачи и сохранения исторической памяти. Это устная передача информации в сказках, легендах и преданиях. Позже это были книги, а в настоящее время основными источниками освещения исторических фактов стали СМИ, которые принадлежат различным субъектам общественного взаимодействия.

Сегодня СМИ не только формируют восприятие и отношение к опыту прошлого, но и конструируют наше восприятие исторических событий в политике, экономике, культуре и науке.

По мнению исследователей, особенности конструирования коллективной памяти у социокультурных групп современного общества, непосредственно связаны с единением как внутри, так и между современными обществами.

Однако исследователи также отмечают конфронтационный характер коллективной памяти у современных народов, который мешает их взаимопониманию и взаимодействию [2].

Современная наука определяет память как психическую функцию и вид умственной деятельности человека, предназначенную сохранять, накапливать и воспроизводить информацию. Память способна длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и использовать её в сфере сознания для организации деятельности. Категорию «коллективная память» стали применять, обозначая ею «комплекс разделяемых определенной группой или сообществом мифов, традиций, верований, представлений» [3].

Л.П. Репина считает, что историческая память – это не только канал передачи сведений о прошлом, но и «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» [4]. Однако очевидно, что именно конфронтационный характер коллективной памяти становится предпосылкой к системным кризисам.

На наш взгляд, именно важностью «конструктивной» функции исторической памяти объясняется растущий интерес к историческому прошлому. К сожалению, в современных обществах «идентификационная» и «конструктивная» функции исторической памяти разделяют социокультурные группы. Ярким примером является историческая память о Великой Отечественной войне и Победе советского народа над фашизмом. Противоположные точки зрения на эту тему привели украинское общество к конфликту идентичностей.

Коллективная память о Победе на протяжении долгих лет играла системообразующую роль на всем пространстве единого Советского Союза, а в период «украинской независимости» и особенно политического кризиса 2013–2015 гг. различные стороны конфликтного взаимодействия предприняли попытки по-разному представить историю, выстроить собственные мифологемы на основе истории. Мифологема – это и мифологический материал, и почва для образования нового материала. Мифологизация истории и конфронтационный характер коллективной памяти украинского общества разделили его до такой степени, что во время политического кризиса часть его откололась и

вышла из состава государства. Именно расколотая коллективная память стала важной предпосылкой к усилению кризиса, который коснулся всех сфер украинского общества.

Данные социологических опросов, проведенных Всероссийским центром исследований общественного мнения в 2015 г., показывают, что Победа рассматривается большинством россиян как важнейшая историческая дата, которая объединяет общество, число празднующих 9 Мая в России – 95% [5]. В Украине Победа рассматривается противоположно. Украинская власть долгое время активно использовала коллаборационистские символы, имена, призывы, пытаясь навязать ее всем регионам страны. Это привело к созданию мировоззренческого конфликта, который, в свою очередь, запустил социокультурные механизмы мобилизации различных частей общества, направленных друг против друга.

В результате действий противоборствующих сил в информационном пространстве Украины народ был разделен. За власть закрепился статус «бандеровской» или «фашистской» со стороны одной части общества и «новой власти» со стороны другой. Уничтожались места коллективной памяти – памятники, которые символизировали Победу над фашизмом, памятники В.И. Ленину, который внес особый вклад в дело становления советской Украины.

Стремительно «ожившая» коллективная память сильно повлияла на политическое поведение украинцев. Для одних из них «фашистский» характер режима на Украине легитимизировал референдум 16 марта 2014 г., а для других, наоборот, непризнание законности воссоединения Крыма и России, выхода Крыма из состава Украины.

Праздник День Победы на Украине заменили Днем Скорби. Львовский горсовет принял решение о запрете использования коммунистической символики. Депутаты Ивано-Франковского облсовета запретили красные флаги, георгиевские ленточки и советские боевые награды, традиционный салют и праздничную иллюминацию 9 Мая в пределах города. Налицо пример разрушения исторической памяти, пример конфронтационного характера коллективной памяти.

Украинская трактовка причин Второй мировой войны связывается с пактом Молотова-Риббентропа, при этом не вспоминается Мюнхенское соглашение, а вся ответственность за возникновение фашизма в Германии с Европы снимается, и возлагается на СССР во главе с И.В. Сталиным [6].

Конфликт в Донбассе также по-разному трактуется в Украине. Президент этой страны П. Порошенко назвал его «Отечественной войной 2014–2015 годов», отметив, что «мы отмечаем 9 мая с почетом и уважением к ветеранам, которые дожили до 70-й годовщины Победы во Второй мировой войне, а также ветеранов нашей Отечественной войны 2014–2015 годов, потому что это – единственная Отечественная война, где мы защищаем нашу Родину от агрессора» [7].

СМИ в западной и центральной частях Украины активно проводят конструирование коллективной памяти путем сопоставления деятельности И.В. Сталина и А. Гитлера с внешней и внутренней политикой Президента России

В.В. Путина, формируя негативное отношение к русским и России. Порошенко сравнивал Донецк с Судетской областью, а Крым – с Австрией [8].

Конфронтационный характер политики идентичности на Украине сегодня связан с идеей о том, что Донецкая и Луганская народные республики борются не против нацизма, как в годы Великой Отечественной войны, а против украинцев [9].

Конфронтация различных интерпретаций общего исторического процесса свидетельствует о расколе прежде единого социокультурного пространства, о сформировавшемся распаде исторической памяти, которые привели к контрастным представлениям об экономическом и политическом будущем Украины.

Следует отметить, что существует несколько интерпретаций коллективной памяти. Одна из них представляет собой первоначальную форму коммеморации, сложившуюся в «брежневский период», а современные киевский и донецкий варианты коллективной памяти конструируются из интерпретаций периода «лихих» 1990-х гг. (Коммеморация – это процесс сохранения памяти через актуализацию событий, образов и персоналий прошлого в контексте современных воззрений и потребностей).

История как наука стремится к универсальности, и при всех делениях на национальные истории или истории по периодам она едина, но неизбежно существуют несколько вариантов коллективной памяти.

Это определяется одновременным существованием многих групп, и в жизни человек оказывается связанным не с одной, а многими из них. «У каждой из этих групп, – пишет М. Хальбвак, – своя история. Рассматривая свое прошлое, группа осознает свою самотождественность во временном измерении, стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют материю ее мысли». Следовательно, Хальбвак высказал действительно глубокую идею об исторической памяти как важнейшем факторе самоидентификации социальной или любой другой группы.

Наиболее спорным положением теории М. Хальбвакса является противопоставление истории и памяти. Ряд авторов: Й. Рюзен, П. Берк, Л.П. Репина и др. считают, что история как продукт профессионального историописания можно считать частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к «новому мифостроительству», будучи вовлеченными в современную им культуру.

В своем исследовании «Конфронтационная коллективная память на Кавказе: как преодолеть проклятие прошлого?» Э. Исмаилов и Р. Карагезов подчеркивают, что «едва ли не каждая этническая группа региона имеет свой традиционный «набор» коллективных историй, как правило, направленных против соседей». Авторы выделяют две причины конфронтационного характера коллективной памяти. Первая – социально-психологическая, она связана с такими закономерностями развития социальной идентичности, как явления ингруппового фаворитизма (предпочтения своей группы) и аутгруппового очернения (дискредитации чужой группы). Исключительно разнообразный этнический, лингвистический, культурно-религиозный состав народов Кавказа

делает особенно выпуклым эти свойства развития групповой идентичности, проявляющиеся и на уровне легенд, преданий, рассказов «о себе и о других».

Вторая причина коренится в истории края. Сложная, драматическая история Кавказа на протяжении многих веков является объектом притязаний со стороны различных геополитических сил, которые, преследуя свои цели, всеми способами стремятся заручиться поддержкой проживающих в регионе тех или иных этнических или религиозных групп путем противопоставления одних народов другим [10].

Эти причины в равной степени можно отнести к Украине при объяснении причин конфронтующего характера коллективной памяти и предпосылок системного кризиса. Очевидны явления ингруппового фаворитизма (предпочтения своей группы, которое проявляется, например, в лозунге «Украина для украинцев») и аутгруппового очернения (дискредитации другой группы). Разнообразный этнический, лингвистический, культурно-религиозный состав населения Украины делает особенно болезненным процесс конструирования коллективной памяти, развития групповой идентичности, проявляющиеся в его конфронтующем характере. Как пишет М. Биллиг: «Исторически мифы о нации имеют тенденцию развиваться по мере ее создания в противопоставлении к другим нациям» [11], что может приводить к конфликтам и кризисам.

Литература

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
2. Де Ваал Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: Текст, 2005. 416 с.
3. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
4. Там же. С. 23-24.
5. Коллективная память о Победе в Великой Отечественной войне под влиянием украинского кризиса. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/373078>
6. Макаревич А. Чтобы помнили. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R8UHuhXPEzI>
7. Украинский президент назвал конфликт в Донбассе Отечественной войной. Информационное агентство «Новороссия». URL: <http://novorossia.su/ru/node/18141>
8. Порошенко сравнил Донбасс с Судетами, а аннексию Крыма – с аншлюсом Австрии. URL: http://zn.ua/POLITICS/poroshenko-sravnil-donbass-s-sudetami-a-krym-s-anshlyusom-avstrii-175453_.html
9. Плотницкий обратился к жителям ЛНР в преддверии Дня Победы. Информационное агентство «Новороссия». URL: <http://novorossia.su/ru/node/18429>
10. Чиковани Н. Единый Кавказ: исторически обусловленная реальность или политические иллюзии? // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2005. № 5 (41). С. 56-68.
11. Billig M. Banal Nationalism. London: Sage, 1995. P. 190.

Валяровский Ф.И.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

В статье раскрыты актуальные проблемы международно-правового регулирования мирового порядка в условиях глобализации. Предпринята критика однополярной системы международных отношений, определены ее противоречия.

Ключевые слова: международное право, новый мировой порядок, однополярная международная система.

The article deals with topical issues of international legal regulation of the global order in the context of globalization. An unipolar system of international relations is criticized, determined its contradictions.

Keywords: international law, a new world order, unipolar international system.

В условиях новых вызовов права в глобальном мире уместно обсудить, какой должна быть правовая политика, способная, с одной стороны, обеспечить принцип верховенства права, а с другой – свести к минимуму те угрозы для безопасности людей, которые связаны с развитием глобализационных процессов. Речь должна идти о правовой политике в системе глобальных отношений, т.е. о политике, субъектом которой выступает все международное сообщество.

Современное международное право представляет совокупность юридических норм и принципов, регулирующих весь спектр общественных отношений, возникающих в процессе функционирования единой межгосударственной системы, основными элементами которой, как известно, являются суверенные государства, международные межправительственные организации, нации и народы, борющиеся за свою независимость.

Международное право в его современном виде сформировалось после Второй Мировой войны в условиях двухполярного мира. По общему мнению нормы международного права носят координационный характер и являются результатом согласования воли государств, которые и выступают в качестве основных творцов этих норм.

Однако после в последние годы в условиях «однополярности» в сфере правового регулирования межгосударственных отношений возникли серьезные проблемы. Особенно наглядно это видно на примере такой кардинальной составляющей всей системы современных международных отношений, как международно-правовой механизм обеспечения глобальной безопасности. В настоящее время основным элементом данного механизма по-прежнему остается Совет Безопасности ООН.

Очевидно, что данный механизм в последние годы работает с заметными «сбоями», что выразилось в полном бездействии Совета безопасности перед лицом натовской агрессии против суверенной Югославии, во время вторжения

США в Ирак, а также во время Грузино-Югоосетинского конфликта в августе 2008 г. Пассивная позиция мирового сообщества перед лицом масштабного вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины выглядит и вовсе удручающе. Все это наглядно доказывает, что современные подходы к обеспечению международной безопасности, основанные на принципах Устава ООН, устарели и нуждаются в серьезной модернизации.

При этом в научной литературе все чаще звучит мнение о том, что природа современного международного права должна быть кардинально изменена: ему должен быть придан субординационный характер потому, что его основной задачей становится регулирование всех видов общественных отношений, возникающих в процессе бытия глобального гражданского общества и обеспечение свободного, безопасного и демократического развития народов, составляющих это гражданское общество. Речь идет, прежде всего, о защите суверенного права народов самостоятельно, без какого-либо вмешательства извне строить свои политические и экономические системы, а также об обеспечении и соблюдении прав, свобод и законных интересов индивидов, составляющих эти народы. Говоря о субординационном характере современного международного права, мы ни в коем случае не имеем в виду ничего связанного с так называемым «мировым государством», хотя бы по той причине, что появление такого государства означало бы конец самого международного права, на что справедливо указывал еще А. Фердросс [1].

Если анализировать проблему «субординизации» норм международного права более детально, то можно отметить, что структурные и концептуальные предпосылки для этого заложены в самой системе международного права. Речь идет об имеющихся в составе международного права императивных нормах, так называемых, *jus cogens* («неоспоримое право»), которые представляют собой нормы общего международного права, признаваемые международным сообществом государств в целом, как нормы отклонение от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах. К такого рода нормам относятся, прежде всего, основные принципы современного международного права. Основные принципы отличаются от всех других норм международного права следующими специфическими признаками:

1. Они выступают в качестве нормативной основы всей международно-правовой системы и пронизывают содержание всех существующих норм.

2. Принципы международного права являются наиболее общими нормами, содержание которых раскрывается посредством конкретизирующего нормотворчества.

3. Принципы являются общепризнанными нормами, обязательными для всех государств и других субъектов международного права.

4. Основные принципы обладают высшей юридической силой (*jus cogens*).

5. Принципы имеют универсальную сферу действия.

6. Принципы представляют собой единую систему, т. е. являются взаимообусловленными и имеют комплексный характер.

7. Принципы не могут быть изменены и отменены ни отдельным государством, ни даже группой государств, т. е. характеризуются особой правовой стабильностью [2].

Нетрудно заметить, что сходными признаками обладают и основные законы (конституции) государств. Конституционным нормам присуща высшая юридическая сила, они составляют основу правовой системы любого государства и отличаются особой юридической стабильностью. Таким образом, можно сказать, что основные принципы современного международного права представляют собой «международно-правовую конституцию». При таком подходе их субординационный характер не вызывает никаких сомнений.

Вопрос о признании за современным международным правом субординационного характера имеет и огромное политическое значение. Только в таком качестве международное право сможет эффективно противостоять попыткам некоторых членов мирового сообщества государств сохранить и окончательно закрепить модель однополярного мира. В своем знаменитом выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности еще в 2007 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. И (это) ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть – никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной» [3]. Показательно, что к проблеме неэффективности современного международного права Президент регулярно возвращается во всех своих программных выступлениях.

Для построения такой «стены», необходимо создание принципиально нового механизма реализации международно-правовых установлений, в основе которого лежала бы принудительная сила. Очевидно, что любая правовая норма, не обеспеченная принудительной силой, является перманентно ничтожной. При этом чрезвычайно важно отметить, что указанное предложение совершенно осознанно не затрагивает политических аспектов реформирования системы современного международного права, а только подчеркивает настоятельную необходимость самого этого реформирования. Очевидно, что данный процесс на практике столкнется с целым рядом серьезных препятствий.

Кроме того, предлагается внести изменения в процедуру судебного решения международных споров. Государства, не способные решить спор мирными средствами в течение одного года, должны быть обязаны передать его на рассмотрение Международного Суда ООН, решение которого в отношении указанного спора должно являться окончательным. В случае отказа государств от передачи спора на рассмотрение Суда, Суд вправе самостоятельно принять спор к рассмотрению, невзирая на несогласие государств. Исполнение решения, принятого судом, должно быть обеспечено принудительной силой, включая экономические и политические санкции против государств-нарушителей, а в случае неэффективности последних и военную силу.

Литература

1. Фердросс А. Международное право. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 28.

2. Международное право / под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. М., 2003. С. 96-101.

3. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

Галкина Э.Ю.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ТАТАРСТАНА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

В статье освещена динамика индикаторов экономического развития Татарстана в условиях международных экономических санкций 2014–2015 гг. Определены направления импортзамещения.

Ключевые слова: экономика, Татарстан, развитие, экономические санкции.

In this article the dynamics of indicators of economic development of Tatarstan in terms of international economic sanctions 2014–2015 are established. The directions of import substitution are determined.

Keywords: economy, Tatarstan, development, economic sanctions.

Эскалация украинского хаоса и наращивание западных санкций привело к тому, что экономика Татарстана показывает «нулевые показатели». Негативное влияние на динамику ВВП со стороны замедлившегося роста обрабатывающих производств было компенсировано торможением спада в торговле и строительстве, а также ростом в транспорте.

В 2013 г. произошел перелом экономической динамики в реальном секторе, вызванный следующими факторами:

- снижением мировых цен на ряд экспортных позиций (каучуки и др.);
- снижением внутреннего спроса на продукцию республиканских предприятий;
- ростом цен и тарифов на продукцию и услуги естественных монополий;
- ростом цен на металл, на железнодорожные тарифы по доставке грузов, отсутствием устойчивых заказов со стороны крупных российских корпораций и отраслевых федеральных министерств.

В результате воздействия этих факторов произошло снижение показателей эффективности производства, что отразилось на снижении собираемости налоговых доходов с территории республики во все уровни бюджетов. По сравнению с 2012 г. налоговая нагрузка (отношение налоговых доходов к ВРП) снизилась на 0,9%, при этом по налоговым доходам, перечисляемым в федеральный бюджет, она уменьшилась на 0,6%, в консолидированный бюд-

жет Республики Татарстан – на 0,3%. В 2013 г. отношение налоговых доходов, собираемых на территории республики, к ВРП составило 22,8% [1].

Можно отметить положительное сальдо внешнеторгового баланса Республики Татарстан (13,0 млрд. долл. США), но по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. сальдо внешнеторгового баланса снизилось на 498,3 млн. долл. США (или на 3,7%). Снижение отмечается за счет повышения импорта с 2,7 млрд. 3,7 млрд. долл., при незначительном повышении экспорта с 16,1 млрд. до 16,7 млрд. долл. Доля торговых партнеров стран дальнего зарубежья в товарообороте Республики Татарстан составила 89,6%. Ведущее место в экспорте товаров принадлежит странам дальнего зарубежья 90,9%, а в импорте их доля составляет 84,1% [2].

Крупнейшими торговыми партнерами республики в экспорте были Нидерланды (22,6% общего объема экспорта); Италия (9,3%); Польша (8,9%); Финляндия (5,9%); Венгрия (5,9%), а в импорте: Германия (19,1%); Украина (11,5%); Соединенные Штаты Америки (8,4%); Япония (6,8%); Турция (5,7%).

В Татарстане промышленное производство за 2014 г. по отношению к 2013 г. выросло, но хуже, чем в целом по России (всего +0,6%). Финансовый результат деятельности крупных и средних предприятий республики составил 111,8 млрд. руб., в его составе прибыль – 125,7 млрд. руб. (на 29% лучше прошлогодней), а убыток – 13,9 млрд. руб. (на 28% выше прошлогоднего). Половина прибыли сформирована в секторе «Добыча полезных ископаемых». Больше половины убытка сформировано в секторе «Обрабатывающие производства» [3].

От введения санкций Татарстан потерял крупных поставщиков и рынки сбыта по значимым для экономики региона направлениям: промышленности, нефтехимии и продовольственному рынку. По данным Минэкономки РТ, в 2013 г. в Татарстан ввезено продукции более чем на 360 млрд. руб. Основные импортируемые товары – продукты машиностроения, химической промышленности. При этом для отрасли нефтегазохимии в среднем в год завозится продукции на 50 млрд. долл.

Чтобы выстоять в сложный период, в регионе решили сделать выбор в пользу республиканского бизнеса, который может полностью обеспечить экономику закупаемым сейчас за рубежом товаром. В Министерстве РТ разработаны четыре направления, по которым произойдет импортозамещение [1]:

1. Нефтехимия (малотоннажная нефтехимия, использование полимеров).

Стратегическая задача по нефтехимии – сформировать программу импортозамещения в переработке пластмасс и каучуков и дальнейшее развитие малотоннажной нефтехимии, в которой будут использоваться отечественные пластики. На заводе «Форд-Соллерс» уже начата работа по замене 13 материалов, закупаемых сейчас в Турции и Европе. «Нижнекамскнефтехим» будет поставлять около 480 тыс. шин собственного производства вместо «Michelin».

2. Машиностроение и оборонно-промышленный комплекс. Полностью заменить импорт для промышленности планируется и за счет развития в республике робототехники и лазерных технологий: инжиниринговый центр «КАИ-ЛАЗЕР», центр прототипирования и внедрения отечественной робото-

техники и центр цифровых технологий. В регионе рассматривается вопрос полной замены «КрАЗов» на «Камазы», а канадской техники, применяемой при наклонном бурении – на аналог с елабужского конвейера.

3. Деревообработка: цемент, керамическую плитку, отдельные виды кирпича и листовое стекло в 2015 г. Татарстан будет получать с «Алабуги», а предприятия сухих смесей в Альметьевске и Казани могли бы обеспечить все работы в республике.

4. Потребительский рынок. До введения санкций Татарстан обеспечивался импортными молочными продуктами на 1,2%, говядиной на 2,5%, овощами на 5,8%, мясом птицы на 7,9%, свининой на 13%, рыбой на 13%, фруктами и ягодами – на 14%, сыром – 30%. Общая сумма затрат на ввоз продуктов питания в республике составляет около 1,2 млрд. руб. в год. Но это происходит из-за того, что пока в регионе перерабатывается только 2% выращиваемой продукции.

Таким образом, постепенное восстановление экономики Татарстана произойдет при полном запуске своих предприятий и при том условии, что ситуация на Украине будет стабильной.

Литература

1. Итоги деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2013 год. Режим доступа: <http://mert.tatarstan.ru/sbornik-itogi-deyatelnosti-ministerstva-ekonomiki.htm>

2. Статистический сборник Республики Татарстан за 2013 год. Режим доступа: <http://mert.tatarstan.ru/sbornik>

3. Социально-экономическое положение РТ // Экономический вестник Республики Татарстан. Казань, 2014. № 4. С. 3-85.

Ганский П.Н.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье раскрыты перспективы влияния интернет-технологий на политический процесс России и зарубежных стран. Определены основные научные подходы к проблеме. Акцент сделан на установлении негативных политических эффектов интернет-технологий.

Ключевые слова: интернет-технологии, политический процесс, влияние, перспективы.

The article deals with the prospects for the impact of Internet technologies on the political process in Russia and abroad. Determined main scientific approaches to the problem. The emphasis is on establishing a negative political effects of Internet technologies.

Keywords: Internet technologies, the political process, the impact, prospects.

На сегодняшний день проблема определения роли Интернета в политике остается актуальной. С разрыванием системы интернет-коммуникаций дебаты о ней постоянно усиливаются.

Одной из первых книг, поставивших на повестку дня вопрос о возможностях использования интернет-технологий в политике, была изданная в 1996 г., монография Л. Гроссмана «Электронная республика» [1]. В ней автор излагает своё видение будущей прямой демократии, где применение коммуникационных технологий «электронной республики», в том числе телевидения, электронной почты, интернет-коммуникаций и других средств массовой информации, предоставляет гражданам возможность играть более активную роль в политике, а не просто голосовать. Таким образом, Гроссман признаёт за всемирной паутиной способность «включить» общество в процесс принятия решений.

Остается дискуссионным вопрос о характере влияния Интернета на политические институты и процессы. В исследовании влияния Интернета на политику можно выделить два основных подхода.

Первый подход объединяет исследователей, которые продолжают идеи Л. Гроссмана и утверждают, что Интернет коренным образом изменит политическую систему или, по крайней мере, окажет существенное положительное влияние на политический процесс. Они обосновывают роль Интернета как эффективного механизма обратной связи между властью и гражданами. По их мнению, политика «онлайн» – это новое поле борьбы, связанное с использованием новых информационных и интернет-технологий. Д. Моррис обосновал три основных постулата о «политическом» будущем Интернета: удешевление выборов вследствие использования возможностей сети Интернет; стимулирование избирателей к участию в выборах; эволюция нашей системы управления в сторону прямой демократии [2, p. 1033-1053].

Й. Бенклер в книге «Wealth of Networks» указывает на то, что развитие сети Интернет в будущем способно оказать положительное влияние, как на человеческие взаимоотношения, так и на средства массовой информации. По его словам основная польза в развитии системы сетевых коммуникаций заключается в изменении архитектуры СМИ, что позволяет свободно проникать в них разнонаправленным информационным потокам, а так же в целом снижает стоимость трансляции информации на широкую аудиторию. В результате, по его мнению, частные лица получают возможность активно участвовать в политической коммуникации, как создатели политически значимой информации, просто участвуя в интернет-дискуссиях. Это особенно важно для авторитарных и тоталитарных режимов, так как дает возможность обойти используемые в этих государствах механизмы контроля. Более того необходимость контроля за интернет-пространством вынуждает подобные режимы тратить значительные средства на разработку и внедрение механизмов контроля за информацией в интернете. По его мнению, хотя интернет и не приводит к автоматической либерализации авторитарных режимов, но заметно осложняет государственный контроль над обществом и делает этот контроль более затратным [3].

С другой стороны, часть исследователей ставит под сомнение тезис о роли интернет-коммуникаций в политике как о факторе активизации гражданского общества. Они утверждают, что развитие Интернета приведёт к сокращению политически активной части населения. В работах данного типа, во-первых, прослеживается последовательная критика основных постулатов Д. Морриса.

Во-первых, ставится под сомнение тезис о том, что использование сети Интернет в политике позволит снизить стоимость выборов. Так, согласно точке зрения П.М. Шварца, Интернет предлагает бесконечное пространство для политической рекламы, поэтому стоимость рекламы в Интернете со временем будет расти соразмерно повышению степени его важности для политиков.[4, p. 1071-1088].

Во-вторых, оспаривается роль сети Интернет в повышении политической активности граждан. Так, Н. Луман указывает на противоречивый характер внедрения интернет-коммуникаций в политику: вследствие появления нового вида социального неравенства (информационного). Он считает, что может возникнуть ситуация, когда одна часть населения будет включена в функционирование системы общества, а другая исключена из этого функционирования.[5, с. 93-96].

Р. Дэвис помимо данной проблемы указывает ещё на два важных обстоятельства. Прежде всего, он отмечает возможность приспособления элит к виртуализации политики: нынешние политические игроки адаптируются к Интернету и рассматривают его как инструмент, дающий новые преимущества в борьбе за власть. Второе обстоятельство связано с признанием того, что появление самой возможности использования ресурсов сети Интернет в политике не является безусловной гарантией становления активного и интересующегося политикой общества, так как велика доля тех, кто использует Интернет не в политических целях. Политически пассивным интернет-пользователям «Всемирная паутина» предоставит возможности для большей активности в интересующей их сфере, оставляя меньше времени на политику [6].

В-третьих, исследователи утверждают, что «демократизирующий» эффект Интернета явно переоценивается. По мнению П.М. Шварца, цифровое неравенство порождает проблему изначальной нерепрезентативности результатов интернет-опросов [4, p. 1071-1088]. Более того, результаты опроса «сдвигаются» в пользу привилегированных социально-экономических групп. Встает также проблема обеспечения соответствия принимаемых путём интернет-голосования решений национальным интересам и учёта потребностей меньшинства. В условиях представительной демократии, для преодоления такой ситуации, общественное мнение «фильтруется» парламентами.

В целом, несмотря на существование двух различных взглядов на изменения, к которым может привести развитие Интернета в современном обществе, преобладающим подходом является подход, положительно оценивающий перспективы развития и внедрения информационных технологий. Уже сейчас Интернет обеспечивает широкие возможности для установления более тесного взаимодействия между бизнесом и властью, для вовлечения граждан в процесс

выработки и принятия политико-управленческих решений, активизации процессов гражданского участия, эволюции современной системы представительной демократии в систему прямой «электронной демократии». При этом не следует забывать, что процессы информатизации и автоматизации могут нести и отрицательные последствия, так как новые технологии открывают широкий простор для манипуляции сознанием, как отдельных людей, так и общества в целом, что дает возможность для возникновения деспотизма нового типа. В системе нового деспотизма внешне сохраняются все атрибуты демократии, однако их сущность выхолащивается, а инструменты, предоставляемые новыми средствами коммуникации, становятся средствами контроля и манипуляции.

Литература

1. Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y.: Viking Penguin, 1995. 290 p.
2. Morris D. Direct Democracy and the Internet // Loyola of Los Angeles Law Review. 2001. V. 34, № 3. P. 1033-1053.
3. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, 2006.
4. Schwartz P.M. Vote.com and Internet Politics: A Comment on Dick Morris's Version of Internet Democracy // Loyola of Los Angeles Law Review. 2001. Vol. 34, № 3. P. 1071-1088.
5. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 93-96.
6. Davis R. The Web of Politics: The Internet's Impact on the American Political System. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1999. 225 p.

Гарас Л.Н.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УКРАИНЕ

В статье анализируется специфика религиозной идентичности в Украине на современном этапе. Подчеркивается многоконфессиональность страны, а также рассматривается религиозная проблематика в сложившихся политических условиях.

Ключевые слова: религиозная идентичность, межправославный конфликт, внутриконфессиональный диалог, политизация религии, Украина.

The article analyzes the specificity of religious identity in Ukraine at the present stage. The multi-confessional country is emphasized, and the religious issues in the current political environment is considered.

Keywords: religious identity, interorthodox conflict, intra-confessional conflict, politicization of religion, Ukraine.

Глобальное изменение геополитической конфигурации современного мира, обострение кризисных явлений, нарастание хаоса и неопределенности обуславливают трансформацию базовой системы ценностей, форму и масштабы коллективного действия, продуцируют «новую» социальность. Обострение психологической и социальной незащищенности современной личности, а также насыщенность социальной реальности всевозможными рисками и угрозами вынуждают человека вспомнить об идентификации и обратиться к поиску фундаментальных констант бытия, одной из которых выступает религия. Справедливо мнение М. Кастельса: «в мире, где происходят столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, ... поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений. ... Это не новый тренд, ибо идентичность, особенно религиозная и этническая идентичность, лежала у корней значения с начала человеческого общества» [1].

Однако, формирование сетевого общества и расширение возможности современных информационных технологий в начале XXI веке не только позволяют «захватить» всё население и все ниши информационного пространства, но и оказывать влияние на процессы в духовной сфере общества. Важнейшим направлением при этом становится возможность деформации сложившейся личности (субъекта), ее ментальной ценностной основы, традиционной картины мира в рамках которой поддерживается идентичность.

В развернувшейся острой геополитической игре ведущих акторов за расширение своих геополитических пространств, особое звучание приобретает конкуренция за Украину. Украинский кризис 2013 года и дальнейшие события свидетельствуют, что «будущее Украины перестает быть только украинским делом, превратившись в контекст для глобального переустройства геополитической системы координат» [2], в котором религия выступает не просто духовно-нравственной опорой общества, а используется как фактор и инструмент влияния. Учитывая, что идентичность, в парадигме конструктивизма, не только определяется ментальностью социума, вплетена в определенный социокультурный контекст, задающий базовые смыслы, но и обладает достаточной подвижностью, необходимо отметить что происходит целенаправленное реформирование религиозного пространства с целью изменения самоидентификации украинского общества для обеспечения его латентной управляемости извне.

Исторически сложилось так, что Украина является многоконфессиональной страной, в которой религия и церковь, особенно после обретения независимости, стали важной компонентой общественной и частной жизни людей. На 1 января 2013 г. в Украине представлено 55 вероисповедных направлений, в рамках которых действует 36995 религиозных организаций. В частности, зарегистрировано 87 центров, 295 управлений (епархий, дицезий т.п.), 370 миссий, 81 братство, 202 духовных учебных заведений, 13157 воскресных школ. В 500 монастырях монашеское послушание несут 6834 монахов. Рели-

гиозными организациями выпускается 384 периодических изданий. Религиозными делами занимаются 31313 священнослужителей, из которых 760 – иностранцы [3].

Религиозные отношения в государстве представляют собой сложную картину, а актуализировавшийся конфликт религиозных (в данном исследовании мы отождествляем религиозную и конфессиональную идентичности) идентичностей в украинском обществе имеет географическую привязку. Региональное своеобразие и отличия украинских территорий обусловлены историческим, этническим, экономическим (сохранение значительного разрыва между социальным и экономическим уровнем развития регионов), духовно-культурным (на полюсах социокультурных регионов противопоставление ценностей индустриальной культуры промышленного Востока и традиционной аграрной культуры Запада), а так же религиозным своеобразием.

В пестрой религиозно-конфессиональной структуре современной Украины можно выделить достаточно религиозно-политических узлов и линий противоречий. Доминирующей религией в Украине является христианство. Православные, католические и протестантские религиозные организации составляют около 94% религиозной сети государства [4], и активно борются за последователей. Однако, учитывая политизированность и геополитический контекст (управленческие центры практически всех самых многочисленных конфессий Украины находятся за ее пределами), необходимо отметить, что к давнему противоречию между католиками (греко-католиками) и православными добавил конфликт в среде именно украинского православия, представленного наибольшим количеством религиозных организаций (около 52%).

Украинское православие разделено на три церкви: Украинскую Православную Церковь, находящаяся в юрисдикции Московского Патриархата (УПЦ МП), Украинскую Православную Церковь Киевского Патриархата (УПЦ КП) и Украинскую Автокефальную Православную Церковь (УАПЦ). Так, одна часть украинского православия, представленная УПЦ МП, в большинстве своем разделяет идею мессианской роли восточного православия для современного мира, считая себя принадлежащей к этой традиции. Представители другой ее части, связанные с УПЦ КП и с УАПЦ, считая необходимым возобновить утраченную связь украинского православия с мировой православной и христианской общностью, выступают за ее автокефальный статус.

Специфика регионализации коррелирует с этничностью и проецируется, в том числе на религиозную сферу. Так, УПЦ МП традиционно представлена в центре, на юго-востоке страны, УАПЦ продолжают оставаться явлением западное региона. УПЦ КП получают распространение на западе и в центре страны. Однако, события последних двух лет свидетельствуют о трансформации религиозного пространства. А события на Майдане 2013–2014 гг. и активное участие в них служителей культа (особенно греко-католиков и представителей УПЦ КП) способствовали новому витку политизации религии (предыдущий был связан с Оранжевой революцией 2004 г. и отношением священников и клира к основным кандидатам на пост Президента Украины, а также с

актуализацией идеи создания единой Украинской Поместной Православной Церкви).

Немалую лепту в этот процесс вносит оценка событий и заявления лидеров православных церквей по отношению к государственным лицам, различным событиям и к предстоятелям других церквей. Например, явно националистическая позиция главы УПЦ КП Филарета, которая находит проявление в некоторых факторах: в обещании президенту П. Порошенко помощи в «победе над агрессором», в заявлении о поддержке УПЦ КП «антитеррористической операции» на юго-востоке Украины [5]; в утверждении об отсутствии патриотизма у вновь избранного предстоятеля УПЦ МП Онуфрия [6]; в заявлении Филарета о том, что священнослужители Московского патриархата должны определиться, кому служить, – украинскому или российскому народу [7]. Как известно заявления служителей культа «во многом воспринимаются именно как критерий истины» и обуславливают «выбор определённой политической стратегии и векторы массовых настроений, доминирующих оценок в массовом сознании» [8]. Данные факторы и усиление внутриправославных противоречий, все чаще стали приводить к тому, что часть приверженцев одного патриархата начали рассматривать сторонников другого в качестве врагов. По утверждению А. Митрофановой, опасность политизации религии как раз и заключается в том, что она переводит «религиозные отношения в плоскость «друзья – враги», открывая тем самым путь для ксенофобии и религиозно мотивированного насилия» [9, с. 119].

Начиная с 2014 г., УПЦ КП значительно расширила свое влияние на волне роста патриотизма, и апелляции к этничности. Активизировался переход приходов УПЦ МП в УПЦ КП, причем не всегда этот процесс происходит мирно. Например, конфликт за церковь в с. Птича Дубенского района Ровенской области и не только. В общей сложности за два последних года в УПЦ КП перешло до 70 приходов УПЦ МП. Переходы в Киевский патриархат происходят по всей Украине, однако, наиболее конфликтными и частыми они являются в западных областях государства, в частности, в локации Почаевской Лавры (принадлежит УПЦ МП) [10]. УПЦ МП хоть и старается дистанцироваться от политической жизни страны, тем не менее, во-первых, испытывает определённый кризис доверия в сложившейся социально-политической ситуации, а, во-вторых, выявился ряд противоречий внутри УПЦ МП из-за пророссийской и проукраинской ориентации священников и клира.

В данном контексте вновь возобновились разговоры о создании в Украине единой православной церкви. Необходимо проанализировать один из основных факторов, который влияет на этот процесс. Так, одним из немаловажных аспектов в данном пространстве выступает религиозная самоидентификация населения. По результатам социологических исследований Центра А. Разумкова, проведенного в марте 2013 г. верующими УПЦ МП считали 27,7%, а УПЦ КП – 25,9% [11].

Фонд «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива совместно с социологической службой Ukraininan Sociology Service (с 25 декабря 2014 г. по 15 января 2015 г.) провели социологический опрос на предмет изменения ре-

лигиозных предпочтений украинцев. Полученные данные свидетельствуют о трансформации религиозно-конфессиональной самоидентификации православных верующих. Теперь 44% считают себя прихожанами УПЦ КП, а 21% - УПЦ МП. Идею создания поместной церкви поддерживают 28% респондентов, в основном на западе Украины (Волынь, Галиция, Юго-Запад) [12].

Таким образом, современный конфликт на Украине имеет глубокие исторические корни, связан с этничностью и регионализацией страны.

Кроме того, основной конфликт развернулся внутри конфессии и связан с высокой степенью политизации церквей. Именно в данных условиях религиозная и конфессиональная окрашенность становится маркером политических событий. Политизация способна нанести ущерб нормальному функционированию общества, а также препятствовать его интеграции.

В данном контексте необходимо опираться на гуманистическую парадигму в социальном служении церкви. Сложившаяся ситуация диктует необходимость использования средств стабилизации, сохранения и трансляции культурных ценностей с опорой на религиозную толерантность и нацеленность на диалог.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Polit/kastel/intro2.php> (дата обращения 12.10.2015).

2. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Magazines/Drobizheva_2001_n2_p167-180.pdf (дата обращения 9.10.2015).

3. Звіт про мережу церков і релігійних організацій в Україні станом на 01.01.2013 р. URL: http://www.irs.in.ua/files/statistic/2013.01.01_zvit_f1_irs.in.ua.pdf (дата обращения 12.11.2015).

4. Інформаційний звіт Міністерства культури України «Про стан і тенденції розвитку релігійної ситуації та державно-конфесійних відносин в Україні за 2012 рік». URL: http://www.irs.in.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=1212%3A1&catid=51%3Astats&Itemid=79&lang=ru (дата обращения 12.11.2015).

5. Глава украинской церкви Филарет угрожает патриарху Кириллу. URL: <http://lifenews.ru/news/135221> (дата обращения 01.10.2015).

6. Является ли патриарх Онуфрий патриотом Украины? URL: <http://www.trust.ua/news/99086-filaret-ne-schitaet-novoizbrannogo-glavu-upc-patriotom.html> (дата обращения 01.12.2015).

7. Филарет призвал УПЦ МП определиться, какой народ она поддерживает. URL: <http://odnako.su/news/ukraine/-222026-filaret-prizval-upc-mp-opredelitsya-kakoy-narod-ona-podderjivaet/> (дата обращения 10.11.2015).

8. Мчедлова М.М. Религиозные смыслы в современной России. URL: <http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2012/Mchedlova.pdf> (дата обращения 01.12.2015).

9. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109-119.

10. Из УПЦ (МП) в УПЦ КП: интерактивная карта переходов. URL: <http://risu.org.ua/ru/index/exclusive/review/61901/> (дата обращения 12.12.2015).

11. До якої саме православної Церкви Ви себе відносите? URL: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=883 (дата обращения 12.07.2015).

12. Більшість населення України відносить себе переважно до Православної церкви Київського патріархату – загальнонаціональне опитування. URL: <http://www.dif.org.ua/ua/polls/2015a/bilshist-naseleennja-ukraini-vidnosit-sebe-perevazhno-do-pravoslavnoi-cerkvi-kiivskogo-patriarhatu.htm> (дата обращения 01.12.2015).

Гаффаров И.З.

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ НАЦИОНАЛЬНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье проведен сравнительный анализ локальных и имперских государств в истории человечества. Выявлена диалектика взаимосвязи национального и наднационального начал в глобализации.

Ключевые слова: национальное, наднациональное, взаимосвязь, диалектика, современные мировые процессы.

In the article the comparative analysis of local and imperial states in the history of mankind is realized. Revealed the dialectic relationship between national and supranational principles in globalization processes.

Keywords: national, supranational, the relationship, the dialectic, the modern world processes.

Современные мировые процессы достаточно сложные и многогранные. Тем более они имеют несколько уровней взаимодействия. Поэтому однобоко трактовать и интерпретировать те или иные события мирового масштаба крайне ошибочно и может привести к непредсказуемым и нежелательным последствиям. Тем более что мы живём в период достаточно крупных трансформаций в рамках государств, которые являются предметом многочисленных пересмотров не только с позиций территориальных, но и более мягких уязвимых духовных факторов. А это уже другой более сложный уровень, связанный со своеобразным складом психоментальной жизни, воплощающийся в особенностях культуры, ценностей, норм, обычаев, традиций и т.д.

Т.е., национальное на данный момент переживает очень сложный этап адаптации к современным реалиям во всех сферах жизни человека, включая его самого. Мы это видим практически во всех уголках земного шара. Чем же это вызвано? А для этого совершим небольшую экскурсию в историю.

История прошла долгий путь становления и самоидентификации. Человек всегда искал ответ на вопросы: «Кто я? Зачем я живу?» На исторической арене один народ сменял другого. Процесс этот был постоянный. Возникали государства им на смену приходили другие государства. Причины упадка и гибели государств были самые разные. Но ясно одно. Гибель государства давал импульс для дальнейшего развития человечества. Иногда важно заметить, что импульс бывает достаточно сильным, чтобы реставрировать погибшее, ушедшее в небытие государство. Так случилось с эллинистическим, китайским, шумерским государствами [1, с. 410]. В истории случались случаи, когда жизнь государства подходила к концу, и наступало междоцарствие, но импульс все ещё силён, чтобы реставрировать «умершее государство». Примером тому является Древний Египет.

Несомненно, государство имеет шанс продолжить своё существование. Государства несмотря на различный финал стремятся сохранить жизнь своих институтов. Да и сами граждане искренне желают, чтобы установленный миропорядок был вечным так как воспринимают свою страну как свет и луч надежды в окружающей темноте невежества и жестокости. В истории Римской империи мы постоянно встречаемся со всеобщей верой в бессмертие Империи. Даже после захвата и разграбления Рима Аларихом ещё слышатся речи о вечности этого города [1, с. 410]. Потрясение, которое пережили жители Римской империи в 410 г., вполне сопоставимо с шоком, потрясшим жителей Арабского халифата в 1258 г., когда он был завоёван монголами. И так на протяжении следующих веков.

Универсальные государства создавались для того, чтобы остановить войны и дать начало кооперации между народами и разными областями. Это самый высокий уровень своего времени. Универсальное государство изначально вовлечено в строительство и созидание. На заре появления универсального государства безопасность его обеспечена. Высокий уровень жизненного потенциала и новизна институтов не позволяют рухнуть этим государственным образованиям общества.

Но у универсальных государств есть масса неприглядных сторон. Это мы можем видеть на примере империи Наполеона. По сути, универсальное государство, которое было создано им, прилагало немало усилий, чтобы стереть следы государств, на смену которым она пришла, так как более мелкие государственных образования противоречили самой идее универсального государства. Бросали вызов высоким идеям кооперации между областями и народами проживающими там. В данном случае мы видим антагонизм двух мировоззрений, которые борются по сей день. И нужно сказать, что борьба нешуточная.

Но вот создатели и хозяева инкского универсального государства, наоборот, построили учреждения завоёванных народов, не разрушая их в свою систему управления. Так что это служит указанием на то, что мотив самосохранения

универсальных государств не является основным [1, с. 414]. Главное универсальное государство озабочено сохранением первоначальных институтов от разрушений смутного времени или другого социального катаклизма. Вот эта реальная опасность заставляет универсальное государство отойти от первоначальных установок и намерений. Т.е., на первый план выходит создание охранительных учреждений. Это единственный путь консервации самого общества. Классический пример этому – история Римской империи, период, наступивший после битвы у мыса Акций в 31 г. до н.э. Основным методом римского управления было не прямое правление [1, с. 115]. Основатели римского государства заложили в основу универсального государства механизм управления территориями как ассоциацию самоуправляемых городов-государств чередующихся автономными областями. Эта система работала. Римская администрация координировала работу местных органов самоуправления и призвана была следить, чтобы местные правительства не вступали в конфликты друг с другом. В случае необходимости защищали от нападения внешнего врага.

Однако под воздействием тех или иных социальных катаклизмов, к примеру, восстание рабов под предводительством Спартака или нашествие германских племён административная структура постепенно трансформировалась в результате нововведений с далеко идущими последствиями. К концу своей истории администрация Римской империи представляла собой иерархически организованный аппарат управления, а местные городские советы превратились в инструмент обеспечения своевременного сбора налогов [2, с. 115].

Важно отметить, что диалектика национального и наднационального переплелись между собой и наднациональный момент сейчас выходит на первый план, так как накопившиеся проблемы в политике, экономике, социальной сфере невозможно решить усилием одного государства или группой государств. Противоречия эти достигли таких масштабов, что нужно вовлекать всё больше стран в этот процесс. Результат не заставит себя долго ждать. Универсальные государства в своё время и были своего рода наднациональными образованиями, которые призваны были прекратить войны и кооперировать людей, народы в единую составляющую. Время универсальных государств безвозвратно ушло и что придёт на смену должно волновать учёные умы так как, несомненно, всё это послужит началом новой эпохи. И проблемы, которые сейчас есть в немимоверно большом количестве будут решены и многие стороны человеческой жизни будут оптимизированы под запросы современности.

Литература

1. Тойнби А. Постигание истории. М., 1997.
2. Всеобщая история государства и права / под ред. З.С. Черниловского. М., 1999.

Гелих О.Я.

УПРАВЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ ФЕНОМЕНОВ

Статья посвящена выяснению соотношения между категориями «власть» и «управление» в мировой политической науке. Проведен исторический и сравнительный анализ взаимодействия власти и управления.

Ключевые слова: управление, власть, взаимодействия, феномены.

The article is devoted to the identification of the relations between “power” and “management” in the world political science. Realized an historical and comparative analysis of the interaction between the power and management.

Keywords: power, management, interaction, phenomena.

Постановка проблемы.

Слившееся до неразличения восприятие двух определяющих нашу социальную жизнь феноменов – управления и власти способно привести и нередко приводит ко многим мировоззренческим и методологическим ошибкам, которые, как правило, дорого обходятся и обществу, и государству. Мы говорим: «Власти решили»; известный политик написал книгу «Хождение во власть». Но почему не «Хождение в управление?». Как соотносятся сегодня и как должны соотноситься эти важнейшие социальные явления в развитии российского общества? – Размышления над этими вопросами – в данной статье.

Управление и власть как научные категории.

Несмотря на многогранность, многосторонность феномена власти, можно выделить одно общее качество, связывающее воедино все ее трактовки – это подчинение одного человека воле другого. Власть может носить как негативный, так и позитивный характер, как легитимный, так и нелегитимный. Всё это говорит о том, что власть нельзя свести только к функции насилия.

Явление, нередко ошибочно идентифицируемое с властью – это управление. Управление появляется в объединении людей (семействе) там и тогда, где и когда самоорганизация не справляется с регулированием совместного поведения индивидов [1]. Именно природно-биологическая самоорганизация становится основанием для роста и развития рациональной человеческой организации, имеющей характер управляемой системы, нацеленной на результат как на успех совместных действий людей. Управление возникает как особый род деятельности человека, как сознательно-интеллектуальная, проектирующая и организующая совместные действия сила и приводит к формированию специфического социального индивида – руководителя во всем многообразии его проявлений. Управление – социальный феномен, т.е. часть социальности, и потому оно неизбежно взаимодействует с властью. Однако управление представляет собой настолько важную часть социальности и общественных отношений, что вне управления совместная жизнь людей становится попросту невозможной.

Управление представляет собой такие личные отношения людей и такие общественные отношения, в которых образуется воздействующий координирующий центр, который неизбежно персонифицирован личностью, личностями. При этом управление представляет собой многоаспектный, сложный социальный феномен, имеющий дело с объектами различной природы: материальными, социальными и духовными [2].

К генезису управления и власти.

Что же появляется в эволюции общества раньше, власть или управление? Скорее всего, эти взаимосвязанные явления были в не менее тесной взаимосвязи и на уровне своего генезиса, в их первичных еще не конституировавшихся формах. Поэтому трудно утверждать, что власть вырастает из управления, как и равно то, что управление есть продукт трансформации власти.

Интердикция (*interdictum*, лат. – запрещение) – одна из первых форм межчеловеческих отношений, первая их стадия, на смену которой приходит более «гуманная» – инфлюэция (влияние). Наиболее яркий способ проявления последней – суггестия, т.е. феномен внушения во взаимодействиях индивидов. Суггестия реализуется через язык как вторую сигнальную систему; сам язык первоначально прежде всего это средство иррационального внушения. На этих же стадиях антропосоциогенеза возникают параллельно во времени и аспекты проторационального регулирования отношений, и рядом с ними – элементы использования одних индивидов другими через систему физического доминирования. Это дает основание предположить, что управление и власть есть параллельно возникающие феномены социальности. Раннее управление (протоуправление) стремится сделать запреты и подчинение одним из инструментов регулирования отношений. Но система запретов, табу, имеющих значимость этического генезиса, возникающей этики, – настолько существенный фактор антропосоциогенеза, что вся вырастающая система рационального регулирования возникающей социальности сама исторически оказывается в области их влияния.

С другой стороны, управление есть по сути «сознательное вмешательство» [3] в социальный процесс. Опыт этого вмешательства с целью регулирования совместной деятельности, а вместе с тем и изменения структуры социальной организации для оптимизации совместной деятельности, накопление ресурсов вмешательства как способов принуждения, угрозы или применения насилия, введение возможности, а затем и системы наказания за «не адекватную», отличающуюся от ожидаемой реакцию на вмешательство, наконец, конституирование вмешательства, перенос принуждения и наказания в сферу и область права – все это вместе приводит к окончательному формированию власти.

Системы первичного доминирования в предсоциальности далее исторически нуждаются в новых, более «экономных» регуляторах отношений, ибо прежние ставят предчеловеческие стаи на грань эволюционной катастрофы, и это создает основы для генезиса управления. Возникающее проторациональное регулирование, т.е. протоуправление, в свою очередь, само нуждается в эффективных регулирующих воздействиях и закреплении за ними своего рода

«права»), и это создает основы для генезиса власти как легитимной системы господства и подчинения. В эволюционном движении статус «управления» и статус «власти» непрерывно соперничают за приоритет, исторически закрепляя свои достижения.

Синкретизм управления и власти

В результате многих эволюционных процессов управление и власть срастаются в истории и общественной практике до синкретичной неразделенности, что порождает далее методологические ошибки в анализе обоих явлений. Но это различные социальные институты, тесно сросшиеся между собой, в большей степени в современной политической области.

Срослись не только власть и управление как объективные феномены, но и их социальное восприятие. Слияние анализа управления с анализом власти – методологическая ошибка в рефлексии общественных отношений, взошедшая еще на интеллектуальной грядке античности, и всходы эти наряду с цветами социальной истины дали миру и пустоцвет научного синкретизма. Начало его хорошо просматривается уже в «Государстве» и далее в «Законах» Платона [4; 5]. Не менее красноречив и его «Политик»: «...Политика, царя, господина и даже домоправителя – всех вместе – сочтем мы чем-то единым или мы скажем, что здесь столько искусств, сколько названо имен?», - спрашивает персонаж платоновского диалога. «Для всего, что мы сейчас рассматриваем, по-видимому, есть единое название: назовем ли это искусством царствовать, государственным искусством или искусством домоправления – нам нет никакой разницы», - замечает тот же герой. «...Или же мы отнесем царя к области повелевающей, как владыку?», - спрашивает Чужестранец далее [6]. [Курсив наш. – О.Г.].

Власть и управление срослись в самих общественных отношениях, и поэтому античные мыслители не видят еще проблемы их разделения и соответствующего дифференцированного анализа. Пролистнув века, по существу ту же нерасчлененность управления и власти можно обнаружить и в «Левиафане» Т. Гоббса. «Бог создал мир и управляет им», - говорит он. И это управление, по мнению Гоббса, реализуется через власть Государства (по латыни *civitas*: это и есть «великий Левиафан»), в котором имеются «представители судебной и исполнительной власти» [7] как власти государственной. Власть у Гоббса подразделяется также на светскую и церковную, и в самом этом разделении заложен уже начальный признак анализа собственно управления. Впрочем, идея разделения политической и религиозной власти еще раньше обнаруживается у Н. Макиавелли, лежащая впоследствии в основу классической доктрины либерализма [8]. Согласно политической теории великого флорентийца, существуют три «хороших», или основных формы власти (они же – формы управления, в большей степени – правления): монархия, аристократия и демократия; и три плохих, или извращенных формы власти: тирания, олигархия и анархия. Правитель, основывающий любую из «хороших» форм, способен, согласно Макиавелли, установить ее лишь на короткое время, ибо никакое средство не удержит ее от превращения в свою противоположность. Заслуга Макиавелли в формировании «теории социального управления» состоит в

первую очередь в том, что он обосновал понятие гражданского общества и применил термин «государство» в значении, в котором его понимают сейчас – для обозначения политической организации общества. А гражданское общество первично по отношению к государству и власти.

Вслед за Гоббсом феномен властно-политического управления исследует Дж. Локк, называющий основой «всякого законного правления» ни что иное, а «согласие народа» [9]. У Гоббса отчетливо прослеживается такой элемент правления как законодательная власть, но синкретизм ее с управлением имеет столь же отчетливое место, как и у его предшественников. Картина неразделенного анализа управления и власти обнаруживается и у современника эпохи Просвещения Ш.-Л. Монтескье [10].

Вместе с персоной правителя, государя в обществе окончательно утверждается не только институт управления, но вместе и рядом с ним и социальный институт власти. Мыслители, от античности до Нового времени, по существу подойдя к проблеме соотношения этих понятий (слово управление активно употребляется), далее не пытались хоть как-то отчетливо определить их в качестве самостоятельных. Даже если видеть, что Монтескье анализирует генезис власти и уже спорит с другим классиком, предшествовавшим его творчеству. «Гоббс неправ, когда приписывает людям желание властвовать друг над другом, - говорит Ш.-Л. Монтескье о «Левиафане» Т. Гоббса. – Идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека» [10]. [Курсив наш. – О.Г.]

Только отчетливое вызревание управления и власти в эволюции общественных отношений может позволить увидеть эти различия, и только в XVIII веке, как показывает М. Фуко, происходит существенная трансформация власти. Политическое господство применяет тюрьму как средство, которое «позволяет осуществлять ту великую «экономия» власти, формулу которой искал XVIII век, когда впервые встала проблема аккумуляции людей и полезного управления ими» [11]. Если до этого «власть суверена осуществлялась и демонстрировалась спорадически – например, как реакция на нечто такое, что было равнозначно покушению на ее прерогативу, то теперь власть стремится действовать постоянно и непрерывно; она превращается в управление жизненными процессами социального целого» [12]. [Курсив наш. – О.Г.]

Итак, власть в эволюции общества трансформируется, стремится все более управлять. Парадоксально то, что данный факт не приводит к рефлексии управления и власти как самостоятельных при их взаимосвязи явлений. Так, власть у Даля – это «право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; начальство, начальник или начальники» [13, с. 522]. Гнездо же слов с корнем «управление» словарем В.И. Даля определяется как воздействие, которое сознательно организуется человеком, когда он стремится повлиять на ход того или иного процесса в правильном (благоприятном, нужном для человека) направлении [13, с. 1046-1047].

Институт власти характерен в первую очередь качеством, отмеченным еще М. Вебером, а именно «легитимным господством», суть которого – при-

знание власти управляемыми индивидами. Также и М. Фуко в своих исследованиях «дисциплинарного общества» отмечает, что «под властью следует понимать прежде всего множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации...» [14]. [Курсив наш. – О.Г.]

Таким образом, власть – это политический и экономический феномен, описывающий систему господства и подчинения [15, с. 82].

Итак, современное управление может использовать власть. Политическое управление, к примеру, всегда «при власти». Но управление может находить и иные способы целенаправленного воздействия, регулирования поведения, действий. Управление может властвовать, но степень задействования власти в управленческом регулировании может быть очень разной, от минимально необходимой до максимальной интенсивности принуждения или потенциальной возможности принуждения (в том числе и насильственного принуждения).

Управление в идеале может строиться и без власти, но лишь в идеале. Управление – это регулирующее воздействие, которое проектирует будущее. Это принципиальное его отличие. Властное управление словно «вгоняет» человека в будущее; управление, основанное на свободе человека как основе и смысле его бытия, создает лишь контур завтрашнего дня, намечает, словно подсказывает оптимальные пути его достижения. Управляющая власть устремлена в будущее с помощью мер принуждения. Власть может также и не иметь задач будущего, быть занятой удержанием настоящего как статус-кво способности к насилию данного социального слоя, обеспечивающего благополучное существование группы или отдельного, властвующего, человека. Мы говорим: власть управляет. Но власть может и разрушать управление, мешать управлению, не управлять вовсе. В этом случае «цель власти – власть», - как отмечал Дж. Оруэлл в своем знаменитом романе «1984-й».

Управление способно властвовать, но может обходиться иными способами регуляции, проектирующими будущее.

Среди множества определений управления наиболее дистанцированным от феномена власти представляется дефиниция Д.С. Синка. «Управление есть совокупность искусства и науки, задача которых, во-первых, стимулировать людей и направлять их, чтобы они действовали в рамках порученного им дела так же, как они поступали бы по собственной инициативе при условии понимания ими всех взаимосвязей, причин и последствий каждой конкретной ситуации; и, во-вторых, объединять деятельность всех людей внутри организации...» [16].

Итак, высшее искусство управления – направлять и регулировать действия людей так, когда они действуют и поступают по собственной воле. Такое единство может родиться только в эпоху свободы, когда насильственные возможности власти сведены обществом к минимальным, минимально необходимым. Такое понимание управления и сам такой управленческий тип отношений появляются только тогда, когда условия социальной свободы личности вызрели уже в достаточной мере. Само управление такого рода возникает

первоначально не в сфере политических отношений, где не мыслится управление без власти и в которых власть и обеспечивает управление.

К современным взаимодействиям власти и управления

Усиление власти не может быть исчерпывающим аргументом и фактом, отражающим тенденцию социального развития. На этапе преодоления дезинтегрирующих сил в социальных отношениях Российской Федерации это было временно оправданной мерой. В условиях нынешнего противостояния с Западом не может не вызывать чувства удовлетворения сильная президентская власть в нашей стране, умело, твердо и сдержанно применяющая силы и средства управленческого регулирования, противостоящие силам деструкции и обрушения российской государственности. И все же нельзя не помнить, что управление есть совокупность искусства и науки, задача которых прежде всего мотивировать поведение людей и направлять их, «чтобы они действовали в рамках порученного им дела так же, как они поступали бы по собственной инициативе при условии понимания ими всех взаимосвязей, причин и последствий каждой конкретной ситуации» [16]. И это значимо не только для менеджериального уровня управления, но не в меньшей мере для институционального и социетального его уровней и социальных действий. Поэтому приоритет свободы личности и социальной самоорганизации над властью является самым значимым критерием современных демократических обществ. Но при том условии и тогда, когда свобода личности будет сочетаться адекватным образом с ее ответственностью, а социальная самоорганизация – с преобладанием в обществе образованных, способных к самостоятельному мышлению и принятию ответственных решений индивидов. Вне этого обстоятельства конфликт между уровнем политической системы и степенью зрелости гражданского общества становится существенным препятствием в развитии гармоничных социальных отношений и демократического управления в России и самим российским государством.

Литература

1. Гелих О.Я. Философия и методология управления / О.Я. Гелих, А.В. Нестеров. 2-е изд. СПб.: Книжный Дом, 2014. С. 18.
2. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / под ред. А.В. Тихонова. М.: Канон+, 2010.
3. Гелих О.Я. Управление и власть // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Красанд, 2015.
4. Платон. Государство // Платон. Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
5. Платон. Законы // Платон. Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
6. Платон. Политик // Платон. Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 4.
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1999. Т. 2.
8. Макиавелли Н. Государь. М.: Мысль, 1996.
9. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. В 3-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 137.
10. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

11. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 447.
12. Сокулер З.А. Жизнь и власть в работах Мишеля Фуко. М.: ИНИОН АН РФ, 1997.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра; Книжный клуб, 1998. Т. 1.
14. Фуко М. Воля к знанию. М.: Смысл, 1996. С. 192.
15. Власть // Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2014.
16. Синк Д.С. Управление производительностью. М.: Прогресс, 1989. С. 121.

Говорухина К.А.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СРЕДСТВ И ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И PR В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Статья посвящена особенностям развития средств и технологий политической пропаганды и связей с общественностью в российском информационном пространстве. Раскрыто эффективное применение новых средств коммуникации, СМИ, онлайн-ресурсы и др., выполняющих функцию упорядочивания политических реалий для населения. Показана практика использования технологий политической пропаганды и PR в информационном обществе, в т.ч. в РФ. Сделан вывод о массовом внедрении информационно-коммуникационных технологий, создании условий формирования глобальной информационной инфраструктуры обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: информационное пространство, интернет-коммуникация, информационно-коммуникационные технологии, политическая пропаганда, связи с общественностью, технологии манипулирования.

The article is devoted to the peculiarities of the development of tools and technologies of political propaganda and public relations at the Russian information space. The article discloses that information and communication technologies play an important role in the implementation of political communication. The paper deals with the effective use of new means of communication, media, online resources, etc. Performing the function of organizing the political realities of the population. The article describes the practice of using the technologies of political propaganda and PR in the information society, including Russian Federation. The paper concluded that the mass introduction of information and communication technologies, enabling the emergence of a global information infrastructure of national security in Russia.

Keywords: information space, Internet communications, information and communication technologies, political propaganda, public relations, technologies of manipulation.

Новая постиндустриальная эпоха внесла в развитие человеческой цивилизации глобальное распространение технологий интернет-коммуникации, что постепенно привело к появлению самостоятельного виртуального политического коммуникационного пространства. Современные интернет-технологии начали играть значимую роль в осуществлении политических коммуникаций и определять направление управления массовыми общественным сознанием в глобальном масштабе. Субъекты коммуникационного воздействия эффективно конструируют восприятие обществом политической реальности и формируют другие формы и модели поведения. В информационно-коммуникационную революцию средства и технологии политической пропаганды и PR, в том числе интернет-коммуникации стали определяющим компонентом трансформации моделей устройства государства и общества, и, по мнению С.В. Володенкова, «влияющим на механизмы распределения власти в современных государствах и формирующими новые сетевые общественные институты, которые оказывают все большее влияние на процессы политического управления и параметры функционирования национальных политических режимов». [1, с. 8]. Революции в Тунисе, Ливии и в других государствах, где интернет-технологии использовались как инструмент PR и пропаганды, создают альтернативную среду и подрывали легитимность существующей власти. Сотрудничество в области формирования системы международной информационной безопасности отвечает национальным интересам Российской Федерации и способствует укреплению ее национальной безопасности.

В «Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года отмечается, что главной угрозой информационной безопасности, отвечающей национальным интересам России, является использование информационных технологий в «качестве информационного оружия в военно-политических целях, противоречащих международному праву, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискредитацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международной безопасности» [2].

Специалисты в области PR и политической пропаганды в современном информационном пространстве активно используют новейшие средства коммуникации не только радио, телевидения, печатных СМИ, но и онлайн-ресурсов (новостных лент, социальных сетей, форумов), мобильных устройств связи, выполняющие функции упорядочивания политических реалий для населения. Они также могут выступать как инструмент реализации предсказуемых стереотипов, управляемого политического поведения в обществе. Новые коммуникационные процессы помогают больше транслировать информацию, включая рекламные, агитационные, пропагандистские, PR-составляющие, где технология манипулирования является ведущей. Э. Аронсон и Э. Пратканис считают, что на людей обрушиваются «потоки убеждающих сообщений. Причем чаще всего на нас влияют не логическими аргументами, а манипуляцией символами и нашими глубокими человеческими эмоциями» [3, с. 23]. Как пра-

вило, основной чертой политической манипуляции выступает её скрытый для объекта характер и цель, не совпадающая с истинными намерениями субъекта манипуляции. СМИ обладают высоким потенциалом для манипулирования массовым сознанием, оказывая влияние на восприятие социально-политической обстановки (например, каких-то политических событий) аудиториями. В зависимости от содержания позиции СМИ могут создавать совершенно противоположные модели понимания по поводу одних и тех же политических фактов, событий, явлений и т.д. В информационном обществе развитие интернет-коммуникаций значительно расширило возможности манипулирования с помощью использования современных методов, онлайн-технологий. Большой объем информации, передаваемый по интернет-каналам, меняет восприятие сообщений, сознание интернет-пользователя становится рассеянным. Э. Фромм отмечал, что именно под влиянием технологий манипуляции человек «теряет способность формирования целостного мировосприятия, заменяя его мозаичными представлениями, массово транслируемыми» [4, с. 5].

Технологии политической пропаганды могут пронизывать всю нашу жизнь и изменяют картину мира. По мере того, как они становятся очевидными в завоевании общественной поддержки, их начинают использовать все шире. В постиндустриальном обществе специалисты в области PR и пропаганды должны учитывать не отдельную личность, а структуру общества, состоящую из пересекающихся групп и связей. По мнению основателя PR Э. Бернейса, «человек рассматривается не просто как клетка социального организма, но и как составляющая социальной единицы» [5, с. 23]. У любой пропаганды есть свои противники и сторонники, причем и те, и другие стремятся убедить общество в своей правоте.

Эффективное использование информационно-коммуникативных технологий, политической пропаганды и PR, их массовое внедрение во всех сферах жизнедеятельности Российского государства и общества создали условия для формирования глобальной информационной инфраструктуры, которая предоставила совершенно новые факторы социализации населения, их доступа к знаниям и информационным ресурсам. В формирующемся Российском информационно-пространстве необходимо сплотить ресурсы, национальные сегменты интернета, для того, чтобы осуществлять противодействие мощному политическому воздействию извне и обеспечить собственную национальную и информационную безопасность страны.

Литература

1. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения: 15.12.2015).
3. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды. Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб., 2003.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 1998.
5. Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010.

Грива О.А.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Статья раскрывает основы теории коммуникаций. Автор характеризует изменения дефиниций термина «социальная сеть», парадоксы коммуникационных процессов в условиях информационной революции.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, социальная сеть, диалог культур.

The article discovers the basics of the theory of communication. The author characterizes the changes of definitions of the term “social network”, the paradoxes of communication processes in the conditions of information revolution.

Keywords: intercultural communications, social network, dialogue of cultures.

Сеть межкультурных коммуникаций достигла глобальных масштабов. Рост коммуникаций быстро меняет качество человеческой жизни: открываются новые возможности в получении опыта, образования, лишение некоторых форм социального контроля. Но наиболее важные изменения, которые характеризуют коммуникационное общество, затрагивают не столько количественные, сколько качественные показатели: речь идет о ревизии ценностей, норм, представлений и таких механизмах как осмысление, рефлексия, репрезентация опыта и так далее. Многие ценности переживали за последние десятилетия проверку на жизнеспособность в новых условиях.

Слово «коммуникация» происходит от латинского глагола *communico* – «делаю общим, связываю, общаюсь». Ближайшим к нему по значению является понятие общения. Коммуникации неизменно связаны с процессом общения. Но эти два понятия не являются тождественными.

Коммуникация выполняет жизнеобеспечивающую роль не только для каждого отдельного человека, но и для человеческого сообщества в целом.

В едином предметном поле, в данном случае, и философском, существуют различные подходы к трактовке сущности коммуникаций. Так, выдающийся философ – один из отцов теории межкультурных коммуникаций Ю. Хабермас подчеркивал, что обычно учитываются только те предложения, которые используются в выражениях. Но на место языковых выражений, подчеркивал исследователь, ставят также действия, поступки, переживания и их воплощения. При взаимодействии людей, их языковые выражения и их внеязыковые проявления всегда связаны между собой. В невербальном взаимодействии людей языковые выражения существуют, по крайней мере, по выражению Ю. Хабермаса, в «снятом» виде [1, с. 84]. Во время разговора они выступают как коммуникативное действие и, наоборот, взаимодействие, имеющее форму разговора (например, приветствия на улице или разговор между соседями), не может считаться коммуникативным действием без учета контекста. Поскольку, «в дискурсе же необходимо обращать внимание только на речевые

высказывания; поступки и состояние участников дискурса не являются его составными частями. Таким образом, мы можем различать, по меньшей мере, две формы коммуникации (или «языка»): коммуникативное действие (взаимодействие), с одной стороны, и дискурс – с другой» [1, с. 84]. Ю.Хабермас утверждал, что в рамках первой допускают значения и смыслы с целью обмена информацией (необходимым для действий опытом), а в пределах дискурса обмена информацией не происходит. «Именно в дискурсе мы пытаемся путем обоснований снова восстановить согласие, что стало проблематичным в коммуникативном действии. Взаимопонимание и имеет целью преодолеть ситуацию, возникшую из-за проблематичности претензий на значение, которое наивно предполагают в процессе коммуникативного действия: взаимопонимание ведет к дискурсивно вызванному, обоснованному согласию (что может дополняться традиционным пониманием этой проблемы)» [1, с. 85]. Такое различение дискурса и действия в коммуникациях позволяет лучше понимать существенные характеристики феномена межкультурных коммуникаций и в большей степени использовать их прикладной потенциал.

Специфичность взаимодействия людей в процессе их жизнедеятельности состоит в использовании языка. Язык является важнейшим средством человеческого общения. Коммуникация может иметь место лишь в том случае, если те, кто общается, понимают друг друга, то есть у них есть общая система знаков, с помощью которой они передают информацию друг другу. Есть много примеров, когда недоразумение сводит эффективность коммуникаций к нулю или, более того, ведет к отрицательному результату.

Подчеркнем, что обмен информацией и общение происходит не только с помощью языка, но и с помощью многообразия других знаковых систем (шум, другие звуки, цвет, мимика, жесты и т.д.). Во время акта общения имеет место не просто движение информации, а взаимная передача закодированных сообщений между двумя индивидами – субъектами общения. Следовательно, имеет место обмен информацией. Но люди не просто обмениваются значениями, они стремятся при этом выработать общее значение. [2, с. 157]. Информация составляет важный, но не единственный фактор коммуникаций. Другой их стороной является личный фактор. Кто и как воспринимает информацию, как ее перерабатывает и использует – вопросы, на которые отвечает уже другая теория – коммуникационная.

Коммуникации отражают одну из ценностей человека – общение. Будучи непреходящей ценностью, коммуникативные процессы опираются на личные и интересубъектные аспекты коммуникаций. Рассматривая коммуникацию как сложный процесс, отметим, что она имеет свои социальные функции, внутреннюю структуру и общую направленность. Один из основателей американской коммуникативистики Г. Лассуэлл стал всемирно известным, создав свою модель коммуникации [3].

Он выделил три основные функции массовых коммуникаций:

1) информационная; 2) корреляционная, проявляющаяся также в объяснении и интерпретации информационных сообщений, в обеспечении поддерж-

ки существующей власти и господствующих норм; 3) познавательно – культурологическая функция, функция преемственности культуры.

Модель, созданная Г. Лассуэллом, стала важным методологическим ориентиром для философского анализа значения межкультурных коммуникаций для диалога культур. А основные функции модели, предложенные ее автором, были рассмотрены как основные составляющие культурного диалога.

Коммуникации охватили все стороны жизни современного человечества. Их влияние на характер современности столь велик, что ученые подчеркивают, что, учитывая эти обстоятельства, можно говорить о формировании коммуникативного общества (Р. Мунч, Ю. Хабермас) и, даже сетевого общества (М. Кастельс).

Подчеркнем, что коммуникации, имея свою собственную динамику, приводят не только к позитивным изменениям. Скорость движения информации, ее бесконтрольное использование, отсутствие авторства и тому подобные причины создают некоторые риски, приводят к негативным последствиям. Эти «побочные» эффекты подталкивают к поиску путей контроля коммуникаций, предупреждения негативных последствий от нежелательных коммуникационных процессов. Например, мы знаем о фактах ограничения пользования каналами информации в таких странах, как Китай, Куба, Албания. Но история свидетельствует, что подобные ограничения могут выполнять свои функции только определенное время, потом непременно ситуация меняется и в недемократических обществах.

Другой важной проблемой является проблема понимания в коммуникациях. Это касается как ее технической стороны, так и, прежде всего, понимания как взаимопонимания. По этому поводу на первый план выходит вопрос intersubjectности коммуникаций. По утверждению Ю. Хабермаса: «Мы должны, если мы хотим относиться к другому, как к субъекту, исходить из того, что этот человек может сказать нам, почему он в конкретной ситуации ведет себя так, а не иначе. Мы прибегаем к идеализации, особенно, когда дело касается нас, когда мы смотрим на другого субъекта глазами, которыми мы всматриваемся в самих себя, и мы считаем, что другой, когда мы его спросим, сможет назвать те же основания для действий и поступков, которые, по нашему убеждению, назвали бы мы сами, если бы кто-то спросил нас об этом» [1, с. 87].

Поэтому необходимо рассматривать проблемы относительно коммуникативного общества с разных точек зрения: мировоззрения, сознания, исходя из параллели свобода – несвобода, с точки зрения равенства – неравенства и т.д.

Современные коммуникационные процессы имеют и свои парадоксы. Р. Мунч выделил четыре группы таких парадоксов:

Во-первых, это «инструментальный активизм», который проявляется в том, что человечество, пытаясь решать какие-то проблемы, снова порождает новые проблемы. Таким образом, выполняя «сизифов труд».

Во-вторых, парадокс рационализма, который связан с невозможностью получить только положительное решение проблемы или вопросы, потому что,

каждое новое знание открывает нам и новые вопросы (новое незнание), которых становится все более и более.

В-третьих, парадокс индивидуализма возрастает от количества реализованных свобод. Чем больше человек реализует собственной свободы, тем более это ограничивает чью-то свободу, что непременно на каком-то этапе вызывает необходимость контроля над реализацией свобод, что в определенной степени ограничивает свободу индивидуальности.

В-четвертых, парадокс универсализма. Чем больше равенства приобретают различные социальные слои, тем острее становится борьба за дефицитные ресурсы и тем острее становится новое неравенство, получаемое в результате этой борьбы. Например, при открытости и доступности для всех слоев населения образования, обостряется борьба за интересные и обеспеченные большими достижениями рабочие места, которые могут получить люди с одним и тем же образованием [4, с. 91].

Но, пожалуй, худшим в коммуникационном обществе должна стать возможность создания вымышленной реальности, которая будет существовать вместо реальной реальности. Для обозначения этой вымышленной реальности употребляют понятие «виртуальной реальности», которое само по себе не несет каких-либо негативных смыслов. Современное коммуникационное общество уже живет в мире вымышленных образов. Личность становится объектом манипуляций со стороны рекламы, политики, специалистов различных ведомств. Личность должна чувствовать страх или надежду в зависимости от того, что ей предложат. По мнению исследователей коммуникационного общества, мы часто имеем дело не с фактами реальной действительности, а с так называемыми, симулякрами, отсылающими к самим себе, или другим симулякрам, закрывающим доступ к реальности, которая находится вне сети данных коммуникаций [4, с. 106].

Ж. Бодрийяр предупреждал о возможности исчезновения самой реальности, замене ее симуляцией, за которой ничего не стоит [5]. Книга Ж. Бодрийяра «Симулякры и симуляция» получила широкую известность благодаря культовому фильму «Матрица». Коммуникационное общество открывает перед учеными необъятные горизонты для исследования его влияния на личность, ее развитие и развитие общества. Особым вопросом для осмысления становятся межкультурные коммуникации и их значение для диалога культур и, даже цивилизаций.

Процесс глобализации является сложным и многомерным, но в итоге он символизирует не что иное, как новое техническое качество развития средств коммуникации: глобализация является лишь глобальной коммуникацией, коммуникацией на новом техническом и социальном уровне. Поэтому имеет смысл обозначать, что имеется в виду рост роли новых информационных технологий в межкультурных коммуникациях.

Можно вспомнить, что новая европейская цивилизация возникала вместе с развитием новых средств коммуникации: морского сообщения, почты ящика, железной дороги, автомобиля, воздушного транспорта. Впоследствии физические средства заменили радиоэлектронные сигналы – телефон, телеграф,

радио, телевизор, оптоволоконные и беспроводные связи. Постиндустриальная эпоха отмечена взрывообразным развитием сверхбыстрых и сверхдалних средств коммуникации. Среди важнейших следует назвать электронную почту, объем сообщений в которой, уже к концу XX в. превысил объем почтовых сообщений. Еще более заметное действие мобильной связи, которая в настоящее время стремительно развивается. Передача телеизображений, широкополосной и мобильный Интернет стали качественным развитием коммуникационной революции эпохи глобализации.

Отдельным пунктом в развитии межкультурных коммуникаций человечества можно выделить специальный инструмент для таких коммуникаций, получивший свое широкое развитие в последние годы и приобретший миллионы коммуникантов за рекордно короткий срок, это – социальные сети в Интернете. Социальными сетями в 1950-е гг. стали называть социальные структуры, образованные индивидами или организациями. Они отражали разнообразие связей между людьми через разнообразные социальные взаимоотношения, такие как, например, случайные знакомства, родственные связи, поиск партнеров. Впервые термин «социальные сети» был предложен Дж.А. Барнес в 1954 г. в работе «Class and Committees in a Norwegian Island Parish, Human Relations». Автором был установлен максимальный размер социальным сетям – около 150 чел. Очень скоро анализ социальных сетей превратился в основной метод исследований в антропологии, социологии, социальной психологии, географии и информатике. Исследования в значительном количестве направлений показали, что социальные сети являются действенными на нескольких уровнях: семья, страна, нация, культура, человеческое сообщество и т.д. Стало ясным, что социальные сети влияют на то как решаются проблемы, достигают своих целей личности, группы и организации. С распространением Интернета объединились возможности социальных сетей, как социального феномена, и возможности Интернета. Социальными сетями стали называть также интернет – программы, которые помогают людям общаться в виртуальном пространстве и устанавливать связи между собой с помощью определенного набора инструментов.

Новые возможности коммуникации разрушают границы, которые были обусловлены размерностью прежних средств коммуникации, преодолевали национальные границы.

Литература

1. Хабермас Ю. Коммуникативное действие и дискурс // Первоисточники коммуникативной философии. М.: Просвещение, 1996. С. 84-91.
2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
3. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.
4. Munch R. Die Entfaltung der gesellschaftlichen Kommunikation // Dynamik der Kommunikationsgesellschaft Suhrkamp Verlag. Frankfurt am Main, 1995. S. 77-107.

5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Режим доступа: <http://exsistencia.livejournal.com/>

6. Екинцев В.И., Замарехина И.В. Коммуникативный подход к исследованию личности. Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http>

Гришин Н.В.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КВОТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ¹

Автор систематизирует правовые нормы и политические технологии применения этнических квот при формировании избирательных органов в современных государствах.

Ключевые слова: этнические квоты, избирательные органы, формирование, использование.

Author systematized law norms and political technologies of using ethnic quotas in the formation of electoral bodies in contemporary states.

Keywords: ethnic quotas, electoral bodies, the formation, use.

В некоторых странах мира применяются этнические квоты при формировании органов государственной власти, в том числе – избирательных органов.

При формировании органов представительной власти существуют различные подходы к определению этнических квот. Конституция Кипра предусматривает пропорциональное представительство греческой и турецкой части населения. В Хорватии, если этническая группа превышает 8% от населения страны, она гарантированно имеет пропорциональное представительство в парламенте. В Новой Зеландии за маори (которые составляют 12% населения) закреплено 4 из 97 избирательных округов.

При формировании избирательных органов этнические квоты применяются реже.

Наиболее ярким примером является Босния и Герцеговина. По этническому принципу формируется Центральная избирательная комиссия страны, созданная в 2001 г. Из 7 членов комиссии 2 должны быть боснийцами, 2 – хорватами, 2 – сербами и 1 – представителем других этнических групп. В составе другого избирательного органа - Совета по избирательным жалобам - также обеспечивается этническое представительство, в состав этого органа входят по 1 представителю каждой из 3 основных этнических групп и 1 представитель иных этнических групп.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00153 «Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса: концептуализация научного направления».

При формировании выборных органов власти в этой стране этнический принцип также выражен. Претендовать на пост президента и вице-президентов, а также на места в верхнюю палату парламента могут только люди, относящиеся к сербской, хорватской или боснийской национальностям.

Оригинальный подход, применяемый в Боснии и Герцеговине для формирования органов государственной власти, вызывает противоречивые оценки. С одной стороны, некоторые эксперты отмечают, что соблюдение баланса этнического представительства целесообразно в условиях сложной межэтнической и межконфессиональной ситуации в этой стране [2, с. 134]. С другой стороны, этнические квоты нарушают права представителей иных этнических групп.

В 2006–2009 гг. состоялся процесс в Европейском суде по правам человека по иску, поданному представителями цыганской и еврейской этнических групп Боснии и Герцеговины. Обжаловался способ формирования верхней палаты парламента и способ замещения должности президента страны. Суд постановил, что существующая система приводит к дискриминации по этническому признаку. Тем не менее, вплоть до настоящего времени со стороны официальных органов Евросоюза не было высказано принципиальных замечаний относительно самого этнического принципа формирования органов государственной власти Боснии и Герцеговины. За прошедшие 6 лет, несмотря на решение Европейского суда, не восстановлены права представителей этнических меньшинств участвовать в выборах президента и депутатов верхней палаты.

Таким образом, при формировании избирательных органов в Боснии и Герцеговине права иных этнических меньшинств защищены в большей степени, чем, например, при избрании на пост президента или на выборах в верхнюю палату.

В Новой Зеландии также есть опыт использования этнических квот при формировании избирательных органов. В период 1993–2010 гг. в состав Избирательной комиссии новой Зеландии по должности входил Председатель суда земель маори. Но после реформы 2010 г. представительство должностного лица от коренного населения было отменено. В настоящее время существует этническая квота для маори в другом избирательном органе страны. Комиссия по изменению границ избирательных округов (Комиссия по представительству) формируется не по этническому принципу, но в тех случаях, когда решается вопрос о границах избирательных округов на землях проживания маори, в состав комиссии включаются три официальных представителя маори.

В некоторых материалах, издаваемых под эгидой международной организации IDEA (Международный институт демократии и содействия выборам), содержится рекомендация учитывать этнический компонент при формировании избирательных органов. Такие рекомендации касаются, в частности, Нигерии [3, с. 71]. Выдвигается предположение, что смягчить межэтническую напряженность в политическом процессе в Нигерии и увеличить доверие к выборам может соблюдение этнического, религиозного и языкового баланса в избирательной комиссии.

В целом институт этнических квот при формировании избирательных органов не является широко распространенным. Его наличие может иметь смысл в определенных ситуациях, связанных с неблагополучием в сфере межэтнических отношений. При этом данный институт является спорным и конфликтогенным.

Литература

1. Гришин Н.В. Государственная электоральная политика: предметная область нового научного направления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2014. № 3. С. 71-82.

2. Advancing Electoral Integrity / ed. by P. Norris, R. Frank, and F. Martinez. Oxford: Oxford University Press, 2014. 320 p.

3. Electoral Management Design: The International IDEA Handbook. Stockholm: IDEA, 2006. 480 p.

Грошева Г.В.

ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ)¹

Статья посвящена установлению целей и методов стратегий мультикультурализма и интеграции иммигрантов в современной Германии на примере турецкой диаспоры. Определены институциональные, социокультурные и международные факторы иммиграционной политики Германии.

Ключевые слова: мультикультурная политика, интеграция иммигрантов, Германия, турецкая диаспора.

The article is devoted to the goals and methods of policies of multiculturalism and the integration of immigrants in contemporary Germany on the example of the Turkish diaspora. Defined institutional, sociocultural and international factors of immigration policy in Germany.

Keywords: multicultural policy, the integration of immigrants, Germany, the Turkish diaspora.

Идеология и политика мультикультурализма в Германии тесно связываются с проблемами интеграции и социальной адаптации иммигрантов, консолидации немецкой нации. В последние годы в немецком общественно-политическом пространстве споры о мультикультурном обществе и о проблемах интеграции иностранцев велись вокруг исламской диаспоры. Считается, что остальные категории иммигрантов успешно интегрируются и не составляют проблемы для немецкого общества и немецкой культурной идентичности.

¹ Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Турецкая диаспора представляет собой самую большую группу мусульман – 1 549 808 чел. (1,9%) [1]. Всего турок с иммиграционным фоном (с нынешним или бывшим иностранным гражданством) – 2 793 тыс. чел. (3,5%) [2]. Договор о привлечении рабочей силы с Турцией Германия заключила в 1961 г. Долгое время проблема интеграции турецких иммигрантов немецкое общество не являлась актуальной. Во-первых, их численность в первые десятилетия оставалась сравнительно небольшой. Во-вторых – предполагалось, что турецкие рабочие после окончания контрактов покинут пределы страны.

Значительное увеличение на территории Германии неассимилированных иностранцев-мусульман оказало непосредственное влияние на трансформацию подходов к пониманию немецкой нации. Доминирующая в немецком обществе концепция этнокультурной нации стала давать сбои. В интеллектуальной среде формируется понимание необходимости перехода к модели мультикультурного общества, основанной на идее гражданской нации и способствующей обеспечению конструктивного сосуществования в немецком обществе различных этнокультурных и религиозных групп. В конце 1980-х гг. понятия «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» были включены в политическую лексику. Со вступлением в силу права получения гражданства Германии (2000 г.) и закона о миграции (2004 г.) Германия фактически признала себя «иммиграционной страной»; власти приступили к разработке политики по интеграции иностранцев.

Отличительной особенностью иммиграционной политики современной Германии является ее селективный характер; разные категории иммигрантов наделены разными правами, что значительно осложняет включение турецких иммигрантов в германскую нацию [3]. Существенной причиной, осложняющей интеграцию иммигрантов в немецкое общество, является отсутствие целенаправленного сочетания иммиграционной и интеграционной политики [4]. Изначально приглашая турков как временных рабочих, принимающая сторона не требовала от них интеграции в немецкое общество. Итогом такой политики стала самоизоляция этой части немецкого общества и отрицание общеевропейских ценностей. Каждый четвертый турок в Германии не знает немецкого языка; каждый второй практически не общается с немцами [5]. Высокая степень культурной дистанции по отношению к немецкому обществу среди представителей первого поколения турецких иммигрантов объясняется многими обстоятельствами (язык, религия, патриархально-авторитарной структура семьи, материальный комфорт), и прежде всего их неподготовленностью принять новую культуру и попытаться интегрироваться в ней [6]. Важен и психологический фактор: избегая контактов с чужой культурой, турецкие иммигранты стремятся создать собственную культурную среду и таким образом преодолеть культурный шок [7, с. 31; 8, с. 444-445].

Препятствием интеграции иммигрантских сообществ в Германии можно назвать и «гомогенность и устойчивые традиции самой немецкой культуры, не ориентированной на включение инокультурных анклавов и, в принципе, не имеющей такого опыта» [5, с. 98].

Вопросами интеграции иностранцев в Германии занимается не только правительство, но и множество общественных и неправительственных организаций, которые при помощи средств культуры и образования способствуют согласованию интересов разных социальных групп. Это – творческие союзы и объединения композиторов, журналистов и др. деятелей культуры и искусства, разного рода объединения, ассоциации, правозащитные и благотворительные организации и фонды [9, с. 298]. Одним из стратегических факторов национальной интеграции, наряду с действиями других участников этнической политики в Германии, является пресса, в которой заметно представлены потребности и проблемы турецкой диаспоры [10, с. 141, 143].

Большое влияние на процессы формирования идентичности турков-иммигрантов в Германии и их самоизоляции оказывает религиозный фактор (ислам и мусульманская община). Как отмечается, не все мусульмане готовы подчиняться законам светского демократического западного государства, если они вступают в противоречие с исламом и законами шариата. Система управления общинами остается закрытой для внешнего мира; конфликтные вопросы обыденного существования решаются имамами и старейшинами в соответствии с обычаями страны исхода [11, с. 378].

Кроме того, Германия столкнулась и с влиянием внешнеполитического фактора. Турецкая диаспора в Германии уже в четвертом поколении живет «между двумя странами». Даже для тех, кто принял немецкое гражданство, Турция перестала быть родиной только формально; семьи турецких мигрантов не отрываются от своих корней [4]. Активное участие в судьбе немецких турок принимает руководство Турции. Премьер-министр Турции Р. Эрдоган, ныне президент, приезжая с официальным визитом в Германию, неоднократно (в 2008 и 2010 гг.) предостерегал обосновавшихся в ФРГ турок от ассимиляции, утраты родного языка, национальных традиций и менталитета, призывал к сохранению индивидуальности и культуры [12; 13]. В немецкой прессе речи Р. Эрдогана комментировались с озабоченностью. Приводились результаты опросов, показавшие, что 40% турецкой молодежи в Германии и без того считают своим руководителем Р. Эрдогана, а не А. Меркель. В современной Германии все сильнее выдвигаются требования к руководству Турции, «отпустить людей на свободу», не требовать от них политической и ментальной связи с Турцией [4].

После «провала» политики мультикультурализма, о котором заговорили в 2010 г. лидеры европейских стран, в том числе и канцлер ФРГ А. Меркель, в Германии актуализировалась идея «Leitkultur» (ведущей культуры). Сторонники этой идеи считают, что «приобщение к немецкой культуре послужит эффективным средством интеграции приезжих в общественный организм страны, а успехи этой «аккультурации» – мерой стабильности германской общественной жизни». Остается актуальной и концепция «третьего пути» – формирования немецкой нации с ее подчеркнутым принципом гражданства.

Литература

1. Tabelle 3b. Ausländische Bevölkerung 2006 bis 2013 nach Staatsangehörigkeit und Geschlecht // DE STATIS. Statistisches Bundesamt. Ausländische Bevölkerung – Fachserie 1 Reihe 2 – 2013. URL: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung.html>

2. Tabelle 2. Bevölkerung nach detailliertem Migrationsstatus, Altersgruppen und Geschlecht Insgesamt in 1000 // Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund (Ergebnisse des Mikrozensus 2013). URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund2010220137004.pdf?_blob=publicationFile

3. Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. Иммигранты в Европе: модели интеграции // Актуальные проблемы Европы. 2006. № 1. С. 9-59.

4. Погорельская С.В. Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 79-116.

5. Ежемещев С.С. Внешние миграции и перспективы сохранения этносоциальной идентичности современных государств (на примере Израиля и Германии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4: Востоковедение. С. 97-101.

6. Костина И.Н. К проблеме социокультурной адаптации представителей турецкой национальности в Германии // Успехи современного естествознания. 2004. № 7. С. 136-137.

7. Костина И.Н. Особенности культурной идентификации представителей турецкой диаспоры в Германии // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2009. № 8. С. 29-33.

8. Лебедева И.В., Лебедева Л.К. Турецкий взгляд на проблему мультикультурализма в Германии (рецензия на книгу Сейран Атеш «Заблуждения мультикультурализма») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2013. № 3 (36). С. 443-446.

9. Лебедева И.В. Образ «другого» глазами носителя европейской культуры // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2011. № 4. С. 294-301.

10. Головин Н.А. Функция прессы в социальной интеграции тюркоязычных меньшинств: интернациональное сравнение пяти стран // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 1. С. 137-151.

11. Галкин А.А. Исламский аспект иммиграционной проблемы // Россия реформирующаяся. 2007. № 6. С. 370-385.

12. Erdogan calls for Turkish schools in Germany and dual citizenship // Deutsche Welle. 25.03.2010. URL: <http://www.dw.de/search/english/erdogan%202008/category/9097/sort/relevance/results/20/>

13. Erdogan in Favor of Turkish Schools, Universities in Germany // Deutsche Welle. 08.02.2008. URL: <http://www.dw.de/erdogan-in-favor-of-turkish-schools-universities-in-germany/a-3116456/>

Досанова Г.М., Калдыбасва О.В.

ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Статья посвящена изучению мнения этнических групп Казахстана о роли своих народов в жизни общества, о составляющих этнической идентичности, о состоянии этнической и конфессиональной сферы общества в Казахстане. Серия фокус-групп проведена среди представителей этноконфессиональных групп в лице руководителей и членов национально-культурных центров г. Астана.

Ключевые слова: этническая идентичность, население, Казахстан, формирование, праздники.

The paper studies the views of ethnic groups in Kazakhstan about the role of its people in the society, about the components of Ethnical identity of the state of ethnic and confessional spheres of society in Kazakhstan. A series of focus groups conducted among representatives of ethnic and religious groups in the face of the leaders and members of the national-cultural centers in Astana city.

Keywords: ethnic identity, population, Kazakhstan, formation, holidays.

Важнейшими составляющими национальной идентичности являются праздники, разделяемые большинством населения. В современных условиях смены идентичности представители всех этносов, культур и религий испытывают состояние неопределенности и поиска. С обретением независимости постсоветские общества формируют образ новых праздников, пересматривая перечень существующих, ряд из которых прочно укоренились в сознании народа.

В современных условиях количество и наименование праздников меняется, новые праздники не только характеризуют новую политику национальной, культурной, государственной идентичности, но и предлагает индивиду новую модель идентичности. При этом в зависимости от характера праздника подчеркивается его значимость в формировании гражданской, религиозной либо этнической идентичности.

Данная статья посвящена анализу данных, полученных посредством серии проведенных фокус-групп с населением г. Астана (Казахстан), реализованных в рамках государственного заказа. Целью проведенного в 2015 г. исследования является изучение мнения населения, представителей различных этнических групп о роли своего этноса в жизни современного казахстанского общества, о составляющих этнической идентичности и о состоянии межэтнической и межконфессиональной сферы в Казахстане. Серия фокус-групп была проведена среди представителей различных этноконфессиональных групп в лице руководителей и членов национально-культурных центров.

В данную статью вошли материалы по одному из блоков фокус-групп, касающемуся исследования роли национальных праздников в сохранении идентичности разных этносов, проживающих на территории Казахстана.

Вопросы данного блока гайда фокус-групп определяли роль и значение праздников и традиций в сохранении этнической идентичности. Как показали результаты проведенного исследования, отношение к праздникам у населения Казахстана зависит, во-первых, от статуса праздника (официальный или нет), во-вторых, от этнической принадлежности человека.

Наибольшее внимание представители этносов Казахстана уделяют тем праздникам, во-первых, традиция праздновать которые прочно укоренилась, во-вторых, которые не связаны с политическими событиями, то есть которые не являются официальными. Прежде всего, к таким праздникам можно отнести Новый год и 8 Марта.

Популярность среди населения праздника Новый год можно отчасти объяснить тем, что это праздник, который касается всех национальностей, всех возрастных категорий, значительного числа стран в мире. Кроме того, это чуть ли не единственный праздник, отношение к которому со стороны государства практически не менялось несколько столетий. Это праздник, который фактически не подвергается сомнению, что он – праздник. Что касается Международного женского дня 8 Марта, то, несмотря на коммунистические корни праздника, он и сегодня в сознании населения Казахстана остается одним из важнейших.

Из высказываний участников фокус-групп: 8 Марта однозначно отмечают все. Эту традицию не вытравить ничем, даже через много поколений. Этот праздник стал родным.

Все большую популярность среди населения приобретает праздник Наурыз, являющийся национальным казахским праздником (Новый год по восточному календарю) и наделенный сегодня статусом государственного праздника. Причем, тенденция широко отмечать Наурыз наблюдается не только среди казахов (которые и в советское время его праздновали), но и среди других этнических групп Казахстана. Они называют Наурыз новым для них праздником, пришедшим на смену другим, бытовавшим в советское время.

Из высказываний участников фокус-групп: В детстве праздновали День пионерии, 23 февраля, в школе нас заставляли стихи учить, песни петь, а потом они как-то плавно перешли в праздник Наурыз – дети также стихи учат, также сценки ставят.

Интересно то, большинство представителей нетитульных этносов отмечают Наурыз не только на работе, в кругу коллег (зачастую празднование Наурыза на работе приобретает большой размах), но и дома, с родственниками и друзьями.

Из высказываний участников фокус-групп: Наурыз празднуем, конечно, потому что мы здесь живем в Казахстане, традиции накладывают отпечаток. Празднуем Наурыз, не с таким размахом как Новый год, но празднуем. Тоже стараемся стол накрыть. У меня много друзей среди казахов.

Государственные или официальные праздники, к которым относятся День Независимости, День Республики, День Конституции РК, пользуются меньшей популярностью среди населения, находятся на стадии своего становления. Представители нетитульных этнических групп, говоря об официальных

праздниках РК, замечали, что еще только-только привыкают к ним, но при этом стараются отмечать. Большая часть представителей нетитульных этносов отмечает официальные праздники только на работе.

В сознании населения Казахстана, причем разных этнических и возрастных групп важными остаются и некоторые советские праздники. Важнейшим из них является День Победы (9 Мая), имеющий в Казахстане статус государственного праздника. По мнению участников фокус-групп, День Победы – это праздник, который касается всех.

Из высказываний участников фокус-групп: 9 Мая празднуется всегда. Считаю, что это великий праздник. Сам буду праздновать, детям, внукам буду говорить, чтобы этот праздник праздновался и чтился. Я считаю, что это великий праздник.

Помимо Дня Победы достаточно распространен среди населения еще один советский праздник – 23 февраля (День Советской армии и военно-морского флота). Часть населения поздравляет в этот день мужчин, которые служили в Советской армии. Большая же часть населения расценивает этот праздник как праздник мужчин (по аналогии с женским праздником 8 марта), когда принято поздравлять всех мужчин (и служивших и нет), начиная с самого детства (со школы).

Из высказываний участников фокус-групп: 23 февраля опять же отмечаем, хотя я ни в какой армии не служил. Это расценивается как мужской день, так я, допустим, от сестры, от мамы, от жены до сих пор все-таки принимаю поздравления.

Говоря о праздниках, участники фокус-групп высказали мнение о том, что их желание отмечать праздники во многом зависит от финансовых возможностей.

Из высказываний участников фокус-групп: Это в основном зависит от степени нашего благополучия. Чем больше мы поднимаем свой статус, благополучие, тем больше мы обращаем внимание на праздники. В последние годы мы стали больше праздновать. У нас поднялся материальный стимул. Карман стал пошире, и праздновать стали больше.

Часть информантов обращала внимание на то, что главными в их жизни являются религиозные праздники. Среди этнических групп, традиционно представляющих ислам в Казахстане, основным религиозным праздником является Курбан Айт. Участники фокус-групп интерпретировали данный праздник как праздник жертвоприношения, который обычно сопровождается обильным застольем, приглашением гостей, примирением с врагами. Большая часть населения, по словам информантов, расценивает этот праздник как часть национальных (этнических) традиций, нежели как религиозный праздник. Это может свидетельствовать о невысокой степени религиозности населения, когда религия главным образом выступает в качестве фактора этнической идентичности.

Наиболее значимыми религиозными праздниками для славянского населения Казахстана являются Пасха, Рождество и Троица. Эти праздники являются для людей хорошим поводом собраться вместе всей семьей, пообщаться

друг с другом, лишним поводом повеселиться, встретиться, пообщаться, поделиться хорошим настроением.

Участники фокус-группы отмечали, что традиции отмечать религиозные праздники лучше сохраняются в сельской среде, где исполняются все необходимые обряды. Причем большинство из них совершается коллективно. В городе же традиции празднования религиозных праздников давно умерли. Сегодня, по словам информантов, и в селе религиозные традиции начали умирать, потому что люди оттуда уезжают.

Интересно то, что некоторая часть славянского населения утверждала, что помимо православных они отмечают и мусульманские праздники, выражая тем самым солидарность с другими этносами и уважение к их традициям.

Из высказываний участников фокус-групп: Отмечаем и мусульманские праздники, потому что живем здесь. У меня в кругу общения большинство казахи, мои друзья. Они также придерживаются моих праздников.

Таким образом, можно сказать, что наибольшей популярностью среди населения Казахстана пользуются старые, укоренившиеся праздники, сохранившиеся с советского времени, не связанные с политикой и официальными датами. Официальные праздники только находятся на стадии становления, отмечаются в основном в служебной обстановке, на работе, не имеют среди населения большой распространенности. Один из новых праздников Наурыз является достаточно популярным среди населения, причем не только титульной национальности, и широко отмечается. Одним из важнейших праздников, сохранившихся со времен Советского Союза, остается День Победы, однако, постепенно отодвигающийся (по мнению информантов) по своему значению на дальний план. Религиозные праздники осознаются населением как часть национальных и семейных традиций. При этом следует отметить, что население не только достаточно толерантно относится к государственным праздникам или к традиционным праздникам других этносов и религий, но и активно празднует их, считая своими.

Таким образом, формирование новых национальных и государственных праздников в современном Казахстане является выражением новой идентичности, которая, судя по приведенным данным, может быть охарактеризована доминированием этнической идентичности над другими ее составляющими (религиозной, гражданской и проч.).

Журавлева Е.Н.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

В работе определена трактовка понятия «культура». Раскрыты актуальные проблемы диалога и взаимодействия культур на основе концепции В.С. Библера.

Ключевые слова: культура, взаимодействие культур, культурное многообразие.

The paper defined interpretation of the concept of “culture”. Disclosed topical issues of dialogue and interaction between cultures, based on the concept of V.S. Bibler.

Keywords: culture, the interaction of cultures, cultural diversity.

Очень часто мы слышим слово «культура». Оно происходит от латинского слова *colere*, что означает культивировать, или возделывать почву. Понятие культура существует практически во всех языках и употребляется в самых разных ситуациях, часто в различных контекстах. Понятие культуры чрезвычайно широко, поскольку в нем отражается сложное, многогранное явление истории.

Применительно к сегодняшней жизни можно сказать, что совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов их созидания, умение использовать их для прогресса человечества, передавать от поколения к поколению и составляют культуру. Исходной формой и первоисточником развития культуры является человеческий труд, способы его осуществления и результаты. Мы используем понятие культуры как сущность человеческого бытия через реализацию творчества и свободы.

Культура охватывает не только прошлое, настоящее, но и простирается в будущее. Культурные процессы исследуются в главных сферах жизнедеятельности человека. Г. Бирюкова в своем диссертационном исследовании «Диалог: социально-философский анализ» даёт следующее определение: «Диалог есть самонастраивающаяся адаптивная система коммуникации, где возникает феномен “пространства коммуникативной соотнесенности” и, стало быть, возникает само понимание... диалог предстает собой способ выяснения и понимания индивидами идей общего блага с целью обеспечения совместных условий для самореализации».

Диалог культур является формой существования культуры. Как известно, культура внутренне неоднородна – она распадается на множество несхожих культур, объединенных в основном национальными традициями. Национальные культуры могут взаимодействовать по различным сценариям. Одна культура может исчезнуть под давлением другой, более сильной культуры [1].

Проблема взаимодействия культур. Изоляция культуры – это один из вариантов противостояния национальной культуры давлению других культур и интернациональной культуры. Изоляция культуры сводится к запрету любых

изменений в ней, насильственному пресечению всех чуждых влияний. Такая культура консервируется, перестает развиваться и в итоге умирает, превращаясь в набор музейных экспонатов и подделок под предметы народных промыслов [1].

Для существования и развития любой культуры, как и любому человеку, необходимы общение, диалог, взаимодействие. Идея диалога культур подразумевает открытость культур друг другу. Но это возможно при выполнении ряда условий: равенства всех культур, признания права каждой культуры на отличия от других, уважения к чужой культуре.

Культурное многообразие – важное условие для самопознания человека: чем больше культур он узнает, чем больше стран посетит, чем больше языков выучит, тем лучше он поймет себя и тем богаче будет его духовный мир. Диалог культур – основа и важная предпосылка для формирования и укрепления таких ценностей, как толерантность, уважение, взаимопомощь, милосердие.

Взаимодействие культур затрагивает самые разные группы людей – от малочисленных этносов, состоящих из нескольких десятков человек, до миллиардных народов (таких, как китайцы). Поэтому при анализе взаимодействия культур выделяют следующие уровни взаимодействия:

- этнический;
- национальный;
- цивилизационный.

▪ культура этноса, обеспечивая его стабильность, выполняет не только этноинтегрирующую функцию, но и этнодифференцирующую, что выражается в наличии специфических для данной культуры ценностей, норм и стереотипов поведения и закрепляется в самосознании этноса.

▪ В целом протекающие при взаимодействии на этническом уровне этнические процессы могут привести к разным формам как объединения этносов и их культур (ассимиляция, интеграция), так и их разделения (транскультурация, геноцид, сегрегация).

▪ Процессы ассимиляции, когда члены этнокультурного образования утрачивают свою первоначальную культуру и усваивают новую, активно протекают в экономически развитых странах. Ассимиляция осуществляется путем завоевания, смешанных браков, целенаправленной политики растворения малого народа и культуры в среде другого более крупного этноса.

Интеграция – это взаимодействие внутри страны или какого-нибудь крупного региона нескольких существенно различных по языку и культуре этносов, при котором у них появляется ряд общих черт, в частности формируются элементы общего самосознания. В культурологии интеграцию определяют как процесс согласования логических, эмоциональных, эстетических значений с культурными нормами и реальным поведением людей, как установление функциональной взаимозависимости между разными элементами культуры.

Таким образом, «диалог культур» не является понятием не абстрактной культурологии, но философии, стремящейся осмыслить глубинные смещения культуры; на рубеже XX–XXI вв. это проективное понятие современной куль-

туры. Время диалога культур – настоящее (в его культурной проекции на будущее). Диалог культур есть форма (возможной) культуры XXI века. XX век есть начинание культуры из хаоса современного бытия, в ситуации постоянного возвращения к началу с мучительным осознанием своей личной ответственности за культуру, историю, нравственность.

Литература

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 7.
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 16.
3. Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избр. очерков. М., 1997.
4. Библер В.С., Ахутин А.В. Диалог культур. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0958.html>
5. Бирюкова Г.М. Диалог: социально-философский анализ. Дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000.

Игнатъева И.Ф.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА

Статья раскрывает геополитические и этносоциальные факторы развития современного российского туризма. Определено воздействие текущих международных конфликтов на российский туризм. Проведено прогнозирование развития современного российского туризма.

Ключевые слова: российский туризм, факторы развития, геополитика, этносоциальные факторы.

The article reveals the geopolitical and ethnosocial factors of development of modern Russian tourism. Defined the impact of the current international conflicts on the Russian tourism. A prognosis of the development of modern Russian tourism is realized.

Keywords: Russian tourism, development factors, geopolitics, ethnosocial factors.

Индустрия туризма выступает важной отраслью мировой и национальной экономики. Как феномен глобального порядка, туризм все более становится геополитическим явлением. Продвижение туристских активов является важнейшим компонентом продвижения страны в целом. Развитие предпринимательства, принятие правовых документов по туризму, упрощение туристских формальностей привело к появлению масштабных туристских потоков, оживлению туристской отрасли, движению капиталов в этой сфере.

Понимание туризма как фактора мировой индустрии тесно сближает проблематику туристской науки с геополитикой и глобалистикой. Рост объектов производства в индустрии туризма сказывается на развитии других отраслей экономики (создаются новые рабочие места, расширяется торговый оборот, возрастает поток инвестиций). Государство получает доход в виде налогов. В этом смысле туризм выступает как крупный самостоятельный многоотраслевой хозяйственный компонент национальной и мировой экономики. В связи с тем, что современная экономика любой развитой страны может быть осмысленна только в глобальной и геополитической перспективе, туризм и как экономическое явление также приобретает глобальный и геополитический характер.

Как социокультурный феномен туризм – это “способ деятельности” и ценность одновременно. Человек в туристской поездке приобщается к миру своей собственной, или иной культуры, ее артефактам и ценностям. В целом, любой вид туризма может быть рассмотрен в аспекте социальной и межкультурной коммуникации. В таком широком смысле туризм является глобальным социокультурным феноменом, включается в процессы существования и развития мировой культуры. Культурные влияния, возникающие на индивидуальном уровне, приводят к более глубоким этносоциальным и геополитическим влияниям.

Антропологическая и ценностная составляющие туризма направлены на самореализацию человеческой единичности (частности), в отличие от деятельности человека в политике, экономике, производстве, в которых он демонстрирует свою публичность. Туризм имеет сервисный, “нетехнический” характер. Туризм часто рассматривают исключительно как экономическое понятие, однако особое значение в нем имеет “человеческое измерение”. Субъектом туристской деятельности может выступать любой человек, если он отправляется в путешествие. Турист как лицо, временно переменившее место жительства, руководствуется определенной целью: познавательной, спортивной, оздоровительной и т.д. Особенность любой деятельности определяется характером ее целей. Человек в путешествии не просто потребитель “туристского продукта”, но личность, которая в процессе странствий приобщается к культуре, осваивает ее, превращая полученные знания в достояние собственной духовности (ценности, убеждения, смыслы).

Социокультурные влияния туризма проявляются прежде всего как этносоциальные. Туризм имеет значительные коммуникативные возможности. С помощью туризма активизируются процессы межкультурной коммуникации. Реализуясь на уровне частной жизни людей, их личностных переживаний и событий, туризм, чаще всего, сближает людей. На уровне отдельных индивидов это выражается в возникновении потребности изучения языка и культурных традиций (например, изучение русского языка в Египте, Турции и др.). Непосредственное знакомство с чужой культурой позволяет не только узнавать, но и сопереживать, проникать в ее глубины. Интерсубъективные процессы, диалогическое общение, реализуясь в ходе

туристских обменов, способствует интегративным процессам в глобальном геополитическом масштабе, позволяя преодолевать тенденции сепаратизма, вражды, взаимной подозрительности.

Самые мощные потоки российского туризма через культурное влияние несут этносоциальное влияние. Распространение русского языка в Египте, Турции в силу большого количества русских туристов ведет к тому, что люди поддерживают любые политические шаги своего правительства, направленные на углубление и улучшение связей с Россией. Туризм служит популяризации культуры России. Большинство гидов были в России. Многие молодые люди готовы жениться на русских девушках, а многие уже заключили браки и живут в России. Это готовит почву для превращения туристских связей в социальные и культурные, что в свою очередь, имеет более непосредственное влияние на политику. Развитие туризма требует политического сближения. С социокультурными и этносоциальными влияниями туризма связаны его экономические влияния, имеющие явно выраженный геополитический аспект.

По прогнозам Всемирной туристской организации, к 2020 г. Россия войдет в двадцатку крупнейших стран по въезду туристов. Постепенно туризм займет существенное место в экономике нашей страны. Россия в ближайшее время станет одной из самых крупных туристических держав, заявил недавно секретарь Всемирной туристской организации. За последние десять лет рост туризма в России составил 35%. На рынке внутреннего туризма в России прогнозируется постепенный рост в 4,5–5%. Россия активно входит в движение всемирных туристских потоков, включается в международные туристские сети. Все это означает, что в довольно скором времени туризм станет одним из ведущих факторов геополитического влияния России наряду с такими, как экономика, информация и др.

Российский Союз туристской индустрии выделяет следующие основные проблемы развития туризма в России.

1. Рост транспортных тарифов и стоимости гостиничных услуг, связанных с ростом коммунальных тарифов, процентных ставок по кредитам, многократным ростом ставок налога на землю.

2. Моральный и физический износ туристской инфраструктуры, отсутствие эффективных механизмов стимулирования инвестиций в ее развитие.

3. Несовершенство действующей нормативно-правовой базы предпринимательской деятельности в сфере туризма.

4. Недостаточность экономических стимулов развития въездного и внутреннего туризма.

5. Существование визового режима с экономически развитыми странами, сложного миграционного учета.

6. Недостаточность национального рекламного бюджета на продвижение туристского продукта на внутреннем и внешнем рынках.

7. Дефицит квалифицированных кадров, в частности, со средним специальным образованием, несовершенство образовательных стандартов и др.

В условиях кризиса как никогда актуальны основные меры по развитию туризма в России, предлагаемые Российским Союзом туриндустрии:

1. Защита прав и интересов туристов как потребителей.
2. Финансовая поддержка со стороны государства.
3. Совершенствование налогообложения.
4. Таможенное регулирование.
5. Тарифное регулирование.
6. Сокращение туристских формальностей.
7. Кадровое и научное обеспечение.

Преодоление вышеназванных проблем с помощью предлагаемых мер позволит туризму в России усилить свои социокультурные, этносоциальные и геополитические влияния в мире.

Влияния туризма на этнические и социальные процессы – это лишь одна сторона вопроса. Другой стороной является влияние этносоциальных и геополитических процессов на развитие рынка туризма. Так, изменения современной глобальной геополитической ситуации на международной арене: присоединение Крыма к России, война на Украине, оказывают серьезное влияние на развитие российского туризма.

Политологи рассматривают современную геополитическую ситуацию как глобальный геополитический конфликт. Здесь столкнулись интересы глобального лидера (США) и России, которая не согласна с ролью только регионального лидера. Борьба здесь идет не только за влияние на Украине, но и за мироустройство: останется ли мир однополярным или трансформируется в результате обострения глобального геополитического конфликта в многополярный. Геополитики США помышляют о глобальной гегемонии в мире и отводят России статус не глобальной, а региональной державы. Украинский кризис является составной частью того глобального геополитического конфликта за влияние в мире. Глобальный геополитический конфликт включает в себя не только традиционную военно-политическую, но и геоэкономическую, этно-конфессиональную, ценностно-культурную составляющие. Главным направлением глобального геополитического конфликта выступает геоэкономическая конкуренция государств: борьба за ресурсы, рынки сбыта, инвестиции и технологические инновации [1, с. 429].

Следствием глобального геополитического конфликта является, в частности, то, что на рынке российского туризма сегодня существуют серьезные проблемы. Сегодняшняя геополитическая ситуация, связанная с украинским кризисом, к сожалению, не способствует развитию туристского рынка. Причинами этого являются нестабильность валютных курсов и общее падение покупательской способности населения, что во многом – следствие санкций против России, которые, в свою очередь, вызваны геополитическим кризисом.

Эти процессы обусловили кризис международного туризма в России. Согласно Закону «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» международный туризм включает в себя въездной и выездной туризм. Туризм въездной – это туризм в пределах территории Российской Федерации лиц, не проживающих постоянно в Российской Федерации. Туризм выездной – туризм лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации, в другую страну.

За довольно короткий период с середины июля по настоящее время приостановили свою деятельность десятки крупных и средних туроператоров. Сложившаяся обстановка на рынке туристского бизнеса дает основания предполагать, что фирмы и дальше будут приостанавливать свою деятельность. Однако это часто связано не столько со снижением платежеспособности россиян. В условиях кризиса участились случаи проявления недобросовестности самих туроператоров. В отношении компаний «Нева», «Роза ветров Мир», «Интаэр» и «Интаэр Трэвел» возбуждены административные дела. «Турпомощь» и АТОР насчитали 20 тыс. туристов, пострадавших от деятельности недобросовестных компаний. Часть туристов были оставлены за рубежом из-за задолженностей перед авиаперевозчиками. Некоторые туристские компании имеют недостаточные страховые покрытия, поскольку обращаются к не очень надёжным страховым компаниям. Например, пострадавшие клиенты «Лабиринта» смогут получить страховое возмещение на одного человека не более 2,5 тыс. р.

Однако представители турбизнеса считают, что перспективы туристской отрасли достаточно неплохие, не смотря на то, что ценовые предложения на лето 2015 г. в сравнении с прошлым годом выросли в 1,5, а то и в 2 раза. Особенно возросла стоимость туров в европейские страны — Кипр, Греция, Испания, в меньшей степени – в Турцию. В результате раннее бронирование проходит очень вяло. В среднем цифра падения спроса на туры по акциям раннего бронирования уже приблизилась к 40%. По данным Ростовского аэропорта наблюдается снижение пассажиропотока на 9%. Туроператором «Пегас Туристик» было проведено серьезное маркетинговое исследование по развитию рынка туризма до 2018 г. По данным исследований, даже несмотря на замедление темпов роста рынка и нынешнее уменьшение количества выезжающих на 10%, к 2018 г. поток российских туристов возрастет как минимум в полтора раза [2].

Выезд россиян за границу в перспективе будет продолжать дорожать. В связи с этим намечается тенденция переориентации с международного туризма на внутренний. Внутренний туризм – это туризм в пределах территории Российской Федерации лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации. Многие туристы переориентировались на российские курорты еще в 2014 г. В 2015 г. ожидается сохранение тенденции роста внутреннего турпотока. Впервые возникает серьезная конкуренция между российскими регионами, в частности, в период межсезонья и зимой многие российские регионы могут составить конкуренцию приморским курортам Краснодарского края и Крыма.

Причинами роста внутреннего туризма, являются, прежде всего, экономические факторы, такие, как девальвация рубля. Однако, наряду с экономическими причинами, значительную роль имеет геополитический фактор. Влияние геополитического фактора проявилось, в частности в двух тенденциях. Первая – это рост патриотических настроений, связанных с присоединением Крыма. Вторая – рекомендация сотрудникам некоторых силовых ведомств, госструктур и государственных корпораций не покидать Родину во время отпуска. По оценке аналитиков АТОР, всего количество таких сотрудников совместно с членами их семей достигло четырех миллионов. В результате российские курорты по итогам 2014 г. имели плюс 25-30% к прошлогоднему туристическому потоку [3].

Геополитические факторы напряженности вокруг Крыма и Украины значительно повлияли на сегмент въездного туризма в 2014 г. По оценкам туроператоров, спад турпотока составил примерно 30-40% от прошлогоднего показателя. В основном, это обусловлено отказом от путешествий в Россию туристов из Европы и США, которые традиционно составляли 60% от общего турпотока в нашу страну [3]. При этом вырос поток туристов в Россию из Турции и Китая. Страны Азии постепенно становятся основной стратегического рынка для российского въездного туризма.

Стратегическое управление туристской отраслью в России осуществляет Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) при Министерстве культуры Российской Федерации. Оно является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению в сфере туризма. В его функции входит, прежде всего, реализация приоритетных направлений государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации, формирование и ведение единого федерального реестра туроператоров, продвижение туристического продукта на внутреннем и мировом туристских рынках [4].

В Ростуризме считают, что 2015 г. может стать для Российской Федерации настоящим туристическим бумом в сфере въездного туризма, что будет обусловлено падением рубля. Поскольку нынешний курс рубля является очень низким к доллару и евро, это делает невероятно дешёвыми и привлекательными поездки в Россию для жителей Запада. В связи с ожиданием большого количества туристов в России будут созданы уникальные туры, которые пока не имеют аналогов в мире [5].

Таким образом, современные геополитические и этносоциальные процессы оказали и продолжают оказывать существенное влияние на развитие Российского туризма, вызвали серьезное уменьшение туристских потоков в рамках въездного и выездного туризма. Прогнозы развития туризма в России показывают позитивные перспективы для въездного и внутреннего туризма и более скромные возможности для туризма выездного.

Литература

1. Исаев Б.А. Теории геополитики // Введение в политическую географию. Учебное пособие / под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2013. С. 409-431.

2. Туристический рынок: проблемы и перспективы 2014 года // Реальный бизнес. Стратегия и тактика успеха. Электронный ресурс. 05.2014. <http://www.real-business.ru/magazines/05-2014/turisticheskiy-rynok-problemy-i-perspektivy-2014-goda>

3. Россия: Туризм – 2015 // 29 декабря 2014 г <http://news.turizm.ru/russia/45661.html>

4. Положение о Федеральном агентстве по туризму (в ред. Постановления Правительства РФ от 05.05.2014 № 408). http://www.russiatourism.ru/contents/ob_agentstve/Regulation

5. Войс В. Ростуризм: из-за обвала рубля Россию в 2015 году ждёт туристический бум. 08.02.2015. http://24smi.org/news/21536-rosturizm-iz-za-obvala-rublya-rossiyu-v-20_newsall.html

Исаев Б.А.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

В статье установлена типология современных политических конфликтов. Предложена авторская трактовка роли и смысла Украинского кризиса как проявления глобального геополитического конфликта. Оценивается геополитическая стратегия Российской Федерации.

Ключевые слова: глобальный геополитический конфликт, Украинский кризис, геополитическая конкуренция.

The article set typology of today's political conflicts. The author's interpretation of the role and meaning of the Ukrainian crisis as a manifestation of global geopolitical conflict. Evaluated geopolitical strategy of the Russian Federation.

Keywords: global geopolitical conflict, Ukrainian crisis, geopolitical competition.

Чтобы понять, что представляет собой геополитический конфликт, начнем с определения политического конфликта. Политический конфликт – это противостояние политических акторов, детерминированное их интересами и структурными позициями в сложившейся системе властных отношений, противостояние, направленное на изменение этих позиций, а также на нейтрализацию или ликвидацию противостоящих акторов [1, с. 481]. Под геополитическим конфликтом мы понимаем противостояние двух или более субъектов геополитики, то есть, в первую очередь, государств, противостояние, определяемое геополитическими характеристиками (в первую очередь, географическим положением, величиной территории, населения и ВВП) и геополитиче-

ским статусом государств в сложившейся геополитической системе и направленное на повышение собственного статуса и снижение статусов соперников или изменение всей геополитической системы.

Из определения видно, что существуют два основных типа геополитических конфликтов:

1. геополитический конфликт за повышение собственного геополитического статуса;
2. геополитический конфликт за изменение всей геополитической системы.

Следует понимать, что первый тип геополитического конфликта представляют собой игру с нулевой суммой, означающую, что всё, что завоевано одной стороной, теряется другой стороной или повышение геополитического статуса одного участника конфликта вызывает соответствующее понижение статуса другого участника. Например, во франко-прусской войне 1870 г. Франция потерпела поражение и понижение геополитического статуса, а Пруссия, победив в двустороннем вооруженном конфликте, повысила свой геополитический статус и вошла в число великих держав.

Второй тип геополитического конфликта представляют собой игру с ненулевой суммой, так как все участники могут что-то приобрести или потерять в борьбе за переустройство мира, при этом сумма приобретений и потерь не обязательно будут равны. Например, после окончания Второй мировой войны приобретения стран-победительниц Великобритании, Франции, СССР в геополитическом смысле (то есть если считать не только рост территорий, но и прирост населения, экономики, положения в мире и др.) не были равны потерям стран, потерпевших поражение Германии, Италии, Японии. Следует также учесть, что во Второй мировой войне, кроме указанных стран, на стороне той или иной коалиции участвовали и другие государства, например, Испания, Румыния, Болгария, Финляндия, Польша, Чехословакия, Китай, приобретения и потери которых также не составляют нулевую сумму.

Эти основные типы геополитических конфликтов, в свою очередь, подразделяются на следующие виды:

- двусторонний статусный геополитический конфликт, в котором участвуют только два актора, борющиеся за повышение геополитического статуса;
- многосторонний статусный геополитический конфликт, в который вовлечены более, чем два актора, каждый из которых стремится повысить свой собственный геополитический статус и, соответственно, понизить статусы своих геополитических соперников;
- двусторонний системный геополитический конфликт, в котором борются два государства или два блока государств, задачей которых является изменение всей геополитической системы. Например, Первая или Вторая мировая война, которые с рассматриваемой точки зрения представляли собой конфликты коалиций государств за изменение всей сложившейся структуры мира;
- многосторонний системный геополитический конфликт, в котором сразу несколько акторов борются за трансформацию сложившейся геополитической системы. Например, современный геополитический конфликт между

основными акторами США, ЕС, РФ, КНР за трансформацию однополярного мира в многополярный. При этом одни государства (в данном случае США) выступают за сохранение статус-кво, другие (ЕС, РФ, КНР) – за трансформацию однополярного мира в многополярный.

Какими бы сложными, глубокими и продолжительными ни были бы геополитические конфликты, они всегда завершаются миром, то есть установлением консенсуса, определенного равновесия, определенной конфигурации акторов геополитики в сложившейся картине мира.

Нарушение глобального геополитического равновесия, то есть попытка изменить сложившуюся систему геополитических сил и геополитических статусов государств или коалиций государств, мы называем **глобальным геополитическим конфликтом**, то есть глобальным противостоянием, всемирной борьбой акторов геополитики.

С этой точки зрения мирное существование той или иной глобальной политической системы представляет собой частный случай глобального геополитического конфликта, когда взаимоотношения акторов геополитики не обострились до конфликтного уровня.

Глобальный геополитический конфликт не тождественен мировой войне, ибо он может разрешаться как военными, так и мирными средствами.

Для разрешения глобального геополитического конфликта мирным путем существует немало возможностей, среди которых: всемирные институты конфликто разрешения в лице ООН и ее отдельных структур, многосторонние и двусторонние переговоры, дипломатические контакты, саммиты лидеров ведущих держав, официальные визиты лидеров ведущих государств и т.д.

Метафорически глобальный геополитический конфликт может быть представлен в виде вулкана, в недрах которого кипит магма. Магма не часто извергается на поверхность, но это не означает, что вулкана не существует. Так же, как и вулкан, глобальный геополитический конфликт существует всегда, только в годы разрядки международной напряженности его извержение равно нулю.

Как и в предыдущие геополитические эпохи в наше время геополитические конфликты проявляют себя как борьба за гегемонию. Разница между современными и классическими геополитическими конфликтами заключается как раз в их глобальном проявлении в наше время. «Гегемония так же стара, как мир. Однако американское мировое превосходство отличается... своими глобальными масштабами и способами осуществления» – утверждал еще в 1997 г. З. Бжезинский [2, с. 13]. Глобальный геополитический конфликт включает в себя сегодня не только традиционную военно-политическую, но и геоэкономическую, этно-конфессиональную, ценностно-культурную и информационную составляющие. Геополитические конфликты не обязательно проявляют себя в активной стадии вооруженного противостояния или холодной войны. Они могут довольно долгое время созреть и существовать в обстановке холодного мира в стадии ремиссии. В этой стадии они могут быть осознаваемы и обсуждаемы во втянутых в них государствах или вообще быть отложены, исключены из актуальной политической повестки дня. Но в каком

бы положении геополитические конфликты ни находились с точки зрения данного руководства государств и актуального политического процесса, они потенциально существуют и только ждут соответствующей обстановки, чтобы стать политической реальностью.

Со времени распада СССР (1991 г.) в мировой геополитике установилась своеобразная иерархия, ведущим элементом которой стали США, вторую ступень заняли ведущие страны ЕС: Великобритания, Франция, Германия, а также Россия и Япония. Отдельное место занял Китай, который, не вступая в открытый конфликт с Западом, постоянно наращивал свою геополитическую мощь. В это время (1991–2014 гг.) лишь Россия, да и то по отдельным вопросам (например, югославский кризис, сирийский кризис, расширение НАТО на восток) иногда оспаривала главенствующую роль США, но, в общем, проводила линию на «стратегическое партнерство» с Западом. Геополитический конфликт между Западом и Россией зрел давно. Собственно, он никуда не исчез после советской перестройки и распада СССР. Исчезла лишь одна, а именно идеологическая его составляющая. Исчезновение глобального противостояния идеологий в постперестроечной России было ошибочно принято за урегулирование глобального геополитического конфликта. Однако претензии Запада и в первую очередь США на глобальное лидерство сохранились. Более того, приняв итоги перестройки в СССР, в первую очередь, распад политического блока Варшавского договора и развал СССР за свою «чистую» победу, США еще более активно устремились к глобальной гегемонии. В своем стремлении к глобальному лидерству США, а за ними и ЕС начали освоение освободившегося геополитического пространства. В эту концепцию «освоения геополитического пространства побежденного противника» вписываются действия западных держав в Ираке и Афганистане, в Сирии и вообще в Северной Африке, по приему в ЕС стран Балтии, по бомбардировкам Югославии, наконец, по украинскому кризису. Сюда же можно отнести прием стран – бывших членов Варшавского Договора в НАТО, продвижение НАТО на восток, «цветные революции» в России. Можно констатировать, что после падения Берлинской стены и распада СССР Запад действовал согласно логике победителя в глобальном геополитическом конфликте, «зачищая» и осваивая территорию и подвергая идеологической обработке население «приобретенных» стран. Более того, и сегодня Запад мыслит категориями геополитики и всеми силами там, где это возможно, стремится усилить свое влияние на новые пространства. Особенно Запад интересуется пространством бывшего СССР и стран, находившихся под его влиянием. Сегодня им все более движет представления его геополитиков о глобальной гегемонии США в мире и не глобальном, а региональном статусе России. Ведь в глобальном геополитическом, как и вообще в политическом конфликте важную роль играют статусы конфликтующих государств (супердержава или региональная держава, член ООН или постоянный член Совета Безопасности ООН) [4, с. 17].

В такой довольно благоприятной обстановке Запад распространял свое геополитическое влияние, заключавшееся в экономическом, военно-

политическом и этико-правовом доминировании и навязывании западных стандартов всему миру. Это продолжалось до тех пор, пока Россия, в лице своих лидеров, в первую очередь – Президента В.В. Путина [3], не осознала всей опасности грядущего геополитического цунами. В настоящее время глобальный геополитический конфликт, обострившийся в результате геополитического наступления Запада на Россию и пространства, находившиеся под ее влиянием, наиболее остро проявляет себя в украинском кризисе.

Украинский кризис разворачивается на двух уровнях. На первом – в самой Украине он проявляет себя как обострившееся противостояние между сторонниками прозападного и пророссийского пути развития. Здесь тоже не все однозначно, ибо Россия в постсоветскую эпоху не противопоставляла себя Западу, а выступала за сотрудничество. Другой, более высокий или глобальный уровень украинского кризиса составляет конфликт между Россией и Западом за влияние на Украине. Это и есть часть того глобального геополитического конфликта за влияние в мире. Здесь столкнулись интересы глобального лидера (США) и регионального лидера с элементами глобального лидерства (постоянного члена Совета Безопасности, ядерной и космической державы, самой большой по площади страны мира – РФ). Борьба идет не только за влияние на Украине, но и за мироустройство: останется ли мир однополярным или трансформируется в результате обострения глобального геополитического конфликта в многополярный.

И все же главным направлением глобального геополитического конфликта выступает сегодня не вооруженное противостояние на периферии бывшей советской сферы влияния (как это было во времена холодной войны), а геоэкономическая конкуренция государств: борьба за ресурсы, рынки сбыта, инвестиции и технологические инновации [5, с. 409–431]. Формирование единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы всё больше ставит силу государства в зависимость от конкурентоспособности его национальной экономики в условиях мирового рынка. Страны, которые не могут обеспечить конкурентоспособность своей экономики на мировом рынке, рано или поздно теряют свой военный потенциал, а нарастающее отставание в уровне жизни делает такие государства социально и политически нестабильными. Поражение в геоэкономической конкуренции, таким образом, становится предпосылкой для понижения геополитического статуса и поражения в глобальном геополитическом конфликте.

Литература

1. Абгаджав Д.А., Абдуллаев Н.В., Алейников А.В., Газимагомедов Г.Г., Давыдов Л.В., Исаев Б.А., Кузнецов В., Осипов И.Д., Пинкевич А.Г., Стребков А.И., Сунами А.Н. Конфликты в условиях трансформации современного российского общества / под ред. А.В. Алейникова, А.И. Стребкова. СПб.: БХВ-Петербург, 2015.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

3. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 года. http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377tupe63381type82634_118097.shtml

4. Сирота Н.М. Политическая конфликтология. СПб.: ИВЭСЭП, 2015.

5. Исаев Б.А. Теории геополитики // Введение в политическую теорию / под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2013. С. 409-431.

6. Додни Д. Геополитика и изменения // Геополитики и геостратеги: Хрестоматия / под ред. Б.А. Исаева. СПб., 2004. Ч. III. Кн. 7: Современная американская геополитика.

7. Gallois P. Geopolitique. Les Voies de la Puissance. Paris, 1990.

Каншаова Н.Р.

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В работе систематизированы концептуальные подходы к политическому анализу гражданского общества. Проведен анализ политических учений о гражданском обществе. Раскрыты противоречия трактовок проблемы.

Ключевые слова: гражданское общество, политическая наука, исследование, концептуальные подходы.

We systematized conceptual approaches to political analysis of civil society. The analysis of the political doctrines of civil society is done. Disclosed contradictions of problem's interpretations.

Keywords: civil society, political science, research, conceptual approaches.

Формирование и развитие гражданского общества является значимым периодом в истории человечества, государства и права. Общество, существовавшее в любом известном государстве, не всегда являлось гражданским. Изучение феномена гражданского общества ведется на протяжении долгого времени, но исторические, теоретические и практические аспекты исследования данной категории трудно признать глубоко изученными. Политическая категория «гражданское общество» ассоциируется с такими понятиями, как свобода, законность, равенство, демократия. Как правило, в политической науке существует значительное количество подходов в толковании подобных многозначных понятий. Ученые и политические деятели отмечают, что, несмотря на широкую распространенность употребления категории «гражданское общество», до сих пор точно не определен предмет его исследования, не существует единства в понимании самого феномена гражданского общества и его содержания. Таким образом, общепризнанного концептуального подхода к изучению гражданского общества нет, но стоит выделить ряд значимых концепций, которые сформировались в период исследования данной категории в политической науке.

Понятие гражданского общества (перевод с англ. «civil society») формировалось на протяжении нескольких веков. Исторически это понятие восходит к семье латинских слов «civis», «civilis», «civitas» (перевод с лат. «гражданин», «гражданский», «город»), с чем и связаны такие аспекты гражданского общества как гражданство, гражданские обязанности и права [1]. Идеи гражданского общества зародились еще в Древней Греции и Римской империи, но получили дальнейшее развитие лишь в трудах средневековых мыслителей. Обоснование основополагающих положений о гражданском обществе происходит в XVII–XVIII вв., где в сообществе граждан началось осознание того, что необходимо создание народных законов и устранение полной зависимости от грубой силы государства [3]. Этот этап охватывает ранние буржуазные революции, где на месте прежних сословий появляются политически организуемые классы, возникает система республиканско-демократических институтов и разделения властей. Также формируются конституции, декларирующие основные права человека и гражданина, а социальные отношения строятся на основе взаимопризнания индивидов как равноправных «юридических лиц». Данные положения стали базой политико-правовых концепций эпохи.

История исследования гражданского общества в политической науке начинается с концепции Аристотеля, который одним из первых начал изучение гражданского общества и отождествлял его с политической общностью (politike koinonia) [8, с. 61]. Она определялась как публичная этико-политическая общность свободных и равных граждан. Согласно Аристотелю непрерывное развитие общества ведет к созданию государства. Аристотель подчеркивал важность понятия целостности, которое объединяет всех граждан, учитывая возникновение естественной структуры общественности, которое включает в себя различные институты публичной власти, общественные группы. Идеальным гражданским обществом Аристотель считал форму общественного порядка, при котором граждане в рамках государства строят равноправные отношения в соответствии с системой права и активно участвуют в общественной жизни.

Цицерон в научном труде «Диалоги. О государстве. О законах» выделял гражданское общество как синоним государства (res publica) [13, с. 86]. Он видел в нем дело народа, где народ трактовался как соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. В этом смысле оно отличается от варварского мира. По мнению Цицерона, основой государства, его определяющим началом является право, что сыграло значительную роль в политико-правовой теории.

Мыслители нового времени изложили принципиально отличный концептуальный подход к изучению гражданского общества. Они утверждали, что им является политическое общество, которое сменяет естественное состояние. Если Т. Гоббс полагал, что только государство своей властью обеспечивает слияние отдельных людей, которое и является обществом [5, с. 87], то Дж. Локк отождествлял политическое и гражданское общество и стремился разграничить правительство и общество [9, с. 139]. Ш.-Л. Монтескье считал, что возникновение гражданского общества – это результат общественного догово-

ра. Он указывал на то что, люди приходят к единству посредством общей воли, а такое единство называется гражданским состоянием. Монтескье рассматривает развитие гражданского состояния или государства как необходимый исторический процесс [10, с. 15].

С позиций индивидуализма и универсализма гражданское общество рассмотрено в работах И. Канта. По мнению мыслителя, гражданское общество раскрывается как общность, основанная на универсальных правах человека, которые выходят за рамки любых частных правовых или политических систем [6, с. 211].

Значительный вклад в изучении гражданского общества привнес Г.В.Ф. Гегель, которому принадлежит первая современная концепция гражданского общества. В ней впервые присутствует четкое разделение гражданского общества и государства как самостоятельных институтов, отношения между которыми можно назвать как «опосредование» и «взаимопроникновение» [4, с. 30].

Современные концептуальные подходы к изучению гражданского общества в политической науке нашли свое отражение в работах многих зарубежных и российских ученых.

Д. Истон рассматривает гражданское общество как сферу самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерческих направленных ассоциаций и организаций, независимую от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти и бизнеса. Классическая схема данного исследователя рассматривает гражданское общество как фильтр требований и поддержки общества к политической системе [14].

Ю. Хабермас полагает, что гражданское общество начинается с появлением частного, возникает новое общественное. Набирающая силу общественность начинает сильно влиять на политическую власть, отстаивает свои интересы. В связи с этим, по мнению исследователя, возникает необходимость в формировании «пристанищ» для публики, где народ мог бы выражать свое мнение [12, с. 132]. Начинается создание частных клубов, организаций, советов, которые являются предшественниками современных институтов гражданского общества. Хабермас представляет себе гражданское общество как всеобщий консенсус, достигаемый в рамках рационального дискурса, в ходе которого каждый его участник, отстаивая собственный интерес, стремится, тем не менее, совместить его с общим нормативным стандартом. Хабермас объявляет себя последователем Канта, дополняя взгляды последнего положением о том, что сам общий нормативный стандарт может и должен обсуждаться и меняться в связи с появлением новых участников дискурса или новых обстоятельств. Всеобщее согласие, по Хабермасу, не являясь реальностью гражданского общества, все же служит его конституирующей идеей.

Следует отметить позицию М. Фуко, который видит зарождение гражданского общества в процессе формирования и регулирования экономических отношений. По мнению Фуко, история дает нам возможность осознать те общественные конструкции (arrangements), которые порождают проблемы, например, слабое гражданское общество, и те, которые порождают удовлетво-

ренность, например, укрепление (empowering) гражданского общества [11, с. 98]. Он говорит о том, что существующие конституции и связанные с ними институты должны функционировать демократически и удовлетворять социальные, экономические потребности граждан, что и порождает сильное гражданское общество в государстве.

В российской политологии выделяется концепция П. Баренбойма, который дает свою трактовку гражданского общества, подразумевая под ним некоммерческие организации (третий сектор), как гарантов соблюдения прав человека, совокупность общественных отношений вне рамок властно-государственных и коммерческих структур, но не вне рамок государства как такового. Он подчеркивает, что развитое гражданское общество – это важнейшее условие построения правового государства и его равноправный партнер [2].

Противоречивость гражданского общества объясняет С.Г. Кара-Мурза: «Фундаментальный смысл понятия гражданского общества основан на двух концепциях: антропологической (человек как индивид, атом) и политэкономической (частная собственность). Следовательно, это понятие в его главном смысле неприменимо к незападным культурам, стоящим на иных антропологических и политэкономических представлениях» [7].

Таким образом, различные зарубежные и отечественные ученые разрабатывают различные концептуальные подходы к изучению гражданского общества в политической науке. Очевидно, что развитие и активизация институтов гражданского общества актуализирует вопрос необходимости выработки единого подхода к определению данного понятия, что требует применения междисциплинарного подхода.

Литература

1. Андропова И.В. Гражданское общество. Теоретико-методологические основы исследования // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2004. № 7. С. 9-10.
2. Баренбойм П.Д. Правовое государство как партнер гражданского общества: к 150-летию опубликования концепции «Государство как произведение искусства» // Законодательство и экономика. 2010. № 9. С. 12.
3. Галкина Е.В. Концептуальный анализ современных моделей гражданского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 8-1. С. 61-63.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 302 с.
6. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. 254 с.
7. Кара-Мурза С.Г. Общество граждан // Деловая газета «Взгляд». 2013. 27 авг.
8. Лебедева Т.П. Аристотель // Политическая энциклопедия в 2-х т. М.:

Право, 1999. Т. 1. 253 с.

9. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. в 3 т. М.: Наука, 1988. Т. 2. 321 с.

10. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. URL:http://new.philos.msu.ru/uploads/media/SHarl_Lui_Monteske_O_DUKHE_ZAKONOV.pdf (дата обращения: 15.10.2015).

11. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учеб. году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.

12. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.

13. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. 226 с.

14. Easton D.A. Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965. XVI, 143 p.

Коньшев В.Н.

ПОЛИТИКА США ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Статья выявляет цели, направления и особенности политики США по созданию систем противоракетной обороны. Автор отмечает вызовы, риски и угрозы данной политики для национальной безопасности России.

Ключевые слова: политика, США, системы противоракетной обороны, создание, безопасность, Россия.

The article identifies goals, direction and characteristics of USA' policy on the creation of a Ballistic Missile Defense system. The author points out the challenges, risks and threats of this policy for the national security of Russia.

Keywords: politics, the US Ballistic Missile Defense system, the establishment, security, Russia.

Проблема противоракетной обороны (ПРО) занимает важное место в отношениях СССР/России и США еще с 1950-х гг., то есть с тех пор, как появилось ракетно-ядерное оружие. Краеугольным камнем стабильности в двусторонних отношениях десятилетиями служил договор о ПРО 1972 г., который ставил ограничения на качественное развитие средств ПРО и территориальный охват. Однако США в одностороннем порядке вышли из договора в 2001 г. и пошли по пути создания национальной, а затем и глобальной ПРО. В настоящее время в отношениях Москвы и Вашингтона складывается очередная кризис, связанный с развертыванием системы ПРО США на территории третьих стран, включая европейский сегмент, известный как «Европейский поэтапный адаптивный подход» с участием стран НАТО. Проблема ПРО практически вышла из-под правового контроля, перед Россией встает жизненно важный вопрос о выработке ответной стратегии.

Технически современные системы ПРО включают в себя радары дальнего радиуса действия, средства космической связи и средства перехвата ракет: шахтные, мобильные и морского базирования на кораблях типа «Иджис».

Сегодня проблема ПРО оказывает влияние не только на национальную безопасность России, но и на глобальную систему международной безопасности. Проблема ПРО вышла далеко за рамки двусторонних отношений. Она может негативно сказаться на безопасности многих регионов, где происходят или только созревают конфликты. Бесконтрольное создание средств ПРО в конечном счете провоцирует новый виток гонки вооружений. Кроме того, системы ПРО фактически усиливают ударный потенциал государств, обладающих стратегическим ядерным оружием, что также нарушает региональный и глобальный баланс сил. Между тем США стремятся закрепить свое слабеющее экономическое военно-политическое влияние путем создания региональных систем ПРО по всему миру.

Помимо европейского сегмента уже создаются системы ПРО на Ближнем Востоке и в АТР, обсуждаются возможности развертывания ПРО вблизи арктического побережья России. США будут обеспечивать себе контроль за этим процессом, активно участвуя в создании региональных ПРО через научно-техническое сотрудничество, поставки оборудования, ракетных систем, систем связи и управления, а также укреплением военно-политических связей с союзниками. Из сочетания возможностей национальной ПРО США и региональных ПРО постепенно будет формироваться глобальная система ПРО под контролем США.

К созданию ПРО будут привлекаться организации коллективной безопасности, прежде всего НАТО. С помощью региональных систем ПРО США пытаются прочнее привязать к себе своих союзников в различных регионах мира, которые после окончания холодной войны стали проявлять слишком большую (с точки зрения Вашингтона) самостоятельность в вопросах обеспечения своей безопасности и отсутствие нужды в американском «ядерном зонтике».

Значение систем ПРО в современной стратегии неразрывно связано с теми изменениями стратегической стабильности, которые происходят после окончания холодной войны.

В современных условиях понятие стратегической стабильности требует серьезного уточнения. Окончание холодной войны сопровождалось важнейшим политическим изменением – взаимным отходом США и России от непримиримого противостояния, что снизило стимулы для превентивного ядерного удара. Но постепенное распространение технологий, позволяющих создавать ракетно-ядерное оружие, по новому ставит вопрос об условиях стратегической стабильности.

Для государств, которые сегодня стремятся получить ракетно-ядерное вооружение, это главным образом средство асимметричного ответа перед лицом превосходящей как ядерной, так и конвенциональной мощи великих держав. В таком случае развертывание региональных компонентов ПРО в различных регионах мира создает для США стимул для нанесения превентивного

обезоруживающего удара по «недружественным» государствам, не имеющим потенциала сдерживания. Россия, находясь под прессом экономических проблем и отставанием в модернизации обычных вооруженных сил и вызовов безопасности с различных стратегических направлений, также вынуждена усиливать акцент на свои ядерные силы.

Роль ПРО в современной военной стратегии США определяется теми изменениями, которые произошли в стратегическом мышлении после окончания холодной войны. Вместо представлений о сбалансированности оборонительно-наступательного баланса между двумя супердержавами и взаимных ограничений на ПРО, в современном полицентричном мире, где происходит распространение ракетно-ядерных технологий, в США возобладало мнение, что ПРО способна сыграть стабилизирующую роль [1, с. 326].

Это связано с тем, что некоторые государства, обладающие ракетно-ядерным вооружением или стремящиеся его заполучить, отнесены к странам-«изгоям», которым приписывается агрессивность и несоблюдение международного права. Поэтому, с точки зрения США, вести с ними диалог в русле прежних советско-американских отношений нецелесообразно. Поскольку они не обладают сравнимым потенциалом сдерживания, возникает возможность принудить их отказаться от планов использования ракетно-ядерного оружия, предварительно создав мощный щит ПРО.

Другим фактором, повлиявшим на переоценку роли ПРО, стал массовый характер военных конфликтов с участием негосударственных субъектов политики, включая преступные, террористические и экстремистские организации различного толка, что крайне затрудняет политико-дипломатические меры урегулирования. В тоже время ракетное оружие становится все более доступным.

На уровне военной стратегии США изменение роли ПРО зафиксировано в идее «новой триады» стратегических сил, озвученные в 2001 г. в докладе министерства обороны «Состояние ядерных сил» [2]. Снижение ядерной угрозы со стороны России и появление новых асимметричных угроз в виде государств-«изгоев» и международного терроризма сделали бессмысленным упор на развитие наступательных ядерных сил. В докладе отмечается, что наращивание стратегических возможностей США отныне увязывается с развитием национальной системы ПРО. Она призвана не только выполнять перехват баллистических ракет, но и постепенно снижать роль ядерного компонента вооруженных сил, не уменьшая их общей мощи и эффективности.

Замысел состоял в том, чтобы, опираясь на развитые средства ПРО и опережающее развитие неядерных стратегических сил в виде высокоточного оружия, информационных операций и сил специальных операций убедить потенциального противника в бесполезности затрат и усилий по созданию межконтинентальных ракетных комплексов, включая менее уязвимые мобильные комплексы, или других попыток повысить живучесть стратегических ядерных сил. В перспективе отрыв от потенциального противника в качестве ПРО и неядерного стратегического оружия еще и позволяет США идти на

переговоры по снижению ядерных арсеналов, получая односторонние преимущества.

Главные особенности развития ПРО – это поэтапное и адаптивное создание отдельных ее элементов. Адаптивность предполагает, что системы будут обладать мобильностью, способностью к быстрому наращиванию развернутых противоракет и открытостью к постоянной модернизации всех компонентов. При этом особое внимание уделяется разработке и развертыванию элементов ПРО морского базирования, т.к. именно они позволяют достигать наибольшей мобильности.

В перспективе поэтапный адаптивный подход позволит США быстро реагировать на военные угрозы не только в регионах, где длительное время сохраняется напряженность, но и в любых других точках планеты, перебрасывая туда мобильные средства ПРО [3, с. 27]. Тем самым развитие региональных компонентов будет постоянно наращивать возможности США по решению стратегических задач в глобальном масштабе.

Можно выделить следующие вызовы безопасности, возникающие для России уже сегодня или в обозримой перспективе:

- контроль пусков российских межконтинентальных баллистических ракет и получение данных об их характеристиках;
- изменение соотношения сил за счет размещения объектов ПРО США в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе;
- совершенствование космической компоненты ПРО, которая позволит не только уточнять целеуказание, но и наносить удары из космоса;
- в сочетании с высокоточным оружием и ядерными вооружениями системы ПРО приобретают наступательный характер, целью которого может быть нанесение превентивного упреждающего удара по России;
- усиление морской составляющей дает США преимущества, т.к. мобильность кораблей «Иджис» и радаров на плавучих платформах позволяет перебрасывать значительные силы ПРО практически в любой регион мира, включая Баренцево, Балтийское, Черное и Японское моря.

Литература

1. Арбатов А. Стратегические асимметрии и дипломатия // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 326.
2. Excerpts From Classified Nuclear Posture Review Submitted to Congress on 31 Dec., 2001. Mode of Access: www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm
3. Ballistic Missile Defense Review Report. Washington: Missile Defense Agency, 2010. P. 27.

Коротченко Ю.М.

ВАЛЮАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Автор аргументирует валюативные основания межкультурного диалога. Предложена интерпретационная матрица коллективного сознания, определены ее структурные элементы. Раскрыты возможности выработки общих примиряющих смыслов, общей валюативной матрицы крымчан.

Ключевые слова: межкультурный диалог, валюативные основания, интерпретационная матрица коллективного сознания.

The author argues valuative base of intercultural dialogue. He create a collective consciousness interpretative matrix, define its structural elements. Disclosed the possibility of developing conciliatory common meanings, common valuative matrix for Crimeans.

Keywords: intercultural dialogue, the valuative foundations, interpretative matrix of the collective consciousness.

Проблематика диалогичности как формы коммуникации культурных субъектов приобретает особую актуальность в условиях углубления социально-политических конфликтов. Это настолько очевидно, что кажется самим собой разумеющимся и не требующим специального разговора. Между тем, сегодня представляется особенно важным вернуться к изначальному, заложенному в этимологии и раскрывавшемуся в работах классика диалогической традиции в философии М.М. Бахтина [1], смыслу термина «диалог», освободив его от обыденной трактовки, согласно которой диалог – «разговор двоих», а полилог – это термин, обобщающий диалог до «разговора многих». На самом деле этимологически в своей первой части слово диалог восходит не к корню «ди», переводимому с древнегреческого как «два», а к предлогу «диа», который означает «через»: «*día* (ср. лат. *dis*), предлог ... через...» [2, с. 301]. Диалог, следовательно, не является данностью, но всегда предполагает преодоление границ собственного Я или, в случае проблематики межкультурной коммуникации, границ собственной культурной идентичности. Если мы, говоря о диалоге, хотим оставаться в поле теоретического мышления, мы обязаны иметь в виду, что диалог – это всегда нового смыслового поля для участников, трансформирующих смысловые границы собственных идентичностей в конкретной диалогической ситуации, в отдельном диалогическом опыте. Смысловые трансформации могут реализовываться как простое ознакомление со смыслами Другого. Это вырожденная форма диалогического общения; возможно также и полное «стирание» Другого, абсолютное его поглощение. Самой конструктивной формой диалогической коммуникации является, разумеется, трансформация смысловых полей участников диалога в некую общую идентичность. Это становится возможным исключительно при условии готовности каждого субъекта к преодолению собственных культурных барьеров. Причем культурные ограничения не обязательно связаны с ксенофобными

стереотипами или памятью об исторических «обидях». Роль такого рода границ играют также уникальные маркеры той или иной культуры (никогда Иисус не станет для иудея или мусульманина тем, кем является для православного; никогда Чингисхан не станет для славянина героем, а для монгола он таковым неоспоримо является и т.п.).

Как возможны такого рода трансформационные процессы? Смыслы рождаются в результате интерпретационных практик. Общая структура интерпретационного процесса предполагает, во-первых, присутствие субъектов интерпретации. В нашем случае это носители культурного коллективного сознания. Во-вторых, необходимо наличие объекта интерпретации. Это может быть социум, история, люди с их поступками и качествами. Наконец, должны быть средства интерпретации. Культурное сознание обладает интерпретационным ресурсом, более того, именно этот ресурс, дающий интерпретационные ориентиры, центрирует культурное сознание, делает его устойчивым к внешним влияниям. Этот ресурс трудно выделяем, он заметен, скорее, по результатам своей активности, однако, можно попробовать его эксплицировать и задать систематически. Так, нами была предложена интерпретационная матрица коллективного сознания, которую мы назвали валюативом [3]. Она включает в себя персонифицирующую дугу, представленную героями, мучениками и врагами; нормы, ценности, и средства репрезентации: язык, художественное творчество и идеологию. К этой матрице прилагается интерпретационный слоган, представляющий собой квинтэссенцию валюатива (например: «Свобода, равенство, братство!», «Вера православная, власть самодержавная!», «Вся власть Советам!» и т.п.). Валюативная матрица предоставляет средства интерпретации. Это, в свою очередь, означает, что элементы данной матрицы выполняют функцию своеобразных ярлыков, «приклеиваемых» к объектам интерпретации. В результате объекты, например, люди, становятся героями или врагами, а их действия – подвигами или преступлениями в некотором данном валюативе. Таким образом, диалог в поликультурном социуме изначально проблематичен. Но настоящей проблемой он становится в случае антагонистического соответствия между элементами валюативной матрицы и объектами интерпретации. Это, например, имеет место сегодня в Украине, разделенной на границы не просто регионов, но полярных интерпретаций. В этом случае, при отсутствии интенции носителей валюативов к интерпретационным трансформациям, социум обречен на коллапс.

Такая интенция оказывается чрезвычайно важной для современного Крыма. Сегодня острейшим образом актуализируется проблема выработки общих, примиряющих крымчан, смыслов, общей валюативной матрицы. Это не означает отказа от частных валюативов; они важны для обыденной и культурной жизни людей. Но человек многомерен, в нем уживаются валюативы разных уровней. Валюатив крымчанина важен для всех, частные же валюативы могут пренебрегать интересами Другого. Валюатив крымчанина может, на наш взгляд, быть ценностно-центристским. При этом базовая ценность – жизнь в мирном процветающем Крыму, объединяющем народы, строящем «культурные мосты», должна быть осознаваема как реальная необходимость,

потребность и интерес всех культурных субъектов Крыма. Такое культурное сознание – не данность, но результат выбора, отказа от собственных стереотипов, компромиссов, разрешения внутреннего конфликта для каждого отдельного человека. Но это необходимый путь для Крыма сегодня.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Соч. в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки русской культуры, 2002. С. 6-300.

2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь; репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 с.

3. Коротченко Ю.М. Валюатив: опыт структурного определения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. Симферополь, 2011. Т. 24 (63), № 3-4. С. 35-45.

Лагутин О.В.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОРПОРАТИВИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

В данной работе установлены причины и сущность преобладания государственного корпоративизма в современной России. Этот политико-экономический институт расценивается как инструмент модернизации страны в условиях кризиса.

Ключевые слова: государственный корпоративизм, кризис, модернизация России, инструмент.

In this paper we established the causes and nature of the predominance of state corporatism in modern Russia. This political-economic institution is regarded as a tool for modernization of the country in conditions of crisis.

Keywords: state corporatism, crisis, modernization of Russia, tool.

На сегодняшний момент времени можно констатировать, что государственный корпоративизм в современной России стал мощным политико-экономическим институтом, катализатором роста которого явился глобальный мировой экономический кризис.

Капитализм акционерных обществ, главными субъектами которых являются корпорации, включает в себя два основных преимущества: позволяет более тонко, на более ранней стадии определять конкурентные преимущества хозяйственных ячеек общества; минимизирует общественные потери от конкурентной борьбы. Что касается системы корпоративного управления, то оно представляет собой набор институциональных механизмов, ограничивающих отклонения от поведения, обеспечивающего максимизацию рыночной стоимости кампании. Механизмы корпоративного управления представляют собой

«систему раннего предупреждения», которая обнаруживает и «купирует» случаи неэффективности на более ранних стадиях, обеспечивая тем самым оптимальную экономию ресурсов. Следовательно, преимущества корпорации – определение конкурентных преимуществ экономических субъектов общества и минимизация общественных потерь от конкурентной борьбы.

Основные экономические мощности страны находятся в условиях сурового климата, что напрямую влияет на затраты при производстве любого продукта. Поэтому, производство в России в условиях функционирования мировой экономической системы нерентабельно в принципе. По этой причине вывоз капитала из страны превосходит приток внешних инвестиций. Следовательно, конкурентоспособность российской экономики в целом уступает по сравнению со своими западными «партнерами».

Разработка и внедрение новых технологий позволит минимизировать издержки производства и максимизировать прибыль. И речь в данном случае идет даже не о модернизации экономики, которая предусматривает «догоняющий принцип», а именно о технологической революции. К тому же мировой рынок уже сложился, произошло мировое разделение труда по странам. Именно по этому России необходима технологическая революция для того, чтобы изменить мировую экономическую структуру в свою пользу. Ключевую роль в данном процессе должно сыграть государство – главное действующее лицо технологической модернизации.

Государство – это тот институт, который непосредственно влияет на состояние конкуренции в экономике, способный установить определенные «правила игры» с бизнесом, расширить или наоборот сузить конкурентную среду.

Онтологический архетип российской государственности включает в себя три характерные особенности: единоличная власть и жесткая, иерархическая вертикаль власти; сакральный духовно-православный характер единоличной власти; государственный управленческий аппарат как инструмент реализации политических решений единоличной власти [1, с. 118].

Центром выработки и принятия государственных решений в России еще в большей степени стал бюрократический орган - администрация президента и высшие чиновники государственного управленческого аппарата, включая важнейших министров и губернаторов, верхушку партии власти, а также глав крупных государственных корпораций, то есть то, что называется доменом единоличной власти. Таким образом, произошло выделение высших слоев бюрократии в качестве группы опосредующих процесс мобилизации и перераспределения ресурсов, то, что, по словам В.П. Мохова, можно назвать неологическим термином «неономенклатурой» [2, с. 255].

В свою очередь механизм мобилизации и перераспределения ресурсов по своему определению должен быть централизованным, поскольку именно централизация позволяет перераспределить и сконцентрировать ресурсы в стратегических сферах или сферах, которые отстают от мирового уровня.

Исторически можно проследить, что в тех сферах и отраслях, где централизация необходима, Россия имела преимущество. В нестабильные периоды истории русское государство навязывает низовым ячейкам конкуренцию ад-

министраторов, то есть внутри каждой кластерной единицы отношения неконкурентные, а между собой кластеры связываются уже конкурентными отношениями. Этот русский вид конкурентной борьбы на несколько порядков сильнее, чем западная конкуренция. Российская конкуренция ускоряет все общественные процессы, она более жестока, за минимальный срок достигает максимальной силы конкурентного воздействия, что позволяет обеспечивать высокие темпы естественного отбора способных управленцев. Ресурсы перераспределяются на много быстрее, чем в ходе классической западной конкуренции, поэтому эволюция всех сфер жизни общества на фазе нестабильного состояния системы управления идет в России большими темпами.

Главными субъектами современного капитализма акционерных обществ являются корпорации, в России сложился определенный тип отношений между институтами власти и собственно корпорациями как ключевого звена экономики. Начиная с 2007 г., на политическую и экономическую авансцену выступил новый для России, а в некоторых особенностях и в мировой практике институт государственной корпорации. Этот институт вбирает в себя два основных элемента, альянс которых дает мощный эффект управленческого характера. С одной стороны, это корпоративная мобильность, с другой государственная возможность осуществлять мобилизационно-перераспределительные функции в отношении ресурсов. Предполагается, что госкорпорации должны стать центром, объединяющим усилия государства и бизнеса для выполнения важнейших задач, решать которые по отдельности было бы сложнее. То есть, госкорпорации призваны стать локомотивом формирования новой структуры отечественной экономики, выступая в качестве параллельных структур.

В современной России государственная корпорация является организационно-правовой формой некоммерческих организаций. Она учреждается отдельным федеральным законом, что позволяет выделить для данной структуры эксклюзивный правовой статус. Также предполагается, что госкорпорация берет на себя обязательство по более эффективному использованию управленческих, финансовых и деловых ресурсов.

На государственную корпорацию, собственность которой не является государственной собственностью, не распространяется действие закона о банкротстве и положения о раскрытии информации. Ее деятельность не подотчетна государственным органам за исключением Президента и Правительства Российской Федерации.

Государственные корпорации могут создаваться в любых значимых сферах жизнедеятельности государства, где широко представлен государственный интерес. Произошла трансформация целых сегментов исполнительной власти в особые виды экономической деятельности, основанной на эксплуатации властных полномочий, задача которых — стимулирование развития соответствующего сектора экономики. На сегодняшний день функционируют такие государственные корпорации как ГК Агентство по страхованию вкладов; ГК «Внешэкономбанк»; ГК «Роснано»; ГК «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» (ФСР ЖКХ); ГК «Росатом»; ГК «Ростехнологии» [3, с. 31]. По направленности и структуре вышеупомянутых государ-

ственных корпораций можно с уверенностью определить, какие сферы и направления политико-экономической деятельности являются приоритетными для российской политической элиты. В целом включены сферы стратегического, инфраструктурного, инновационного характера.

Приоритетность сфер деятельности государственных корпораций уже позволил сконцентрировать огромное количество бюджетных средств. О результативности деятельности данного института можно судить по многочисленным зарубежным перспективным проектам ГК «Росатом» или успешно проведенным зимним Олимпийским играм в Сочи (деятельность ГК «Олимпстрой»). В состав образованных государственных корпораций включена значительная часть той экономики страны, которая имеет потенциальные возможности технологического прорыва. И в условиях обострения отношений с Западом госкомпания вполне могут стать тем институциональным локомотивом, который модернизирует отечественную экономику, и выстоит в геополитическом противостоянии нового времени.

Литература

1. Шевченко В.Н. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. М.: ИФРАН, 2008. С. 118.

2. Мохов В.П. Неономенклатура в структурах современной власти // Властные структуры и группы доминирования: Материалы X Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоц, 2012. С. 255.

3. Вавилина А.В. Роль государственных корпораций в инновационном развитии экономики России // Управление поведением корпораций в изменяющейся экономической среде. Сб. науч. ст. / под ред. В.Л. Сидниной. Саратов: Саратовский источник, 2011. С. 31.

Ларionova И.Г., Носаненко Г.Ю.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ТАТАРСТАНА: 2002 г. и 2015 г.

В статье изложены материалы и выводы лонгитюдного анкетного опроса молодежи Татарстана. Выявлена конфессиональная и этническая самоидентификация татар и русских. Установлено влияние долгосрочных и ситуативных факторов политики на идентичность молодежи региона.

Ключевые слова: молодежь, Татарстан, конфессиональная самоидентификация, этническая самоидентификация.

The article presents the data and conclusions of longitudinal questionnaire of youth in Tatarstan. Revealed confessional and ethnic self-identification of the Tatars and Russian. The effect of long-term and situational factors on the identity of the youth policy in this region established.

Keywords: youth, Tatarstan, confessional self-identification, ethnic self-identification.

В настоящее время проводится достаточное количество исследований, посвящённых проблемам идентичностей [1, с. 24], однако и идентичности меняются всё быстрее, но людям требуется сохранять во времени нечто устойчивое, постоянное, поэтому данная проблема постоянно требует корректировки, и в её разрешении необходим междисциплинарный подход [2]. В современной России, поиск оптимального сочетания этнической, гражданской и религиозной идентичности актуален на федеральном и региональном уровнях, и является условием сохранения единства и стабильности российского общества [3].

Республика Татарстан является одним из многочисленных регионов России, где этнический состав населения представлен различными этническими группами. Согласно данным переписи населения 2010 г., в Татарстане насчитывается 3786488 чел., из них татар – 2012571 чел. (53,15%), русских – 1501369 чел. (39,65%), 272548 чел. (7,2%) других национальностей [4].

Этническая идентичность, по определению Т.Г. Стефаненко, это «составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определённой этнической общности» [5, с. 210]. Однако, в реальной жизни, как указывает автор, этническая идентичность не сводится и может не совпадать с декларируемой идентичностью (причислением себя к этнической общности), которая проявляется в самоназвании. Из всего вышеизложенного вытекает актуальность изучения реальной этнической идентичности, или национальной самоидентификации индивида.

Исходя из того, что этнос – это «устойчивая в своём существовании группа людей, осознающих себя её членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие» [5], можно предположить, что должны существовать какие-либо факторы, позволяющие определить, осознаёт себя индивид членом группы или нет.

На наш взгляд, подобным фактором может выступить чувство «мы», которое соответствует «понятию внутренней духовной общности» [6]. «Для этнических групп «мы-чувство» фиксирует осознание особенностей своей собственной группы, отличие её от других групп» [7], т. е. если у человека развитое национальное самосознание, то оно проявится либо в связи с собственной Я-концепцией, либо как компонент чувства «мы».

Целью нашего исследования стало выявление динамики национальной и конфессиональной самоидентификации в полиэтничном обществе на примере Республики Татарстан. Исследование проводилось в два этапа. В 2002 г. были получены данные, характеризующие национальную и религиозную самоидентификацию молодых жителей Татарстана (на примере г. Нижнекамска) [8, с. 59-64], в 2015 г. исследование повторили.

В 2002 г. на выборке в возрасте 16-35 лет общей численностью 94 человека, в которой русские и татары были представлены поровну, используя анкету, тест Куна-Макпартланда «Кто я?» и тест «Незаконченные предложения»,

модифицированный И.Г. Ларионовой для выявления групповой соотнесённости, были получены данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1

**Конфессиональная и этническая идентичность молодёжи
Татарстана в 2002 г.**

Показатели	«Незаконченные предложения», количество человек, упоминающих		«Кто Я», количество человек, упоминающих	
	национальность	вероисповедание	национальность	вероисповедание
русские, n =47	18 38.30%	4 8.51%	14 29.79%	9 19.15%
татары, n =47	8 17.02%	11 23.40%	27 57.45%	12 25.53%
p<	0,008	0,022	0,002	-
уровень значимости	1%	5%	1%	не значимо

Для выявления значимости различий использовался критерий угловое преобразование Фишера [9].

Полученные данные позволили сформулировать следующие умозаключения. По тесту «Незаконченные предложения» категория национальность чаще актуализировалась у русских, чем у татар (достоверность различий соответствует 1%-ному уровню значимости), что касается вероисповедания, то здесь зависимость обратная: данная категория чаще актуализировалась у татар, чем у русских (5%-ный уровень достоверности различий). Причём, если у татар национальность и вероисповедание упоминались примерно с равной частотой (достоверных различий выявлено не было), то у русских значимо доминировал национальный признак (1%-ный уровень достоверности различий).

Таким образом, категория «мы» у русских была больше связана с национальностью, чем с вероисповеданием, в отличие от татар, у которых и национальность, и вероисповедание примерно равно актуализировались в связи с «мы»- категориями.

Вопросы веры, на наш взгляд, заслуживают особого внимания, причём интересно соотношение религиозности с категориями «я» и «мы». Так, у мусульман вероисповедание примерно одинаково актуализировалось как в связи с категорией «мы» (23,4%), так и с категорией «я» (25,53%). У христиан же категория «мы» была актуализирована у 4 человек (8,51%), против 9 человек (19,15%), актуализировавших вероисповедание в связи с категорией «я». Но данные различия не достигли даже 5%-ного уровня значимости ($p \leq 0,064$). В целом же, можно заметить, что вероисповедание не являлось достаточно по-

пулярной категорией для самоидентификации, но преобладало всё же больше у татар, чем у русских, особенно, в связи с категорией «мы» эти различия были наиболее выражены.

Что касается этнической соотнесённости, то у татар доминировала категория «я», т.к. в связи с этой категорией национальность упоминали 57,45% представителей данной группы, а в связи с категорией «мы» - лишь 17,02%. У русской подвыборки соотношение обратное, в ней доминировала категория «мы» - 38,3%, против 29,79% - упоминавших национальность в связи с категорией «я», но достоверность этих различий статистически не значима, в отличие от выборки татар, где различие было достоверно на 1%-ном уровне. Таким образом, можно предположить, что национальность для татар являлась весьма важной характеристикой их самосознания.

Анализируя данные, полученные при помощи теста «Кто я?», можно отметить, что у выборки русских национальность и вероисповедание актуализировалось примерно одинаково (значимых отличий не выявлено), чего нельзя сказать о выборке татар, у которых значимо преобладал национальный признак (1%-ный уровень различий). Поскольку выборка татар была целиком представлена людьми, отметившими в анкете, что они исповедуют ислам, то можно заключить, что собственная религиозная соотнесённость являлась для татар менее важной, чем соотнесённость национальная. Те же тенденции наблюдались и в выборке русских, но она не достигла значимого уровня.

В 2002 г. были сформулированы следующие выводы:

1. Обнаружена общая тенденция у представителей обеих национальностей, при актуализации «я»-категории: у обеих групп преобладает национальная соотнесённость над религиозной, причём у татар данное преобладание статистически значимо, а у русских нет.

2. Категория «мы» у русских больше была связана с национальностью, чем с религиозной соотнесённостью, в отличие от татар, у которых подобной зависимости не выявлено.

3. Вероисповедание не является достаточно популярной категорией для самоидентификации, но у татар встречается чаще, чем у русских.

4. Национальная самоидентификация у русских больше связана с категорией «мы», а у татар с категорией «я».

Исследование аналогичное предыдущему было организовано и проведено нами в январе-феврале 2015 года. Ситуация в республике в это время характеризовалась тем, что еще свежи были в памяти трагические события конца 2013 – начала 2014 гг. Мы здесь имеем в виду не только разбившийся в Казани пассажирский самолет [10], но и поджоги церковей [11], и обстрел ракетами и минирование «Нижнекамскнефтехима» [12]. Тогда в обществе очень часто можно было услышать противопоставление «они» (террористы) и «мы» (простые жители, все остальные – независимо от национальности). Все это, по нашему предположению, должно было найти своё отражение в особенностях конфессиональной и этнической идентичности жителей Татарстана, в том числе и молодого возраста. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Конфессиональная и этническая идентичность
молодёжи Татарстана в 2015 г.**

Показатели	«Незаконченные предложения», количество человек, упоминающих		«Кто Я», количество человек, упоминающих	
группы	национальность	вероисповедание	национальность	вероисповедание
русские, n =88	25	13	23	15
	28,4%	14,8%	26,1%	17,0%
татары, n =91	22	20	32	12
	24,2%	22,0%	35,2%	13,2%
p≤	-	-	-	-
уровень значимости	не значимо	не значимо	не значимо	не значимо

Как видно из полученных данных, различия между представителями русского и татарского народов Татарстана нивелировались, достоверных различий выявлено не было.

Возможно, это связано с тем, что в настоящее время Россия находится в сложной политической ситуации, что стимулирует рост гражданского самосознания, снижается значимость признаков дифференцирующих граждан страны, таких как национальность и вера. Но для проверки этой гипотезы необходимо провести дополнительное исследование.

Что касается особенностей конфессионально-этнической самоидентификации исследуемых групп, то выявленные в 2002 г. тенденции сохранились. У русских категория «мы» по-прежнему чаще связывается с национальностью, чем с верой ($p \leq 0,05$), тогда как у татар подобные различия отсутствуют. Особенностью же татар является то, что при актуализации «я»-категории у них преобладает национальная соотнесённость над религиозной, причём данное преобладание статистически значимо ($p \leq 0,001$). Проще говоря, в отношении национальности, для русских более типична фраза «мы – русские», тогда как для татар: «я – татарин». В отношении конфессиональной принадлежности ситуация противоположная: для русских более характерно «я – христианин», тогда как для татар более типично «мы – мусульмане».

Проведенное исследование, безусловно, не охватило всех нюансов данной проблемы, его можно считать лишь вступлением к более масштабным исследованиям, которых данная тематика, несомненно, заслуживает.

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть актуальность изучения темы национального самоопределения, без учёта которой невозможно прогнозировать поведение человека в современном полиэтничном обществе. Следует активизировать её изучение именно в нашей стране, состав которой многонационален.

Литература

1. Дробужева Л.М. Государственная и гражданская идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. С. 24.
2. Интервью с В.М. Капицыным // Российское общество политологов. Режим доступа: <http://rospolitics.ru> (дата обращения 29.01.2015).
3. Богатова О.А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Регионоведение. Саранск, 2009. № 3. Режим доступа: <http://regionsar.ru> (дата обращения 31.01.2015).
4. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 02.02.2015).
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психол. РАН; Академический проект, 1999. 320 с.
6. Парыгин Б.Д. Социальная психология. СПб., 1999. 592 с.
7. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1998. 376 с.
8. Ларионова И.Г. Национальная и религиозная самоидентификация молодых жителей города Нижнекамска // Вестник научных трудов НФ МГЭИ. Серия 6: Психология. Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 2003. С. 59-64.
9. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Социально-психологический центр, 1998. 350 с.
10. В Казани разбился самолет. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/341347> (дата обращения: 02.02.2015).
11. Террор в церковном пепле. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2013/12/04/> (дата обращения: 02.02.2015).
12. Амир Татарстана Абдуллах взял на себя ответственность за обстрел Нижнекамскнефтехима. Режим доступа: <http://kazan.dk.ru/news> (дата обращения: 02.02.2015).

Липкин А.И.

ЦИВИЛИЗАЦИИ, НАЦИИ, ЭТНОСЫ – ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВ

В статье сравниваются три основных типа социокультурных образований: цивилизации, нации и этносы. Раскрыта их типология и структурное строение. Установлены факторы цивилизационных конфликтов современности.

Ключевые слова: цивилизация, нация, этносы, стабильность, мультикультурные общества.

The article compares the three main types of social and cultural entities: civilizations, nations and ethnic groups. Disclosure their typology and structural composition. The factors of civilizational conflicts of our time are discovered.

Keywords: civilization, nation, ethnic groups, stability, multicultural society.

Исходя из анализа проблем мультикультурности, я выделяю три основных типа социокультурных образований: цивилизации, нации, этносы [1]. Эти образования определяются структурой «сообщество – культурное ядро». Соответственно каждому из трех отвечает свое «культурное ядро» (КЯ), существующее в своем слое культуры. Так цивилизационное КЯ представляет собой совокупность базовых смыслов (включая смыслы жизни) и ценностей; национальное КЯ включает «национальную историю» и литературу, которые задают типы личности [1]; этническое КЯ образуют соответствующие коллективный миф о происхождении и традиции бытового поведения, необходимым его качеством также является эндогамия. Поскольку они определены в разных слоях, то возможны различные варианты. Цивилизационные общности – самые крупные, поэтому связанные с территорией этносы, как правило, оказываются внутри одной цивилизации, а нации всегда находятся внутри одной цивилизации. Соотношение между этносами и нациями может быть разным: возможны как полиэтничные нации, так и полинациональные этносы. Картину несколько усложняет наличие нескольких субцивилизаций внутри одной цивилизации (например, греческой и римской внутри античной, западноевропейской и североамериканской внутри западной («европейской»)).

Для анализа интересующих нас процессов надо еще ввести внутри- и внешне- политические слои, слои экономики и различие коллективистских и индивидуализированных типов сообществ и отвечающих им типов индивидов (среди индивидуализированных надо различать «прагматических», «идеалистических» и коммуитаристских») [2].

В случае индивидуализированных обществ, национальное и этническое культурное многообразие которых не выходит за рамки одной цивилизационной общности, проблемы мультикультурного совместного проживания здесь решаются в рамках политики республиканизма (Франция) или мультикультурализма (Канада). Правда, в случае возникновения социально-экономического или политического неравенства, которое коррелирует с определенными общностями этнического или национального типа, привязанными к определенным территориям, образуется почва для конфликта. Но серьезным он станет лишь при деиндивидуализации хотя бы одной из этих общностей.

Куда серьезнее оказываются межцивилизационные конфликты, завязанные на смыслы жизни и высшие ценности (межрелигиозные конфликты относятся к этому типу). Договориться о смыслах жизни трудно, если вообще возможно. Примером того, к чему это приводит, служат религиозные войны в Европе XVI в. Решение проблемы, после рек пролитой крови, заключалось в установлении плюрализма под лозунгом «свободы совести», что предполагало перемещение вопроса о высших смыслах из публичной в частную сферу. Публичная сфера стала регулироваться светским правом и светской идеей национального государства и светского национального КЯ в виде национальной истории и литературы (и искусства). Но такому решению проблемы способствовало наличие в христианстве принципа «богу – богово, кесарю – кесарево». В исламе его нет, поэтому это светское решение (а другого совместимого с демократией решения я не знаю) для существующего ислама затрудни-

тельно, если там не произойдет серьезной реформы. Это одна из причин, почему политика мультикультурализма не работает в ситуации полицивилизационной мультикультурности, возникшей в Европе на границе XXI в. во 2-3 поколениях иммигрантов из исламского мира [3].

К этому следует добавить демографический фактор – исламский мир только-только прошел точку максимальной скорости демографического роста, которая, как показывает история, часто сопровождается социальной нестабильностью. В силу этих факторов «столкновение» именно с исламской цивилизацией (на что указывал ещё С. Хантингтон) оказывается наиболее конфликтогенным.

Есть ряд социальных и дополнительных культурных факторов, которые обостряют эту конфликтогенность.

Во-первых, это международный фактор, связанный с современной глобализацией. Современные средства коммуникации и экономические институты приводят к открытости государств в глобальный мир: события происходящие далеко в мире часто оказывают влияние.

Во-вторых, это социально-экономический фактор, иммигранты из исламского мира, как и страны, из которых они прибывают относятся к социально-экономически бедному сегменту.

В-третьих, культурная ущербность «общества потребления». Тема «воцарения бездуховности», «духовного кризиса Запада» рождается и становится популярной в среде гуманитарной элиты Европы с середины XIX в. (с А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора), а далее идет по всему XX в. Это делает культуру Запада слабой: часть молодежи жаждет чего-то более высокого, чем предлагает «общество потребления». Часть из них обращается к радикальным течениям, среди которых одним из наиболее привлекательных сегодня оказывается радикальный ислам. Этот эффект усиливается тем, что в странах исламского мира проникновение образцов и ценностей «общества потребления» вызывает массовое неприятие и отторжение как противоречащее их ценностям. При этом оно хочет, но не может изолироваться от его «тлетворного влияния» в условиях глобализации. Старые средства изоляции здесь не работают из-за наличия современных СМИ, транспортной доступности, демократических законов на Западе. Это стимулирует настроения тотальной войны против Запада. Иноцивизационность делает эту проблему глобальной, не локализуемой в границах государств.

Сюда надо еще добавить необходимость со стороны Запада (как наиболее активного и способного к рациональному действию субъекта) дополнить провозглашаемую им культурную толерантность толерантностью политической. Дело в том, что большинство незападных стран держатся на другом типе институтов («приказных», а не «договорных»), где авторитаризм держится не «сверху», со стороны «правителя», а «снизу», со стороны «народных масс», которые, в отличие от «народа граждан», передают (делегировать) «правителю» право (и ответственность!) за принятие внешних макрорешений и разрешений возникающих внутри споров (как в русской народной сказке про двух жадных медвежат). Этим и создается место «правителя» [1] (к таким системам отно-

сится подавляющее число незападных («неевропейских») стран. Подготовка почвы для демократии – сложный и долгий процесс. Если же почва не готова, то в «приказной» системе снятие верхушки, в результате внутреннего бунта народных масс или внешнего завоевания, приводит либо к воспроизводству себя (возможно с потерей качества), либо к хаосу, что и демонстрируют Ирак, Ливия, Афганистан (думаю, и Украина). Поэтому попытки «помочь в установлении демократии» приводит к усилению антизападных настроений в исламском мире.

Поскольку внешний исламский мир и происходящие с ним процессы влияют на настроения иммигрантов, вышедших из этого мира, то возникает сложная система положительных обратных связей между индивидуализированными и образованными (в значительной части европейски образованными) слоями исламского общества внутри (WMa) и вне (Ma) Западного общества и коллективистскими слоями исламского общества (основной базы радикальных настроений) внутри (WMb) и вне (Mb) Западного общества, которую мы изобразим следующим образом:

$$M(Ma+Mb) <::> W\{(WMb + WMa) + Wa\},$$

где W – население западных стран, M – население внешнего мусульманского мира, Wa – основное население западных стран (индивидуализированное). Имеют место как связи между Ma и Mb, WMa и WMb, так и взаимодействия между Ma и WMa, Mb и WMb.

Интеграция внутри западных стран для WMa представляет менее принципиальные проблемы, чем для WMb (но проблемы последних усиливают проблемы первых, потому что внутри западного общества недостаточно четко различают представителей MWa и WMb).

Обращаясь к России, можно сказать, что она сталкивается во многом приблизительно с теми же проблемами, что и Франция. Аналогом Алжира здесь является Закавказье. Но есть еще Поволжье, где ислам, возможно, близок к реформированному «европейскому исламу», за который выступают некоторые европеизированные представители ислама в Европе. Таким образом, то, что в более схематичном виде выявлено для Европы, имеет прямое отношение к России, где некоторые из этих же процессов отстают на несколько десятилетий.

Какой же вывод следует из обрисованной выше картины? Думаю, что из нее следует, что рассчитывать можно только на динамическую стабильность, которая может быть достигнута в результате продуманной политики в конфликтногенных областях на обрисованной выше многомерной карте. Эта политика должна опираться на серьезные теоретические исследования и качественный и многосторонний социологический мониторинг. В культурной политике должно доминировать, во-первых, воспитание толерантности, причем со всех сторон, во-вторых, доведение до широкой аудитории понимания сложности и взаимосвязанности современного мира, неадекватности логики «линейного мышления» и «прямого действия» (термин Х. Ортеги-и-Гассета), в-третьих, культивирование в СМИ (особенно через телевидение) добра и красоты.

Литература

1. Липкин А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. 2012. № 4. С. 40-62.
2. Липкин А.И. К вопросу о понятиях «национальной общности» и национального «культурного ядра» // Вестник российской нации. 2012. № 4-5. С. 155-176.
3. Липкин А.И. Типы мультикультурности в современном мире // Партнерство цивилизаций. 2013. № 4. С. 72-79.

Лойко О.Т., Дрыга С.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК РЕСУРС КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Работа раскрывает функции социальной памяти как ресурса формирования коллективной идентичности в коммуникативном пространстве современного общества. Определены причины усугубления дискретности коллективной идентичности в информационном обществе.

Ключевые слова: социальная память, коммуникативное пространство, современное общество, коллективная идентичность, ресурс.

The work reveals the functions of social memory as a resource of formation of collective identity in the communicative space in contemporary society. The reasons of worsening of dis-concreteness of collective identity in the information society are established.

Keywords: social memory, pro-communicative space, modern society, collective identity, resource.

Актуальность исследования социальной памяти как ресурса формирования коллективной идентичности в коммуникативном пространстве, обоснована следующими положениями:

1. Явления глобализации, локализации и глокализации породили феномен «глобальной деревни», но одновременно вскрыли глубинные процессы поиска коллективной идентичности именно в контексте глобально-локальных проблем. Среднестатистический житель глобальной деревни задался вопросом своего происхождения и историко-культурного статуса. Актуализировались поиски коллективной идентичности не только в России (Цикл передач: «Кто мы?»), Франции («Что значит сегодня быть французом?»), но и в российских регионах («Я сибиряк»).

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского гранта Российского гуманитарного научного фонда «Социальная память в интернет пространстве как ресурс формирования коллективной идентичности» а(р) 15-13-70001

2. Социальная память, выступающая как имманентное свойство социума, относящаяся к априорным условиям постижения Другого, реализуется с одной стороны в формах бытия социальной памяти (миф, архетип, текст), отражающих модальные вариации взаимоотношений между прошлым и будущим, с другой – в герменевтическом подходе, позволяющем представить и интерпретировать содержание социальной памяти в интернет ресурсах.

3. Современное интернет пространство позволяет включиться в процессы формирования коллективной идентичности практически неограниченному числу субъектов, тем самым способствуя формированию его активного участия и со-участия в процессы понимания ценностно-смыслового мира социальной памяти. Социальная память включает нормы и образцы социального поведения, способна влиять на содержание воспоминаний. Интернет пространство в силу своей общедоступности, способно актуализировать и/или деактуализировать, социальные контексты, в которых явление проделало путь от за-бытия к бытию и со-бытию.

4. Коллективная идентичность выступает как результат массовой, осознанной или стихийной, принадлежности личности к определенным этническим, этически-правовым, национальным и др. социальным общностям. Формирование коллективной идентичности происходит в определенных социокультурных рамках, содержание которых определяется контентом социальной памяти.

Под памятью в ее социальном контексте понимается деятельность, направленная на создание, воссоздание и передачу ценностно-смыслового мира социума от одного поколения к другому. Именно в этом поле возникает причастность человека к своей референтной группе, в рамках которой он проходит путь от за-бытия к бытию и со-бытию [1, с. 34]. Если социальную память как движение смысла в социальном времени, то именно однозначное, но не полностью тождественное, понимание смыслов, составляющих его содержание, будет способствовать установления понимания между участниками коммуникативного процесса. На эту особенность памяти обратили внимание одновременно два наиболее творческих исследователя социальной памяти: Ю.М. Лотман и Я. Ассманн, отмечая, что из содержания памяти извлекается значительно больше того, что было в нее заложено первоначально [2; 3].

Память предоставляет нам дискурсы, которые говорят нам, кто мы есть, откуда мы пришли и куда мы должны идти. Она определяет траекторию, позволяющую осознать суть идентичности группы, в ее отношении к «Другому».

Согласно теории социальной идентичности, люди ориентированы на позитивное восприятие своего прошлого [4, с. 16]. Своеобразный феномен «счастливой социальной памяти» позволяет человеку и группе соотносить себя и свое прошлое как продуктивное прожитое время.

Социальные группы, формируя свое отношение к прошлому и закрепляя его в социальной памяти, моделируют положительное чувство своей идентичности. Это объясняет феномен «смещения» коллективных воспоминаний в сторону позитивной презентации прошлого.

Процесс становления отношения социальной группы к своему прошлому можно представить как минимум двумя разными способами. Во-первых, коллективные воспоминания рассматриваются как давление на актуальное бытие группы. Во-вторых, идентичность группы может подпадать под влияние прогнозируемого будущего. И первый, и второй случай может стать основой манипуляции содержанием социальной памяти и утратой идентичности группы.

Сохранение аутентичного содержания социальной памяти возможно, при условии идентификации этого феномена с меняющимся ценностно-смысловым миром, ориентированным на позитивные воспоминания об онтологических основаниях бытия. В современном информационном пространстве возрастает влияние социальной памяти на формирование коллективной идентичности. Причина – интернет-технологии, оперативно распространяющие информацию.

Социальная память во многом определяет настоящее, но и активно формирует будущее. Она может способствовать ускорению одних социальных, политических процессов и одновременно тормозить и блокировать другие. Весьма существенно ее влияние на формирование трендов социального развития того или иного общества в целом.

Современное пространство интернета все чаще выступает источником получения информации, которая оказывает решающее влияние на формирования ментальных структур современного социума. Особому воздействию подвергается содержание социальной памяти, которое получает новые возможности трансформации фактов и событий, отражающих ее контент.

Процессы трансформации содержания социальной памяти в интернет пространстве выступают доминирующим способом формирования коллективной идентичности. В рамках информационных технологий происходит наиболее глубокое воздействие на сущность социальной памяти. Как отмечает С. Зак, интернет-технология «способна порождать хаос, способствующий разрыву коллективной памяти» [5, с. 38]. Выходом из сложившейся достаточно драматичной ситуации автор предлагает создание устойчивой городской среды, предполагающей широкий спектр коммуникаций между людьми разных культурных, социальных, этнических слоев [5, с. 65-69].

Тем самым ставится проблема анализа пространства социальной памяти как среды обитания, что достаточно обосновано в работе Д.А. Аникина. Он отмечает: «Связывание всего мирового населения с помощью сетей (символом и олицетворением которых можно считать глобальную сеть Интернет) приводит к возможности создания сообществ, объединенных не государственной принадлежностью или локализацией местопребывания, но исключительно собственными культурными или политическими... предпочтениями» [6, с. 17]. Время единой памяти и, соответственно, недифференцированной идентичности утратило свои позиции. В современном обществе существует разрыв в понимании, оценки и интерпретации не только далекого прошлого, но и актуального настоящего. В тоже время для поддержания устойчивого состояния социума, события социальной памяти должны выстраиваться и интерпретиро-

ваться таким образом, чтобы члены социальной группы ощущали причастность к прошлому как своему жизненному пространству, и тем самым, были способны выстраивать совместные коммуникативные траектории.

В обществе модерна и постмодерна содержание социальной памяти фиксировалось и интерпретировалось с большей однозначностью, т.к. формами бытия социальной памяти выступала упорядоченная и идеологически поддерживаемая система передачи ценностно-смыслового и символического понимания контента социальной памяти, определяющую коллективную идентичность социума.

В эпоху глобального интернета, когда скорость передачи и получения информации увеличивается, а возможность интерпретации содержания информационного послания, предельно субъективируется, возникает потребность в анализе контента социальной памяти, представленной в интернет ресурсах.

Диалектическая связь социальной памяти с коллективной идентичностью проявляется в том, что социальная память выступает как нарратив, а идентичность по своей сути нарративна [7]. Глобализация порождает локализацию, где каждая социальная группа формирует свое собственное представление о своем прошлом, которое обосновывает ее уникальную идентичность. Одновременно содержание социальной памяти постоянно подвергается реинтерпретации, что напрямую влияет на коллективную идентичность социума.

Выявление возможностей социальной памяти как способа формирования коллективной идентичности в современном интернет пространстве, является инновационным исследованием, результаты которого востребованы практикой социального развития информационного общества.

Литература

1. Лойко О.Т. Метафизика социальной памяти: За-бытие, бытие, событие. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.Kg, 2012. 280 s.
2. Assmann J. Das Kulturelles Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und Politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 2000. 344 s.
3. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200-202.
4. Taifel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Worship and Austin WG (eds.) The Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.
5. Sak S. Cyberspace as a locus for Urban Collective Memory. A Ph.D. Dissertation. Ankara, 2013. URL: <http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0006303.pdf> (дата обращения: 12.09.2015).
6. Аникин Д.А. Пространство социальной памяти. Автореф. ... канд. филос. наук. Саратов, 2008. 24 с.
7. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 25-43.

Мартынов М.Ю., Мартынова Г.И.

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ

Авторы статьи дают определение политики «мягкой силы» и ее методов, критикуют вестернизацию преподавания политической науки в России. Тема анализируется в контексте социальной детерминации политических доктрин.

Ключевые слова: «мягкая сила», политика, политология, преподавание, проблемы.

The authors give a definition of the policy of “soft power” and its methods, criticized Westernization of teaching political science in Russia. The topic is analyzed in the context of the social determination of political doctrines.

Keywords: “soft power,” policy, political science, teaching, problems.

Успехи использования «мягкой силы», которую создатель этого термина американский политолог Дж. Най-младший [1] трактует, как способность страны воздействовать на других средствами, отличными от военного и экономического принуждения, действительно впечатляют. Эти средства во многом обеспечили успехи «цветных революций» на постсоветском пространстве, продвижение НАТО в Восточную Европу, свержение авторитарных режимов в арабском мире.

Как известно, сам Дж. Най включал в «мягкую силу» три компонента: массовую культуру, национальные идеалы и публичную внешнюю политику. При этом американский политолог по понятным причинам не упоминает еще один ресурс влияния – саму западную политическую науку. Между тем, научнообразно оформленные идеологии играли важную роль еще в годы холодной войны с СССР. Такой идеологией стала, в частности, постлиберальная теория международных отношений, популяризированная работами Ф. Фукуямы. Эта теория была использована в рамках политики «мягкой силы» в качестве инструмента идеологического и психологического давления на противника в лице СССР.

Согласно Ф. Фукуяме, причиной военного противостояния, угрожающего гибелью всей планете, являются идеологические, ценностные противоречия между двумя мировыми системами. Если это противоречие снять, то, наконец-то, воцарится «вечный мир» и, соответственно, настанет «конец истории», как истории войн и страданий.

Дальнейшее поведение Советского Союза, а затем России показывает, что руководство государства и политический класс восприняли эти утопические в кантовском духе фантазии вполне серьезно. В течение последовавших 1990-х гг. страна вступила на путь разоружения. Но это разоружение оказалось односторонним. В это же время страны НАТО увеличивали военные бюджеты и продвигали базы к границам Российской Федерации. Поскольку признаваться в том, что Россию просто обманули, было нельзя, в качестве объяснения

причин одностороннего разоружения была выдвинута версия о, якобы, ее поражении в «холодной войне».

Конечно, объяснять успех этого обмана только недальновидностью руководства СССР и России нельзя. Люди верят в то, во что хотят верить. Целью класса, пришедшего к власти в России в начале 1990-х гг., олицетворяемого фигурами Б. Ельцина, Е. Гайдара, А. Чубайса, А. Козырева и других, являлось присвоение государственной собственности. До национальных интересов в тот период им не было дела, и либеральная теория международных отношений, обещающая установление вечного мира в обмен на одностороннее разоружение, оказалась очень кстати. Но и роль психологического воздействия политической теории Запада на сознание и руководства страны, и ее политической элиты нельзя недооценивать.

Используя данный пример, перечислим основные признаки использования стратегии «мягкой силы».

Во-первых, политика «мягкой силы» всегда преследует сугубо политические цели, в отличие, скажем, от «национального маркетинга» (Ф. Котлер) или «странового брендинга» (С. Анхолт), с которыми ее иногда ошибочно отождествляют. Политика «мягкой силы» всегда имеет целью управление политикой других стран, а в случае необходимости, - смену режимов.

Во-вторых, транслируемые в рамках этой политики идеи всегда носят ложный, а то и лживый, провокативный характер, вроде фукуямовской версии «конца истории».

В-третьих, возможности использования «мягкой силы» строго ограничены объективными условиями. Успех этой стратегии управления политическими элитами других стран достигается тогда, когда эти элиты сами того желают. Это было очевидно и в вышеприведенном примере в отношении СССР – России, эта же закономерность проявилась и в новейшей истории Украины.

Конфликт между Россией и Украиной начался не после присоединения Крыма, и не после Майдана. Этот конфликт стал неизбежен тогда, когда в Украине вышел первый учебник истории, изображающий Россию в качестве агрессора и врага украинского народа. Можно ли было России, проводя аналогичную контрполитику «мягкой силы», опирающуюся на концепцию «русского мира», не допустить этого? Думается, что невозможно. Объективные обстоятельства определяют возможности «мягкой силы». Путь, по которому пошла Украина после распада СССР – это путь олигархического капитализма, где небольшая группа людей должна была присвоить богатства нации. Рано или поздно, по мере истощения ресурсов, должна была встать чисто экономическая проблема – чем кормить и как обогревать народ. Создание образа врага – в данном случае России – неизбежное условие сохранения олигархического типа экономики в современной Украине. Именно эти экономические условия превращают украинскую элиту в идеальную цель политики «мягкой силы».

В-четвертых, политика «мягкой силы», как правило, стремится облекаться в наукообразные, логически непротиворечивые теории, вроде упомянутой концепции Ф. Фукуямы. Но облечь мало, необходимо найти каналы трансляции на страну - «реципиента». И этому, как ни странно, нередко способствует

существующая система образования, в частности, - преподавания политологии.

Не стоит забывать, что не только упомянутый Ф. Фукуяма, но и другие американские авторы – Р. Даль, Д. Истон, Г. Лассуэлл, Г. Алмонд, С. Липсет, С. Хантингтон, взгляды которых составляют основной контент отечественных учебников политологии, являлись не только учеными, но и идеологами.

Самый простой пример – с преподаванием теории демократии. Точнее, дискуссионной является не сама теория, а то, как она соотносится с политической практикой конкретных государств. Собственно, для создателей современной политической науки в лице американских авторов этого вопроса никогда не стояло. С их точки зрения, в полной мере эти идеалы были реализованы лишь в странах западного мира. Соответственно, дальнейшее изложение теории демократии автоматически превращается в апологию политической системы США и западных государств. И наоборот, другие политические режимы иллюстрируются опытом стран незападного мира и столь же автоматически превращаются в критику конкретных государств, в том числе собственной страны. Это относится к темам политической системы, политических режимов, политической культуры.

В советских ВУЗах в свое время изучалась дисциплина «Научный коммунизм», описывающая черты идеального общественного устройства на социалистических началах. Эта дисциплина была одной из самых нелюбимых студентами. Но не потому, что они отвергали теорию социализма. Неприятие вызывало утверждение, что эта теория реализована в практике СССР и стран социализма. Сегодняшняя политология – аналог тогдашней дисциплине, своего рода «научный либерализм», описывающий идеальное демократическое устройство, но по той же идеологической прихоти настаивающий на его реальном воплощении в практике западных государств и отказывающий – в собственном.

Для американских авторов, о чем бы они не писали, что бы ни анализировали, США всегда остаются идеальным типом. Между тем за четвертьвековое существование российской политической науки единственной попыткой создать аналогичный «пророссийский» учебник по политологии, является книга А.С. Панарина [2]. Остается лишь надеяться, что эта попытка не последняя, и идеи, заложенные в данной работе, будут продолжены отечественными политологами.

Литература

1. Най Дж.-мл. «Мягкая сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10.
2. Панарин А.С. Политология. М., 1999.

Матросов М.А.

ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В работе выявлены особенности и риски самоопределения народов, возникающие в процессе развития демократических режимов.

Ключевые слова: демократические государства, самоопределение народов, права этнических групп.

The paper identified the features and risks of self-determination, resulting in the development of democratic regimes.

Keywords: democratic states, self-determination of peoples, the rights of ethnic groups.

Право народов на самоопределение трактуется как право каждого народа самостоятельно решать вопросы формы своего политического статуса, осуществления своего экономического и культурного развития [2]. Круг субъектов и явлений, относящихся к осуществлению этого права, шире, чем вопросы территориальных трансформаций. Однако в наши дни этот принцип ассоциируется почти исключительно с конфликтными ситуациями.

При демократической форме устройства вопросы, связанные с самоопределением, теоретически должны решаться просто и без потрясений. Основываясь на принципах конституционализма [1, с. 7] народовластия [1, с. 4] свободы мысли и слова [1, с. 10] демократическая форма предусматривает и фиксирует в законах способы осуществления различных прав: в том числе, и права на самоопределение. Предусматривая такую форму решения проблем, как референдум, законы регламентируют сроки и порядок его проведения, интерпретацию результатов, процедуры утверждения окончательного решения [3].

На практике же всё сложнее. Помимо обычных нарушений закона, существуют проблемы, не предусматриваемые законом, но в то же время играющие роль в возникновении конфликтов на почве самоопределения народов. Причём, именно государства с демократическим режимом в этом отношении находятся в «зоне риска».

Во-первых, осуществление права народов на самоопределение предполагает решение, принятое народом [2] в значении преобладающей части граждан государства, которые выносят вопрос на обсуждение, имея к нему прямое отношение, и, соответственно, принимают по нему решение. Такая часть может объединяться общностью места проживания (население области, района), но в данном случае мы рассматриваем общности по признакам вероисповедания, языка, исторического прошлого, традиций (например, этническую группу).

Проблема в том, что этническая группа – это образование более сложное, чем это представляется со слов законодательного акта. Она представляет собой структуру, все особенности которой закон объективно не в состоянии учесть и регламентировать. Если для принятия решения, согласно закону, создаётся представительство, действующее как «представительство народа (в

смысле этноса)» и включающее в себя теоретически наиболее авторитетных представителей данного народа, то обязательно ли у него есть авторитет реальный?

С точки зрения закона такое представительство от имени своего народа вправе утверждать решение в силу своего правового статуса, но в реальности разумно предполагать конфликт между правовым статусом представителей и реальным авторитетом других (порой остающихся скрытыми) лиц. И если такой конфликт возникнет, то предпочтение, скорее всего, будет отдано реальному авторитету этнических элит, а не правовому статусу этнической группы в целом.

Во-вторых, возникает проблема самостоятельности, а следовательно, и свободы решения, принимаемого народом в ходе реализации своего права на самоопределение, что также является необходимым условием [2].

В принципе, идеально самостоятельных решений не бывает: другой вопрос, что решение в вопросах, касающихся жизни целого народа (этноса), легко оказывается на практике вынужденным или навязанным извне.

Демократическая форма устанавливает свободу мнений и слова как для отдельных граждан, так и для общностей (и этнических групп – в том числе). Причём устанавливается принцип равноправия: скажем, русские издания рассматриваются как равноправные с изданиями украинскими, татарскими, эскимосскими, индийскими и др.

Но проблема усложняется тем, что на правовые процедуры накладываются разнообразные политические и экономические интересы. Принцип равноправия продолжает действовать и в этом случае. С точки зрения демократической формы нет ничего незаконного в том, что этнические различия соответствуют различиям в политических или экономических интересах и отношениях. Нет ничего незаконного и в том, что разные стороны жизни, соответствуя друг другу, начинают сливаться друг с другом в единый сложный комплекс, в котором на первый план временами выходят те различия экономического, то – политического, то – религиозного, то – культурного уровня.

Например, в рамках закона находится случай, когда политическая партия, возникающая на базе какого-то народа, претендует на место в политической системе страны или защищает интересы предпринимателей именно из своей среды. Одно оказывается тесно связанным с другим. И это оказывает влияние на информационную среду, в которой живут представители народа, от которого исходит «самостоятельное» решение.

То есть, с одной стороны, никакого нарушения закона и здравого смысла в создании такого информационного поля нет. С другой стороны, длительность и регулярность воздействия однородной информации перед тем, как будет поставлена проблема и начнут осуществляться поиски её решения, наталкивает на вопрос: действительно ли можно говорить о самостоятельном и свободном, а не о вынужденном или даже навязанном решении?

Таким образом, осуществление права народов на самоопределение предполагает самостоятельность решения народом связанных с этим правом вопросов. Декларация такого правила свойственна для всех государств с демо-

кратическим устройством. Но в отношении связи между осуществлением прав народов на самоопределение и сопровождающими его конфликтами такие государства как раз и находятся в «зоне риска», потому что, узаконивая по возможности все детали свободного осуществления такого права, демократический режим узаконивает и возможные причины конфликтов, которые часто возникают на почве самоопределения народов.

Литература

1. Конституция и государственная символика Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. 64 с.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Организация Объединённых Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
3. О референдуме Российской Федерации. Федеральный Конституционный закон № 5-ФКЗ (ред. от 06.04.2015). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=177645;div=LAW;dst=100005.1;rnd=180312.2556244251318276>

Медведев Н.П.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В работе выясняется взаимосвязь между государственной идеологией и национальной безопасностью современной России. Проводится критический обзор причин и проявлений отказа авторов Конституции Российской Федерации от определения национальной идеи России. Предложена авторская трактовка национальной идеи.

Ключевые слова: государственная идеология, национальная безопасность, Российская Федерация.

The paper found out the relationship between the state ideology and national security of modern Russia. Conducted a critical review of the causes and manifestations of the failure of the authors of the Constitution of the Russian Federation to define national idea of Russia. The author's interpretation of the national idea.

Keywords: state ideology, national security, the Russian Federation.

Исходная мысль и цель тезисов – в прояснении связи государственной идеологии и национальной безопасности применительно к современной России. Такой подход предполагает учёт некоторых особенностей современного этапа развития общества.

Одна из особенностей современности, имеющая значение для рассматриваемой темы, (а также и наиболее заметная реальность современного мира) – это тотальная политизация всех сфер жизни общества: материального и духовного производства и потребления, воспитания и образования, искусства, рели-

гии, спорта. Причины возрастания значимости политического дискурса в современном мире нуждаются в специальном изучении, однако в немалой степени это связано с тем, что в современных условиях политика непосредственно связана с обеспечением безопасности, в значительной степени определяет состояние общественной безопасности во всех её формах и на всех уровнях социальной организации.

Другая особенность современности – это превращение идеологии в непосредственное орудие политической борьбы между государствами, в средство оправдания внутренней и внешней политики государств. Дело в том, что сама идеология получает своё выражение в современном мире преимущественно как политическая идеология, выступая основанием и теоретической базой разнообразных политических процессов. Способность политической идеологии оказывать воздействие на сознание и поведение народных масс делает её придатком государственной политики, влияет на характер мироустройства того или иного государства в современном мире.

Это означает, что политическая идеология в современном мире с необходимостью приобретает характер государственной идеологии. [1]. Это реальность, с которой трудно спорить. Однако в этой связи вызывает недоумение позиция тех «деятелей» новой России, которые под предлогом борьбы с официальной коммунистической идеологией провозгласили ещё в 1991 г. отказ от государственной идеологии вообще и возвели этот отказ в конституционный принцип, который получил выражение в словах: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2, ст. 13]. Из этого вытекало, что российское государство должно существовать без государственной идеологии.

Реально же это означало идеологическое разоружение страны, уничтожение её способности противостоять проникновению в страну чуждой и даже враждебной идеологии. Фактический запрет на государственную идеологию выбивал важнейший краеугольный камень из фундамента российской государственности, порождал неопределённость внутренней и внешней политики государства. Это очень скоро дало свои негативные результаты, и, прежде всего, сказалось в сфере образования и воспитания подрастающего поколения.

Несмотря на явную абсурдность этого запрета, он неизменно сохраняется как конституционная норма на протяжении уже 23-х лет. Россия сегодня, по оценкам специалистов, - это единственная страна в мире, в конституции которой содержится запрет на государственную идеологию.

Вызывает удивление то, что до сих пор этот антигосударственный по своей сути запрет не снят и вопрос об этом даже не ставится на обсуждение в законодательных органах власти. Думается, что во многом это происходит потому, что субъекты, имеющие право законодательной инициативы, расходятся во мнениях относительно того, что именно должна представлять эта идеология с точки зрения её содержания, конкретного наполнения лежащих в её основе идей и ценностей, степени их соответствия или несоответствия требованиям времени.

Все эти трудности, связанные с отсутствием общего мнения о существовании государственной идеологии, однако имеют мнимый характер. На все указанные вопросы, безусловно, можно дать ответы, приведя их к некоему общему знаменателю, то есть, определив общеприемлемую идею государственности современной России. А такая идея сегодня лежит на поверхности. Она имеет непосредственное отношение к сохранению России как суверенного государства.

Что касается конкретного содержания этой идеи, то, как представляется, здесь следует обратиться к термину «национальная идея». В наших условиях вопрос о такой идее имеет особую значимость, поскольку народ России как носитель суверенитета и единственный источник власти в РФ [2, ст. 3], – есть сложное, многонациональное и поликонфессиональное образование, соединяющее самые разные духовные ценности и традиции. Отсюда – определённые трудности в формулировании приемлемого для всех названия этой идеи.

Надо сказать, что вариантов для обозначения названия национальной идеи не так много и большинство из них неприемлемо. Так, например, обозначение национальной идеи как русской идеи не может быть воспринято другими народами, поскольку в ней фигурирует лишь один народ как носитель этой идеи. Но если это не русская идея, то что же тогда? Может быть, следует для выбора названия национальной идеи обратиться к понятиям «российская» или «общероссийская идея»? Но и здесь мы наталкиваемся на серьёзное препятствие, поскольку в современных условиях мироустройство российского общества базируется на этнонациональном принципе с его административной многогосубъектностью. Кроме того, использование этих названий по отношению к России будет тавтологично, что обнаруживается сразу, когда мы попытаемся соединить субъект и предикат высказывания в едином выражении. Получается термин: «Российская идея России» - нечто масло масляное.

Вместе с тем, вполне ясно, что национальная идея современной России должна трактоваться как нейтральный в этно-конфессиональном отношении термин, как идея наднационального или вненационального характера, как идея общегосударственная. Такая формулировка выглядит в формальном отношении несколько парадоксально – как это так: идея национальная, а трактовка её вненациональная? Однако всё становится логичным и непротиворечивым в том случае, если сам термин «национальная идея» понимать не как разделяющее начало, а как основание общероссийской идентичности, как условие единения народов в целях сохранения и развития российского государства, способного, в свою очередь, обеспечить безопасность страны, то есть именно как национальная идея современной России.

Интересно отметить, что именно так понимаемая национальная идея России фактически получает выражение в современном Гимне Российской Федерации, а конкретнее, в словах его припева:

Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой...

Здесь ключевые слова - «Отечество наше свободное», - в которых выражена идея России как единого Отечества для всех граждан России на современном этапе.

Кстати, аналогичная трактовка национально-государственной идеи присутствует в преамбуле Конституции РФ 1993 г., где, так же, как и в Гимне, говорится о любви и уважении к Отечеству, воспринятых нами от наших предков [2, Преамбула]. В связи с этим, странно выглядит то, что авторы Конституции РФ не заметили внутреннего противоречия, выраженного, в запрете на государственную идеологию, с одной стороны, и в наличии такой идеологии в тексте самой Конституции – с другой стороны.

Далее, государственная идеология в современном мире существует постольку, поскольку существует противостояние между теми государствами, которые стремятся к доминированию в мире, и теми государствами, которых не устраивает перспектива оказаться в зависимости от кого бы то ни было. Этим, пожалуй, и объясняется стремление антироссийских сил обезоружить Россию, лишив её собственной государственной идеологии.

Всё сказанное позволяет перейти к роли идеологии в обеспечении национальной безопасности России. Государственная идеология свою функцию обеспечения национальной безопасности выполняет через внутреннюю и внешнюю политическую пропаганду, основным содержанием и целью которой и является защита государственных интересов страны от посягательств на суверенитет, свободу и независимость государства.

Это означает, что национальная безопасность России в современных условиях всё более становится ядром государственной идеологии. [3]. Но это не означает, что национальная идея и национальная безопасность – тождественные понятия. Каждая из них занимает своё особое место в государственной идеологии современной России. Причём национальная идея – понятие более широкое, чем национальная безопасность, поскольку включает помимо идеи безопасности связанную с нею идею патриотизма.

Патриотизм – важный элемент национальной идеи и государственной идеологии современной России. Здесь мы не будем умножать сущности, чрезмерно детализировать сущность и структуру патриотизма, так как патриотизм это не столько феномен сознания, сколько социальное чувство, в значительной степени иррациональное, которое не поддаётся разложению на атомы и молекулы.

Как говорил Б. Шоу, патриотизм – это убеждение, что твоя страна лучше других потому, что именно ты в ней родился. Думается, что такое убеждение включает весь спектр чувств и представлений человека, выражающих его причастность к стране, в которой он родился и вырос, и которую принимает как Родину и Отечество. В патриотизме соединились в едином порыве государственная идеология и общественная психология. Патриотизм является гарантией национальной безопасности и в этом смысле он не сочетается ни с космополитизмом, ни с национализмом.

Безопасность и патриотизм, таким образом, это ценности, которые отвечают интересам всех граждан многонациональной России, объединяя, консо-

лидируя российское общество перед лицом внешних и внутренних опасностей и угроз, отвечают интересам укрепления российской государственности. Итак, можно заключить, что наличие государственной идеологии является необходимым условием эффективности системы обеспечения национальной безопасности. «Если у государства отсутствует такой важный фактор национальной идентификации как ясно выраженная государственная идеология,... государство не может обеспечить в полной мере проведение собственных интересов в международных отношениях, гарантировать безопасность своих граждан...» [4].

Именно поэтому на современном этапе очень важно возратить в основной закон страны её национальную идею и твёрдо заявить о российской государственной идеологии, назвав всё своими именами. Тем самым в Конституции Российской Федерации получит отражение общегражданское начало суверенитета страны и будет решён вопрос об идеологических основаниях национальной безопасности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года. Гл. 1. Режим доступа <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html>

2. Медведев Н.П. мироустройство современной России: проблема выбора модели // Поиск моделей социально-экономического развития Юга России в новом геополитическом формате: Сборник Материалов международной научно-практической конференции; Институт дружбы народов Кавказа. Ставрополь: РИО ИДНК, 2015. 806 с.

3. Медведев Н.П. Национальная безопасность как ядро политической идеологии современной России // Политическая безопасность Юга России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. и круглого стола. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010, 494 с.

4. Медведев Н.П. Обеспечение безопасности на Северном Кавказе: системный подход // Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях / отв. ред. Н.П. Медведев. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 167 с.

Миклина Н.Н.

МУЗЫКА С.В. РАХМАНИНОВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ¹

В статье проведен анализ музыкального наследия С.В. Рахманинова в качестве выражения российской национальной идентичности, индивидуальной и коллективной памяти.

Ключевые слова: музыка, С.В. Рахманинов, национальная идентичность, индивидуальная и коллективная память.

The article analyzes the musical heritage of S.V. Rachmaninov as an expression of Russia's national identity, individual and collective memory.

Keywords: music, S.V. Rachmaninov, national identity, individual and collective memory.

Музыка Сергея Васильевича Рахманинова, привлекающая сегодня всё большее количество любителей музыки и музыкантов-профессионалов, несомненно, русский феномен, несмотря на неприятие композитором советского строя, на то, что последнюю четверть века он жил и работал за границей, в основном, в США. Неудивительно, что украинский пианист Алексей Иванович Ботвинов, один из лучших интерпретаторов рахманиновской музыки, говорит, что он «родился с чувством музыки Рахманинова», которая более всего соответствует бренду «русская душа» и является символом русской музыки и русской культуры, «заплаканными глазами славянства» (метафора Б. Пастернака), абсолютно живой музыкой – мощной, печальной, невыносимо прекрасной и составляющей симбиоз с его сердцем [1]. Вместе с тем, эта музыка, «не дающая» западным исполнителям, волнует слушателей не только в Европе и Америке, но и во многих других уголках мира. Вот как А. Ботвинов описывает реакцию публики на одно из своих зарубежных выступлений: «Недавно я играл мой любимый Третий концерт Рахманинова на концерте в честь 10-летия Симфонического оркестра Джакарты в Индонезии, где ещё только начинается постижение классической европейской и русской музыки. Но эта новая для них музыка оказалась настолько актуальной, что люди плакали, подходили после концерта — говорили какие-то возвышенные и искренне восторженные фразы, а тысячный зал реагировал так, как будто всё происходило в Москве или в Цюрихе» [1]. Значит ли это, что в музыке Рахманинова заложены не только важные свойства русской души, но и некие существенные черты, будирующие коллективную память всего человечества?

«Загадки» рахманиновской музыки и причины её популярности многие связывают с её традиционализмом, особым сплавом в ней русских, европей-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Философия музыки в России конца XIX – начала XX вв. в контексте проблем современности», проект № 13-33-01021.

ских и восточных элементов, с искренностью и «сердечностью» музыкального выражения. Если А. Ботвинов связывает неувыдающую значимость творчества Рахманинова с наличием духовной элиты общества, для которой ценность музыки состоит в её способности пробуждать высокие эмоции и чувства, то родившийся на Украине выдающийся американский скрипач еврейского происхождения Натан Мионович Мильштейн делает несколько иные акценты. «Долгое время у музыки Рахманинова была репутация сентиментальной, дурновкусной, салонной», но характерное для музыкального искусства XX века увлечение новыми техниками и технологиями постепенно проходит, и люди, отвыкшие от музыки, «идущей от сердца», всё больше «не боятся сказать, что они любят Рахманинова» [курсив наш – Н.М. и С.В.], потому что у него всё искренне и «всё от сердца»: «предубеждения и мода уходят, а эмоциональное и содержательное искусство — остается. И Рахманинов останется» [2].

Превыше всего ценил в искусстве искренность и сердечность и сам композитор, решавший при сочинении музыки «единственную задачу» – «заставить её прямо и просто выражать то, что у меня на сердце» [3, с. 103]. На вопрос американского критика Вальтера Коонса «Что такое музыка?» Рахманинов ответил следующим образом:

«Что такое музыка?!

Это тихая лунная ночь;

Это шелест живых листьев;

Это отдаленный вечерний звон;

Это то, что родится от сердца

и идет к сердцу;

Это любовь!

Сестра музыки это поэзия,

а мать ее – грусть» [4, с. 343].

Любовь, хранимая в «памяти сердца» композитора и совпадающая с музыкой, природой, звоном колоколов, с душевными отношениями между людьми – источник вдохновения, творческой энергии, художественного чутья: «В искусстве что-нибудь понять – значит полюбить» [5, с. 125]. Именно «универсальный дар любви: к миру, к Богу, к музыке, к женщине объясняет огромную притягательную силу музыки Рахманинова, ее вселенскую отзывчивость» [6, с. 108]. Эта Любовь есть реализация неких архетипических импульсов, вечно порождаемых человеческой памятью и фиксируемых «умным сердцем» художника. В результате происходит «преображение низших бессознательных и подсознательных сил, возведение их к высшему, великий порыв к сублимации, призыв к преобразению всей жизни» [7, с. 76], поскольку истинное творчество, рождающее прекрасные образы, превращает хаос в космос, и это всегда не только жажда сублимации, но и её реальное воплощение в жизнь, где властвует Божественное откровение и незримо присутствует Первотворец. Таково содержание не только вокальных и программных сочинений Рахманинова, конкретизируемое словом или навеянное природными, бытовыми, историческими, литературными, художественными персонажами (романсы, хоры, оперы, кантаты, духовные произведения, фортепианные и симфонические

сочинения), но и «чистой» музыки, где такая программа не выражена явно и может лишь угадываться (фортепианные концерты, инструментальная и симфоническая музыка).

В то же время поиск правды в искусстве сосредоточивается не на изображении эмпирических объектов, а на их аксиологическом значении, где подлинная ценность отлична от мнимой. Подлинная ценность завоевывается порой путем значительных усилий в преодолении жизненных трудностей, дурных поступков, низменных переживаний, и этот путь ведет не в бездонную пропасть, а к проливающимся сверху Божественному Свету: «порыв Эроса, устремление снизу вверх, из глубин подсознания, из сердец и утроб к высоте абсолютной ценности и святости Логоса есть истинная сублимация; ее формула: где сокровище ваше, там и сердце ваше» [7, с. 86]. Истинной сублимацией поверяется ценность человеческих чувств, страстей, эмоций, которые могут рассматриваться как ущербные, пессимистические или же как полнокровные, оптимистические. Рахманинов обладал непосредственной интуицией истинной сублимации в качестве сублимирующей любви – наивысшей, абсолютной ценности, закрепленной в русском православии и объединяющей личное с общественным, индивидуальное с универсальным. Эта сублимирующая любовь реализована во всех сочинениях композитора.

Претворение Рахманиновым эффекта сублимации достигается путем развития в рамках общеевропейского музыкального языка элементов русской протяжной песни, плача-причета, романсовой лирики, колокольного звона, суровых интонаций древнерусского знаменного распева, которые в поздний период творчества максимально сближаются с католической секвенцией *Dies irae* («День гнева»), ставшей символом смерти, катастрофы, Апокалипсиса в сочинениях многих композиторов. Это развитие обычно вытекает из небольшой попевки, которая в результате вариантных повторов постепенно расширяет звуковое пространство, разворачивая широкие волны мелодического полноводья. Лирическую разработку такого типа мелодизма дополняет стихия народной пляски с четкими, сильными, упругими ритмами, часто связанными с «колокольностью», родственной попевочной технике: в самой природе колокольного звона «заложена потенциальная возможность свободной вариантной перестановки используемых тонов (колоколов) – “перезвона”» [8, с. 52]. Расцвечивание вариантами основной попевки музыкальной фактуры, либо пронизанной острой, активной, контрастной динамикой, либо растворяющейся в зыбких, воздушных импрессионистических звучаниях, приводит к двум типам кульминаций – громких, восторженных, ликующих, или тихих, затаенных, как бы останавливающих время в высоких звуковых регистрах. Тихая кульминация становится у Рахманинова «символом воспарения, божественного откровения, преодоления гравитации: от нее только и начинается небесный полет мечты» [6, с. 107]. Так, в тихой кульминации романса «Здесь хорошо», где ярко очерчена формула «КРАСОТА ПРИРОДЫ — Я — БОГ», возникает ощущение полного слияния с Богом в созерцании «идеальной природы», чему сопутствует звуковая метафора – иконография волны как живительной влаги, наполняющей душу и сердце [9, с. 143].

Составляющие данной формулы, объединяемые Любовью, - важнейшая смысловая составляющая интегрирующего метода Рахманинова, специфику которого Е.Р. Скурко видит в доминирующей роли вариантности как метода и основы художественного мышления композитора [10, с. 165]. Интегрирующий метод, выражая индивидуальные и национальные особенности мышления композитора, предвосхищает одну из общих тенденций современной музыки – выдвижение на первый план вариантно-вариационного метода музыкального развития [10, с. 172-173]. В русле этого метода находится и «цыганская» открытость музыки Рахманинова крайним чувства и страстям, и интерес композитора к иным культурам (украинской, венгерской, испанской, западноевропейской, американской), который проявляется в названиях, общем колорите произведений, в продолжении традиций «русского Востока», во введении в поздние сочинения элементов джаза, стиливых цитат и аллюзий. Добавим к этому и мысли А.В. Ляховича о соединении в последних сочинениях Рахманинова «тварного» с Божественным, о стремлении композитора к «совершенной правде жизни», о его подходе к границе жизни и смерти, «к новой красоте, обогащенной опытом этико-философского откровения» [11]. Это обращение «ко всем», вне зависимости от социального, культурного и иных статусов субъекта восприятия, «апеллирует к сущностному, исконно-человеческому началу в человеке, оно определено лишь одной доминантой – любовью, приобретающей всеобщий, вселенский, соборный характер, – и потому становится доступным максимально широкой аудитории» [11].

Трактовка единой метамузыкальной идеи поздних сочинений Рахманинова как означения «энтропийного историко-темпорального движения: от прошлого – к Концу, от целостности – к распаду», к Страшному суду, видение автором определяющей роли микро-измерений данной идеи (музыкальное моделирование истории в форме мифа о себе) в формировании её макро-измерений («историческое, вселенское как проекция идеи энтропии на судьбу Человека-во-времени») [8, с. 188] требует дополнений. Трагизм поздних произведений Рахманинова, ставших «едва ли не самой пронзительной исповедью его времени, едва ли не самыми правдивыми и характерными для отечественного искусства XX века откровениями» [12, с. 5], объясняется не только болезнями и усталостью композитора (заела «окаянная здешняя жизнь, отнимающая вместе с работой весь твой день» [4, с. 187]), но главное, его растущей ностальгией и предчувствием не столько личных, сколько всенародных бед и катастроф. Именно поэтому последние сочинения Рахманинова отличаются трагизмом и остротой национального колорита.

Так, в «Симфонических танцах» - итоге творчества и отражении жизненной драмы композитора - «вновь запели русские колокола», а кульминационное проведение в финале темы *Dies irae* рисует «образ вселенской гибели» [13, с. 130-134]. Однако последующее появление «темы слез» и напева из «Всенощной» Рахманинова («Благословен еси, Господи») напоминает нам и о христианской идее воскресения и мифе о вечном возрождении, запечатленном в иных мировых религиях, и о современных теориях саморазвития, где от свободы выбора и активности деятельного субъекта зависят как энтропийные, так

и дегэнтропийные процессы. Высокий эмоциональный накал «Симфонических танцев» - серьезное предупреждение о возможном сценарии мировых событий и яркое свидетельство индивидуальной и коллективной памяти о Родине – маленькой, большой, великой, земной и небесной, которая призывает к сублимирующей Любви и требует соответствующих действий во имя будущего человека, русского народа, всего человечества.

Литература

1. Алексей Ботвинов: «Рахманинов – это бренд русской души»: интервью – Елена Езерская // Музыкальный журнал, май-июнь 2013 г. Режим доступа: http://www.botvinov.com.ua/press_100.html

2. Мильштейн Н., Волков С. Рахманинов, каким я его знал // Знамя. 1988. № 11. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/11/milsh.html>

3. Три интервью: Говорит Сергей Рахманинов; Интерпретация зависит от таланта и индивидуальности; Музыка должна идти от сердца / пер. с англ., публ. З. Апетян // Советская музыка. 1973. № 4. С. 94-103.

4. Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. Письма / ред., сост. З.А. Апетян. М.: Советский композитор, 1980. 584 с.

5. Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 1. Воспоминания. Статьи. Письма / ред., сост. З.А. Апетян. М.: Советский композитор, 1978. 648 с.

6. Варганов С.Я. Дар любви: образ автора в фортепианных концертах С. Рахманинова // С.В. Рахманинов и мировая культура: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 15-16 мая 2013 г. Ивановка: РИО МУРИ, 2014. 280 с. С. 101-112.

7. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. Париж, 1931. 273 с. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/etika_erosa/

8. Ляхович А.В. Символика в поздних произведениях Рахманинова. Дис. ... канд. искусствоведения. Киев, 2012. 239 с.

9. Кривошей И.М. «Райский локус» в романсах Рахманинова // С.В. Рахманинов и мировая культура. Ивановка: РИО МУРИ, 2014. С. 142-147.

10. Скурко Е.Р. Некоторые аспекты преломления интегрирующего метода развития в инструментальной музыке Рахманинова // С.В. Рахманинов и мировая культура. Ивановка: РИО МУРИ, 2014. С. 164-174.

11. Ляхович А. Рахманинов и китч: Израиль XXI // Музыкальный журнал. Режим доступа: <http://www.21israel-music.com/Rachmaninov.htm>

12. Сергей Рахманинов: от века минувшего к веку нынешнему: Сб. статей / ред.-сост. А. М. Цукер. Ростов н/Д: Изд-во Рост. пед. ин-та, 1994. 149 с.

13. Ярешко А.С. Последние звоны далекой Родины // С.В. Рахманинов и мировая культура. Ивановка: РИО МУРИ, 2014. С. 128-135.

Минчев М.П.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Автор статьи критикует глубокий кризис современной философии как в мире, так и в России. Особое внимание уделено цивилизационным различиям смысла философии в России и на Западе. Надежды возлагаются на возрождение русской философии.

Ключевые слова: русская философия, западная философия, современность, идентичность.

The author criticizes the deep crisis of modern philosophy such as in the world, and in Russia. The main attention is paid to the meaning of civilizational differences of philosophy in Russia and in the West. Author hopes for the revival of Russian philosophy.

Keywords: Russian philosophy, Western philosophy, modernity, identity.

Тема статьи касается особого значения и особенной роли, которую играет русская философская мысль в современном мире, а цель ее – найти смысл того явления, которое называется **русская философия**.

Непрерывным условием для правильного решения поставленных задач является ответ на очень важный вопрос – что такое **русская философия**? И вообще, что именно определяет философию как немецкую, французскую, английскую и как любую другую? То, что она возникает в географических границах одной нации? Или в пределах культурно-исторического пространства развития национальной духовности? Или то, что каждая национальная философия содержит в себе такой смысл, в определении которого пространственные и временные параметры имеют не основное, а второстепенное значение?

Мой ответ на этот вопрос компромиссный, т.е. лишен оригинальности: все общественные факторы, возникающие в их определенной исторической и географической среде формируют, в результате своего воздействия, уникальную духовную обстановку, при которой появляется и конкретная „национальная” философия. И чем особеннее и драматичнее является духовная обстановка на определенной социокультурной территории, тем более специфичной и оригинальной ее философия. Таковы английская философия XVII–XVIII веков, французская – в середине XVII века, немецкая – в конце XVIII и начале XIX веков.

„Национальные” особенности этих философий продолжают существовать и потом – в XIX и XX веках, несмотря на быструю интернационализацию европейской духовной жизни за этот период. По этой причине я ставлю слово „национальные” в кавычки только условно, с определенной боязнью. Национальное, хотя и в деталях, все ж таки присутствует, хотя бы потому что философские теории создаются на их национальных языках. Трудно себе представить, а я, признаюсь, совсем не

могу это сделать, как русскую философию можно создавать, например, на немецком, или немецкую – на французском и пр. Объяснять и толковать, пересоздавать и переводить – да, а творчески создавать – нет.

Чувствую, что возражения по поводу моих рассуждений готовы – а что можем сказать об интернационализации европейской культуры в XIX веке, которая, например, делает позитивизм, философию жизни, марксизм и т.д. общим достоянием стран Европы, а позднее и Северной Америки? Что мы можем сказать о почти неограниченной интернационализации философской мысли в XX веке? А о разбушевавшейся в наши дни духовной глобализации?

На первые два вопроса отвечу кратко – как и из-за ограниченности возможностей для углубленного анализа, так и из-за того, что XIX и XX века это уже пройденный этап философии.

В нашем случае важно то, что связано с тематикой конференции, а это – ответ на третий вопрос: возможна ли в сегодняшнем неудержимо глобализующемся мире философия с ясно обозначенной национальной спецификой?

Но перед тем, как ответить на этот вопрос необходимо взглянуть каково вообще состояние современной философии. И сразу напрашивается ответ – она находится в глубочайшем кризисе. Может быть самым глубоким с появления философии вообще.

Это не тематический кризис; это не только идейно-теоритический или методологический кризис. Это кризис идентичности философии, ее содержания как социокультурный феномен. Это экзистенциальный кризис, ставивший под сомнение само ее существование.

После заката структурализма и герменевтики в конце 1980-х гг. философия существует инерционно, бесплодно, только через эпигонские перевоплощения больших идейно-теоретических течений прошлого.

С такой угрозой для самого существования из-за потери собственной идентичности философия сталкивалась в начале Средневековья, когда шел процесс ее растворения в богословии, ее превращения в обыкновенную теологию.

Часто философия играла поддерживающую, служебную роль и для религии, и для науки и для политики. Но даже будучи их слугой она все-таки оставалась философией со своим исконным содержанием, со своими темами, проблемами и решениями. Но в наше время, точнее за последние три десятилетия, философия теряет свой облик, свою специфику и уже начинает терять свою сущность.

Потерей идентичности философия обязана воздействию двух основных факторов: первый, действующий по силе внутренней логики на ее развитие, и второй, который действует извне и вытекает из логики ее функциональной определенности в духовной жизни общества.

Внутренний фактор кризиса философии как особый феномен духовной культуры начинает, видимо, действовать после распада классической немецкой философии. Бурное развитие науки во второй половине XIX столетия способствует и ускоряет нарушение баланса между двумя основными

тематическими разделами философии – онтологии и гносеологии. Наука словно доказывает, что метафизическая сущность философской мысли поначалу является лишней, а затем даже вредной как для науки, так и для самой философии.

И наоборот, то же самое бурное развитие естественных наук гипертрофировало их интерес к методологическим проблемам и таким образом к роли и значению гносеологии как важнейшего раздела философии и как единственно реальное исследовательское поле философии. В XX веке вне этого гипертрофированного гносеологизма осталось мало философских теорий.

Вместе с этой тенденцией зарождалось и одно новое явление, характерное для неоклассического типа философского восприятия мира – фрагментация и функционализация философского мышления. Типичные философские темы уступали место все более странным, даже абсурдным по значению и своему звучанию проблем. Сегодня преобладающий стиль философии является занятием произвольными рассуждениями по ничем неограниченным темам. Сегодня мы имеем чем только не занимающуюся философию, но только не философию, занятую своими исконными проблемами.

Не менее важными оказываются внешние для философии факторы, которые привели ее к настоящему кризису идентичности – её тотальная политизация. Еще К. Ясперс отмечал, что каждое философское учение имеет политические последствия. Но эта истина не имеет ничего общего с той политизацией философии, свидетелями которой мы являемся уже почти два десятилетия. Подобное явление имело место в 50-х годах XX века, но к 1960-80 гг. философия успела его преодолеть.

Странно, но когда в тот период в философии велась ожесточенная идеологическая борьба между марксистами и всеми остальными учениями и теориями, эта борьба не превратила философию в обыкновенную политологию. Резкая и неудержимая политизация философии началась сразу же после того, как рухнул восточноевропейский социализм.

Что же делать дальше? Можно или нет спасти философию? Но прежде нужно ответить на вопрос – хотим ли мы вообще этого? Но еще более важным вопросом является – нужно ли спасать философию? И если решим, что нужно, то как?

Ответ легкий, но реализация задачи крайне трудна и сложна. Невозможно жить без философии! Не нам, для которых она является профессией, а для общества, для людей, для каждой отдельной личности. Впрочем – можно, но так, как можно жить без науки, без искусства, без веры, т.е., примитивно, по-скотски.

Итак, как можно спасти философию? Ответ ясен – если она вернется к своим истокам, к тому, что из нее делает именно философию и ничто другое. А это метафизическое переосмысление фундаментального экзистенциального отношения – отношения человека с миром. Метафизика является основой концептуальной целостности и специфика философии, а содержание

метафизики – это онтология. Без наличия онтологии философия не может существовать. И каждая философия, которая является философией, даже когда она объявляет себя радикально антиметафизической, всегда содержит в себе онтологические моменты и всегда приводит к тем или иным онтологическим последствиям. Проблема бытия и его смысла является фундаментальной и она может быть решена только философией. И только эта уверенность может вернуть нас к исконному смыслу проблем гносеологии, антропологии и праксеологии, аксиологии и этики.

Второе, с чем должна справиться философия – это стряхнуть с себя политизацию. Это действие, второе по важности, должно быть первым по срокам реализации. И для его осуществления, кроме осознанной необходимости этого акта, также необходимы соответствующие общественные условия. А они нигде не так благоприятны для возрождения исконной философской проблематики, как в современной России.

Что является исконным философским действием? Это глубокое переосмысление бытия; не **всего существовавшего**, а того, что делает из всего существовавшего единное целое. Этим должно быть положено начало возрождения философии.

Но почему именно Россия? Почему именно она, страна пережившая разгромное геополитическое и цивилизационное поражение в тотальном противостоянии с либеральным Западом? Почему она, которая существует уже второе десятилетие в условиях невиданного в ее истории полного духовного кризиса – ценностного, духовного, мировоззренческого?

Так именно поэтому! Так можно ответить только тогда, когда известна история России, но не история эмпирических общественных событий, происшедших в прошлом, а их общий скрытый смысл, по отношению к которому они – только знаки для расшифровки, так же, как буквы в сочетаниях раскрывают мысли, зашифрованные ими.

А в истории России закодированного много, исключительно много. Это не национальная история в государственном переплете или, наоборот, государственная история одного народа. История России никогда не была историей только русской нации. В начале XX века был проделан такой эксперимент. Он провалился в 1917 г. Теперь его пытаются повторить. И его ждет та же участь. Наше любопытство можно направить только на сроки, когда это случится.

Россия, ” русское”, русский – это имена цивилизации, чье начало относится к середине XV века, во времена, когда исчезает Византийская империя и выстраиваются основы нового культурно-исторического феномена – России; феномена, который начинает искать и свое геополитическое пространство. Государственная территория России является материальным следствием расширявшегося духовного и цивилизационного пространства, определяющее себя как „русское”. С тех времен и по сей день Россия развивалась, переживая драматические подъемы, трагические падения, внезапные перемены и кровавые внутренние конфликты. С тех времен и по сей день никакая другая культурно-цивилизационная общность не сталкивалась

так масштабно и так уничтожительно с проблемой смысла бытия, как русская. Именно о смысле, т.е. о предназначении бытия по отношению к человеку, а не о сущности бытия, т.е., о его значении для самого себя. И именно это ее отличает от романо-германской.

Русская духовная культура всегда была метафизична. Она колебалась в этой своей специфике, но никогда не теряла ее полностью, до конца. Еще меньше преднамеренно ее отвергала. Несмотря на все усилия позитивизма – ни классического, ни „второго”, ни неопозитивизма – ему не удалось пустить корни в русскую духовную почву.

Не удалось пустить корни и экзистенциализму в его немецко-французском варианте. И зачем, после того как русская философия почти за век до этого уже нравственно переосмысливала бытие и расширяла действие нравственности до масштабов самого бытия?

Этим стремлением к онтологизированной всеобхватности морали владела и великая классическая русская литература.

Говоря обо всем этом, было бы большой ошибкой отделить это от драматического изменения настроений русского общества после победоносной войны над наполеоновской Европой. Воодушевление после спасения Родины сложно переплеталось с угнетающим выводом об отсталости России от зарождающейся тогда либеральной Европы.

После этого было поражение в Крымской войне, сопровождавшееся унижением великой империи. Эта война доказала как техническую отсталость России, так и архаизм ее общественных отношений. Но самые прозорливые умы русской земли уловили за военным поражением государства скрытый замысел католико-протестантского Запада смертельно ранить сокровенный смысл и значение восточнохристианского цивилизационного проекта.

Подобная смертоносная опасность нависла над русским цивилизационным проектом и в годы Первой мировой войны. Тогда Россия выжила, чтобы оказаться в том же положении в начале 1990-х гг. И до сих пор эта опасность не устранена. Попытки преодолеть кризис русского цивилизационного проекта средствами либерализма западного типа потерпели крах. И это совсем не случайно – он изначально чужд русскому восприятию мира. Я очень далек от мысли об однозначном разрушительном влиянии Запада на русскую культуру, принимаемую некоторыми кругами русской интеллигенции. Но одно – это влиять, а другое – насильственно навязывать чужой цивилизационный проект такой самобытной и еще творчески неиссякающей культуре, каковой является русская.

Итак, было упомянуто о трех глубоких кризисных периодах русского социокультурного проекта. Философия, видимо или невидимо, всегда была квинтэссенцией духовной культуры. Это верно и для русской духовной культуры.

До 1920-х гг. в России было представлено большинство философских течений, возникших в Западной Европе в XIX веке. По своему характеру они эпигоны, хотя и несут отпечатки „русскости”. А эта „русскость” состоит в поддержании постоянного живого интереса к всему тому, что в своих

выводах всегда считается с онтологичным смыслом рассматриваемого объекта.

С середины XIX века начинает формироваться и самобытная русская философия – религиозно-экзистенциалистская. Она единственно продолжает существовать в условиях уже эмигрантской русской культурной среды после 1922 г. Характерным для оригинальной, так и для попавшей под внешнее влияние русской философии является неизменное существование в ней онтологичного аспекта; все в конце концов должно быть онтологично переосмыслено.

Этот „голод” по онтологии определяет и характер марксистской философии, которая политическими средствами заняла монопольное положение в Советской России с начала 30-х до начала 90-х гг. XX века. Русская версия марксистской философии является реально существующим явлением в интеллектуальной истории XX века и заслуживает повышенное исследовательское внимание. Из-за нехватки места достаточно только подчеркнуть разницу между замыслом К. Маркса представить свое философское учение как праксиологию с сильным антропологическим уклоном и реализацию диалектического и исторического материализма как единственной философской системы в советских общественных условиях.

Даже сейчас, когда в русской философской жизни существует безбрежный плюрализм концепций и учений, все они содержат в себе живой интерес к „первой философии”.

Итак, почему же духовное пространство русской культуры является самой подходящей средой для возрождения настоящей аутентичной философии?

Философия может быть спасена, только если в нее вернется онтологическая проблематика во всей своей серьезности и полноте, т.е., когда в ней проснется ее исконный метафизический дух. В западной культуре этот дух не заснул, он – мертв. Но если он и появится в ней, то он придет из такой ненавистной для Запада России.

Муза Д.Е.

ТЕМА «ПОХИЩЕНИЯ» РОССИИ В ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ А.С. ПАНАРИНА

Автор интерпретирует философию политики А.С. Панарина в аспекте конфликта цивилизаций. Доказывается, что Запад целенаправленно разрушает политические системы, ценности, институты иных обществ. Ключевые понятия западной политической науки воспринимаются как симулякры.

Ключевые слова: философия политики, А.С. Панарин, «похищение» России.

The author interprets the philosophy of politics of A.S. Panarin in terms of a clash of civilizations. It is proved that the West purposefully destroys political sys-

tems, values, institutions of other societies. Key concepts of Western political science is perceived as a simulacra.

Keywords: philosophy of politics, A.S. Panarin, “abduction” of Russia.

Исследование современных мировых культурно-цивилизационных противостояний, нередко приводит к сознанию того, что англосаксонская модель разрешимости конфликтов неминуемо оборачивается монологическим сценарием. И это неудивительно, ведь принуждение к трансформации иномерных Западу политических систем и ценностей опирается на присущие ему ценности и стандарты (либерализм и «демократические институты»). Глубже – протестантскую этику успеха и полезности конечного результата.

Отсюда интерес к глобальному по своей форме и сути процессу «похищения Истории», а значит, историй конкретных культурно-исторических общностей или цивилизаций.

Имеется в виду не только достаточно четко предметно очерченное британским культурологом и антропологом Дж. Гуди этого ранее неизведанного проблемного поля. В частности, указанием на то, что «Европа не просто пренебрегла историей остального мира или преуменьшала её значение, что приводило к последовательному искажению собственно европейской истории, но и как в Европе разрабатывали исторические концепции и периодизацию, усиливавшие восприятие Азии в определенном ключе, что, несомненно, повлияло и на понимание её прошлого, и представление о её будущем» [1, с. 22]. Причем, не только искажением пространственно-временных, но институциональных и ценностных деформаций. Под этим углом зрения иначе звучат: «похищение «цивилизации» (Н. Элиас), «похищение «капитализма» (Ф. Бродель), «похищение социальных институтов» – семьи, города и университета, наконец, похищение автохтонных ценностей и замена их на «гуманизм, демократию», «индивидуализм» (в их сугубо европейской реакции) [1, с. 173-246, 247-288, 289-412].

Однако более жестко проблему «похищения истории», равно как и «похищения России», в своё время поставил и раскрыл А.С. Панарин. В частности, в своей работе «Россия в циклах мировой истории» (1999 г.) он описал ситуацию в рамках которой:

а) динамика модерна, прежде всего его идеологических конструкций – либерализма и марксизма создали свои модели похищения, дифференцировав все общества, выделив референтную группу – «средний класс» и «пролетариат» и организовав тем самым разрыв между Большой историей и народной повседневностью;

б) «открытое» общество, навязываемое по всему миру, в своей практике касается не только экономики, но и сфер идеологии, образования, культуры, демонстративно призывая не-Запад открыться его «плодотворному» влиянию;

в) технологический ratio, лишенный любви, выхватил из под опеки великих культур Востока – природу, с её механизмами самоорганизации, и бросив её в «топку» Прогресса, при этом не отразившись на грядущие «пределы роста»;

г) мораль успеха, тиражируемая повсеместно, атакует и выводит из игры трудовую (аграрного и промышленного обществ) мораль, по сути ничего не предлагающая взамен [2, с. 42-174], разве что сюжет юноши Эдипа, что детально показано Панариным в его последней прижизненной работе [3, с. 97-101].

Разумеется, все эти тенденции умножились при вхождении человечества в русло глобализации. Конечно, можно по-прежнему сохранять благодушие к западной культуре (Западу присущ «дух терпимости» [4, с. 9]), но достаточно посмотреть на декларируемые и реализуемые принципы «стратегии умной силы» [5] в Азии, Африке, в пространстве СНГ, чтобы окончательно разувериться в мифе о нейтралитете Запада в плане изолированного форматирования истории. Попросту – в её похищении. Здесь диалог в формы политического участия США и их союзников даже не закладывается (!).

Иное дело отечественная парадигма, в лице того же А.С. Панарина четко заявившая свою позицию: принцип плюрализма мировых культур означает, что «каждую из них нужно рассматривать как носительницу спасительного разнообразия, как воплощение того или иного альтернативного варианта не в духе взаимоисключения, а в духе дополнительности» [6, с. 219].

Собственно это онтологическое условие остается невыполненным, и, вследствие этого, диалог культур (если не считать площадки симулякров – «свободный рынок», «права человека», «американский культурный универсализм» и т.д.), остается невозможным. А значит будущее человечества по-прежнему неопределенно.

Литература

1. Гуди Дж. Похищение истории. М.: Весь мир, 2015.
2. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
3. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М.: Алгоритм, 2003.
4. Померанц Г. Современный спор цивилизаций // Померанц Г., Миркина 3. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 9.
5. Най С.Дж. (младший). Будущее власти. М.: АСТ, 2014.
6. Панарин А.С. Тайна железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006.

Пашковский П.И.

А.И. Уткин о ресурсном потенциале и факторах развития России

В статье анализируются ресурсы и факторы развития российского государства, выделенные и охарактеризованные современным российским геополитиком, профессором Анатолием Ивановичем Уткиным. Подчеркивается, что учёный относит к ключевым: особенности российского менталитета; «обширность территории»; рационализированное использование природных ресурсов

и ископаемых; образованность населения; научный потенциал; выгодное стратегическое положение страны. Однако, основополагающим фактором, призванным реализовать все вышеуказанные, по мнению А.И. Уткина выступает грамотное планирование.

Ключевые слова: ресурс, «национальный характер», менталитет, территория, образование, научный потенциал, планирование, Россия.

The article analyzes the resources and factors of development of the Russian state, isolated and characterized the modern Russian geopolitics, Professor Anatoly Ivanovich Utkin. It is emphasized that the scientist refers to the key: the peculiarities of Russian mentality; «vast territory»; rationalized use of natural resources and minerals; education of the population; research potential; strategic location of the country. However, the fundamental factor, designed to implement all of the above, according to A.I. Utkin performs good planning.

Keywords: resource, «national character», mentality, territory, education, scientific potential, planning, Russia.

Прогнозы российского будущего в последние годы вызывают значительный интерес со стороны как отечественных [1-9], так и зарубежных исследователей [10-24]. Это обусловлено увеличением международной напряжённости, обострением конфликта России с Западом и последствиями антироссийских санкций, происходящими на фоне усиления российского влияния в мире, актуализируя научные дискуссии относительно перспектив и возможностей развития нашего государства, ресурсного потенциала и факторов, воздействующих на этот процесс. Одним из тех, кто осуществил глубинный анализ обозначенных сюжетов [25-33], был выдающийся российский учёный, доктор исторических наук, профессор, признанный специалист в области истории и теории международных отношений, геополитики, всемирной истории нового и новейшего времени, автор более 70 монографий и нескольких сотен статей, Анатолий Иванович Уткин (1944–2010) [34-37]. Наша публикация имеет целью рассмотрение ресурсов и факторов российского развития, выделенных и охарактеризованных данным исследователем.

В качестве первого фактора и, одновременно, ресурса, который, при правильном использовании, может способствовать прогрессивным преобразованиям, А.И. Уткин видел особенности российского менталитета или «национального характера». К его основным чертам относятся: стоицизм, «незакрепощённость», терпение, дискретность усилий, свобода, сострадание, отсутствие высокомерия, эгалитаризм и патриотизм. «Полагаясь на такой национальный характер, - отмечает учёный, - можно уповать на то, что первый же действительно национальный лидер, который с болью за отечество укажет на рационально обозначенный путь национального спасения и возвышения, может смело рассчитывать на жертвенный отклик полтораэта миллионам россиян, на десятки миллионов русских за пределами РФ, на людей русского этнопсихологического кода и культуры» [Уткин, 2008, с. 516].

Вторым ресурсом определяется «обширность территории» России. Её равнина является наиболее широкой в мире, простираясь на 17 тыс. кв. км, что вдвое больше территории США. А «старые горы» - Уральские и Восточносибирские – не представляют собой подлинных препятствий при перемещении. Особенностью российской территории выступает отсутствие естественных и отчётливых внутренних рубежей, что позволяет быстро проложить транспортные артерии. Кроме того, как акцентировал А.И. Уткин, стратегически важным является освоение Сибири и Дальнего Востока, где возможна продажа земельных участков для обработки, нахождение и применение новых залежей полезных ископаемых. В этой связи советуется создать Министерство Сибири и Национального агентства дорог. Перспективным видится и проект переноса столицы восточнее: по линии Екатеринбург – Новосибирск. Это предполагается поможет обезопасить «евразийский тыл» России, являющийся её «уязвимым местом» [Уткин, 2006, с. 448-449].

В-третьих, необходимо интенсифицировать и рационализировать использование природных ресурсов и ископаемых, которыми богата страна. Так, в настоящее время возделывается только 8% потенциально обрабатываемых земель. Особую значимость приобретают колоссальные запасы углеводородов. Мировая индустрия и, главным образом, западные государства, могут найти в «российском газово-нефтяном богатстве» (с выходами в Новороссийске, Приморье, Мурманске, на Сахалине) своего рода единственную альтернативу Персидскому заливу. Контроль над допуском к этим ресурсам может являться эффективным рычагом воздействия или средством раскола враждебных коалиций [Уткин, 2006]. В качестве примера А.И. Уткин указывал: «Мировое сообщество уже давно поделилось на страны экспортёры нефти и страны, потребляющие это сырьё. Если в предшествующие времена мощь государства определялась численностью ядерных боеголовок, числом кораблей в Мировом океане, численностью армий, способностью разрушений, то в будущем мощь сверхдержавы будет определяться резервами нефти и газа, способностью найти путь к источникам энергии. В 2006 г. экспортирующие нефть страны получили за свою нефть 970 млрд. долл. – втрое больше, чем в 2002 г., а в 2007 г. цена на сырую нефть удвоилась. Такой поворот фортуны был благоприятен, скажем, для России, продемонстрировавшей бурный рост с 2000 г. (чему помогла растущая цена на нефть) ... России помогли не только запасы нефти, но и огромные запасы газа и угля» [Уткин, 2010, с. 22].

Безусловным преимуществом и четвёртой движущей силой будущих преобразований России представляется образованность её населения. Речь идёт, прежде всего, о деятелях науки и культуры: преподавателях вузов и школ, сотрудниках научных институтов и центров, а также различных культурных и образовательных учреждений и т.д. Говоря об «образованном авангарде», А.И. Уткин упоминал о типе «русских европейцев», которые, не потеряв связи с Родиной, строили Империю и насаждали в ней просвещение на протяжении последних веков. «Эти люди знали Запад и видели, в чём состоит его величайшее чудо – в непрестанных трудовых усилиях, осмысленных и спланированных» [Уткин, 2008, с. 520].

Отечественная интеллигенция отчётливо понимала, что Россия является единственной незападной страной, которая устояла перед Западом именно в силу создания национальной индустриальной базы, породив плеяду технических и гуманитарных специалистов собственного «цивилизационного кода». При этом провинция постоянно посылает своих талантливых образованных людей в университетские города. Их природная любознательность и готовность служения Отечеству выступают крайне значимым ресурсом для будущего развития страны [Уткин, 2008, с. 62-80, 627-634].

Пятым фактором российского прогресса является мощный научный потенциал. Исторически сложилось так, что отечественная прикладная наука была связана преимущественно с военно-промышленным комплексом. Это объяснялось частой необходимостью вести военные и конкретно оборонительные действия. Такие научные учреждения, как Долгопрудненский Физико-технический институт, училище имени Н.Э. Баумана, Московский авиационный институт традиционно были кузницей блестящих профессионалов в технической сфере [Уткин, 2009].

В 2008 г. А.И. Уткин полагал, что этих специалистов «хватит ещё на десять лет». «После этого срока инстинкт выживания, равно как и малая продолжительность жизни, сделают своё бесславное дело. Но сейчас эти специалисты есть. Задача государства и общества, думающих людей России сохранить свою золотую плеяду...» [Уткин, 2008, с. 521]. Для этого учёный предлагал создать нечто вроде «Банка России», т.е., стабильного государственного учреждения финансового характера, максимально защищённого от экономического краха, в которое будут вкладывать свои средства даже молодые таланты, работающие за рубежом. Следует также возрождать «оазисы» высоких технологий в России, что позволит достаточно быстро приостановить губительный отток технических кадров. Не менее важным является и реорганизация Российской Академии наук, состав которой быстрыми темпами уменьшается и катастрофически стареет [Уткин, 2010].

Выгодное стратегическое положение страны – шестой ресурс её будущего развития. «В первое десятилетие XXI в., - подчёркивал А.И. Уткин, - перед Российской Федерацией встаёт ряд серьёзнейших геополитических проблем. В частности, с Запада она соседствует с развивающимся вглубь и вширь ЕС, в лице США она имеет дело с мировым гегемоном, чья политика в последнее время приобретает всё более идеологизированный характер. На востоке Китай и Индия быстро превращаются в региональные державы, а в потенциале – и в сверхдержавы, и, наконец, с юга её «мягкое подбрюшье», прикрыто лишь цепочкой слабых государств Закавказья и Центральной Азии, уже представляющей собой непосредственно мусульманский мир» [Уткин, 2010, С. 17]. В то же время, Россия располагает выходами ко всем мировым регионам: к Америке через Аляску; к Китаю через Амур; к Западной Европе через Балтику, Заполярье и Чёрное море; к мусульманскому миру через Казахстан, Центральную Азию и Каспий; к Индии через Алтай и Гиндукуш. Русские реки Нева, Вытегра, Вычегда, Клязьма, Волга, Днепр и озёра Ладога, Ильмень, Белоозеро были отрезками пути «из варяг в греки». С геостратегической точки зрения важно

отметить, что этот путь впервые в истории связал Северную и Северо-Западную Европу с Китаем, Индией, Персией, арабскими халифатами. Русские же стали мигрировать на европейский северо-запад: от Чернигова и Киева к Владимиру и Суздалью. А позже – к Вятке, Поморью и – через Уральский хребет и сибирские реки – к Тихому океану [Уткин, 2008, с. 627-657].

Исследователь подчёркивает, что за 500 лет деятельных контактов России с Западом проявили себя принципы общеатлантического единения, схемы межъевропейского сближения, а также идеи ухода на восток в форме евразийства. Современный выбор России будет зависеть от типа избранной ею модернизации, степени активности интеллигенции, позиции внешнего мира, но, в первую очередь, от национального сознания. В этом плане недостатком представляется то, что в менталитете российского населения до сих пор «не сложилось общенационального ощущения исторического хода развития своей страны» [Уткин, 2008, с. 524]. Проблема заключается в недостаточном уровне политической культуры масс, для которых личные и классовые интересы были и есть важнее государственных.

Седьмым и основополагающим фактором, призванным реализовать все вышеуказанные, является грамотное планирование. В пользу справедливости этого утверждения свидетельствует история: все позитивные преобразования в сфере индустриальной мобилизации и общественного развития России были «сделаны из кабинетов», став следствием профессиональных действий представителей профильных министерств. Именно государственные органы планирования способствовали выходу страны из кризисов в годы реформирования Александра II, подъёма 1885–1914 гг., индустриализации XX в. И только в последние десятилетия было обнаружено, что роль государства якобы слишком велика [Уткин, 2002, с. 235-238].

Сторонникам данной точки зрения А.И. Уткин отвечает: «Не может быть излишней разумной планирующей человеческой силы, мобилизации на решение проблем... Поставим вопрос так: кто низвёл на нет туберкулёз полвека назад и кто его возвратил за последнее десятилетие? Отвечаем, эпидемии победила разумная сила государства; ослабление оного, дикая вера в «питательный бульон» анархии возвратила в Россию страшные призраки национального вымирания (1 млн. ежегодно)» [Уткин, 2008, с. 526]. Развивая обозначенную тему, учёный задаётся риторическим вопросом, в попытке ответа на который содержатся значимые примеры и заключения: «Если плановая экономика порождает застой, то кто создал лучший в мире танк и автомат, кто первым вышел в космос, создал судно на воздушной подушке, первый пассажирский реактивный лайнер, первую в мире атомную электростанцию? ... Без общегосударственного плана России (в условиях массовой безработицы, деградации, краха национальной промышленности, эрзац-образования частных учебных заведений) из кризиса не выйти» [Уткин, 2006].

Исходя из представленного анализа, можно выделить следующие ресурсы и факторы российского развития, охарактеризованные А.И. Уткиным.

Во-первых, это российский менталитет или «национальный характер», который, при наличии патриотически-настроенного лидера, будет способство-

вать консолидации вокруг идеи национального возрождения «людей русского этнопсихологического кода и культуры» как внутри РФ, так и за её пределами.

Обширность территории страны и преимущественно равнинная местность – второй ресурс, позволяющий быстро проложить транспортные артерии. А освоение Сибири и Дальнего Востока открывает перспективы продажи земельных участков и разработки новых месторождений полезных ископаемых. Интересным представляется и проект переноса столицы восточнее: по линии Екатеринбург – Новосибирск, что, по-видимому, позволит обезопасить «евразийский тыл» России.

Третий фактор заключается в интенсификации и рационализации использования имеющихся природных ресурсов, главным образом углеводородов, которые представляются эффективным средством влияния на мировую политику.

Образованность российского населения – проявляющаяся в плеяде технических и гуманитарных специалистов отечественного «цивилизационного кода», создавших действующую сегодня национальную индустриальную базу, которая, следуя историческому опыту, помогла России устоять перед Западом – выступает четвёртой движущей силой государственного развития.

Мощный научный потенциал военно-промышленного комплекса, нуждающийся в целевом финансировании – пятый фактор возможной российской модернизации.

В-шестых, выгодное стратегическое положение России, с учётом его умелого использования, является безусловной перспективой для государственного развития.

Наконец, в целях успешной реализации вышеперечисленных ресурсов и факторов, необходимо грамотное планирование на общегосударственном уровне, следствием которого должна стать чёткая стратегия действий в обозначенных сферах.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/
2. Делягин М.Г. Реванш России. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 488 с.
3. Кара-Мурза С.Г., Мусиенко С.Г. Куда идём? Беларусь, Россия, Украина. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. 432 с.
4. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.
5. Тренин Д. Одинокое плавание. М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. 182 с.
6. Фортунатов В. Россия в 2017 году. Чем закончатся эксперименты со страной? СПб.: Питер, 2011. 318 с.
7. Цымбурский В.Л. А знамений времени не различаете... Режим доступа: <http://archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1285>
8. Шевцова Л.И. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: РОССПЭН, 2010. 272 с.

9. Яковенко И.Г. Распад России как предмет осмысления. Режим доступа: <http://root.elima.ru/articles.php?id=492>
10. Blank S.J. Towards a New Russia Policy Moscow. Carlisle Barracks: SSI US Army War College, 2008. 140 p.
11. Bugajski J. Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions. Washington: The CSIS Press, 2008. 216 p.
12. Cameron F. Russian Foreign Policy with Special Reference to its Western Neighbors // EPC Issue Paper. № 3713. July 2005. 22 p.
13. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. Access Mode: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy>
14. Cohen S.F. Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. N.Y.: Columbia University Press, 2009. 308 p.
15. Ebel R. E. The Geopolitics of Russia Energy. Looking Back, Looking Forward. Washington: CSIS, 2009. 66 p.
16. Kuchins A. Alternative futures for Russia to 2017. Washington: The CSIS Press, 2007. 71 p.
17. Legvold R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership // Foreign Affairs. July/August 2009. Vol. 88. № 4. P. 78-93.
18. Larrabee F. Stephen. Danger and Opportunity in Eastern Europe // Foreign Affairs. November/December 2006. Vol. 85. № 6. P. 117-131.
19. Larrabee F.S. A Western Strategy toward Russia in the Black Sea Region // Next Steps in Forging a Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea / Ed. R.D. Asmus. Washington: The German Marshall Fund of the United States, 2006. P. 113-120.
20. Molis A. Rethinking EU-Russia energy relations: What do the Baltic States want? // SPES Policy Papers. February 2011. 44 p.
21. Sherr J. Russia and the West: A Reassessment // The Shrivenham Papers. January 2008. № 6. 44 p.
22. Smith K. C. Russia-Europe Energy Relation. Implications for U.S. Policy. Washington: CSIS, 2010. 18 p.
23. Weitz R. China-Russia Security Relations: Strategic Parallelism without Partnership or Passion? Carlisle Barracks: SSI, US Army War College, 2008. 163 p.
24. Wishnick E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis. Carlisle Barracks: SSI, US Army War College, 2009. 72 p.
25. Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. М.: Алгоритм, 2006. 480 с.
26. Уткин А.И. Будущее России глазами американских аналитиков. Режим доступа: http://www.zlev.ru/83_90.htm
27. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. 256 с.
28. Уткин А.И. Как пережить экономический кризис. Уроки великой депрессии. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 320 с.

29. Уткин А.И. Мир после сентября 2001 года. М.: Издатель А.В. Соловьёв, 2002. 254 с.
30. Уткин А.И. Подъём и падение Запада. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 761 с.
31. Уткин А.И. Русские войны: Век XX-й. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. 528 с.
32. Уткин А.И. СССР в осаде. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. 288 с.
33. Уткин А.И. Энергетические ресурсы и геополитика // Полис. 2010. № 3 (117). С. 9-25.
34. Пашковский П.И. К вопросу о научном наследии профессора А.И. Уткина // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2014» / под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева, Н.В. Величко. Севастополь, 2014. С. 80-81.
35. Пашковский П.И. Причины дезинтеграции СССР в исследованиях российского учёного Анатолия Уткина // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Севастополь, 2012. Вип. 136. Серія: Політологія. С. 22-26.
36. Пашковский П.И. Профессор А.И. Уткин: страницы биографии классика истории и политологии международных отношений // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2014. № 274. С. 20-23.
37. Пашковский П.И. Светлой памяти Анатолия Ивановича Уткина // Интеллектуал. 2011. № 12. С. 54-56.

Пашковский П.И.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

В статье указывается на усиление конфликтного потенциала в рамках бывшего СССР, что актуализирует проблемы понятийно-терминологического обозначения данного пространства как в отечественном, так и в зарубежном обществоведческом дискурсе. Первоначально понятие «постсоветское пространство» имело подчеркнуто негативную коннотацию, использовалось применительно к странам Содружества и бывшим советским республикам Прибалтики. Ряд западных ученых усматривает в термине «идеологический инструмент» российской внешней политики для обеспечения доминирования в регионе. Анализируются трактовки понятия в российской науке, делается заключение о доминировании его нейтральной коннотации, отмечается, что в контексте «неоевразийского» дискурса просматривается идеологическое понимание проблематики.

Трансформация геополитической архитектуры в ближайшем будущем потребует конкретизации понятия «постсоветское пространство» в соответствии с реалиями современности. Однако, учитывая отсутствие общеустановленного понятия, обозначающего территорию бывших союзных республик, автор акцентирует внимание на возможности использования понятий «постсо-

ветское пространство», «новые независимые государства» и «ближнее зарубежье».

Ключевые слова: технология, идеологический конструкт, «ближнее зарубежье», «новые независимые государства», «евразийское пространство», «постсоветское пространство».

The article points to the increased potential for conflict within the territory of the former USSR that, in turn, actualizes the problem of the conceptual-terminological designation of a given space, both in domestic and foreign academic social science discourse. It is emphasized that the original concept of “post-Soviet space” had emphasized a negative connotation and was used in relation to Commonwealth countries and former Soviet Baltic republics. The author focuses on the fact that some Western scholars see in the term “ideological tool” of Russian foreign policy to ensure dominance in the region. Studies the interpretation of this concept in the Russian science, it is concluded that the dominance of its neutral connotations, however, it is noted that in the context of “new- Eurasian” discourse is viewed ideological understanding of this problem. It is emphasized that the transformation of the geopolitical architecture in the near future will require the concretization of the notion “post-Soviet space” in accordance with the realities of today. However, given today no generally established concept denoting the territory of the fifteen former Soviet republics, the author focuses on the use of concepts like “post-Soviet space”, and “new independent States” and “near abroad”.

Keywords: technology, ideological construct, “CIS countries”, “newly independent States”, “Eurasian space”, “post-Soviet space”.

В условиях современного увеличения международной напряжённости и, в частности, конфликтного потенциала в рамках территории бывшего СССР актуализируется проблема понятийно-терминологического обозначения данного пространства [7-10; 12-14], активизируя возникновение соответственных споров, как в отечественном, так и зарубежном обществоведческом и международно-политическом дискурсе [15-23]. Необходимость прояснения этой ситуации неизбежно приводит к рассмотрению разных, подчас взаимоисключающих, точек зрения, что только подтверждает теоретическую значимость подобного исследования.

Итак, принято считать, что понятие «постсоветское пространство» было введено в обращение литовским исследователем А.А. Празаускасом применительно к странам Содружества и бывшим советским республикам Прибалтики в статье «СНГ как постколониальное пространство», опубликованной 7 февраля 1992 г. в «Независимой газете» [2]. Показательно, что в указанной публикации положение государств постсоветского пространства сравнивается с колониальными землями империй прошлых веков, которые, даже после обретения независимости, оставались в культурном и отчасти экономическом «пространстве бывшей метрополии» [9]. Более того, в последующих статьях А.А. Празаускас развивает мысль о негативной коннотации данного понятия. «Независимо от воли и намерений отдельных учёных, - пишет он, - историография любой страны в большей или

меньшей степени содержит элемент идеологического мифотворчества. Особенно оно характерно для многонациональных стран, в которых национальная интеграция, поддержание межэтнического согласия относятся к числу важнейших функций государства» [16, с. 111]. В связи с этим аналитик более склонен к употреблению понятия «новые независимые государства», «подчёркнутое уважение суверенитета которых» со стороны России, якобы поможет «нейтрализовать подозрения» относительно её «экспансионистских намерений» [16, с. 128].

Примечательно, что З. Бжезинский, говоря в 1997 г. о территории бывшего СССР, имел в виду «пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трёх четвертей века Советскому Союзу под главенством русских», которое «теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета» [1, с. 110]. Характеризуя геополитическое положение региона, он одинаково часто использует понятия «постсоветское пространство», «новые независимые государства», «ближнее зарубежье». Кстати, последнее понятие применялось параллельно с «постсоветским пространством» для обозначения географической территории бывшего СССР ещё с начала 1990-х гг., а первое его употребление приписывается бывшему главе МИД РФ А.В. Козыреву [9].

Вместе с тем, некоторые западные специалисты рассматривают понятия «ближнее зарубежье» и «постсоветское пространство» как некий «идеологический инструмент» или «технологию» российской внешней политики для обеспечения гегемонистских позиций в регионе. Корректиной альтернативой вышеуказанным им видится уже упоминаемое понятие «новые независимые государства» [20; 21]. Наиболее чётко данную позицию выразил министр иностранных дел Великобритании Д. Милибэнд в августе 2008 г.: «По-моему, русские хотят использовать концепцию так называемого «постсоветского пространства», не понимая, что граничащие с Россией бывшие республики СССР – это независимые страны с суверенными границами. ... Я считаю это неприемлемым. Украина, Грузия и другие – это не «постсоветское пространство». Это – независимые суверенные страны, обладающие собственным правом территориальной целостности» [8].

В противовес этому российский учёный А. Суздальцев считает понятие «постсоветское пространство» наиболее нейтральным в контексте общественно-политической характеристики территории бывшего СССР. Однако он ставит под вопрос рассмотрение в рамках постсоветского пространства прибалтийских стран [17, с. 385], интегрированных в европейский проект. Данный тезис разделяет и ведущий научный сотрудник Института экономики РАН Л.С. Косикова. При этом на основе анализа количественных и качественных характеристик она отмечает, что на «первой фазе» трансформации бывших союзных республик (декабрь 1991–рубеж 1993/1994 гг.) указанный регион следует называть «ближнее зарубежье». Для «второй фазы» (1994–2001/2004 гг.) наиболее уместным представляется понятие «постсоветское пространство». В то время как «третья фаза» (начиная с 2003/2004 гг.) характеризуется нарастанием международного соперничества

и ослаблением российского влияния в регионе Содружества, когда бывшие союзные республики становятся «состоявшимися» и признанными международным сообществом «новыми независимыми государствами» с «открытой рыночной экономикой», вовлечённой в процессы глобальной конкуренции [7]. Похожего мнения придерживается и член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар, относя к постсоветскому пространству территорию пятнадцати бывших советских республик, учитывая имеющиеся между ними различия [15, с. 23-30].

Существует и более идеологическое понимание данной проблемы. Так, еще с первой половины 1990-х гг. представителями «неоевразийского» дискурса указанное географическое пространство именовалось «евразийским». В частности, это проявилось в риторике проекта «Евразийского союза» [11], представленного в 1994 г. президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. По мнению исследователей, проект означал, «что Евразия – определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, - представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение» [1, с. 135]. Но в дальнейшем в трактовках некоторых «неоевразийцев» наблюдается существенное изменение конфигурации «евразийского пространства» (исключение из него ряда бывших советских республик и, наоборот, включение территорий, не входивших в СССР). «Евразийской установкой, - отмечал по этому поводу А.Г. Дугин, - определяется вектор внимания России к постсоветскому пространству в целом. По сути, речь идёт о том, чтобы воссоздать единое стратегическое пространство в рамках бывшего Советского Союза – с некоторыми добавлениями (Монголия) и изъятиями (страны Балтии), но на совершенно иной мировоззренческой основе [4, с. 165].

Своего рода итогом современного осмысления ситуации, связанной с понятийно-терминологическим обозначением территории бывшего СССР, представляется мнение заведующего отделом проблем межнациональных отношений российского Института политического и военного анализа С.М. Маркедонова: «С определенными оговорками и без политико-идеологической нагрузки данные термины [«постсоветское пространство», «ближнее зарубежье» и «новые независимые государства». – П.П.] могут быть использованы для описания социально-экономического развития и геополитических процессов на территории бывшего Советского Союза», поскольку «более корректное и деполитизированное понятие «страны СНГ и Балтии» после выхода Грузии из состава Содружества уже не может считаться релевантным» [9]. Одновременно с этим, продолжает исследователь, «в скором будущем перед академическим сообществом встанет задача пересмотра (как минимум, существенной корректировки)» указанных понятий, что предопределено рядом обстоятельств. Во-первых, процесс геополитического самоопределения уже привел многие бывшие республики СССР в интеграционные структуры, не имевшие отношения к советским реалиям. Латвия, Литва и Эстония являются членами ЕС и НАТО, а Азербайджан и государства Центральной Азии – Организации Исламская

конференция. Также в некоторых современных интеграционных проектах новые независимые государства успешно взаимодействуют со странами «дальнего зарубежья»: в рамках ШОС вместе с РФ и бывшими союзными среднеазиатскими республиками активно работает КНР, а грузино-украинская внешнеполитическая инициатива СДВ включает Румынию, Македонию и Словению. Во-вторых, «по мере отдаления от событий 1991 г., советское наследие (в самых различных сферах) будет все меньше определять стратегию внутреннего и внешнеполитического развития бывших республик некогда единого государства. Хотя и сегодня советский «покойник» активно хватается живых (поскольку советские способы мышления, управления, национально-государственное устройство полностью не исключены)» [9].

Подобное замечали и другие эксперты, констатируя, что и в наши дни наблюдается общая для стран постсоветского пространства тенденция «воспроизводства» культурно-психологических установок «советской эпохи», носителем которых является поколение «homo soveticus» [6; 18]. В этом отношении весьма показательным выглядит вывод западных аналитиков, что две полосы бывших советских республик, первая из которых располагается от Балтийского до Чёрного моря (Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Молдова, Украина) и восемь других, находящихся по обеим сторонам Каспийского моря (Армения, Грузия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Киргизстан и Таджикистан) всё ещё несут на себе «твёрдые следы» советского наследия [22]. Обобщая приведённые мнения, российский учёный-американист А.И. Уткин писал: «...в социально-психологическом смысле Советский Союз никогда не девалялся, он существует по сию пору. ... Американские специалисты подчёркивают тот факт, что рухнувшая в одночасье политическая система оставила 70 млн. человек, живущих за пределами своих республик. Помножьте на три это число, и это будет общее число родственников, находящихся на территории пятнадцати республик. Социальные ценности не погибают в течение нескольких месяцев или лет. Исторические особенности не затухают за несколько сезонов. Всё это осталось в пятнадцати новорожденных государствах и, как «невидимая рука» истории, подводит общий знаменатель под пятнадцать суверенных государств» [19, с. 415].

Указанные обстоятельства способствовали тому, что на современном этапе в ряде словарей и понятийно-терминологических справочников довольно распространённым продолжает оставаться порядок разграничения постсоветского пространства по географическому (или геополитическому) принципу: Прибалтика (Латвия, Литва, Эстония); Восточная Европа (Белоруссия, Молдова, Украина); Южный Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия); Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан, Таджикистан) [3, с. 360].

Исходя из сказанного, очевидно, что проблема конкретизации понятия «постсоветское пространство» и интерпретации его дефиниций требует более глубокого и детального анализа со стороны экспертного сообщества, следствием чего должен стать набор общепринятых параметров,

характеризующих стабильное понятие, имеющее в целом однозначное и лишённое идеологического налёта определение. С учётом отсутствия в современных международно-политических исследованиях общеустановленного понятия, обозначающего территорию пятнадцати бывших союзных республик, для этого можно использовать понятие «постсоветское пространство», и близкие ему понятия «новые независимые государства» и «ближнее зарубежье».

Следует понимать различия в их смысловом контексте: понятие «постсоветское пространство» подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие «новые независимые государства» характеризует логику сегодняшнего дня – существование суверенных стран – бывших союзных республик; понятие «ближнее зарубежье» выступает проекцией устремлений бывшего имперского центра на ранее подконтрольные ему территории.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. 256 с.
2. Власов А. Доминирующая роль России на постсоветском пространстве. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4446/>
3. Дергачёв В.А. Геополитический словарь-справочник. Киев: КНТ, 2009. 592 с.
4. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. 382 с.
5. Караганов С.А. Новая эпоха // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 42-64.
6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Киев: Оріяни, 2004. 800 с.
7. Косикова Л.С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика: Научный доклад к заседанию Учёного Совета ИМЭПИ ИЭ РАН (сокращённый вариант). М.: РАН, Институт экономики, Отделение международных экономических и политических исследований, 2008. 39 с.
8. Лондон: постсоветского пространства больше нет. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7558000/7558484.stm
9. Маркедонов С.М. Постсоветская реальность. URL: <http://www.polit.ru/author/2009/12/09/reality.html>
10. Михеев С. Постсоветское пространство: элиты против интеграции. URL: <http://www.apn.kz/publications/article7698.htm>.
11. Назарбаев Н.А. О формировании Евразийского союза государств. Проект. 3 июня 1994 года // Назарбаев Н. А. Стратегия независимости. Алматы: Атамура, 2003. С. 42-64.

12. Орлова Т.В. История новых независимых держав: Postsovieticum: Навч. посіб. К.: Знання, 2010. 487 с.

13. Пашковский П.И. Постсоветское пространство: проблема определения понятия // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (11 июня 2015 г.). СПб.: Стратегия будущего, 2015. № 10. Т. 5. С. 13-16.

14. Пашковский П.И. Проблема понятийно-терминологического обозначения территории бывшего СССР // Социально-политические и культурные проблемы современности: Материалы IV Междунар. науч.-теоретич. конф. / ред. кол.: Ф.Я. Якубов и др. Симферополь: ДИАЙПИ, 2012. С. 219-223.

15. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетей, 2010. 400 с.

16. Прусаускас А.А. От Российской империи к Союзу ССР // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 111-130.

17. Суздальцев А.И. Постсоветское пространство: единство и многообразие // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / отв. ред. и рук. кол. С.А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 384-410.

18. Шевченко М. Постсоветский человек: становление новой ментальности. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/shevchenko/?library=2187>

19. Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. М.: Алгоритм, 2006. 480 с.

20. Asmus R.D. The Imperialists from Moscow. URL: http://www.gmfus.org/news_analysis/news_article_view?newsarticle.id=209

21. Bremmer I., Bailes A. Sub-regionalism in the Newly Independent States // International Affairs. 1998. Vol. 74. № 1. January. P. 131-147.

22. Kotkin S. Trashcanistan: A Tour Through the Wreckage of the Soviet Empire // The New Republic. 2002. 15 April. P. 26-38.

23. Suny R.G. Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia // International Security. Winter 1999/2000. Vol. 24. № 3. P. 139-178.

Плацинский А.А.

«БОЛЬШАЯ КАРТИНА» ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

«История – это прошлая политика, а политика – это сегодняшняя история».

Э. Фримэн.

Рассматривается процесс установления нового мирового порядка как фундаментальная историческая тенденция, отражающая «большую картину» истории. Установлена взаимосвязь между важнейшими историческими собы-

тиями: Первой мировой войной, Второй мировой войной, холодной войной, «войной с терроризмом» и современной «кибервойной». Предлагается альтернативная модель мирового развития, основанная на процессе евразийской интеграции, для предотвращения глобального хаоса.

Ключевые слова: история, «большая картина», новый мировой порядок, контекст, установление.

The process of establishing new world order is examined as a fundamental historical trend, which reflects the “big picture” of history. Interconnection between the most important historical events is established, that is World War I, World War II, Cold War, War on Terror, and the modern Cyber War. An alternative model of world development is suggested, which is based on the process of Eurasian integration, to prevent the expansion of global chaos.

Keywords: history, the “big picture”, a new world order, the context, establishment.

«Большая картина» истории отражает причинно-следственную взаимосвязь между важнейшими историческими и политическими событиями. Среди них – революция 1789 г. во Франции, военная кампания Наполеона против России 1812 г., русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1917 г. в России, Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война, «война с терроризмом», современная кибервойна, а также серия «смены режимов» и вооруженных интервенций США в мировом масштабе.

Фрагментарный подход к истории прерывает связь поколений и делает исторический процесс управляемым. Известный английский историк Э. Фримэн (1823–1892) говорил о «единстве истории». Он считал, что изучение истории нельзя разбивать на фрагменты, разделять ее «стеной» на древнюю и современную, или рассматривать историю каждой нации отдельно от других. Академик В.В. Бартольд (1869–1930) считал, что задачей историка является построение общей картины фактов в их взаимосвязи. Н.А. Нарочницкая, видный ученый-государственик и общественно-политический деятель современной России, отмечает важность панорамного взгляда на мир в его непрерывном развитии для понимания глубинных причин геополитических потрясений. Как сказал классик, не зная общего, всегда будешь наткаться на частности.

В этой связи именно «большая картина» истории представляет собой глобальный контекст исторических событий и является системой координат, исходя из которой можно определить направление развития государства: сохранить правосубъектность и независимость или превратиться в управляемый извне объект геополитической «шахматной игры». Ключом к пониманию «большой картины» является идея мировой гегемонии. Реализация этой идеи осуществляется в рамках процесса установления нового мирового порядка. Данный процесс является фундаментальной исторической тенденцией и одной из главных причин высокого конфликтного потенциала развития человеческой цивилизации.

Стремление отдельных сил к «новому миру» и «новой эре» имеет глубокие исторические корни. Еще в период Древнего Египта на основании идеи

«нового порядка веков» (лат. “Novus Ordo Seclorum”) произошло формирование наднациональной элитарной философии и системы убеждений, предполагающей достижение мировой гегемонии в форме мирового правительства. В философии и мифологии Древнего Вавилона установление «порядка из хаоса» (лат. “Ordo ab Chao”) символизировалось в образе Феникса, возникающего из огня. На современном этапе реализация доктрины «управляемого хаоса» предполагает расширение военных конфликтов и втягивание в геополитическую «черную дыру» в Евразии государств, в том числе, сопредельных с территорией России.

Начиная с четырех крестовых походов и разграбления Византии в X111 в. Запад аккумулировал огромную финансово-экономическую мощь и, во многом благодаря ее использованию, оказал существенное влияние на мировые события. В период доминирования Британской империи, так называемого «Британского мира» [1] (лат. «Pax Britannica»), и последующей эпохи «мира по-американски» (лат. «Pax Americana») либеральная матрица управления спроецирована в мировом масштабе. Эта модель во многом определяет направление исторического развития. Вместе с тем, с хронологической точки зрения, Pax Romana и Pax Britannica – это исторические периоды, которые имели начало и конец. Эпоха «мира по-американски» не является исключением. Она неизбежно движется к своему завершению.

«Англо-американский истэблшмент» [2] служит движущей силой имплементации парадигмы нового мирового порядка. Ее развитие происходит вокруг т.н. «проблемы войны и мира»¹. В XX веке попытки переустройства мира осуществлялись, в том числе, в ходе Первой мировой войны и Второй мировой войны. Субъективный и во многом управляемый характер двух мировых войн как геополитических проектов «англо-американского истэблшмента» подчеркивают В.Ю. Катасонов, Н.В. Стариков, О.Н. Четверикова и др. [3; 4; 5]

Проецирование либеральной парадигмы на международную арену осуществляется посредством «большой стратегии» США (U.S. “grand strategy”), которая является инструментом установления нового мирового порядка. Ее реализация происходит с помощью определенного механизма, способствовавшего достижению США статуса сверхдержавы. Главной целью «большой стратегии» является подчинение России и, таким образом, установление глобального контроля над развитием человеческой цивилизации.

Процесс установления нового мирового порядка является перманентной войной. Данный процесс, как подчеркивалось, отражает «большую картину» истории и включает Первую мировую войну, Вторую мировую войну, холодную войну, «войну с терроризмом», а также современную кибервойну. Такой подход во многом объясняет эволюцию США от изолированного в конце XVIII века государства в Западном полушарии до единственной супердержавы в конце XX века.

¹ Еще Фукидид поставил вопрос о связи войны с политикой.

В XX веке предприняты три попытки установления нового мирового порядка. Первая попытка последовала на фоне Первой мировой войны. Средством к достижению мировой гегемонии послужило движение за мировую революцию. В России данное движение координировалось троцкистским блоком в партии большевиков. Финансисты из США обеспечили масштабную поддержку Л.Д. Троцкому и его сторонникам [6], которые реализовывали концепцию «перманентной революции» и осуществили политику «красного террора», по сути, геноцида русского народа. Такая политика сфокусирована, главным образом, на подрыв потенциала России как мирового центра силы. Под лозунгом организации мировой революции планировалось подчинить Россию «внешнему управлению».

Вторая попытка достижения мировой гегемонии предпринята в рамках Второй мировой войны. Инструментом послужило созданное в США и Великобритании движение за мировое правительство. После войны Соединенные Штаты обладали преобладающей экономической и военно-политической мощью. В 1944 г. в Бреттон-Вудсе США закрепили доллар в качестве мировой резервной валюты и, таким образом, установили экономические основы нового мирового порядка. В 1945 г. создана политическая основа глобальной системы управления в лице ООН, однако, Вашингтону не удалось взять на себя ключевую роль в принятии решений в рамках данной организации – советская дипломатия противопоставила планам США право «вето». В 1949 г. США утвердили военно-политическую основу «мира по-американски» путем создания НАТО и, в последующем, АНЗЮС, СЕНТО, СЕАТО и других военно-политических блоков. Несмотря на это, движение за мировое правительство вновь встретило мощное противодействие со стороны Кремля. После создания СССР ядерного оружия в 1949 г. вторая попытка институционализации мирового правительства была предотвращена. В этом заключается главная причина холодной войны.

Третья попытка установления нового мирового порядка предпринята в ходе холодной войны. Важнейшим периодом, который определил направление и характер внешнеполитической стратегии США второй половины XX века, послужило первое десятилетие после окончания Второй мировой войны. В этот период, как показано выше, экономическая и военно-политическая мощь Соединенных Штатов, аккумулированная в войне, трансформировалась в геополитическое влияние. На смену политики изоляционизма пришел глобализм. Выход США на мировую арену в качестве сверхдержавы ознаменовал собой поворотный момент в истории этой страны. Такая историческая трансформация и обусловила реализацию «большой стратегии», сфокусированной, в первую очередь, на подрыв мощи Советского Союза как единственного в послевоенных условиях геополитического препятствия «миру по-американски». Холодная война сыграла решающую роль в достижении США мировой гегемонии после распада СССР.

На современном этапе имплементация парадигмы нового мирового порядка осуществляется в рамках «войны с терроризмом» и кибервойны. Данному этапу соответствует реализации доктрины «управляемого хаоса», которая

включает в себя многочисленные концепции гибридных, сетевых и информационно-психологических войн. Целью доктрины является установление «порядка из хаоса» (лат. – «Order ab Chao»). Реализация такого сценария требует дальнейшей балканизации геополитического пространства Евразии. Представляется, что именно по этой причине США осуществили вооруженные интервенции в Югославию, Ирак, Афганистан, Ливию.

Как заявил Президент России В.В. Путин, «Агрессивное внешнее вмешательство [на Ближнем Востоке и в Северной Африке] привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся. Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: «Вы хоть понимаете теперь, чего вы натворили?» [7].

Несмотря на очередную попытку переустройства мира «с позиции силы», в настоящее время наблюдается закат «мира по-американски», то есть завершение эпохи гегемонии США. Усиление мощи Китая в мировой экономике, с одной стороны, и формирование нового центра силы по линии государств ЕАЭС и БРИКС, с другой стороны, изменило баланс сил. В.А. Никонов, видный ученый и политический деятель, еще в 2002 г. обратил внимание на «пределы системы глобального управления, которая основана на американской гегемонии» и подчеркнул «необходимость создания новой системы» [8].

Завершение эпохи доминирования США в международных отношениях создает дилеммы безопасности для большинства государств мира. Поэтому, как отмечалось, требуется новая концептуально разработанная матрица мироустройства и ее имплементация государствами ЕАЭС и БРИКС в рамках процесса евразийской интеграции. В целях создания справедливого и равноправного миропорядка важно обеспечить синергию всех центров силы и интеграционных объединений государств, которые стремятся сохранить свою правосубъектность и независимость в глобализованном мире. В противном случае, неизбежна их атомизация, хаотизация и превращение в манипулируемых субъектов в большой геополитической «шахматной игре». Новая межцивилизационная модель мирового порядка позволит сбалансировать международную систему и, таким образом, избежать фатальной черты Апокалипсиса. Такая модель представляется необходимым условием для мирного развития человечества и требованием нашего времени.

В настоящее время евразийская интеграция является единственной жизнеспособной альтернативой глобальному хаосу. В целях устранения диспропорций мирового развития и гармонизации системы международных отношений необходима скоординированная политика ключевых континентальных центров силы, включая Россию, Германию, Китай, Индию, Иран, Турцию и Пакистан, то есть реализация единой общеевразийской стратегии, которая приблизит наступление эры объединенной Евразии. Для разработки и реализации такой стратегии целесообразно создать на межправительственном уровне соответствующую сетевую структуру.

Отсутствие единой стратегии евразийского альянса в условиях реализации «большой стратегии» США делает государства ЕАЭС и БРИКС уязвимыми перед лицом социально-экономических кризисов и непрекращающихся попыток «смены режимов». Об этом также свидетельствует печальный опыт распада Советского Союза, который не имел соответствующей контрстратегии. В конечном итоге, это привело к планомерному внедрению «семян разрушения» в систему управления государством, втягиванию страны в гонку вооружений и региональные конфликты (в том числе, в войну в Афганистане).

После разрушения СССР в фокусе «большой стратегии» оказались все 15 бывших советских республик. Для многих из них потребовались годы, чтобы достичь уровня ВВП 1991 г. Последствия их «демократизации» сегодня очевидны на Украине. Однако даже такие крупные американские стратеги как Киссинджер признают ошибочность политики «с позиции силы» в отношении России [9]. Вместо этого предлагается долгосрочная ценностно-мировоззренческая трансформация противостоящих «миру по-американски» государств и, таким образом, их интегрирование в «либеральный» новый мировой порядок.

С этой целью используются «двойные стандарты», различные интерпретации одних и тех же событий, ведется непрерывная информационно-психологическая война. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко справедливо отметил, что «События в Украине, Сирии демонстрируют нам примеры активного противоборства в информационном поле. По своей интенсивности оно не уступает реальным боевым действиям. Ущерб, наносимый при этом, несоизмерим с потерями конфликтующих сторон в физическом пространстве: ведь борьба ведется за сознание людей» [10].

В сентябре 2015 г. в ходе 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Президент Беларуси заявил: «Не прекращаются попытки навязать определенную модель развития другим государствам... Политика гегемонизма, национально-эгоизма приводит к широкому использованию давления, санкций, ограничений и военных акций» [11]. В таких условиях только сильное объединение государств сможет стать действительным аванпостом на пути тирании.

Поэтому сегодня, наряду с экономической интеграцией по линии ЕАЭС и БРИКС, необходимо соответствующее идеологическое сопровождение внешнеполитического курса, а также стратегическое планирование политики евразийской интеграции в целом. Только таким образом можно сохранить независимый путь развития и суверенитет государств, входящих в евразийскую коалицию. Необходимо дальнейшее укрепление белорусско-российского сотрудничества и развитие евразийской интеграции.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 2000.
2. Quigley C. The Anglo-American establishment: from Rhodes to Cliveden. N.Y., 1981.
3. Катасонов В.Ю. Англо-американские хозяева денег как организаторы Второй мировой войны // Фонд стратегической культуры. 2015. 3 мая. Режим

доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2015/05/03/anglo-amerikanskije-hozjaevadeneg-kak-organizatory-vtoroj-mirovoj-vojny-i-33098.html> (дата обращения: 21.07.2015).

4. Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. СПб., 2014.

5. Четверикова О.Н. Закулисная предыстория второй мировой войны: об ответственности Запада // Фонд стратегической культуры. 2009. 20 июля. Режим доступа: <http://fondsk.ru/article.php?id=2320> (дата обращения: 27.07.2015).

6. Шамбаров В. Опасная история. Кто «заказал» Россию революционерам // Файл-РФ. 2012. 16 ноябр. Режим доступа: <http://file-ff.ru/analytics/750> (дата обращения: 11.06.2015).

7. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный Интернет-портал Администрации Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 28.09.2015).

8. Никонов В.А. Индостан: ядерная зрелость (заседание Клуба «Гражданские дебаты») // Независимая газета. 2002. 30 авг.

9. Neillbrunn J. The Interview: Henry Kissinger // The National Interest. 2015. URL: <http://www.nationalinterest.org/feature/the-interview-henry-kissinger-13615> (date of access: 24.08.2015).

10. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на оперативном сборе командного состава Вооруженных Сил // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/operativnyj-sbora-komandnogo-sostava-vooruzhennyx-sil-12462/ (дата обращения: 30.10.2015)

11. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-v-obschej-diskussii-70-j-sessii-generalnoj-assamblei-oon-12219/ (дата обращения: 28.09.2015).

Попова О.В.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье раскрыты особенности политики идентичности в современном полиэтническом государстве. Проанализированы условия эффективности политики идентичности. Определены основные механизмы формирования и реализации политики национальной идентичности.

Ключевые слова: полиэтническое государство, национальная идентичность, модели идентичности, этнокультурные ценности, легитимация власти.

The article reveals peculiarities of identity politics in the modern multi-ethnic state. The conditions for the effectiveness of identity politics. The main mechanisms for the formation and implementation of national identity politics.

Keywords: multi-ethnic state, national identity, the identity model, ethnic and cultural values, legitimation of power.

Существование сильного и стабильного полиэтнического государства возможно без культивации чувства национальной общности и единства национальных интересов граждан. Современное государство, является ли оно «осколком» разрушенной большой страны или успешным демократическим проектом, в которое стремятся мигранты из стран второго и третьего мира, сталкивается с проблемой эффективности политики национальной идентичности, обусловленной необходимостью реконструкции представлений о национальном единстве, общности исторической памяти и судьбы, единых ценностей, мифов.

Национальная идентичность опирается на ощущение гражданином страны своей принадлежности к крупному политическому образованию (государству) и связана с определенной моделью его соотнесения с этнической идентичностью как принадлежностью к определенной социокультурной общности. И этническое, и гражданское (тождественное национальному) сообщества осознаются людьми как реально существующие: они имеют определенную территорию, разделяемые общие культурные нормы, права и обязанности по отношению друг к другу, общие институты, культуру на основе многочисленных формальных и неформальных практик, определенной информационной политики, истории, литературы, искусства и т.д.

Идентичность в определенной степени может рассматриваться как продукт воображения, конструируемый при помощи различного рода дискурсивных практик. Национальное самосознание выступает результатом деятельности определенных политических (и государственных) структур. Нация строится на свободном самоопределении индивида и общества, а также на единстве гражданской политической культуры, общей исторической памяти, однако задаваемые политическими акторами модели идентичности как избирательные и описательные конструкты могут использоваться в политических целях. Национальная идентичность — важнейшее средство легитимации/делегитимации власти, политического режима и государства как института, претендующего на воплощение всего комплекса моделей идентичности и интересов социальных и политических групп.

Национальная идентичность в некоторых случаях может рассматриваться как продукт манипулирования элитных групп, повышающих свой символический политический капитал на акцентировании межгрупповых отличий и противоречий и этнизации социальных проблем. Модели идентичности, предлагаемые представителями различных элитных групп, являются эффективным инструментом, используемым в борьбе за власть, статус и благосостояние. Потребность в эффективном продвижении заданной модели национальной идентичности приобретает особую актуальность для государства в периоды нестабильности.

Национальная и этническая идентичность сосуществуют как бы в противофазе: чем сильнее национальная (общегражданская) составляющая тем слабее этническая, и наоборот, чем сильнее этническая, тем слабее национально-государственная. При этом политика большинства современных демократических государств направлена на поддержание существующего этнокультурного многообразия (дифференциация) населения в стране. В переходных обществах и становящихся государствах этническая идентичность используется элитными группами для этнополитической мобилизации в интересах национальных элит. Национальная идентичность может конструироваться с использованием националистического дискурса, т.е. апеллировать к радикальным моделям этнической идентичности.

Процессы глобализации, регионализации, интеграции могут снижать значимость национальной идентичности в матрице многоуровневых и многосоставных моделей самоидентификации людей. Для актуализации национальной идентичности в сознании граждан необходима грамотная государственная политика, акцентирующая историю и уникальную хронологию событий государства, определенного набора уникальных характеристик и символов, отличающих данную страну и ее граждан от всех других, а также общих этнокультурных ценностей различных этнических групп.

Основные механизмы реализации исторической политики с целью формирования национальной идентичности: идеологическое обоснование исторической политики как поля борьбы с внутренними и внешними врагами с акцентом на исторической миссии народа своего государства, присутствие моралистической риторики; создание инфраструктуры национальной памяти — специальных научных, образовательных, историко-идеологических учреждений, содержащихся за государственный счет; принятие государственных законов, закрепляющих определенную трактовку исторических событий как единственно верную; создание системы символики, позволяющих консолидировать общество и дифференцировать «своих» и «чужих»; официальные послания и речи глав государств, интерпретация государственных праздников, которые отражают наиболее важные тенденции в использовании (или неиспользовании) прошлого для легитимации действующей власти и оправдания осуществляемого политического курса; создание политико-исторических мифов, в которых судьба нации и национальный характер абсолютизируются, им придаются уникальные черты; «нациецентрическая» образовательная политика, разработка общей концепции и шаблонов учебников истории, литературы и национального языка; идеологический контроль за научной работой представителей гуманитарных и обществоведческих специальностей; государственная финансовая поддержка проектов в сфере истории и политики памяти; ограничение доступа к архивам; идеологический контроль за работой СМИ; привлечение к участию в политике исторической памяти государственных органов и руководителей различных государств, международных организаций; активная работа для достижения официального признания международным сообществом желательной для государства интерпретации исторических событий.

Попова О.В.

БАЗОВАЯ МАТРИЦА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье исследуется состояние базовой матрицы политики идентичности, предлагаемой российской политической элитой гражданам страны. Проанализированы основные характеристики политики идентичности государства и компоненты базовой матрицы идентичности российского общества.

Ключевые слова: идентичность, государственная политика идентичности, матрица политики идентичности, образ государства, политическая элита, национальный миф.

The article examines the state of the base matrix of identity politics, the proposed Russian political elite of the country's citizens. Analyzed the main characteristics of identity politics and state components of the base matrix of identity of Russian society.

Keywords: identity, state identity politics, the matrix of identity politics, the image of the state, the political elite, the national myth.

Исследования политики идентичности прочно вошли в общественные науки в 1990-х годах на волне роста популярности различных версий конструктивистских методологий с целью изучения деятельности движений, возникающих вокруг этнической, расовой, религиозной или гендерной идентичности с целью получения власти. В целом политика идентичности направлена на формирования убеждения определенной социальной группы в том, что она представляет собой особую, единую, бесконфликтную солидарную группу, отличия членов которой для конкретной исторической и политической ситуации не имеют никакого значения. Согласно точке зрения Р. Брубейкера, задача политики идентичности — навязывание людям определенных стереотипов мышления о себе самих, своей нации, стране, мире и т.д. [1]. Но если первоначально в этой теме доминировали идеи произвольного конструирования «независимых» идентичностей различного рода меньшинств, то в последние 10 лет поднимаются вопросы об эффективности создания и реализации государственной политики идентичности. В этом контексте необходимо назвать имена таких российских исследователей, как В.В. Лапкин, В.И. Пантин, С.П. Поцелуев, О.Ю. Малинова, И.С. Семенов, В.Е. Морозов и др.

Причина интереса ученых к этой теме реальной политики очевидна. Государство остается значимым, обладающим существенными ресурсами и средствами контроля и манипуляции политическим актором в жизни как локальных сообществ, так и макрообщностей. Государство стремится монополизировать не только различные формы легально применяемого насилия, но и легитимную символическую власть, право именовать, идентифицировать, устанавливать, кто есть кто и что есть что.

Российскую политическую элиту в практическом ключе эта проблема заинтересовала примерно в середине нулевых годов, когда стало очевидным, что

предпринятые в 1990-х годах три попытки предложить обществу некую общенациональную идею с целью его консолидации оказались неудачными. В начале 1990-х гг. был предложен концепт «новой демократической России», который был обречен на неудачу, поскольку общее количество носителей либерального сознания в стране не превышало 15%. В данном случае речь идет не о симпатии к отдельным либеральным и демократическим лозунгам, а о наличии в сознании индивидов либеральных ценностей и установок. Предложенный в середине 1990-х гг. концепт «единый российский народ» также не принят населением, поскольку ассоциировался с отрицавшейся в то время на уровне официального политического дискурса моделью «советский народ» и исходил от утратившего популярность и доверие населения Президента РФ Б.Н. Ельцина. В конце 1990-х гг. был предложен концепт «особая российская цивилизация, сформировавшаяся на основе православия». Россия – полинациональная и многоконфессиональная страна и, согласно Конституции, – светское государство. Даже сейчас, спустя четверть века после развала СССР и реализации проекта «храмы шаговой доступности» доля реально воцерковленных верующих не превышает в стране 7-8% населения, хотя в ходе опросов заявляют о своем православии от 69% до 72% респондентов.

Функциональное предназначение политики идентичности государства – формирование символического единства граждан страны с целью обеспечения долгосрочной политической мобилизации населения в поддержку существующего политического режима. Кроме того, она символически легитимирует существующую политическую систему, дает идеологическое обоснование политики социального партнерства, снижает риски проявлений классовой борьбы. Инструментами политики идентичности выступают государственный язык, образовательные программы, нормы приобретения гражданства, национальные символы, государственные праздники, обозначения топографических объектов и т.д. [2, с. 91]. Используются и юридические инструменты, поддерживающие государственную политику идентичности и делящие людей на «своих» и «чужих». Например, во время президентства Д.А. Медведева в УК РФ была модифицирована статья за разжигание розни (редакция ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), которая ныне включает пункт и о принадлежности «к какой-либо социальной группе» [3]. Следует напомнить и о законах, в общественном дискурсе называемых законами об оскорблении чувств верующих, об НКО – иностранных агентах, о «законе Димы Яковлева» и т.д. Все эти инструменты проводят четкую грань в системах «мы–они», «свои–чужие», «друзья–враги».

В представленном материале обсуждается вопрос о состоянии базовой матрицы политики идентичности, предлагаемой российской политической элитой гражданам страны. Задача заключается в попытке обнаружить слабые места и противоречия, лакуны и фрагментарные компоненты, которые резко снижают эффективность попыток политической элиты консолидировать российское общество. Объективно ни одно социальное или политическое сообщество или отдельные личности не нуждаются в выработке или репрезентации объективного образа «мы», когда вопрос о формировании модели идентично-

сти становится актуальным. Для выработки идентичности со «своей» группой «нужны не объективные истины, а политически значимые символы» [4, с. 108]. Образ «мы», если только речь не идет о негативной или кризисной модели, должен вызывать чувство самоуважения и уважения у значимых «Других». Выработкой политически значимых символов для идентификационной матрицы государственной идентичности занимается властвующая политическая элита. Конечно, необходимо признать, что подчас предлагаемые публике символы являются следствием компромисса внутриэлитной борьбы и/или соглашением элиты с активной частью обществности. Однако для большинства населения компоненты матрицы идентичности предлагаются уже в готовом виде как некая идеальная данность.

Для современной политической коммуникации «типичен взаимный перехват идей и лозунгов, размытость и метафоричность понятий, неопределенность “друзей” и “врагов”» [Там же], однако политическая элита, предъявляя идеальный образ «мы», «наши друзья», «иные», «враги», этого позволить не может. К основным характеристикам политики идентичности государства можно отнести следующие: упрощенный вариант интерпретации любых процессов; дихотомизация используемых образов; ригидность; ставка на размежевание; ожидание единомыслия от населения, «отказ» людям в праве мыслить иначе; минимизация рациональности (предложение готовых образов и рецептов решения проблем; популизм, постоянное апеллирование к волеизъявлению народа; морализаторство с указанием должного; «качели» между традиционализмом и модернизацией; декларация лояльности власти и патриотизма как основных требований к политическим установкам граждан; предложение унифицированной модели политической мобилизации для всех социальных групп.

Полная матрица политики государственной идентичности имеет два измерения: вертикальное (динамическое, временное «прошлое – настоящее – будущее») и горизонтальное (пространственное, территориальное), но в определенных политических условиях может актуализироваться одно из них. Матрица государственной политики идентичности формируются на основе предлагаемого элитой национального мифа, который, вписывая человека в коллективный сценарий поведения и формируя коллективную систему ожиданий, играет исключительно важную роль в обеспечении стабильности политического режима и политической системы государства.

Базовая матрица государственной политики идентичности включают в себя следующие три компонента.

1. Образ «нашего» государства:

а) «правильные» границы территории страны; здесь фиксируется два аспекта: 1) пределы государства/границы («большая Россия»; В.В. Путин в сентябрьском интервью 2015 г. американскому журналисту Ч. Роузу назвал русских самой большой разделенной нацией в мире, поскольку в результате раскола страны 25 млн. русских граждан оказались в разных государствах; есть проблема с интерпретацией границ «правильного», лучшего периода в истории страны — дореволюционной самодержавной Российской империи, когда ее границы значительно выходили за пределы СССР и включали территорию

Финляндии, Польши и других стран); 2) восприятие отдельных территорий государства (предлагаемая элитой модель — «центр – периферия», «Москва – провинция; актуализирована архаичная иерархическая модель территориальной идентичности, российская элита не готова принять так называемую «сетевую» модель территориальной идентичности;

б) «правильное» время создания государственности (в официальном политическом дискурсе подчеркивается, что российской государственности свыше 1150 лет, США — менее 300 лет; однако в связи с развалом СССР и спецификой проводимой Украиной внешней политики возникает серьезная проблема интерпретации статуса Киевской Руси);

в) «правильная символика» (флаг времен Петра Первого, герб – двуглавый орел, гимн (модифицированный текст советского гимна сталинских времен на музыку Александрова); выбраны с целью подчеркнуть многовековое существование страны и преемственность нынешней власти, уважение к историческим традициям, идея державности – сильной российской государственности);

г) «правильный» исторический герой (пример – проект телеканала «Россия» 2008 г. «Выбираем имя России», наибольшее количество голосов в котором набрал Александр Невский, фигура, безусловно, значимая, поскольку он воевал с «псами-рыцарями» (победа над рыцарями Ливонского ордена в 1242 г.), но исторически неоднозначная в связи с его позицией в отношении Золотой Орды и русских княжеств; в настоящее время активизируется информационная политика, направленная на идеализацию и даже сакрализацию образов российских самодержцев, о чем однозначно свидетельствует серия передач и документальных фильмов о русских императорах);

д) современный национальный герой-лидер, который не просто выступает «знаковой фигурой» нации, он одновременно конституирует ее (в российском официальном дискурсе — «национальный лидер»). Можно иронизировать на тему «зачистки» политического поля, однако данные оценки эффективности работы институтов власти о безусловном авторитете ныне действующего Президента В.В. Путина. Например, эмпирическое политическое исследование «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга» («Политический Петербург-2015»)¹ однозначно показывает, что

¹ Исследование выполнено на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета в марте-апреле 2015 г. Руководитель проекта: д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О.В. Попова. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доц. О.В. Лагутин, канд. полит. наук, доц. Е.О. Негров, канд. полит. наук, ассист. Д.А. Будко, ассист. А.В. Шентякова, аспирант 2 курса Р.К. Кучаков и С.И. Сулов. Метод опроса – телефонное интервью. Объем выборки 1150 чел., постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания. Использована методика школьных оценок.

среди институтов власти больше всего высоких положительных оценок получает институт Президента — 83%. Отметим, речь не идет о том, нравится или не нравится людям В.В. Путин, принимают ли они его политическую позицию или нет. Четыре пятых респондентов признают, что он справляется со своими обязанностями на «хорошо» и «отлично». На этом фоне доля высоких положительных оценок премьер-министра выглядит более скромно — 44,9%. Отчасти это объясняется тем, что в массовом сознании активная позиция России в области внешней политики связывается прежде всего с деятельностью президента, в то время как премьер-министр несет ответственность в основном за ситуацию внутри страны в области экономики и социальной политики. Стоит обратить внимание и на тот факт, что в последние полтора–два года в ходе общероссийских опросов в ответах на открытый вопрос о реально значимых политических фигурах респонденты, помимо Путина, звучат фамилии только Шойгу и Лаврова (иногда Жириновского).

2. Кто «мы»? Значимы два аспекта: а) тип цивилизации; б) способ обозначения населения страны (из пяти выделенных в конце 1990-х годов В. Тольц [5] возможных альтернативных моделей элита могла использовать только лингвистическую (русские — все, для кого русский язык родной) или гражданскую модель (принадлежность к русской/российской нации определяется юридически гражданством в РФ). В массовом сознании наблюдается перенос обозначения «русские» на гражданство. Образ «мы» предполагает и самоопределение элиты относительно значимых групп. Послания Президента РФ Федеральному собранию показывают, что самопозиционирование политической элиты «мы — народ» встречается крайне редко, гораздо чаще используется коннотация «мы — управленцы». Народ в глазах российской политической элиты — не субъект, не творец, он «болеет», «нуждается», «страдает» и т.д.; он — объект действия управленцев.

3. «Они». Используется конфронтационная модель «Другие» — чужие, враги. Этот элемент матрицы политики идентичности имеет два измерения: внешнее (США и европейский страны, а также международный терроризм, который не имеет национальной принадлежности) и внутреннее (коррупционеры (2006–2007 гг.), «пятая колонна» (2012–2015 гг.)).

Однако следует признать относительную неэффективность государственной политики идентичности. К основным причинам могут быть отнесены следующие: а) отсутствие непротиворечивой конструктивной модели «проекта Россия», обращенного в будущее, которую разделяли бы в равной степени большинство элитных групп и населения; б) отсутствие единой консолидированной точки зрения элиты на базовые компоненты матрицы идентичности; в) нарушение последовательно проводимой единой символической политики; г) невозможность для государства контролировать трансформацию в частной/приватной сфере коммуникации идей, которые транслируются в публичной сфере.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90-105.
3. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ; от 03.02.2014 № 5-ФЗ. URL: <http://ppt.ru/kodeks.phtml?kodeks=20&paper=282> (дата обращения 15.10.2015).
4. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 106-159.
5. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2010. Т. 6. № 1. С. 5-28.

Поцелуев С.П.

ТОК-ШОУ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННО- ПРАВОВОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ)

В статье исследуются возможности политического ток-шоу как познавательной модели в условиях политического конфликта. Проанализированы особенности проведения политического ток-шоу, типы наиболее часто реализуемых стратегий, осуществляемых для установления «режима правды».

Ключевые слова: медиапространство, политическое ток-шоу, диалоговая форма истины, дискурсивная власть, символическая власть.

The article explores the possibility of a political talk show as a cognitive model in a political conflict. The peculiarities of the political talk-show, the types most commonly implemented strategies undertaken to establish the “truth regime”.

Keywords: the media, the political talk shows, interactive form of truth, discursive power, symbolic power.

В контексте нынешней информационной войны вокруг событий на Украине может не без основания возникнуть впечатление, что западному зрителю, формирующему свои представления о происходящем на основе новостных программ BBC, Deutsche Welle и др., нередко блокируется доступ к правдивой информации. Однако на самом деле картина гораздо сложнее. Вопреки воле организаторов мейнстримовского освещения событий, упомянутый доступ все же осуществляется, но это требует мастерских дискурсивных стратегий. Всем известен Мэтью Ли, журналист Associated Press, обесмертивший –

благодаря своим метким вопросам – имя Джен Псаки. Но таких «мэтью ли» в западной медийной среде немало.

Основная проблема, которую решает критическая западная журналистика: как обеспечить право «гражданина зрителя» на правду? В условиях, когда эту правду нельзя сказать напрямую, когда господствует идеологическо-пропагандистский дискурс, а за все отклонения от него нужно «нести персональную ответственность», на помощь приходит диалог как форма коллективного поиска истины. В современном медийном дискурсе у диалога есть шанс реализоваться в таком жанре, как политическое ток-шоу. Но этот тезис требует серьезного уточнения, ибо в первом приближении он кажется весьма спорным.

Ведь познание истинного положения дел в политическом ток-шоу напрямую связано с борьбой за власть дискурсивными средствами. И поскольку ток-шоу лишь воспроизводит властное противостояние в обществе в отношении какой-то проблемы, оно дает не объективную, а предвзято-пропагандистскую, идеологическую картину происходящего. Кажется, что ток-шоу еще меньше, чем другие жанры, располагает к объективной истине, поскольку его драматическая форма реализует, прежде всего, развлекательные либо пропагандистские функции.

Но есть случаи, когда политическое ток-шоу может выступать и познавательной моделью, причем не каких-то абстрактных истин, которые напрямую не затрагивают интересы политических партий, но конкретного политического конфликта. Для этого требуется ряд условий: рамочных и внутренних. К рамочным условиям относится статус медиа. Частные и государственные СМИ – не самый удачный формат для поиска истины. Более подходящим представляется так называемое «общественно-правовое телевидение» в некоторых европейских странах. К условиям его формирования относятся:

- многопартийная система и разделение властей, предполагающая артикуляцию разных политических позиций в публичном (медийном) пространстве;
- парламентская демократия в той или иной форме, предполагающая рычаги реального влияния парламента на принятие принципиальных политических решений, а также заставляющая исполнительную власть договариваться с властью законодательной;
- зрелые институты гражданского общества, включающие сильные общественно-политические организации, представляющие себя в качестве значимых субъектов политики, но без претензии на государственную власть.

В случае Германии добавляются два специфических условия, усиливающих плюрализм в информационной сфере: во-первых, федерализм государственного устройства, распространяющийся и на условия телерадиовещания и, во-вторых, парламентская форма правления, предполагающая право всех политических партий, включая оппозиционные, на равное представительство в медийно-информационном пространстве.

Упомянутые рамочные условия создают, конечно, только возможность, а не действительность «режима правды» в телеэфире. И чтобы эта возможность реализовалась, надо иметь в виду жанровую специфику телепередач. Нам

представляется, что формат ток-шоу имеет в этой связи ряд преимуществ, ибо он позволяет (без гарантии, разумеется) представить, во-первых, истинное положение дел в драматургической форме, доступной для широкой, а не только высокообразованной публики; во-вторых, истинное положение дел в диалогической форме, моделирующей политический конфликт в целях его объективного познания.

Достоинства и выгоды такого выражения истины составляют:

1) диалектическая форма ее доказательства (что облегчает усвоение истины широкой публикой, подключая к процессу доказательства разных людей с разными позициями);

2) коллективное авторство истины: никто не приписывает ей своего авторства – но не потому, что это авторство намеренно скрывается, а потому, что единоличного авторства в диалоге быть не может;

3) истина рождается сама, на глазах зрителя, и в этом – залог ее объективности, а модератор может в удобном случае сказать, что он – лишь «пови-вальной бабка» при таком рождении.

Таким образом, диалоговая форма истины дает истину доказательную, коллективную и объективную. И такая форма подачи истины особенно востребована в ситуации, когда есть интерес (у зрителей либо у модераторов) в показе истинного положения дел, но нет возможности (у модератора и участников) взять на себя ответственность за такой показ. Именно такова ситуация у многих представителей европейского политического истеблишмента: даже если они хотят сказать истину об украинском кризисе, они не всегда могут сказать ее открыто и от своего имени. Поэтому ток-шоу с его диалогизмом оказывается востребованной формой публичного осмысления масштабных политических событий вроде актуального конфликта на Украине.

Почему немецкие ток-шоу выбираются нами как пример для демонстрации этого преимущества?

- Они проводятся на общественно-правовом телевидении.
- Германский политический истеблишмент, в отличие от политической элиты США, занимает более дифференцированную позицию по украинскому кризису.
- Они позволяют показать более широкий контекст украинского кризиса, а именно, тот факт, что он поляризует общественно-политические силы в самих западноевропейских странах.

Для эффективного анализа дискурса политических ток-шоу принципиальным является различие между дискурсивной и символической властью, которое мы вводим с опорой на Т. Ван Дейка [1].

Дискурсивная власть понимается здесь как один из способов реализации власти символической. Последняя выражается в контроле над публичным дискурсом во всех его институтах и семиотических измерениях. А это включает в себя не только содержание данного дискурса, но также его носителей (символические элиты), условия производства дискурса и доступа к нему. Символическая власть принципала и модератора ток-шоу выражается в определении рамочных условий для разворачиваемого в ток-шоу дискурса. Другими слова-

ми, это власть над дискурсом данного шоу, которую следует отличать от власти внутри этого дискурса, и которую мы обозначаем термином дискурсивная власть. Под дискурсивной властью мы понимаем способ реализации символической власти в пространстве конкретных коммуникативных ситуаций (событий), в ходе которых участники общения – причем как политически властвующие группы, так и политически подвластные – взаимно, в ходе живого общения – реализуют различные стратегии когнитивного управления и ментального контроля.

Дискурсивная власть – это наиболее текучая, интерактивная, диалогическая, и в этом смысле наименее асимметричная форма символической власти. Соответственно, может так получиться, что не только политически, но и символически безвластный актер может получать дискурсивную власть как власть ситуативную, в пространстве коммуникативного события. Это – довольно типичный случай политического ток-шоу, где дискурсивную власть могут обрести не только оппозиционные, но и маргинальные политические партии (актеры). Важно подчеркнуть эту возможность политически подвластных игроков как бы «отыграться» на уровне дискурсивной власти – даже если они находятся в подчиненном положении на других уровнях власти – административном, символическом (идеологическом) и др.

В политическом ток-шоу анализу подлежат, прежде всего, два типа наиболее часто реализуемых стратегий дискурсивной власти: 1) стратегии, которые используют участники ток-шоу, чтобы захватить дискурсивную власть в пространстве ток-шоу; 2) стратегии, которые использует модератор, чтобы установить в дискурсе ток-шоу «режим правды», отвечающий потребностям граждан в правдивой информации.

Общая когнитивная стратегия, осуществляемая модератором для установления «режима правды», заключается в показе неадекватности (односторонности) позиций и выводов участников беседы, а именно, их некомпетентности (в случае политиков) либо их политической ангажированности (в случае экспертов из «мозговых центров»).

Другими словами, модератор должен употреблять дискурсивную власть, чтобы противостоять соответствующим властным претензиям участников шоу в ходе этого шоу. Реализация этой стратегии достигается такими способами, как подбор участников дискуссии; способ постановки вопросов; порядок выдачи слова; интертекстуальные ссылки; коммуникативное обеспечение политического «алиби» у модератора и др.

Литература

1. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 52 и далее.

Романович Н.А.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СОБЫТИЯХ В УКРАИНЕ

В статье изложены результаты серии социологических опросов общественного мнения жителей г. Воронежа относительно событий в Украине, проведенных в 2014-2015 гг.

Ключевые слова: социологический опрос, метод личного интервью, мониторинг общественного мнения, обобщенное недоверие.

The article presents the results of a series of polls of public opinion residents of Voronezh about the events in Ukraine, carried out in 2014–2015.

Keywords: sociological survey, the method of personal interview, monitoring public opinion, generalized distrust.

Институт общественного мнения «Квалитас» начал отслеживать отношение населения к украинским событиям с апреля 2014 г. – тогда впервые был проведен опрос общественного мнения на эту тему [1, с. 3-9]. С тех пор подобные замеры проводятся каждые полгода. В настоящее время мы располагаем картиной из результатов нескольких социологических опросов 2014–2015 гг. жителей города Воронежа методом личного интервью по репрезентативной для взрослого населения (старше 18 лет) выборке, которая колебалась от 600 до 700 чел.

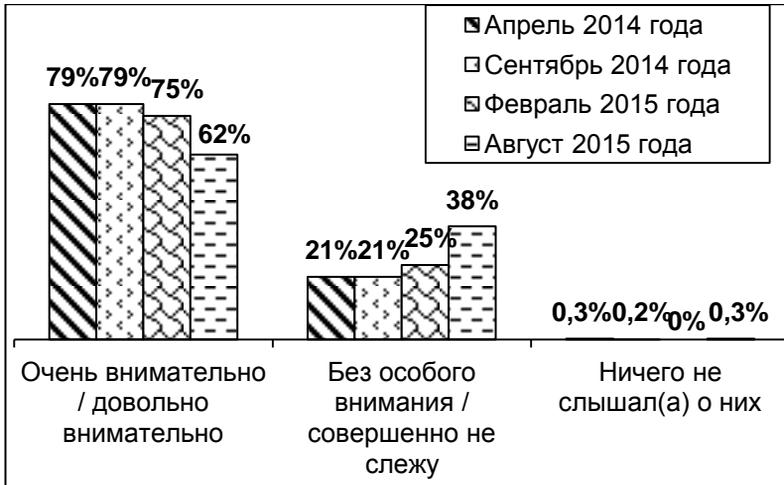
Украинские события вот уже около двух лет приковывают к себе внимание всего мира, поэтому не удивительно, что жители г. Воронежа, многие из которых имеют родственников в Украине, также уделяют свое внимание событиям в соседнем государстве, что показали ответы населения на вопрос: «Следите ли Вы за последними событиями в Украине?».

В настоящее время большинство воронежцев (62%) в той или иной степени внимательно следят за событиями в Украине [2, с. 3]. По мере увеличения возраста респондентов напряженность внимания к украинским событиям возрастает от 36% (среди 18-29-летних) до 82% (среди тех, кто старше 60 лет). Относительное равнодушие к происходящему в Украине в среднем по городу демонстрируют 38% опрошенных, которые без должного внимания следят за происходящим. А среди молодежи индифферентность возрастает до 64%.

На графике 1 видно, что степень напряженного внимания воронежцев к событиям в Украине за полтора года снизилась с 79% до 62%.

Об украинских событиях сегодня слышаны практически все воронежцы. Но степень внимания к ним начинает постепенно ослабевать, несмотря на то, что трагичность происходящего не снижается.

Следите ли Вы за последними событиями в Украине?

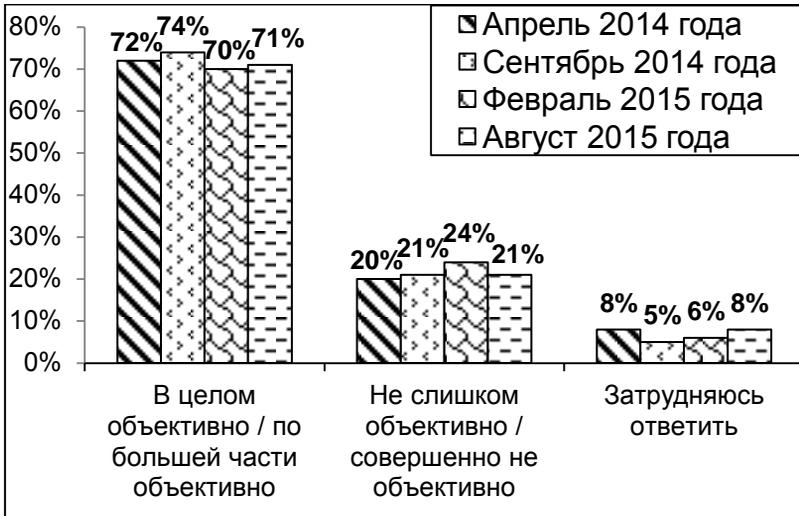

О происходящих в Украине событиях россияне узнают из СМИ, Интернета и непосредственно от родственников и знакомых, проживающих на украинской земле или от тех, кто там побывал. Поскольку у населения есть возможность сравнивать интерпретацию тех или иных событий разными источниками и определить свое отношение к подаче информации российскими СМИ, воронежцам был задан вопрос: «Как Вы считаете, насколько объективно освещают события на Украине, в Крыму федеральные российские СМИ?». Оказалось, что в объективность освещения украинских событий федеральными российскими СМИ сегодня верят 71% воронежцев [2, с. 4]. Эта вера несколько ослабевает среди молодых респондентов (66%), но укрепляется среди людей старшего возраста (75%). Женщины чаще верят СМИ (73%), чем мужчины (68%).

Сомневаются в объективности освещения событий в Украине только 21% воронежцев. Среди молодежи сомнения возрастают до 27%.

На графике 2 представлены ответы респондентов на этот вопрос за полтора года измерения.

Как Вы считаете, насколько объективно освещают события в Украине, в Крыму федеральные российские СМИ?

Число граждан, доверяющих объективности российских федеральных СМИ в освещении украинских событий, по-прежнему превышает 70%, ни разу не опустившись ниже этой отметки. Колебания в общественном мнении по этому вопросу находятся в пределах статистической погрешности измерения.

Происходящее в Украине западные СМИ подают как торжество демократии, российские СМИ – иначе. А что думает по этому поводу население? Ответы воронежцев на вопрос: «**Какая из следующих точек зрения на последние события в Украине ближе всего к Вашей собственной?**», - отражены в таблице 1.

Таблица 1

**Какая из следующих точек зрения на последние события
в Украине ближе всего к Вашей собственной?**

	Апрель 2014 года	Сентябрь 2014 года	Февраль 2015 года	Август 2015 года
Власть в Украине захватили радикальные националисты	43%	33%	33%	31%
В Украине сейчас нет единой власти	36%	39%	43%	41%
У меня не сложилось собственной точки зрения по поводу власти в Украине	10%	12%	12%	13%
Среди тех, кто пришел к власти в Украине, есть и радикальные националисты, но в целом это люди, представляющие интересы всех групп населения страны	4%	5%	3%	3%
Затрудняюсь ответить	4%	3%	3%	5%

Воронежцы чаще всего склоняются к мнению, что в Украине нет единой власти (41%). Второй вариант интерпретации событий, гласящий, что власть в Украине захватили радикальные националисты, набирает чуть меньше голосов (31%), но по числу сторонников вправе конкурировать с первым [2, с. 5]. Со вторым вариантом пожилые люди (41%) соглашаются в два раза чаще молодых (20%). Реже всего граждане думают, что власть Украины сегодня представляет интересы всего населения (3%). У 13% горожан ещё не сложилось собственное мнение по этому вопросу.

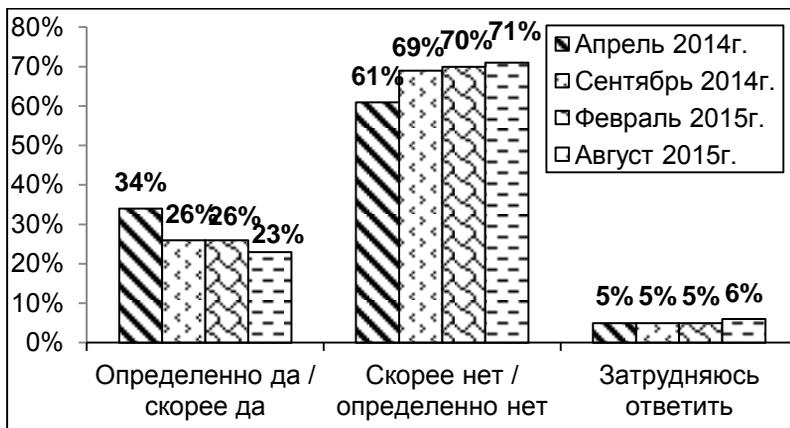
А те, у кого мнение сложилось, но не совпадало с предложенными вариантами ответов, выносили собственный вердикт: «Украиной управляет Америка», «Украина под контролем зарубежных стран» - такие ответы звучали чаще других. Кроме того, люди изумлялись тому, что украинская власть «не защищает, а убивает собственный народ», что у сегодняшних правителей в Украине «на уме только корысть». Кто-то обвинял украинский народ, взявший оружие и свергнувший законную власть, и рефреном звучало пожелание: «На Украине должен быть мир».

Количество сторонников суждения, что власть в Украине захватили радикальные националисты, уменьшилось с 43% (в апреле 2014 года) до 31% (в августе 2015 года). С сентября прошлого года продолжает лидировать мнение, что в Украине нет единой власти.

Только 23% воронежцев поддерживают идею введения российских войск на территорию восточной Украины [2, с. 6]. Однако большинство горожан (71%) эту идею не поддерживают. За введение войск воронежские мужчины выступают чаще (29%), чем женщины (19%), которые страшатся потерять своих сыновей в этой братоубийственной войне. На графике 3 приведены для сравнения ответы горожан за последние полтора года.

График 3

Вы бы поддержали или нет введение в настоящее время российских войск на территорию Крыма и в другие регионы Украины / на территорию восточных областей Украины?

Впервые этот вопрос задавался в апреле 2014 г., когда стоял на повестке разговор о введении войск на территорию Крыма, поскольку это было тогда актуально, но впоследствии вопрос касался исключительно восточных областей.

Напомним, что всероссийский опрос Левада-центра, который проходил 7-10 марта 2014 г. (перед референдумом по присоединению Крыма 16 марта), показал, что 58% россиян тогда поддерживали идею введения российских войск для защиты Крыма. После присоединения Крыма число сторонников введения российских войск резко пошло на убыль и уже никогда не составляло большинства ни в России, ни в г. Воронеже.

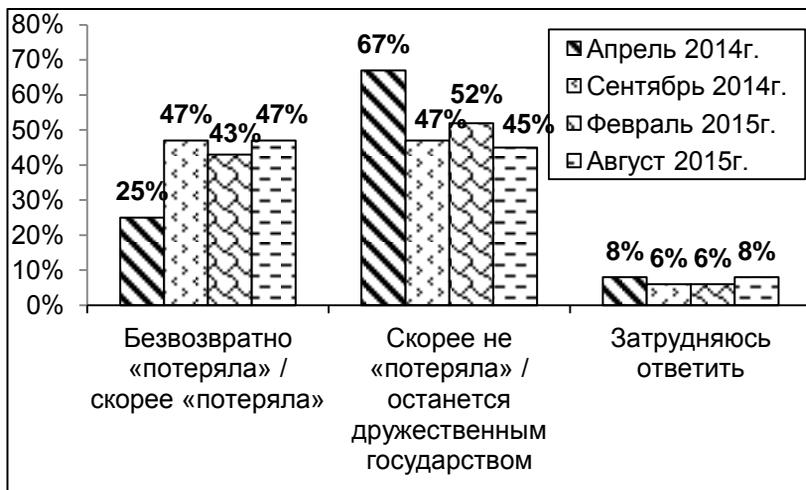
Наиболее болезненный вопрос – это вопрос о дальнейших взаимоотношениях двух некогда дружеских стран. Ещё недавно никому и в голову не могло прийти, что может возникнуть угроза вооруженного конфликта между Россией и самым близким ей по духу и историческим корням государством.

Ответы на вопрос: «**Как Вы считаете, Россия "потеряла" Украину или Украина по-прежнему остается братским, дружественным государством?**», – раскололи воронежцев на два лагеря [2, с. 8]. 47% горожан счита-

ют Украину потерянной для России, в то же время 45% жителей города продолжают считать её дружественной страной, поскольку слишком глубоки традиции нашего родства и общности культуры. Среди молодежи количество тех, кто считает, что Украина перестала быть братской страной, возрастает до 56%. На графике 4 представлена картина изменений общественного мнения по этому вопросу.

График 4

Как Вы считаете, Россия «потеряла» Украину или Украина по-прежнему останется братским, дружественным государством?

С апреля 2014 по август 2015 гг. количество граждан, которые по-прежнему считают Украину дружественным государством, снизилось с 67% до 45%.

Что сулит потеря обществом надежды на дружеские отношения между странами, когда вместо доверия поднимает голову враждебность? На руинах подорванного доверия обычно размножаются монстры подозрительности и страха, провоцируя потенциальные конфликты. Отсутствие доверия блокирует заключение любых партнерских соглашений между сторонами. Исследуя феномен доверия, социологи отмечают возрастание его роли в социальных взаимодействиях: «Доверие проявляется во взаимодействиях как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Причем его роль в общественной жизни возрастает» [4, с. 9].

Доверие можно определить как обоснованное или оправданное какими-либо факторами ожидание. В работах А.Б. Мищенко отмечены основные формы проявления доверия в современных обществах [5, с. 42-44]. Одной из таких форм является социальный капитал. То есть наличие доверия между членами

общества можно расценивать как социальный капитал. По утверждению Ф. Фукуямы, этот социальный капитал может быть достоянием любого коллектива, в частности может быть воплощен «и в самом большом коллективе из возможных – нации» [6, с. 52]. В свое время взаимное доверие на национальном уровне легло в основу воссоединения России и Крыма, потому что, по сути – мы одна нация, в которой культура доверия представляет собой определенный способ организации жизнедеятельности и является необходимым условием регуляции социальных взаимодействий. У А. Шюца есть термин «обобщенное доверие» [7, с. 537]. Оно результируется в процессе интеркоммуникации, когда критерии доверия отчуждаются от конкретного объекта, приобретая всеобщий и нормативный характер. Тогда в том или ином сообществе формируется особый тип доверительных отношений, при котором вопрос об отдельных партнерах просто не стоит: обобщенное доверие осознается как реальность и выполняет нормативную роль. При утрате доверия эту роль перенимает недоверие. То есть уже недоверие диктует способ организации и тип отношений с партнерами. Возникающее недоверие подкрепляется новыми знаниями и, приобретая устойчивость, воспринимается как объективная реальность. В настоящее время идет смена установок; бывшее когда-то обобщенное доверие между Украиной и Россией уступает место обобщенному недоверию. Возможна ли реанимация былого доверия – это зависит от хода политического процесса и мудрости руководителей государств.

Литература

2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2014-04 / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас», 2014.
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2015-08 / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас», 2015.
4. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2015-09 / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас», 2015.
5. Чупров В.И., Михеева В.В. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине? М.: Норма, 2015. 160 с.
6. Мищенко А.Б. Феномен политического доверия // Зовнішні справи. Київ, 2008. № 2.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 52.
8. Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Романович Н.А.

УКРАИНСКИЕ СОБЫТИЯ – ГОД СПУСТЯ

В статье изложены результаты мониторинга общественного мнения жителей г. Воронежа относительно событий в Украине, проведенного в 2014 и 2015 гг.

Ключевые слова: медиапространство, смысловая война, мониторинг общественного мнения.

The article presents the results of monitoring public opinion residents of Voronezh on the events in Ukraine, conducted in 2014 and 2015.

Keywords: media, semantic war, public opinion monitoring.

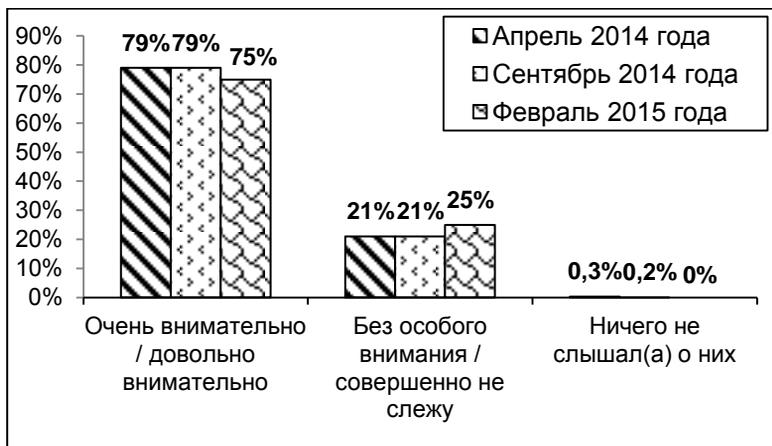
Институт общественного мнения «Квалитас» начал проводить мониторинг общественного мнения жителей г. Воронежа относительно событий в Украине ещё весной 2014 г. и каждые полгода отслеживает изменения [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2014-04]. Последний опрос был проведен в феврале 2015 г., опрошено 606 человек методом телефонного интервью, выборка репрезентативна для жителей г. Воронежа старше 18 лет по полу и возрасту [Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2015-03].

События в Украине сегодня в центре внимания всего мира, тем паче у воронежцев есть стимул следить за тем, что происходит в соседнем государстве, граница с которым проходит не далее 300 км от города. И впрямь, внимание подавляющего большинства воронежцев (75%) приковано к новостям из Украины. Чем старше воронежцы, тем более напряженным становится это внимание. Среди людей пожилого возраста количество людей, тревожно наблюдающих за украинскими событиями, возрастает до 91%.

Наибольшую индифферентность, как обычно, демонстрирует молодежь. Если в среднем по городу всего 25% жителей относятся к происходящему в Украине без должного внимания, то среди молодежи этот показатель возрастает до 44%.

В третий раз мы задаем воронежцам этот вопрос. Как изменялись ответы горожан в течение года?

Следите ли Вы за последними событиями в Украине?

На сегодняшний день не осталось воронежцев, которые бы ничего не слышали о событиях в Украине. Нельзя сказать, что с последнего замера степень эмоциональной погруженности в украинские треволения уменьшилась (изменения не выходят за рамки статистической погрешности), но, по крайней мере, она не увеличилась. Возможно, мирные соглашения в Минске («Минск-2»: 11-12 февраля 2015 г.) слегка успокоили бдительность горожан. Февральский опрос проходил 12-18 февраля 2015 г. – сразу после окончания минской встречи.

Эксперты называют события в Украине «смысловой войной». Смысловая война – это война принципиально «медийная». То есть наступление начинают СМИ, а военные лишь завершают те действия, которые обеспечила им медийная составляющая. «Мягкая» сила здесь всегда идет впереди жесткой. Без поддержки аудитории выиграть смысловую войну нельзя. Это понимают и украинские, и российские СМИ. Не случайно Украина отключила вещание российских каналов на своей территории. Известны взаимные обвинения российских и украинских СМИ во лжи и предвзятости. Известна война, развязанная против российских журналистов, работающих в Украине. Верит ли население российским СМИ сегодня относительно освещения украинских событий?

Согласно результатам опроса, в целом 70% воронежцев считают, что украинские события освещаются российскими СМИ объективно. Убежденность в объективности федеральных новостных выпусков увеличивается по мере возраста респондентов: с 56% среди молодежи до 83% среди пожилых горожан.

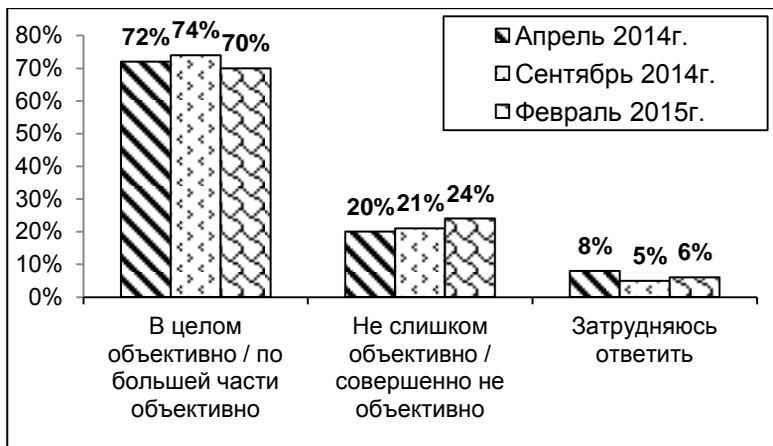
Однако 24% опрошенных полагают, что события в Украине подаются российскими СМИ в той или иной степени необъективно. Молодые люди так утверждали чаще (37%), чем пожилые (11%).

Сравним ответы респондентов на этот вопрос в течение года.

Число граждан, доверяющих объективности российских федеральных СМИ в освещении украинских событий, не опускалось с весны прошлого года ниже 70%. Слегка наметилась тенденция роста числа людей, подозревающих отечественные источники информации в необъективности (с 20% до 24%), но эти изменения пока вписываются в рамки статистической погрешности измерения.

Что происходит в Украине? Кто захватил власть? Чью волю и чьи интересы осуществляют сегодняшние украинские правители?

Как Вы считаете, насколько объективно освещают события в Украине, в Крыму федеральные российские СМИ?

Большая часть опрошенных (43%) склоняются к мнению, что в Украине сейчас нет единой власти. По мере повышения уровня образования респондентов число таких ответов возрастает от 25% (неполное среднее) до 47% (высшее). А каждый третий опрошенный полагает, что власть в Украине захвачена радикальными националистами (33%). В основном это мнение пожилых людей (45%). Признались, что не имеют собственной точки зрения по поводу украинских событий 12% горожан – и немудрено, ведь почти четверть опрошенных толком не следят за украинскими событиями. Реже всего люди считают, что действующая власть отражает мнение всех слоев населения (3%). Кроме того, звучали такие ответы, как: «Украиной управляет Америка», «там идет борьба коррумпированных группировок», «там неуравновешенные люди у власти», «власть в Украине контролируют другие страны» и т.п.

Какая из следующих точек зрения на последние события в Украине ближе всего к Вашей собственной?

	Апрель 2014 года	Сентябрь 2014 года	Февраль 2015 года
Власть в Украине захватили радикальные националисты	43%	33%	33%
В Украине сейчас нет единой власти	36%	39%	43%
У меня не сложилось собственной точки зрения по поводу власти в Украине	10%	12%	12%
Среди тех, кто пришел к власти в Украине, есть и радикальные националисты, но в целом это люди, представляющие интересы всех групп населения страны	4%	5%	3%
Затрудняюсь ответить	4%	3%	3%

Количество сторонников суждения, что власть в Украине захватили радикальные националисты, уменьшилось с весны 2014 г. с 43% до 33%. В Украине царит безвластие – такое мнение стало лидировать в конце 2014 г. (39%) и только укрепились к весне 2015 г. (43%).

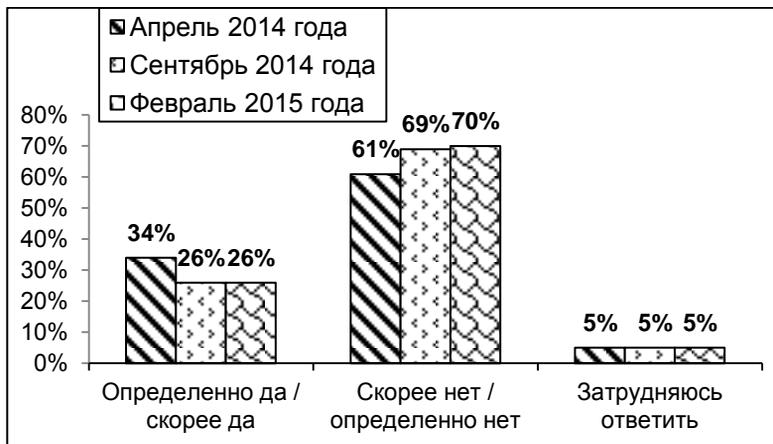
Напомним, что Всероссийский опрос Левада-центра, который проходил 7-10 марта 2014 г. (перед референдумом по присоединению Крыма 16 марта), показал, что 58% россиян тогда поддерживали идею введения российских войск для защиты Крыма.

В феврале 2015 годы воронежцы отвечали на вопрос: **«Вы бы поддержали или нет введение в настоящее время российских войск на территорию восточных областей Украины?»**.

В общей сложности 26% воронежцев сегодня поддерживают идею введения российских войск на территорию восточных областей Украины, но 70% населения города выступают против. Женщины более горячо возражают против того, чтобы их сыновья и мужья пошли на войну (76%), чем сами мужчины (62%). Сравним, как менялось мнение горожан по этому вопросу в течение года.

Если в апреле 2014 года мы интересовались возможностью введения российских войск на территорию Крыма и в другие регионы Украины, то впоследствии спрашивали только о восточных областях Украины.

Вы бы поддержали или нет введение в настоящее время российских войск на территорию Крыма и в другие регионы Украины / на территорию восточных областей Украины?

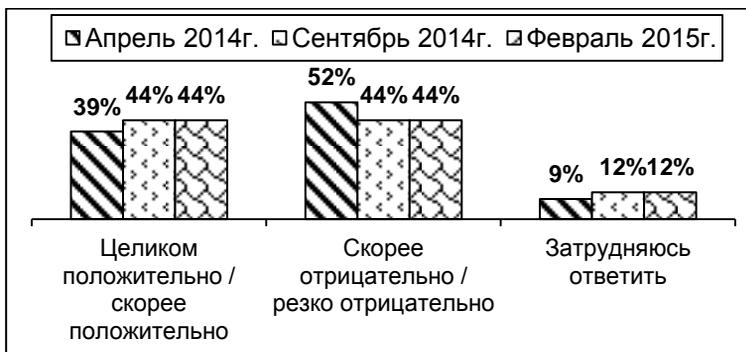
А после присоединения Крыма воинственные настроения населения резко пошли на убыль. Уже в апреле 2014 года только 34% воронежцев в той или иной степени одобряли введение российских войск на территорию восточной Украины, а к концу прошлого года это число сократилось до 26% и в течение полугода не изменялось.

Еще один вопрос, обращенный к воронежцам, звучал так: «Как бы вы отнеслись к возможности распада Украины?». Вопрос о возможном распаде Украины неоднозначен, поэтому и ответы на него получились неоднозначными.

Если рассматривать распад Украины не как крушение украинского государства, а как отделение восточной и западной областей во избежание дальнейшего кровопролития, то за него готовы проголосовать 44% опрошенных. Люди считают, что отсоединение областей, не согласных с политикой нынешнего руководства страны, было бы правильным решением, во всяком случае, оно лучше войны.

Но все равно распад некогда дружественного государства другие 44% горожан воспринимают с болью и относятся к этому отрицательно. Сравним результаты опросов за год.

Как бы Вы отнеслись к возможности распада Украины?

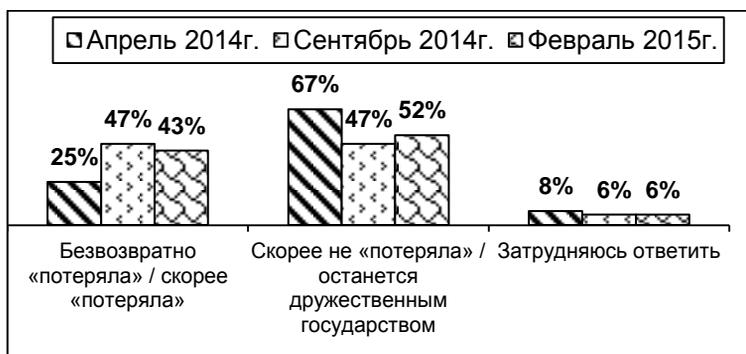

Как видно из приведенного графика, число противников распада Украины, снизившись в прошлом году с 52% до 44%, замерло на этой отметке и в течение последних месяцев не менялось.

Один из самых болезненных вопросов – это вопрос о том, навсегда ли потеряна для нас Украина как дружественное государство. Каково мнение населения на этот счет? Ведь с украинским народом россияне объединяет не только общая история, но и кровные родственные связи.

Большинство населения не желает признавать Украину потерянным для России государством – 52% опрошенных и сегодня надеются, что эта страна по-прежнему останется братской. В то же время 43% опрошенных считают, что дружба между нашими странами осталась в прошлом. Как менялось мнение горожан в течение года?

Как Вы считаете, Россия "потеряла" Украину или Украина по-прежнему останется братским, дружественным государством?

Весной прошлого года большинство населения города (67%) не сомневалось в том, что Украина останется дружеским для России государством, но осенью 2014 г. число таких оптимистичных суждений уменьшилось до 47%. И вот к началу весны 2015 г. количество граждан, верящих в братскую дружбу двух родственных держав, вновь выросло до 52%. Хочется надеяться, что это и вправду начало роста доверия между народами, а не нюансы статистической погрешности измерения.

За прошедший год кроме первого минского соглашения появилось и второе. Правомерен вопрос: «В чем отличия второго минского соглашения от первого?». Ведь в обоих соглашениях речь идет о Донецкой и Луганской областях Украины, а не о самопровозглашенных народных республиках. Отсюда вопрос: если не сработало первое соглашение, зачем подписывать второе? Эксперты указывают на то, что соглашения были подписаны одними и теми же людьми, а значит, вопросы к юридической силе документа, которые были ранее, сохраняются и сейчас [Что дали Минские соглашения к весне 2015?]. Ведь само по себе принятие идентичного соглашения во второй раз свидетельствует о бездействии первого соглашения. Возможно, следует подумать об изменении методов решения вопроса. Впрочем, если первое соглашение по стилю было похоже на «переговоры с террористами» (немедленно сложить оружие, освободить заложников и т.д.), то второе отличается наличием деталей, сроков исполнения, более серьезной проработкой конкретных мер по обеспечению особого статуса Донбасса.

Еще одним значительным отличием является требование восстановления контроля Украины над государственной границей во всей зоне конфликта. Планировалось начать восстановление после местных выборов и завершить к концу 2015 г. Но для этого нужно прежде провести конституционную реформу с децентрализацией власти. Получается, что Украина официально признала, что не контролирует часть своей территории, в том числе безопасность государственной границы, то есть эффективное управление территорией ей в настоящее время не под силу.

Новой оказалась формулировка о выводе войск из Украины: «вывод **всех иностранных вооруженных формирований**, военной техники, а также наемников с территории Украины под наблюдением ОБСЕ. Разоружение всех незаконных групп». Прежде это звучало иначе: «вывести незаконные вооруженные формирования, военную технику, а также боевиков и наемников с территории Украины». Непонятно, кто был автором новой формулировки и почему её допустили лидеры народных республик и Россия? Ведь её можно понять и так: вывести российские войска и технику и разоружить ополчение. Новая формулировка подразумевает, что на Украине воюют иностранные вооруженные формирования (иными словами, отряды, армейские подразделения). Тогда возникает вопрос: «иностранцы» – это каких государств? На чьей стороне они воюют? Эти вопросы остаются без ответа.

Тем более странно выглядит в свете этой новой формулировки недавно принятый в Украине Закон от 17 марта 2015 г. № 255-VIII «Об одобрении решения Президента Украины о допуске подразделений вооруженных сил дру-

гих государств на территорию Украины в 2015 году для участия в многонациональных учениях». По этому закону Рада одобрила допуск вооруженных сил других государств на территорию страны. Непонятно тогда, какие иностранные войска нужно вывести – ведь в Минском соглашении нет конкретного указания на то, к каким именно иностранным войскам следует применять этот пункт.

Второй раз в Минске принимается и закон о децентрализации Украины. В первый раз он был принят в сентябре 2014 г., но особых изменений в унитарной Украине он не произвел. Второе минское соглашение предлагает: «проведение конституционной реформы на Украине со вступлением в силу к концу 2015 г. новой конституции, предполагающей в качестве ключевого элемента децентрализацию (с учетом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей», в соответствии с мерами, указанными в примечании 1, до конца 2015 года». Что это за меры, указанные в примечании? В примечании 1 перечислено несколько пунктов: освобождение от ответственности лиц, участвовавших в событиях на Юго-Востоке Украины; право на языковое самоопределение; своя милиция; трансграничное сотрудничество с Россией; поддержка экономического развития отдельных регионов. Все эти меры легли в основу Закона об особом порядке самоуправления на Донбассе. Но эксперты-юристы полагают, что эти меры не сделают Донбасс автономным, и по сути не являются децентрализацией. «Предоставляемые по закону об особенностях местного самоуправления «прав» Донецку и Луганску не дают никаких намеков на автономию. Так ради чего ополченцы должны сложить оружие?» - вопрошает юрист, исследовавший особенности второго минского соглашения [Гаганов Александр. Получит ли Донбасс независимость?]. Этот закон свидетельствует, что далеко не все ополченцы будут освобождены от ответственности, даже если человек добровольно сдается и слагает оружие, нет никаких гарантий того, что он автоматически не станет подозреваемым. Во-первых, нужно было успеть в течение месяца после вступления в силу закона сдать оружие и боеприпасы, освободить занимаемые здания органов государственной власти и не препятствовать деятельности госорганов и организаций. Понятно, что это был нереально короткий срок. Кроме того, ополченцы должны подать «явку с повинной». Проще говоря, по замыслу украинских властей ополченцы должны полностью и безоговорочно капитулировать. В-вторых, статья 5 закона содержит обширный список исключений: перечислены те категории лиц, на которых действие закона не распространяется, а значит, они не будут освобождены от ответственности. Например, не освобождаются от ответственности те кто, кто совершил убийство или виновен в причинении тяжких телесных повреждений, а также в захвате заложников. Но ополченцы, защищая независимость своей Родины, взяли за оружие и были вынуждены уничтожать превосходящие силы противника (то есть совершали убийства и причиняли тяжкие телесные повреждения), а также вели военные действия с захватом пленных (в законе захваченные в плен именуются заложниками). То

есть логично предположить, что многие из них не могут быть освобождены от ответственности по этому закону. И получается, что независимо от того, сдадутся они добровольно или нет, они пойдут под суд. Вывод: такой закон никак не защищает ополченцев, а значит, и не может мотивировать их к тому, чтобы сложить оружие.

Формально закон об особом статусе Донбасса начал действовать ещё в сентябре 2014 г., реально же этот закон вряд ли вообще начнет действовать когда-либо. Да и как может реализовываться закон Украины на территориях, которые ей не подконтрольны? Ведь неподконтрольность отдельных территорий официально признается правительством Украины. Назначенные законом на 7 декабря 2014 г. выборы в народных республиках были провалены, поскольку они там прошли раньше (осенью прошлого года), но украинские власти не признали их легитимность, поэтому второе минское соглашение возвращается к вопросу о проведении выборов в Донецкой и Луганской областях.

А 17 марта 2015 г. в закон об особом статусе были внесены изменения, которые, по мнению экспертов, поставили на законе крест. Теперь вступление закона в силу обусловлено рядом требований к проведению местных выборов в Донецкой и Луганской областях. В числе требований – вывод всех незаконных войск с территории Украины (уже говорилось о том, что непонятно, какие войска являются незаконными, в свете этого требования таковыми могут быть признаны как войска народного ополчения, так и американцев, которые в настоящее время дислоцируются на территории Донбасса). Тогда же Рада приняла постановление, которым определила те «отдельные районы Донецкой и Луганской областей», где имеет место «особый статус». Казалось бы, Рада должна была хотя бы перечислить эти населенные пункты. Но постановление называется так: «О признании отдельных районов, городов, поселков и сел Донецкой и Луганской областей временно оккупированными территориями». Временно оккупированными территориями признаны отдельные районы, города, поселки и села Донбасса, причем не уточняется какие именно. Понятно, что закон с такой неопределенной формулировкой никто не собирается исполнять. Кроме того, в постановлении отмечается, что особый порядок местного самоуправления вводится тогда, когда Украина восстановит полный контроль над своей госграницей. Но дело в том, что защитники Донбасса не допустят Украину к контролю своей территории, пока не будет решен вопрос об «особом статусе» Донбасса. Этот очевидный замкнутый круг свидетельствует, что закон, скорее всего, был подписан просто «для галочки». Просто, чтобы Украина смогла оправдаться в глазах международного сообщества и в наигранном недоумении развести руками: «мы сделали все, что смогли»...

Ключевые слова: «децентрализация власти» упоминались и в первом, и во втором минских соглашениях. На деле – децентрализация – это создание автономий в унитарном государстве с передачей ряда полномочий регионам.

В первом соглашении децентрализация предстаёт просто как принятие закона об «особом статусе» с требованиями, неприемлемыми для защитников Донбасса.

Во втором соглашении говорится уже о конституционной реформе со вступлением в силу к концу 2015 г. новой конституции, где основное внимание предполагается уделить именно децентрализации, с учетом особенностей, примененных в Донецке и Луганске. До конца 2015 г. остается несколько месяцев. За это время должен появиться текст конституции и пройти референдум, что весьма проблематично и в мирном государстве, не говоря уже о государстве в состоянии войны. Власти ЛНР и ДНР не пойдут на уступки Украине, а введение «особого порядка самоуправления» в том виде, в каком он прописан в законе, не может их мотивировать сложить оружие. Новая конституция, принятая наспех «свыше» без всенародного обсуждения в таком формате их тоже не устроит. Особый порядок самоуправления вообще не означает децентрализацию. С точки зрения экспертов, во втором минском соглашении заложена бомба замедленного действия по развалу государства на части. Если какие-то дестабилизирующие процессы начнутся, например, и с приднестровской стороны, то Украина может потерять реальный контроль над большей частью своей территории. С этой точки зрения, второе минское соглашение не только не в состоянии урегулировать мирный процесс на Донбассе, но и может явиться дестабилизатором для остальной Украины.

Литература

1. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2014-04/ под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас», 2014. <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin>
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2015-03/ под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас», 2015. <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin>
3. Что дали Минские соглашения к весне 2015? <http://voprosik.net/chto-dali-minskie-soglasheniya-k-vesne-2015>
4. Гаганов А. Получит ли Донбасс независимость? <http://rusrand.ru/events/poluchit-li-donbass-nezavisimost>

Руденко А.В., Вакулова Т.В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье сравниваются разнообразные подходы к определению понятия «социокультурный процесс».

Ключевые слова: социокультурный процесс, изменения в культуре и обществе, конфликт, взаимодействие.

The article compares the different approaches to the definition of «socio-cultural process».

Keywords: socio-cultural process, changes in culture and society, the conflict interaction.

Социальная наука изобилует различными подходами к определению социокультурного процесса. Определяющий вклад в исследование теоретико-методологических аспектов социокультурного процесса внесли П.А. Сорокин, Т.Э. Парсонс, А.Г. Эфендиев, А.А. Моль, И.В. Кондаков. Нестандартные подходы к определению социокультурных процессов применены А.И. Ракитовым в теории культурного ядра, а также Н.И. Лапиным при изучении новых социокультурных структур [2].

Среди новейших исследований, связанных с данной темой, можно выделить работы таких авторов как В.Я. Звездин [1], О.И. Кускарова [2], А.А. Осипкин [3], Е.А. Ревуцкая [8], Д.К. Татанова [5], Е.В. Титов[6].

Понятие «социокультурный процесс» многие специалисты связывают с изменениями в культуре и обществе. Так, А.Г. Эфендиев, А. Моль, И.В. Кондаков, опираясь на положения, разработанные П.А. Сорокиным и Т.Э. Парсонсом, определяют социокультурный процесс как изменения культуры, происходящие в зависимости от изменений в обществе [2].

По утверждению А.А. Осипкина, понятие «социокультурный процесс» дает адекватное представление о происходящих изменениях в обществе, особенно тогда, когда оно используется для понимания трансформаций, одновременно связанных с модернизацией всех сфер социальной практики и с внедрением инновативных норм и идеалов в традиционные системы ценностей населения [3].

Как указывает О.И. Кускарова, понятие «социокультурный процесс» тесно связано с понятием «изменение в культуре», но не тождественно ему. Изменения в культуре предполагают любые трансформации в ней, в том числе такие, которые лишены цельности, ярко выраженной направленности движения. Понятие «социокультурный процесс» характеризуется направленностью и целостностью проявления, присущих ему внутренних закономерностей [2].

По мнению Д.К. Танатовой, процесс приобретает характер процессуальности только при условии наличия изменений. При этом изменение социокультурного процесса рассматривается с точки зрения участия человека в нем, его влияния, а также значения измененного состояния на развитие человеческой жизни [5].

Согласно Е.А. Ревуцкой, содержание социокультурного процесса составляют социокультурные изменения, находящие выражение в росте степени индивидуализации, приводящей к кризису коллективных форм существования и изменениям в трансляции обычаев и традиций, перестройке ценностных ориентаций на личностном уровне, росте влияния государственных институтов на процессы социализации новых поколений» [8].

О.И. Курсакова делает вывод о том, что социокультурные процессы – это изменение во времени состояния культурных систем и объектов, а также типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами.

С изменениями, а именно – с динамичностью связывает социокультурный процесс Е.В. Титов. Он пишет: «Любая принятая в данной культуре парадигма взаимодействия людей, если придать ей динамичность, выступает как социокультурный процесс» [6].

Как мы видим, аналитики включают в определение понятия «социокультурный процесс» не только изменения в культуре, но и типовые модели, парадигму взаимодействия людей. По мнению О.И. Кускаровой, в кризисно-реформируемом обществе, к которому относится Россия, социокультурный процесс понимается как формирование новой структуры ценностей индивидов и социальных групп, способных регулировать социокультурное состояние общества. На наш взгляд, формирование новой структуры ценностей – это не что иное, как изменения в культуре и обществе.

Ряд ученых определяют социокультурный процесс как решение конфликта, противоречий между новым и старым в культуре и обществе. Так В.Я. Звездин считает, что социокультурный процесс — это всегда конфликт культурных образцов: старых и новых норм, ценностей, ориентации, деятельности и поведения. Это конфликт традиционных и зарождающихся культурных форм на уровне индивидуального или группового сознания» [1]. Согласно определению А.Г. Эфендиева, социокультурный процесс, т.е. функционирование культуры как социального явления, представляет собой переплетение двух основных противоречивых тенденций: тенденцию к сохранению, устойчивости, преемственности культуры и тенденцию к ее изменениям [7]. Как указывает О.И. Кускарова, социокультурный процесс в трактовке различных ученых предстает как преодоление противоречия между сложившимися культурными программами и инновациями и новыми социальными отношениями.

Наконец ряд ученых определяют социокультурный процесс как совокупность социальных и культурных процессов. Так, И.В. Кондаков считает, что социокультурные процессы характеризуются тем, что каждая тенденция развития России, начинавшаяся как чисто социальное явление, проецируется в культуру. Затем культурные явления, в свою очередь, влияют на социальные процессы.

Таким образом, происходит сплав социальных и культурных процессов: каждое социальное явление обладает культурной проекцией, и, соответственно, каждое культурное явление находит свой социальный аналог [2].

П.А. Сорокин понимает содержание понятия «социокультурный процесс» как взаимосвязь социальных и культурных изменений [4]. Как указывает Е.А. Ревуцкая, социокультурный процесс находит свое выражение в разных сферах деятельности, развитии социального капитала. Процесс накопления социального капитала по-разному протекает в различных обществах, в различных географических условиях [8].

Д.К. Танатова считает, что социокультурный процесс представлен через призму времени, пространства; цепочку отдельных событий в том или ином обществе; конфигураций, которые они приобретают в общественной системе и т.д. [5].

Таким образом, социокультурный процесс трактуется различными авторами как изменения в культуре и обществе; социокультурный процесс как решение конфликта, противоречий между новым и старым в культуре и обществе; социокультурный процесс как совокупность, взаимосвязь социальных и культурных процессов.

Мы можем согласиться с мнением Е.А. Ревуцкой, что современный социокультурный процесс представляет собой динамичное образование, состоящее из множества пластов самого разнообразного происхождения, взаимодействующих и конкурирующих друг с другом.

Литература

1. Звездин В.Я. Социология культуры. Пермь, 2003. 144 с.
2. Кускарова О.И. Теоретические основы изучения межэтнического взаимодействия на территории Республики Адыгея // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2013. Вып. № 3 (124). С. 167-172.
3. Осипкин А.А. Современные социокультурные процессы и девиантное поведение молодых россиян. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2001. 158 с.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
5. Танатова Д. К. Антропологический подход в социологии: исследование социокультурного процесса. Дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004. 316 с.
6. Титов Е.В. Социальная антропология. Красноярск: Сибир. гос. аэрокосмич. ун-т, 2013. 64 с.
7. Эфендиев А.Г. Общая социология. М.: ИНФРА-М, 2000. 654 с.
8. Ревуцкая Е.А. Социокультурный процесс: факторы и динамика. Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?Abstract_id=2682498

Сенюшкин Е.А.

УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ КАК СЕТЕВОЙ ПРОЦЕСС

В статье проанализированы методологические возможности применения сетевого подхода к исследованию проблемы управления этнополитическими рисками. Обобщаются основные концептуальные подходы в современных исследованиях социальных и политических сетей. Указывается на методологические различия англосаксонской и германской школ политических сетей.

Ключевые слова: этнополитические риски, сетевой подход, политические сети, социальные сети, экономические сети, военные сети.

The methodological possibility of using a network approach to the problem of ethno-political risk management was analyzed in the article. The main conceptual approaches in contemporary studies of social and political networks was summarized also as the differences of the methodology of Anglo-Saxon and German schools of political networks.

Keywords: ethnic and political risks, the network approach, political networks, social networks, economic networks, the military network.

В начале третьего тысячелетия мир столкнулся с глобальным распространением этнического радикализма и агрессивного национализма. Политизированная этничность, характерная для большинства современных многонациональных сообществ, способствует расширению пространства этнополитических рисков. В странах Европы это проявляется, прежде всего, в кризисе миграционной политики; на Ближнем Востоке эта тенденция актуализирована в связи с курдским вопросом; в России на данном этапе основной потенциал этнополитических рисков связан с Северным Кавказом и Крымом. Для сохранения мирного и устойчивого развития этих регионов на органы государственной власти и институты гражданского общества возлагается новый спектр задач, связанных с превентивной деятельностью, направленной на нивелирование этнополитических рисков и недопущение их перерастания в угрозы для человека, общества и государства.

Этнополитические риски связаны с проявлениями этнического фактора в различных сферах жизнедеятельности человека и общества: политике, экономике, социальной жизни, культуре. Риски могут возникать в результате мобилизации радикализирующегося этноса, отстаивающего свои специфические этнические цели и интересы. Наряду с этим, радикализирующийся этнос может представлять опасность для государства и граждан. Учитывая высокую степень манипуляции этническими чувствами, можно также утверждать, что и для самих предствителей политизированных этносов, ориентированных на конфликтные действия, существуют риски, исходящие от их собственных этнических лидеров и элит, отстаивающих свои личные или групповые цели и интересы. Таким образом, проблематика, связанная с этнополитическими рисками, имеет тройное измерение: риски конкретного гражданина, риски государства и риски этнической группы [1, с. 307].

Анализ научных публикаций по данной теме показывает, что проблема управления этнополитическими рисками нуждается в методологическом совершенствовании как в теоретическом, так и в практическом смыслах. Методологические возможности управления этнополитическими рисками могут быть существенно расширены при использовании сетевого подхода, который позволяет рассмотреть управление этнополитическими рисками как сетевой процесс.

В российской политической науке сетевой подход применяется авторами, работающими преимущественно в сфере исследований государственного управления, публичной политики и международных отношений. В числе исследователей, работающих в этом направлении, следует назвать Г.В. Косова, И.В.Мирошниченко, Е.В.Саворскую, Т.А.Сенюшкину, Л.В.Сморгунова, М.В.Стрежневу и др.

В целом обзор российских публикаций по этой теме показывает, что большинство отечественных политологов, использующих сетевой подход, применяют англосаксонскую версию теории политических сетей, которая применяет этот метод при изучении взаимодействия государства и групп интересов. Наиболее известными представителями этой школы являются Р.Родес и Д.Марш.

Согласно Родесу, политические сети формируются как особый тип горизонтального взаимодействия политических акторов, каждый из которых обладает определённым набором ресурсов. Для достижения своих собственных целей сетевые акторы обмениваются ресурсами, в результате чего обеспечивается достижение интересов всех участников сети, участвующих в обмене. В числе ресурсов, которыми обмениваются акторы, Родес выделяет конституционно-правовые, организационные, финансовые, политические, информационные [4].

Кроме англосаксонской концепции политических сетей исследователи выделяют также немецкую школу. Сравнительный анализ двух школ представлен в работах Т.Бёрцель. Оценивая различия двух направлений в рамках исследования политических сетей, автор приходит к выводу о том, что различия между англосаксонской и немецкой школой исследования политических сетей существуют, однако они не всегда явные. Исследование научной литературы, изданной в Германии по этой теме, приводит к выводу, что немецкое понимание политических сетей заключается в новом типе управления «governance» как альтернативной форме государственной иерархии и рынку. Т.Бёрцель подчёркивает, что в англосаксонской литературе политические сети обычно рассматриваются как модель взаимодействия между государством и обществом в заданной исследователем конкретной сфере политики.

Политические сети включают три компонента: совокупность позиций, связи-отношения, потоки ресурсов [2, с. 440]. Все эти компоненты могут быть использованы для целенаправленной реализации стратегии формирования механизмов управления этнополитическими рисками, так как связи и отношения в рамках функционирования сетевых механизмов формируются исходя из обладания ресурсами и заинтересованности акторов в их обмене. При этом снижается роль иррациональных компонентов в этнополитических процессах, которые отодвигаются на второй план и вытесняются целерациональностью участников сети.

Так как сетевые акторы взаимодействуют на основе самоорганизации, как правило, они выходят за узко этнические и конфессиональные рамки, что расширяет пространство доверия между представителями разных этнических групп, которое поддерживается и укрепляется совместными интересами и целями. Следовательно, знание о функционировании сетевых механизмов может быть использовано как государством, так и гражданским обществом, в процессе управления этнополитическими рисками, в целях мирного и безопасного существования человека и общества.

Рассмотрение управления этнополитическими рисками в качестве сетевого процесса даёт возможность вывести методологию управления рисками за рамки формального анализа политических институтов и выявить особенности влияния сетевых взаимодействий на принятие этнополитических решений.

Основное методологическое преимущество такого подхода заключается в том, что он позволяет выявить причины и ключевые факторы, формирующие условия для возникновения этнополитических рисков в разных типах сетей: экономических, политических, геополитических и культурно-идеологических [3, с.503].

Анализ геополитических сетей позволяет рассмотреть проблему через взаимосвязь ресурсной зависимости государств, выявить структурирующее влияние геополитики на этнополитические процессы, а также связь между политической расстановкой сил в государстве и геополитическими рисками. Анализ политических сетей позволяет использовать инструментальный подход к изучению проблемы управления этнополитическими рисками, т.к. теория политических сетей опирается на коммуникативные процессы в многоэтничном обществе. Анализ культурно - идеологических сетей имеет решающее значение для изучения механизмов развития этнополитических рисков. Основное внимание при этом должно быть уделено установлению условий, при которых распространяются идеи и убеждения, способствующие формированию этнополитических рисков.

Рассмотрение управления этнополитическими рисками в качестве сетевого процесса создает предпосылки для дальнейшего развития сетевого подхода. Одно из наиболее перспективных направлений в этом контексте связано с установлением условий, причин, и следствий взаимодействия различных сетевых структур, влияющих на возникновение рисков, связанных с эскалацией латентных этнических конфликтов, неконтролируемой миграцией, этнодемографическими диспропорциями, радикализацией религиозных течений, проявлениями экстремизма и терроризма. Значительная часть исследований может быть посвящена объяснению динамики сетей, а также средств, с помощью которых они влияют друг на друга в этнополитическом пространстве.

Однако учитывая то, что сетевой подход – одно из самых молодых направлений в политической науке, ему, как и всякому новому знанию, свойственны так называемые «проблемы роста». В этой связи нам представляется важной критическая рефлексия, направленная на осмысление особенностей заимствования данного метода и применения его к российским политическим реалиям.

Литература

1. Сенюшкин Е.А. Управление политическими рисками как теоретическая проблема // Этничность, религия и политика / Под ред. Т.А.Сенюшкиной и А.В.Баранова. Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. С.307-310.

2. Сенюшкина Т.О. Мережі політичні // Політична енциклопедія. Редкол. Ю.Левенець (голова), Ю.Шаповал (заст. голови), та ін. – К.: Парламентське видавництво, 2011. С. 440- 441.

3. Сенюшкина Т.А. Методологические возможности теории социального конфликта и сетевого подхода в исследовании этнических конфликтов // Проблемы розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства: Матеріали. III соціол. конф. / За ред. М.О.Шульги, В.М.Ворони. К., 2003. С. 500-503.

4. Rhodes R., Marsh D. Policy network in British politics. A critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. – Oxford, 1992.

Сенюшкина М.А.

ЭКОСФЕРА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*«В геологической истории биосферы перед
че человеком открывается
огромное будущее, если он поймет это, и не будет упо-
треблять
свой разум и свой труд на самоистребление».*
В.И. Вернадский.

В статье рассмотрены процессы цефализации человека в контексте учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере и на научной основе определено значение экосферы человека, воздействующей на взаимодействие людей в различных сферах: политике, экономике, культуре, управлении и других сферах взаимоотношений.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, экосфера, цивилизация, сфера, социум.

The processes of the cefalization of human at the context of the theory of V.I.Vernadsky about biosphere and noosphere are analyzed at the article. The significance of the ecosphere of human, which has influence on the interaction of people at the different spheres: politics, economics, culture, management and others spheres of interactions are defined at the scientific background.

Keywords: biosphere, noosphere, ecosphere, civilization, sphere, society.

Введение. Современная эпоха, т.е. XX и начало XXI в.в., характеризуется ускоренным развитием науки, техники, культуры и информатики. В этих условиях проявляется противоречие между развитием материальной базы и культурным потенциалом человека, так как длительное время целью человека оставалось достижение материального благосостояния, в отрыве от его духовных ценностей, что обусловлено отставанием развития коллективного интеллекта от существующей стадии развития общества.

Цель исследования. Критический этап обострения глобального экологического кризиса нацеливает на необходимость более глубокого изучения научного наследия В.И. Вернадского, обосновавшего в своих трудах циклы геологического развития природы как «живого вещества» и вхождения в следующую фазу развития – ноосферу. В.И.Вернадский обосновал данную стадию следующим образом: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть, поэтому, на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [1, с.177].

В этой связи поставлена цель данной статьи: обосновать вхождение человека, как объекта природы, одаренного мыслительной деятельностью в достижение любой цели, обусловленной новой геологической стадией информационного развития современного общества и раскрыть содержание и значение экосферы человека в наступившей эпохе.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью изучения современного состояния морально-этических норм, регулирующих взаимоотношения человека на различных уровнях деятельности. Ознакомление с источниками по данной проблеме показало, что научные исследования направлены на изучение экосферы городов Москвы, Санкт – Петербурга, промышленно-развитых регионов России и других территорий в связи с воздействием на природные ресурсы. Вопросы же, касающиеся экосферы человека, нами не обнаружены в доступных научных исследованиях. Современное состояние коммуникативного пространства отношений человека с другими людьми свидетельствует о проявлении неблагоприятных явлений, влияющих на микроклимат коллективов, в которых протекает жизнь и функциональная деятельность человека. Эти особенности и вызвали необходимость изучения экосферы человека в части обоснования теории и функционального проявления экосферы в современном мире.

Результаты исследований.

Гипотеза экосферы человека.

Главной целью развития современного общества является сохранение природы и человека во имя будущего планеты. Так как природа под воздействием человека испытывает процессы ее разрушения в результате нерационального использования, которое характеризуется загрязнением почвы, водных ресурсов, атмосферы и самого человека, проживающего в зоне загрязнений. Все это требует вовлечения дополнительного труда и ресурсов для приведения в нормальное состояние загрязненных объектов с целью сохранения жизни на земле.

Современное развитие человечества представляет собой результат пержитых столкновений силовых факторов человеческого общества в реализации определенных целей по переустройству мира, что вызвало военные конфликты на континентальном уровне. Войны есть общественное историческое явление, возникшее с разделением первобытного человеческого общества на классы, связанное с временными, преходящими условиями общественной жизни. Это явление присуще классовым общественно-экономическим формациям, начиная от рабовладельческого строя и заканчивая современным постиндустриальным обществом. В условиях растущего антагонизма между трудом и капиталом в присвоении собственниками результатов наемного труда возникают конфликты по перераспределению богатства и природных ресурсов, морально-этических ценностей и других объектов и на этой основе возрастает значение человека, как объекта биосферы. В этой связи целесообразно провести анализ разрешения конфликтов на европейском континенте между государствами в первой мировой и второй мировой войнах в двадцатом веке.

На основе военного разрешения возникших конфликтов масштабы мировых войн, возникших в XX веке, характеризуются следующими данными:

Первая мировая война (1914-1918 г.г.): в войне участвовало 36 государств, было вовлечено в военные действия 1552 млн. человек, военные действия происходили на территории 14 государств, продолжительность военных действий составляла 1564 дня, и потери людей в боевых операциях достигли более 10 млн. человек.

Вторая мировая война была еще более жестокой и продолжительней, она длилась 2194 дня, то есть, была продолжительнее в 1,4 раза. В боевых действиях участвовали 59 государств, что в 4,2 раза больше, чем в первой мировой войне. В военные действия было вовлечено 2010 млн. человек, т.е. в 1,27 раза больше, а погибло более 30 млн. человек и ранено более 35 млн. человек, что больше в три раза, чем в первой мировой войне [2, с. 546]. Мне, как человеку, испытавшему на себе те трагические дни в жизни нашего народа, эти данные понятны и доступны не только из литературных источников, но и из опыта собственной жизни и окружающих мне людей того периода.

Анализ этих событий был применен нами для того, чтобы обосновать теорию экосферы человека, предлагаемой автором в качестве новой гипотезы в современной развивающейся биосфере как оболочки живого вещества Земли, обусловленной научной теорией В.И. Вернадского. Согласно исследованиям В.И. Вернадского, живое вещество Земли - это совокупность взаимодействующих между собой организмов растительного и животного мира, населяющих атмосферу, гидросферу, литосферу, как образующий особый слой Земли, т.е. биосферу, а именно, оболочку живого вещества. В результатах исследований В.И. Вернадского отмечается, что человек также имеет свою временную геологическую фазу развития. В частности, В.И.Вернадский считал, что «геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей - Homo sapiens и его геологических предков Sinanthropus и др., потомство которых для белых, красных, желтых и черных рас – любым образом среди них всех – развивается безостановочно в бесчисленных поколениях. Это закон природы. В историческом состязании, например, в войне такого масштаба, как нынешняя (т.е. вторая мировая война – М.С.) в конце концов побеждает тот, кто этому закону следует. Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей, как закона природы» [1, с. 174].

Следовательно, гипотеза Закона природы, который определяет безостановочное развитие во всех поколениях, следующих одно за другим, в условиях равенства и справедливости, действует и в современных условиях. Там, где ставятся равнодействующие и справедливые цели в достижении каких-либо задач, побеждает тот, кто следует данной цели. Этот закон, выведенный В.И. Вернадским, подтвердил победу здравых сил во второй мировой войне и построении общества после победы советского народа над фашизмом в 1945 году. Современный этап мирового развития по теории В.И. Вернадского представляет вхождение биосферы в ноосферу. Это характеризуется тем, что мыслительная деятельность человека вышла на более высокие рубежи общечеловеческой деятельности. Военные конфликты в мире разрешались достижением

высокого уровня наукоемких производств, требовавших использования законов физики, химии, биологии, математики и других отраслей знаний для создания мощной материально-технической базы и интеллектуального потенциала для достижения целей развития человека и его растущих потребностей. Расширение интеллектуального потенциала во всем мире осуществлялось за счет развития науки и знаний. Свидетельством этому является выход человека в космическое пространство. В. И. Вернадский по этому поводу писал: «В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» [1, с.176]. Его мечты оправданы тем, что экосфера человека способствовала такому интеллектуальному прорыву, который оказался способным вывести науку и знания за короткий период времени на высокий уровень ее развития.

Что же представляет собой экосфера человека? Анализ этого термина исходит из его этимологии, а именно – «эко» происходит от греческого – «*coiros*» – дом, родина, что означает состояние планеты как дом, или место обитания человека, окруженное особой оболочкой – биосферой. Сфера, также происходит от греческого – «*sphaira*» – шар и означает среду обитания. Следовательно, по определению В.И. Вернадского, биосфера - это совокупность живого вещества, населяющего нашу планету Земля. Человек же представляет высшую форму части биосферы, благодаря развитому разуму, который воздействует на биосферу и способен вызывать изменения в биосфере для создания материальных и интеллектуальных благ с целью собственного развития, которое сопровождается определенным воздействием на биосферу, т.е. для этих явлений характерна цефализация человека. Изменения самого человека, как «живого вещества», обосновано В.И. Вернадским.

Цефализация человека как условие развития экосферы.

В контексте сказанного выше рассмотрим научные факты, характеризующие процесс цефализации человека, приведенные В.И. Вернадским. Понятие «цефализации» человека обосновано В.И.Вернадским на основе научного анализа трудов Д.Д. Дана (1813-1895 г.г) – минералога и биолога. В.И. Вернадский указывает, что «в явлении жизни я ввел вместо понятия «жизнь» понятие «живого вещества», сейчас, мне кажется, прочно утвердившееся в науке. Живое вещество есть совокупность живых организмов. Это не что иное, как научное, эмпирическое обоснование всем известных и легко наблюдаемых бесчисленных, эмпирически бесспорных фактов. ...В ходе геологического времени живое вещество изменяется морфологически согласно законам природы. История живого вещества в ходе времени выражается в медленном изменении форм жизни, форм живых организмов, генетически между собой непрерывно связанных, от одного поколения к другому, без перерыва» [1, с.170].

Следовательно, под влиянием времени происходят морфологические изменения живого вещества. А человек и есть живое вещество, которое также подвержено медленным изменениям его биологических, биохимических, биофизических свойств посредством мыслительной деятельности в интересах

совершенствования самой жизни. В этой связи В.И. Вернадский отмечает: «...эмпирическое обобщение показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении. Это явление было названо Дана “цефализацией”, Дана подобно Дарвину, пришел к этой мысли, к этому пониманию живой природы во время своего кругосветного путешествия» [1, с.171].

Следовательно, цефализация - это объективное, характерное явление в развитии человека, которое проявляется в результате медленного воздействия сил природы на морфологические изменения человека, через мыслительную деятельность, изменения самих способов жизнедеятельности при использовании сил природы, т.е. ее живого вещества: растений, животных, микроорганизмов, а также и косного вещества, т.е. окружающей среды: полезных ископаемых, почвы, воды, солнечной и ветровой энергии и других природных богатств. Живое вещество с помощью разума превращается в другие виды продуктов труда, которые потребляются человеком для поддержания его жизни, т.е. в виде продуктов питания, одежды, обуви, жилища, создания интерьера, духовного наслаждения и т.д. Приведенный анализ показывает, что деятельность человека сопровождается объединением разума и физической силы для создания материальных, интеллектуальных благ для продолжения жизни в настоящем и будущем времени. Окружение оболочки человека, т.е. его сферы, сопряжено с использованием живого вещества, его сохранения и приумножения в интересах развития будущих поколений. Таким образом, *экосфера* - это составная часть ноосферы, определяющая состояние человечества на соответствующем этапе его развития. Экосфера, как совокупность элементов, определяющих структуру человеческого сообщества, выражается состоянием психофизиологических проявлений человека в общей совокупности людей: в семье, трудовой деятельности, политике, во взаимном общении на уровне региона, территории, государства и т.п., так как его деятельность является определяющим фактором состояния биосферы. Об этом свидетельствуют неблагоприятные ситуации, возникающие между людьми при отставании разума человека от его действий, проявляющихся в виде таких негативных нравственных качеств, как грубость, хамство, невежество и т.п. Следовательно, цефализация человека проявляется как элемент, характеризующий экосферу человека на определенном этапе развития соответствующей эпохи, ибо экосфера есть процесс медленного морфологического превращения человека в более высокую степень ее выражения.

Социально-экономическое значение экосферы человека

Экосфера, как оболочка человеческого общества, имеет важное социально-экономическое, политическое и культурное значение в развитии современной техногенной цивилизации. Экосфера выражена биохимической, биофизической, биологической морфологией развития человеческого общества, обусловленного развитием высшей нервной системы – мозга, кровообращения, обмена и усвоения веществ человеческим организмом. Поскольку индивидуальные свойства человека неповторимы, т.е. они не тождественны в сравнении с другим индивидом, то его проявления характеризуются признаками проявления темперамента, а также свойствами характера человека, зависящего от

уровня воспитания, ибо темперамент выражает генетические свойства человека и не является результатом воспитательной функции окружающей его среды. В этой связи экосфера человека имеет различия в своем проявлении в общем контексте социального развития. Примером этому могут служить события, произошедшие в зале заседания Верховного Совета Украины 16 декабря 2010 года, когда разразился скандал среди отдельных групп депутатов с применением силовых приемов и соответствующих орудий, пущенных в ход при выяснении отношений между депутатами. Оценка же этих событий дана как безнравственная и определена привлечением к ответственности участников драки.

Из приведенного анализа видно, что экосфера человека имеет различия в разных сегментах социума. Следовательно, экосфера человека требует научного подхода к изучению проявляющихся противоречий в современном мире между индивидами, между политиками, государственными деятелями и всеми людьми, вовлеченными в геологическую фазу современного развития.

Структурные элементы, составляющие экосферу человека

Поскольку экосфера – это оболочка, окружающая человека, и к тому же она не видима, неосязаема, т.е. не ощутима, т.к. не имеет свойств материального выражения, состоящего из определенных свойств атома. Строение любого вещества характеризуется свойствами тела, существующего в пространстве. В этой связи различаются твердые, жидкие, газообразные тела. Тело человека и других живых веществ обладает особыми свойствами, обусловленными физиологией и анатомией его строения и действием солнечной энергии. Экосфера как оболочка тела проявляется у человека через его воздействие на окружающую среду посредством умственной и физической деятельности в процессе любого вида труда. Сочетание умственного и физического труда проявляется функционированием мысли человека. В этой связи В.И. Вернадский отмечает: «Здесь перед нами встала новая загадка, Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен» [1, с. 176]. Думается, что мысль – это проявление экосферы человека, т.е. действие его оболочки, как воздействующей на окружающую среду, и зависит она (мысль) от уровня воспитания, постепенного формирования чувственности, т.е. проявления души и духа. Следовательно, В.И.Вернадский был прав, что мысль не есть энергия. Экосфера человека как чувственное выражение формирует нравственность, как проявление психической деятельности, которая выражается темпераментом человека и его характером. «Темперамент в Павловском понимании, есть ни что иное, как наиболее общая характеристика высшей нервной деятельности» [3, с.157]. Однако наряду с темпераментом проявление чувственности зависит от способностей человека. Согласно исследованиям А.Г. Ковалева и В.Н. Мясничева «способность представляет собой выражение соответствия между требованиями деятельности и комплексом нервно-психических свойств человека, обеспечивающих высокую количественно-качественную продуктивность и рост его деятельности, которое проявляется в высокой быстро растущей (по сравнению со средним человеком) уме-

лости овладевать этой деятельностью и владеть ею» [4, с. 60]. Следовательно, способности - это комплекс врожденных и приобретенных свойств человека, обеспечивающих ему возможность проявлять себя в определенном виде деятельности: музыке, науке, искусстве, управлении, в быту, семье и т.д.

Проведенный анализ показывает, что экосфера человека проявляется через его темперамент и способности. Они (темперамент и способности) являются функцией экосферы человека. Темперамент как врожденное свойство характеризует человека в качестве: холерика, сангвинника, флегматика или меланхолика. Использование свойств темперамента в оценке экосферы человека применяется при его характеристике для выдвижения на какую-либо сферу жизни: учебу, трудоустройство, при оценке моральных и физических качеств для рационального использования как «живого вещества» в общественной среде. Способности характеризуют экосферу человека как потенциал, составляющий элемент производительной силы человека, возможностей его появления «как живого вещества» в жизненной ситуации.

Выводы.

Научный анализ особенностей проявления сущностных свойств человека в условиях современной техногенной цивилизации определяется состоянием экосферы.

Экосфера - это составляющая ноосферы, определяемая оболочкой жизненной среды, биосферы, обоснованной В.И. Вернадским как «оболочка, в которой могут происходить изменения, вызванные приходящим солнечным излучением» [1, с.161].

Ноосфера по определению В.И. Вернадского «... есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней, впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше».

Основываясь на исследованиях В.И. Вернадского, относительно ноосферы, как особой геологической среды, можно утверждать, что экосфера человека направлена на изучение роли человека в преобразовании биосферы в интересах рационального развития природы и общества.

Экосфера человека обусловлена необходимостью развития науки и знаний в области экономики, политики, культуры и здоровья человека в настоящем и будущем в целях сохранения жизни на Земле.

Экосфера человека, по нашему определению, - это совокупность взаимосвязанных друг с другом элементов, окружающих человека, а также отражающихся в процессе мышления. Мысли и действия человека направлены на принятие решений на разных уровнях отношений, как между людьми, так и с силами природы для рационального развития самого человека и общества в целом, на основе сочетания физических, нравственных и духовных сил проявления роли человека в обеспечении его жизнедеятельности.

тельности. Прежде чем принять решение, человек обращается к мысли с целью оценки качества решения и достижения заданной цели.

Экосфера человека проявляется в двух функциях: темперамента человека и способностях человека, проявляющихся в окружающей среде через его деятельность.

Литература

1. Биосфера. Мысли и наброски. Сборник научных работ В.И. Вернадского – М., Издательский Дом «Ноосфера», 2001. 244 с.

2. Малая Советская энциклопедия. Третье издание. Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия». Т.2. М., 1958.

3. Ковалев А.Г., В.Н. Мясичев. Психические особенности человека. Характер. Т.1. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1957. 262 с.

4. Ковалев А.Г., Мясичев В.Н. Психологические особенности человека. Способности. Т.2. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1960. 313 с.

Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УПРАВЛЯЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается проблема использования синергетического потенциала для разработки механизмов управляющего воздействия. Рассмотрены методологические возможности применения системно-синергетического метода в государственном управлении.

Ключевые слова. Система, синергетика, методология, управляющее воздействие, государственное управление.

The problem of synergetic potential of the developing of mechanisms of regulative action is analyzed at the article. The methodological features of the system-synergetic method in the science of public administration is investigated.

Keywords. System, synergethics, methodology, regulative action, public administration.

В современных исследованиях, посвященных изучению проблем государственного управления, становится заметным отставание теоретического осмысления объективных процессов от реальных проявлений социальной динамики. В решающей мере это связано с тем, что методология государственного управления еще не сформировалась как ядро познавательной системы. На этом фоне актуализируются исследования, направ-

ленные на поиск методологии, которая дает возможность адекватно реагировать на быстро меняющиеся условия социальной среды. Возникает потребность в качественно новом инструментарии, который дает возможность не только описывать управляющие воздействия, но и своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы. Современному исследователю необходимы новые типы категорий, которые помогают описать связи и отношения внутри системы государственного управления с целью наиболее эффективного влияния на процесс управляющего воздействия.

Анализ работ, посвященных методологическим проблемам государственного управления, позволяет утверждать, что одной из наиболее актуальных проблем в этой сфере исследований можно считать всесторонний анализ возможностей применения системно-синергетического подхода в теоретическом обосновании механизмов управляющего воздействия. При этом целесообразно использовать уже накопленный потенциал гуманитарных исследований, в которых успешно применяется системно-синергетический подход. В этой связи заслуживают внимания работы таких авторов, как Н.Белотелов, Ю.Бродский, В.Василькова, Ю.Павловский, В.Степин, Ю.Сурмин и др.

Целью данной статьи является раскрытие особенностей применения системно-синергетического подхода в государственном управлении.

В качестве отправной точки для исследования заявленной проблемы примем утверждение о том, что в современных исследованиях на методологическом уровне сложилась проблемная ситуация, которая выражается в несоответствии прежних методов познания новым явлениям в практике государственного управления.

В самом общем виде проблемная ситуация в методологическом смысле может быть охарактеризована как проявление противоречия между существующим старым знанием и вновь обнаруженными результатами теоретического или эмпирического исследования [8, с. 40]. В результате прежние методы оказываются неспособными объяснить новые тенденции и факты.

Для исследования проблемы, вынесенной в заглавие статьи, обратимся к введенным Т. Куном [2] представлениям об аномальных фактах, обнаруживающихся в рамках определенной парадигмы, с которой работает наука. Под парадигмой, вслед за Т. Куном, мы будем понимать “признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений” [2, с. 17].

Первоначально аномалии устраняются путем модификации парадигмы. Однако когда количество аномальных фактов непрерывно возрастает и они становятся необъяснимыми в рамках прежней парадигмы, тогда, указывает Т. Кун, аномалия “оказывается чем-то большим, нежели еще одной головоломкой науки, начинается переход к кризисному состоянию, к периоду экстраординарной науки” [2, с. 113].

В современных исследованиях в сфере государственного управления кризисное состояние методологии на наш взгляд, можно объяснить тем, что чаще всего в качестве методологического основания в исследованиях используют системный подход. Однако невзирая на многолетние исследования, системная методология остается недостаточно определенной.

Основной причиной этого является упрощенное понимание системного подхода. Второе обстоятельство связано с проблемами, которые возникли при использовании системного метода для концептуального анализа социальных процессов в обществах переходного типа. Заимствование этого метода, перенесение на отечественную почву и адаптация к местным условиям способствовали формированию механического видения системы и искажению системной методологии. В результате система начала рассматриваться как завершенное состояние, хотя в действительности она чаще всего является переходом от одного состояния к другому. Кроме того, переходные типы обществ возникли раньше, чем переходная методология, что привело к кризису метафизического понимания системности. Особенно преломление сказанного выше относится к сфере управляющего воздействия, которая по сути своей отражает подвижный характер состояния системы государственного управления.

Система — слово греческое, буквально означает “целое, составленное из частей” [8, с. 3]. В другом значении — “порядок, определенный правильным расположением частей и их взаимосвязями” [8, с. 3].

Для системного метода характерно целостное рассмотрение определенной совокупности объектов — материальных или идеальных — при котором выясняется, что их *взаимосвязь* и *взаимодействие* приводят к возникновению *новых интегративных свойств системы*, которые отсутствуют у составляющих ее объектов [6, с. 276].

При этом система представляет собой абстрактную схему в виде множества конкретных элементов (или их абстрактных представителей с определенным числом и видом отношений между этими элементами — структурой системы). Важно подчеркнуть, что любой предмет сам по себе системой не является, системой его делает наше моделирование в качестве такового [3, с. 251].

Термин “*системный подход*” содержательно отражает группу методов, с помощью которых реальный объект описывается как *совокупность взаимодействующих элементов*. Эти методы развиваются в рамках отдельных научных дисциплин и общенаучных концепций, являясь результатом междисциплинарного синтеза [8, с. 3].

В каждом конкретном случае для характеристики системы необходимо выявить *механизм*, с помощью которого осуществляется взаимодействие между элементами системы. Системный подход предполагает анализ как системы в целом, так и подсистем, из которых она состоит. В этом случае одной из версий системного подхода можно считать структурный функционализм, основателем которого является американский теоретик Т. Парсонс [4]. Согласно Т. Парсонсу, общество можно рассматривать как

систему, состоящую из различных подсистем, каждая из которых выполняет свою, отличную от других функцию. Выполнение этих функций каждой подсистемой обеспечивает функционирование других подсистем, благодаря чему достигается эффект когерентности и система в целом функционирует в соответствии с изначально заданными параметрами. При этом главным отправным пунктом является понятие социальных систем действия. Имеется в виду, что взаимодействие индивидов происходит таким образом, что этот процесс взаимодействия можно рассматривать как систему в научном смысле и подвергать ее теоретическому анализу, успешно примененному к различным типам систем в других науках [4, с. 448].

Применительно к системе государственного управления данные положения могут иметь следующее преломление: общество по отношению к человеку, выполняющему функции управляющего воздействия, выполняет ряд мировоззренческих и ценностно-регулятивных функций, которые тесно связаны между собой. Обратное влияние может выглядеть следующим образом: изменения в мировоззрении государственного служащего, выражающиеся в формировании общественного самосознания, могут привести к изменениям в сфере государственного управления, что, соответственно, может уравнивать общественную систему, или, наоборот, - дестабилизировать ее в результате функциональных взаимозависимостей подсистем, выражающихся во взаимодействиях индивидов внутри системы госслужбы.

Возвращаясь к рассмотрению методологических возможностей структурного функционализма, подчеркнем, что подсистемы встречаются в *иерархически организованных системах*. Связь и взаимодействие элементов таких систем обеспечивается *структурой системы*. В свою очередь, структура социальной системы рассматривается в контексте функционального измерения подсистем, что и позволило Парсонсу использовать для нового теоретического направления, основанного им, название “структурный функционализм”.

Исследователи, работающие в рамках системного подхода, выделяют разные типы систем. Для нашего исследования целесообразно рассмотреть два типа — *сложные* и *сверхсложные системы*. По мнению С. Лебедева, для сложной системы характерны следующие свойства:

1. Система состоит из достаточно большого количества элементов и/или свойств, связей и отношений.
2. Структура и поведение системы не могут быть описаны имеющимися средствами полностью и/или однозначно.
3. Изменения в системе не могут быть описаны линейными математическими уравнениями [3, с. 251].

Наличие первого признака характерно для онтологически сложных систем, к числу которых относят системы, имеющие либо *сетевую структуру*, либо *уровневую организацию*, или состоящие из огромного числа элементов [3, с. 251–252].

Существуют также *сверхсложные системы*, которые состоят из нескольких сложных систем и обладают высокой степенью организованности и самоуправления. К числу сверхсложных систем исследователи относят биосферу, общество, государство, национальные и мировые экономики, культуру и т. п. [3, с. 249]. Все сверхсложные системы функционируют по своим собственным внутренним законам, обладают большим запасом энергии и способностью к эволюции.

Применение системного метода к исследованию управляющего воздействия государства позволяет наиболее продуктивно использовать возможности абстрактного мышления. Это связано с тем, что объект исследования с самого начала строится как системный, причем “системность этого объекта не дана исследователю изначально, а задается в ходе его методолого-теоретического конструирования” [8, с. 21]. Рассуждая в этом направлении вслед за Э. Юдиным, подчеркнем, что государственному служащему в его работе необходим не столько какой-либо развернутый вариант общей теории систем, сколько методологическое осмысление принципов, на основе которых конструируется, задается объект его деятельности [8, с. 21–22]. Таким образом, в контексте исследований управляющего воздействия государства становятся возможными переосмысление и конкретизация методологического содержания таких понятий системного подхода, как “связь”, “организация”, “целостность” [8, с. 22].

Одним из качественных свойств как сложных, так и сверхсложных систем является *синергия*, или согласованное действие, совпадение, содействие, что может выступать одним из источников и причин их самоорганизации [4, с. 250]. Термин «синергетика» впервые был использован Германом Хакеном, который вкладывал в него два смысла. Первый – теория возникновения новых свойств у целого, состоящего из взаимодействующих объектов. Второй – подход, требующий для своей разработки сотрудничества специалистов из разных областей [1, с. 6].

Как подчеркивает Г.Г. Малинецкий, синергетика прошла большой путь. Тридцать лет назад на нее смотрели как на забаву физиков-теоретиков, увидевших сходство в описании многих нелинейных явлений. Двадцать лет назад, благодаря ее концепциям, методам, представлениям, были экспериментально обнаружены многие замечательные явления в физике, химии, биологии и гидродинамике. Сейчас этот междисциплинарный подход все шире используется в стратегическом планировании, при анализе стратегических альтернатив, в поиске путей решения глобальных проблем, вставших перед человечеством [1, с. 6].

Согласно рассуждениям одного из основателей синергетического подхода И. Пригожина, неравновесная система может спонтанно эволюционировать к состоянию высшей сложности [5, с. 217]. Это явление возникает в результате неравновесных процессов и не может быть достигнуто в равновесном состоянии. Пригожин утверждал: “Вблизи равновесия законы природы универсальны, но вдали от равновесия законы природы начинают зависеть от механизма. Вдали от равновесия, где флуктуации и нестабиль-

ность становятся нормой, вещество приобретает новые свойства” [5, с. 218].

Подводя итог сказанному, отметим, что системно-синергетический подход целесообразно использовать как методологическое основание для анализа развития сетевых взаимодействий в системе государственного управления, которые по своей сути являются отражением нелинейных процессов в пространстве самоорганизации общества.

Кроме того, данный методологический подход позволяет проследить, как изменяется соотношение между организацией и самоорганизацией в сфере государственного управления, благодаря чему становится возможным объединение методологии научного познания с методологией практического управления со стороны государства и гражданского общества.

Литература

1. Белотелов Н.В., Бродский Ю.И., Павловский Ю.Н. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследования исторических, военных, социально-экономических и политических процессов / Предисл. Г.Г.Малинецкого. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 320 с.
2. Кун Т. Структура научных революций / Томас Кун. — М. : ООО “Издательство АСТ”, 2003. — 605 с.
3. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории): научное издание / С. А. Лебедев. — М. : Академический Проект, 2008. — 692 с. Рузавин Г. И. Методология научного исследования : учеб. пособие для вузов / Рузавин Г. И. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. — 317 с.
4. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Талкотт Парсонс // Американская социологическая мысль: Тексты — М. : Изд-во МГУ, 1994. — С. 448—464.
5. Пригожин И. Время — всего лишь иллюзия? / И. Пригожин // Философия, наука, цивилизация / [под ред. В.В.Казютинского]. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — С. 214—221.
6. Рузавин Г. И. Методология научного исследования : учеб. пособие для вузов / Рузавин Г. И. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. — 317 с.
7. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие / Сурмин Ю. П. — К. : МАУП, 2003. — 368 с.
8. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Юдин Э. Г. — М. : Эдиториал УРСС, 1997. — 444 с.

Сенюшкина Т.А.

ТРАДИЦИЯ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

Анализируется роль традиции в формировании коллективных ценностей поколений. Рассматривается феномен конфликта поколений в современном обществе и способы его преодоления.

Ключевые слова: культура, традиция, конфликт поколений, коллективная память, социальное время.

The role of tradition in the formation of collective values of generations is analysed also as phenomenon of conflict of generations in modern society and mechanisms of its settlement.

Keywords: culture, tradition, conflict of generations, collective memory, social time.

В условиях стремительного развития информационного общества и глобализации культурного пространства обостряются противоречия между традиционной и современной культурой. Эти противоречия находят своё специфическое преломление в конфликте поколений, который проявляется в разном ощущении пространства и времени основных возрастных групп – молодёжи, людей среднего возраста и пожилого населения.

Одним из факторов, формирующих конфликт поколений в современном глобализирующемся обществе, является утрата актуальности и размывание смыслов и ценностей, транслируемых через каналы традиционной культуры. Молодое поколение более, чем представители старших возрастных групп, включены в унифицированный глобальный стандарт образа жизни, актуализация которого происходит, начиная с раннего детского возраста, при помощи мультфильмов и компьютерных игр, а также воздействия средств массовой информации, пропагандирующих ценности потребительского общества.

Особенности этих процессов в России обусловлены влиянием кардинальных изменений в политической, экономической и социально-культурной сферах, которые были начаты 20 лет назад, когда произошёл распад СССР и начался переход к новой форме экономического уклада [4, p.170].

Переход к рыночной экономике привёл к качественному изменению политических и социальных процессов, а также повлиял на изменения в системе ценностей нескольких поколений. На смену коллективным формам общественного сознания, которые культивировались в процессе развития социалистической общественной системы, пришла новая форма ценностной иерархии, характерная для капиталистического общества и ориентированная на индивидуализм, материальное благополучие и получение прибыли в условиях рыночных отношений. При этом ныне живущие поколения оказались в разной степени включёнными в новую систему ценностей. Наиболее болезненно адаптация к новым социальным условиям произошла у людей старшего и среднего возраста. В то же время, молодые поколения, социализация которых происхо-

дила уже в период перехода от социализма к капитализму, наиболее органично вписались в новую модель экономических и политических отношений.

Ощущение социального пространства и исторического времени, которое специфично для каждого из ныне живущих поколений, имеет своеобразную рефлексию в коллективной памяти. Актуальность проблемы коллективной памяти разных поколений обусловлена тремя важными тенденциями, характерными для современного этапа развития российского общества:

1). Возрастающей ориентацией всех сфер жизни на быстрые и радикальные социальные изменения;

2). Спецификой современного контекста взаимоотношений прошлое-настоящее-будущее;

3). Изменениями в возрастном составе общества, обусловленными, с одной стороны, общемировыми тенденциями, с другой – последствиями непродуманных и стихийных реформ в экономической и социальной сфере, которые осуществлялись в начале 90-х гг. XX в.

В начале XXI века социологи зафиксировали новый феномен – разрыв между поколениями. Исследования, которые проводились в разных странах, показали, что разные поколения живут сегодня в разном измерении пространства и времени. Говоря о конфликте поколений в современном обществе, следует обратить внимание на разный жизненный опыт поколений, вступивших в XXI век с разным культурно-символическим пространством коллективной памяти [3, p.229].

Специфика современного конфликта поколений заключается в том, что он теряет традиционную конфигурацию противостояния отцов и детей с разрывом в длину поколения. Конфликт поколений сегодня происходит не по оси юношество-взрослые, но принимает более сложную форму: юношество-средний возраст - пожилые, в результате чего участниками конфликта становятся несколько возрастных групп. Кроме того, результаты социологических исследований последних лет выявили феномен так называемой «удлиняющейся молодости», который проявляется в более позднем переходе к активной социальной самореализации. Постепенно удлиняется и продолжительность социально активного возраста в старшей возрастной группе.

Оценивая уровень развития конфликта поколений, сегодня следует говорить о разном измерении стратификации жизненного опыта, которое характерно для основных возрастных групп. Специфика жизненного опыта формирует особенности ценностных установок, а это, в свою очередь, определяет особенности жизненной стратегии и её проекции на будущее.

В коллективном сознании ныне живущих поколений фиксируются наиболее важные события истории, которые не пересекаются в общем аксиологическом пространстве: Вторая мировая война, послевоенные годы и последовавшая за ними холодная война, Горбачёвская перестройка и крушение Берлинской стены, Чернобыль, распад СССР и крушение биполярного мира, становление российского государства.

Таким образом, кардинальные социальные изменения, произошедшие за сравнительно небольшой исторический промежуток, поставили научное сооб-

щество перед фактом осмысления проблемы коллективной памяти и её рефлексии на тему разрыва поколений. Это проблемное поле нацеливает на исследование аксиологической специфики отношений между поколениями, а также таких вопросов, как исторические разрывы социального времени и проблемы коллективной памяти. Для российского общества с его высокой степенью этнокультурного разнообразия и противоречивости процесса самоидентификации проблема коллективной памяти поколений может быть осмыслена также в контексте межрегионального взаимодействия, имеющего культурно-историческое измерение.

Осмысление изменений в системе ценностей разных поколений в переломные периоды актуализирует изучение механизмов как передачи, так и утраты, или размывания культурных кодов, заложенных в традиционной культуре.

Согласно Ю.М.Лотману, в переломные моменты истории, когда «новые ценности» только формируются, и не являются устоявшимися социальными смыслами, человек инстинктивно обращается к своим «корням», что и является источником традиционализма в современном обществе. При этом движение «вперёд» к будущему и «назад» к прошлому может происходить одновременно [1].

Обращение к тексту, зафиксированному письменной традицией, также как к знакам и символам, содержащимся в устных традициях, позволяют сегодня разным поколениям понимать друг друга, так как в этом случае они погружаются в единое пространство мыслей, чувств и желаний, которые находят свою оболочку в языке. При этом человек должен быть способен расшифровывать знаки, заложенные в традиционной культуре. В этом смысле можно утверждать, что знание культурного кода помогает человеку ориентироваться в пространстве традиционной культуры, формируя своё собственное мировоззрение и систему ценностей.

Коллективное ощущение пространства и времени, заложенное в традициях, в этом случае приобретает особое значение, так как фиксирует и сохраняет идеи, установки, ценности и нормы, зафиксированные в коллективной памяти. По мнению Ю.М.Лотмана, культура, прежде всего, — *понятие коллективное*. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное. Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией. Из этого вытекает, что культура есть *форма общения* между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются [1, с.5].

В этом случае культурно-символическое пространство, зафиксированное в традициях, может быть рассмотрено в качестве информационной среды, которая содержит актуальную для человека информацию, как из прошлого, так и из настоящего, а также имеет личностную проекцию на будущее.

Так как традиция направлена на самосохранение народа, а прошлое является для настоящего и будущего источником мудрости, обращение к традици-

ям и их популяризация означает сегодня движение общества к самосохранению при помощи «припоминания» и актуализации ценностей, заложенных в традиционной культуре и трансляции их из поколения в поколение.

Литература

1. Лотман М.Ю. Беседы о русской культуре. СПб. «Искусство-СПБ», 1994. 670 с.
2. Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. 544 с.
3. Selnes K., Senyushkina T. Identity and Collective memory / Ed. by Kjartan Selnes and Tatiana Senyushkina. Oslo: Norway humanist association, 2013. 283 p.
4. Senyushkina T. The Politics of Memory and the Conflict of Generations // New Opportunities and Impasses: Theorizing and Experiencing Politics / Ed. by E. Zeynep Guler. Istanbul: DACAM Publishing, 2014. P. 170-176.

Снежкова И.А.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР «РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОИНСТВА»

В статье анализируется формирование политического фольклора как одного из аспектов проявления феномена «цветной революции». Раскрывается смысл понятия «цветная революция», формулируется целевое назначение «цветных» революций в реализации внешнеполитических интересов США. Выявляются основные компоненты и проявления политического фольклора протестного движения, связанного с так называемой «революцией достоинства» 2013–2014 гг. на Украине, воссоединением Крыма с Россией, событиями на Юго-Востоке Украины.

Ключевые слова: «цветная революция», политический фольклор, язык вражды, языковая игра.

The article analyzes the formation of a political folklore as one of the aspects of the manifestations of the phenomenon of “color revolution”. Reveals the meaning of the concept of “color revolution”, is stated purpose of the “color revolutions” in the implementation of foreign-policy interests of the United States of America. Singles out the main components and manifestations of political folklore of the protest movement, associated with the so-called “revolution of dignity” of 2013–2014 in Ukraine, the reuniting of Crimea with Russia, the events in the South-East of Ukraine.

Keywords: “color revolution”, political folklore, hate speech, language game.

«Цветные революции» — собирательное понятие, применяемое для обозначения революций, а также некоторых широко известных массовых ненасильственных акций протеста, имевших место в конце XX и начале XXI века. В результате «цветных революций» произошла смена власти в ряде постсоциалистических стран (на территории бывшего СССР и Восточной Европы) и

стран арабского мира. Считается, что идейным отцом «цветных революций» является Джин Шарп, который описал технологию бескровной смены недемократических, с точки зрения США, режимов [Шарп, 1993]. Он сформулировал и систематизировал 198 методов ненасильственных действий, к которым относил публичные выступления, бойкот и осаду правительственных учреждений, использование лозунгов, карикатур, плакатов листовок, зажигание огней (факельные шествия, свечи), демонстративные похороны, публичные молитвы и богослужения, насмешки над официальными лицами, игнорирование выборов и многое другое. Все то, что в изобилии мы могли наблюдать на Майдане.

Смена режимов или фундаментальная коррекция политического курса государств с помощью «цветных революций» рассматривается политологами как стратегический курс США, нашедший особенно широкое применение в период распада СССР и в последующие годы. При этом США, пользуясь своим положением лидера в однополярном мире, не принимают во внимание долговременные интересы и культурные традиции народов самих государств, а руководствуются желанием вписать возникающие политические режимы в глобальную структуру американских интересов. К цветным революциям можно отнести «Бульдозерную революцию» в Югославии 2000 г., «Революцию роз» в Грузии в 2003 г., «Оранжевую революцию» в Украине в 2004 г., «Тюльпанную революцию» в Киргизии в 2005 г., «Революцию кедров» в Тунисе в 2005 г., попытку «Васильковой революции» в Белоруссии и попытку «Белой революции» в России в 2011–2012 гг., «Революцию достоинства» в Украине 2013–2014 гг.

В последнее время ученые различных общественных дисциплин (политологи, историки, этнологи, филологи) изучают разные аспекты цветных революций: методы, способы, причины и следствия, национальную и региональную специфику цветных революций [Снежкова, 2007], разновидности уличных акций [Громов, 2012].

Задачей нашего исследования было изучение политического фольклора протестного движения, связанного с так называемой «Революцией достоинства» произошедшей в Киеве на Майдане 2013-2014г, а также исследование интернет материалов, посвященных присоединению Крыма к России и событиям на Юго-Востоке Украины.

К политическому фольклору можно отнести формы и проекции индивидуального и коллективного творчества – песни, стихи, частушки, анекдоты, словесные каламбуры, речевки, пословицы, поговорки, клички, содержание плакатов, лозунгов, рисунков. В последнее время для определения вышесказанного появилось в западной литературе понятие «мемы». Анализируя политический фольклор параллельно приходится сталкиваться с двумя научными понятиями, именуемыми как «язык вражды» и «язык игры».

Язык вражды – обобщённое обозначение языковых средств выражения резко отрицательного отношения «оппонентов» - носителей иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей. Это явление может выступать как форма проявления расизма, ксенофобии, межнациональной вражды. Один из составляющих ком-

понентов языка вражды являются этнофоллизмы, которые включают в себя негативно коннотированные наименования представителей различных этносов и социальных сообществ.

Языковая игра – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя (читателя) эмоциональный эффект. Часто языковая игра связана с употреблением завуалированной или явной obscene (ненормативной) лексики, что является средством снятия напряжения участников противостояния.

Протестные акции, проводившиеся на Майдане или Площади независимости в Киеве соответствуют инструкции Дж. Шарпа о необходимости выбора удачной площадки для массовых мероприятий. Четырежды это место использовалось для протестных движений (при Л. Кравчуке в 1990 г., Л. Кучме в 2000–2001 гг., во время Оранжевой революции 2004–2005 гг. и Революции достоинства 2013–2014 гг.). Если первые три Майдана носили мирный характер, последний сопровождался массовыми насильственными действиями.

Участники Майдана 2013–2014 гг. первоначально принимали участие в публичных выступлениях, критиковавших старых политических лидеров, выкрикивали речевки, рисовали карикатуры на прежнюю власть. Однако вскоре они перешли к штурму зданий, сооружению баррикад из автомобильных шин и открытому противостоянию с силами правопорядка.

Интересна судьба самого слова «Майдан», которое первоначально употреблялось в положительном смысле. Однако по мере накопления усталости, военных действий, груд мусора, появилось его отрицательное значение и людей находившихся на нем. Их стали называть «майдауны», «майданутые». У молодежи Украины сформировался целый словарь сленговых выражений, на основе этого слова: «майдануться» – сойти с ума, стать безумцем; «майданутый» – неадекватный человек; «намайданиться» - наестся и напиться на халыву; «домайданиться» - доиграться; «помайданить» - потусоваться.

Богатая фантазия майдановцев проявилась в изобретении многочисленных названий стран и народов, которые в языкознании можно отнести к каламбурам, этнофоллизмам и пейоративам, меняющим в сторону ухудшения само понятие, но добавляющее ему юмора. Одни из них основывались на старых этнографических определениях – Хохляндия (от украинского чуба), Кацапия (от козлиной бороды), которые давно употребляются не только как жаргонные выражения, но почитаемы в художественной литературе. Для обозначения современных украинцев появились два сокращения – относительно нейтральное «укры» (якобы от имени некоего мифического славянского племени, которое придумали создатели исторических мифов) и ироническое «укропы» (лексическая игра здесь в том, что в единственном числе это слово обозначает популярную траву-приправу, но множественного числа в этом значении оно не имеет).

Также появилось много новых выражений в определении народов и стран, связанных с употреблением английских, азиатских африканских окончаний: для Украины - «Бандерстан» (от Бандеры), «Бьдлостан», «Бандерлоги» (Киплинг «Маугли»), «Даунбас», «Думбabwe», «Луганда»; для России - «Рашка», «Параша», «Раися», «РоССия» (намеренно выделено СС), «Российская Педерация», «Кацапландия», «Кацапстан», «Москвabad» [Лисюк, 2015].

Для жителей Донбасса и России украинцы придумали обобщающее слово – «ватник» ассоциирующееся с некультурным и не слишком образованным человеком. От этого слова появилось много производных – «ватонаселение», «ваатоополченцы», «ваатоцефал», «ваатодебил», «киловатник», «военно-ватный коммунизм», «вышиватник» (вышиванка плюс ватник).

Другое слово, используемое украинцами по отношению к людям, воюющим на стороне Донбасса и носящих георгиевскую ленточку как символ победы – это «колорады» (идушее от окраса колорадского жука-вредителя). Со стороны жителей Восточной Украины возникла защитная реакция георгиевской ленточки, символом которой вместо колорадского жуков стало изображение тигра соответствующего окраса. В России популярным стало склеенное слово «Крымнаш», появившееся после мартовского референдума о присоединении Крыма к России. В свою очередь, в Украине иронически называли сторонников присоединения «крымнаши» или «крымнашист» (от фашист) или «намкрыш», «вамКрымшка». От этого существительного произошли прилагательные и глаголы как отражение крымских реалий – «окрымление», «открымление», «открымиться», «крыманутый», «скрымздить». А также, так называемые паронимы – «экскрымент», «крыминал», «крымация», «Великий Крымчий» (кормчий) и др.

Досталось в народном творчестве Майдана и в интернет пространстве Европейскому и Таможенному союзам. Европейский союз именовался как «Евросодом», а Таможенный союз – «Таежный союз» и «Мутный союз», т.к. по-украински он произносится как Митний союз.

Не были обойдены вниманием различные политические партии и объединения. Так, Блок Петра Порошенко народная фантазия переделала в «Бак Петра Порошенко»; Народный фронт А. Яценюка в «Народный финт»; Партия Самопомощь – «Садопомощь» и «Самонемочь». Представителей организации «Правый сектор», стали пренебрежительно (во многом из-за слегка «непристойного» звучания) именовать «правосеками». Коммунистическую партию называли «коммуноупирятник» (от упертый) или несколько неприлично – «коммунопедератник». Партия регионов ПР называли «Партией рецидивистов, рэкетиров, рейдеров, Партией России». Представителя партии – регионала переименовали в «регианала».

Органы власти также получили свои специфические названия. Верховная Рада - «Верховна Зрада» (предательница укр.) в Украине. Государственная Дума - «Государственная Дура» в России. Президент - «пересидент», правоохранительные органы – «правоохоронци» - «правопохоронци». Демократия - «дерьмократия». Депутат – «дупутат» (дупа – заднее место по-украински).

Прозвища политиков – это широкое поле для творчества и изучения. Клички обычно основываются на сходстве с именем, фамилией, внешностью обладателя, меняются в зависимости от его поступков, зависят от рода деятельности или каких-либо высказываний человека.

Порошенко – «Порох», «Шоколадный заяц», «Шоколадный король», после АТО (антитеррористической операции) – «Потрошенко», в последнее время «Попрощенко».

Турчинов – «Пастор», «Баптист», после АТО – «Группчинов», «Турчина-тор».

Тимошенко – «Гимоха», «Гюлька», «Женщина с косой», «леди Ю».

Яценюк - «Яйценюк(х)», «Цуценюк», «Кролик» (из-за прикуса), «Ку-лявлоб».

Янукович – «Ян», «Янек», «Профессор» (делал ошибки в орфографии), «Ялинович» (ялинка – елка укр.), «ЯнукОвоч» – (овоч – овощ по-укр.), «Янучешку» (Чеучешку), «Янучар», «Янукрович», «Януковище».

Путин – «Путлер» (Путин и Гитлер), «Путяра», «Хутлер», «Пу», «Пуця», путиноид.

Когда задаешься вопросом, почему так популярны в протестном творчестве Майдана проявления языковой игры, приходит на ум предположение о психотерапевтической роли словесных каламбуров. Через юмор, шутки, коверканье слов, преувеличения, карикатурность ситуаций у людей снимается стресс, который они испытывают уже больше года.

Изучение политического фольклора представляется также важным, потому что в нем отражаются с одной стороны методы и способы использования инструкций по проведению массовых акций, с другой стороны присутствует творчество народных масс, которое развивается самостоятельно. Наблюдая за протестными акциями в Украине и в России с различной идеологической окраской (проправительственные и оппозиционные), видно как одни и те же приемы, шутки, карикатуры, лозунги кочуют из одного мероприятия в другое, меняя лишь политические акценты и политических лидеров.

Литература

1. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Ин-т А. Эйнштейна, 1993. 72 с.
2. Снежкова И.А. Антинатовские протесты феодосийцев. Весна-лето 2006 // Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия. Сборник статей / под ред. И.А. Снежковой. М.: Изд-во РУДН, 2007.
3. Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 276-298.
4. Громов Д.В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России. М.: ИЭА РАН, 2012. 471 с.
5. Лисюк Н. Мовні війни 2014 // Народна творчість та етнографія. Київ, 2015. № 1. С. 23-31.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНДИВИДА В УСЛОВИЯХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

В статье определяются мировоззренческие детерминанты межконфессиональной конфликтности. Формулируются корреляционные аспекты философского содержания понятий “ответственность” и “индивид” в формировании деструктивных и конструктивных аспектов религиозной идентичности и активности.

Ключевые слова: ответственность, индивид, межконфессиональный конфликт.

The article determines the worldview determinants of inter-confessional conflicts. Formulated correlation aspects of the philosophical content of the concepts of “responsibility” and “indivd” in the formation of destructive and constructive aspects of religious identity and activity.

Keywords: responsibility, individual, inter-confessional conflict.

Анализ любой философской проблемы ставит одной из главных задач дешифровку каждого понятия, заявленного в теме исследования. Задача данной статьи – попытка предложить глубинный смысл, а не вольную интерпретацию, ключевых понятий исследования: ответственность, индивид, межконфессиональный конфликт, используя авторитетные источники.

Актуальность темы вызвана одновременным появлением массы вооружённых локальных конфликтов на почве религиозного и мировоззренческого разлада. Роль ответственности индивида в обществе трудно переоценить. Безответственность и рассогласованность действий огромного количества людей, в том числе руководителей конфессиональных общин, становятся нормой современной повседневности. Проблема усугубляется тем, что упорствуя в лишь собственной религиозной правоте, люди перестают слышать друг друга. Дефицит толерантности в конфессиональном сообществе сопровождается утратой рационального чувства, которое бы способствовало осознанию всеобщей взаимосвязи явлений.

В целом, наблюдается картина мира, где зачастую нарушаются принципы социальной иерархии, целесообразности, кооперации, согласованности и соизмеримости. Именно корреляция выше приведённых механизмов – залог успешной работы любой системы. Кроме того, межконфессиональная агрессия и разрозненность общества формирует мозаичные представления человека. Последний является малой частью и зеркальным отражением современного человечества. В результате, вместо целостного мировоззрения индивид обладает сознанием, не готовым синтезировать причинно-следственные связи, а значит и не дееспособным. В данной ситуации, каждый территориально удалённый военный конфликт мыслится людьми, мирно живущими, как нечто, не имеющее к ним отношения. Такая позиция безответственна, ограничена, а, значит и обречена.

Противодействие нормам ответственности, так же как и правилам нравственности, априори ущербно, поскольку ответственность и безопасность – грани единого явления – человечества. «То обстоятельство, что любой предмет, вещь, явление имеет много сторон, граней, аспектов и т.д., давно известно как в обыденной практике людей, так и в научном познании» [2, с. 31].

Здравый смысл не сталкивается «лбом» с интуицией, он лишь корректируется и дополняется иррациональными чувствами (симпатии – антипатии), продолжая руководить действиями индивида. Человек, т.е. индивид, был центральной фигурой в самых разных парадигмах мышления, а также остаётся главным звеном в иерархической цепи, которую представляет собой социум. Необходимо учитывать, многомерность индивида и интервальность социокультурной реальности. «Мир обнаруживает ячеистую, интервальную структуру, распадаясь на иерархизированное множество отдельных реалий, актуальных и возможных миров» [2, с. 30].

Индивид в философии определялся неоднозначно: то, как инструмент познания, то, напротив, как творец искусства, науки и религии, оставаясь неизменным субъектом истории. «Я думаю, вряд ли у мыслящего существа бывает более великая минута, чем та, когда с глаз его спадает пелена и открывается, что он не затерянная в космическом безмолвии частица, а пункт сосредоточения и гоминизации универсального стремления к жизни» [3, с. 40].

Актуальность ответственности чрезвычайна, поскольку современное общество с его либерально-демократическими установками предлагает индивиду широкий спектр форм (церковь, йога, секты и пр.) для реализации его трансцендентных интенций – духовного потенциала и стремлением к самосовершенствованию. Как известно, чем разнообразнее выбор, тем сложнее определиться с насущной необходимостью и полезностью искомого объекта (цели). Так же дело обстоит с избранием религии или общественной организации, некоего общества с мировоззренческой направленностью в качестве оплота для восстановления душевного равновесия, утраченного в пространстве повседневности.

Проблема поиска религиозного пути – одна из вечных философских тем. Религиозное учреждение, как правило, должно соответствовать индивидуальным запросам и особенным ожиданиям индивида, удовлетворять его потребность в эскапизме. Бывают и другие предпосылки для повторного рождения человека, т.е. возникновение религиозно-философской рефлексии. Пограничные ситуации, стресс или серьёзное разочарование могут послужить одними из факторов, ведущих индивида к качественно новому образу жизни. К. Ясперс точно описал состояние индивидуума, стоящего в начале духовного пути: «Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира... Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление». [4, с. 33]

Человеческая духовная активность во все времена была направлена на преобразование социальной действительности, поэтому заботясь о состоянии

своей среды обитания, индивиду крайне важно действовать согласно принципу ответственности. Во многих конфессиях различны не только представления об идеальном обществе, но и загробной жизни, принимая порой самые причудливые формы, ярким примером является описание рая в исламской традиции. На этой почве также часто возникает конфликт мировоззрений и представлений.

Очевидна двойственность любой современной общины, которая также порождает ряд межконфессиональных противоречий, к примеру, РПЦ (Русская Православная Церковь). Эксплицитно соблюдаются правила толерантности и хорошего тона, имплицитно присутствуют неприятие и даже агрессивный настрой по отношению к другим конфессиям-конкурентам. Это выражается, в частности, в том, что все неправославные христиане именуются представителями РПЦ как секты.

Если разобраться в этимологии данного термина – секта, то он переводится безобидно, это означает лишь «часть», видимо, по отношению к чему-то большому и целостному. Вроде бы ничего криминального, хотя присваивая такой ярлык всем не православным общинам, РПЦ, и скорее всего, умышленно, совершает семантическую подмену данного понятия. В массовом сознании обывателя при произношении слова «секта» срабатывает рефлекс защиты и отталкивания. Секта ассоциируется с рядом негативных концептов, таких как: ложь, псевдоучение, манипуляция. РПЦ навешивает подобные ярлыки всем организациям, чьи цели далеки от истины (по мнению РПЦ), тем самым РПЦ относит себя к единственному подлинному вероучению.

Здоровый дух или атмосфера соперничества, в данном случае, является всё же «меньшей из зол», следуя логике, взятой из всеми любимой поговорки. Выражение лучше «худой мир, чем добрая война» точно соответствует мировоззренческой позиции РПЦ и её социального поведения, направленного на уничтожение других религиозных обществ. Деятельность РПЦ в современном отечественном пространстве является монопольной. Однако, следуя принципу: «кто не с нами, тот против нас» руководство и члены конфессиональных групп демонстрируют абсолютную безответственность по отношению к мирному развитию всего человечества.

Сложность устройства религиозных обществ объясняется лишь многомерностью самого феномена индивида. Исследование процессов объединения людей, или, напротив, условий возникновения конфликтов представляется возможным лишь с помощью многомерной метрики. «Результаты исследования того или иного сложного объекта адекватно отображаются лишь средствами многомерного концептуального пространства, способного выразить не только два, но и больше аспектов, измерений познаваемого целого» [2, с. 30].

Современные противоречивые взгляды на универсальные, казалось бы, единые по смыслу, высшие религиозные ценности и идеалы обостряются часто искусственным способом, например, посредством интернет ресурсов. «Киберкультура как сегмент информационной среды является сложнейшим и многомерным явлением. Эволюция киберкультуры и её эффекты плохо предсказуемы» [1, с. 312].

Истинно, живя по сердцу, индивид исполняет своё главное предназначение – служит эволюции космоса, это соответствует аутентичному имени «чело-век», что означает «дух, приходящий веками». Дух есть нерушимое и вечное семя космической жизни. Микрокосм человека, ведущего праведную и гармоничную жизнь, отражает беспредельный и вечный макрокосм. «Человек – не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее» [3, с. 40]

Осознанная ответственность – качество, выделяющее особый род людей. Присутствием ответственности объясняется своеобразная магия или притягательность, свойственная духовным людям, это субъекты разных сфер деятельности. Ответственность как характерная особенность, присуща многим социальным группам. Среди них встречаются: учёные, священники, пастыри, проповедники, художники, мудрецы, мыслители, музыканты, композиторы, поэты и пр. Их объединяет путь духовного восхождения, которое подразумевает самопожертвование и устремление к познанию истины.

Конфессиональный плюрализм моделирует, так сказать, на любой вкус и цвет, разнообразие теории о возникновении мира и человечества. В истории человечества, и в частности, сегодня параллельно существуют и развиваются разно векторные конфессии, верования, секты, общины, общества и т.п. Не редки случаи, на одни и те же вопросы современные религии отвечают прямо противоположным способом. Метафорически выражаясь, «по подобию и пристрастиям» своих авторов, формируются образы о Высшей Силе, управляющей миром, Всединстве, добре и зле, свете и тьме и т.п. Опять же крайне субъективно интерпретируются такие провиденциалистские понятия в культуре, как начало и конец времён, предлагаются варианты решения вопроса о смысле жизни человека.

Коренные отличия в личных предпочтениях и мировоззрениях среди представителей разных конфессий породили единое проблемное поле, известное как межрелигиозный конфликт. Возник он, по утверждению К. Ясперса, одновременно с установлением «осевого» режима времени. «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим, по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт» [4, с. 33].

Человек, следующий по пути поиска собственного духовного восхождения, совершенствования, преображения и единения с Богом во все времена сталкивался с самыми различными схемами мироустройства и разными образцами порядка (закона) и беспорядка (хаоса). «Испытывались самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая в противоречивости своих частей сохраняла их взаимообусловленность, – всё это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом» [4, с. 33].

Примечательно, сам термин «религаре» в переводе означает «связь» с Высшим. Определившись с выбором, т.е. останавливаясь на каком-то конкретном религиозном пути, индивид обретает зону собственного комфорта. Ряд

универсальных проблем, породивших глобальный межконфессиональный конфликт, содержит всякая религия (духовная практика и т.п.). В частности, не секрет, что каждое религиозное течение отличают следующие черты:

- догматизм (с присущей ему долей скепсиса);
- радикальность (часто гипертрофированная);
- претензия на всеобщность (всякая конфессия полагает о себе, что она есть истина в последней инстанции);
- экспансия, как потребность в расширении сфер влияния.

Очевидно, что сегодня происходит нарастание межконфессиональных противоречий с их требованием самоутвердиться в глобальном масштабе. Естественно, это порождает нервную напряжённость и взаимную нетерпимость (пусть и не всегда явную, скрытую) между различными духовными практиками. Интуитивно каждому человеку понятно, что ответственность соответствует (тождественна) номосу (закону), а безответственность хаосу и беззаконию. Поэтому все люди как члены общества совершают свой выбор в пользу служения тем или иным силам, разрушая или созидая будущее. Ответствовать есть способность давать ответ (держат удар), отвечать или реагировать на поставленные вызовы.

Нередки случаи, когда в императивном порядке руководители религиозных обществ навязывают членам своих общин чувства вины и страха. Сегодня межрелигиозная напряжённость наращивается стремительно, принимая порой уродливые формы, через отрицание и унижение представителей инакомыслящих конфессий или же своих соратников, тех, что проявляют толерантность по отношению к инакомыслию.

Изменить положение дел, происходящих в религии как духовной основе общества, возможно лишь путём самосовершенствования каждого индивида на добровольной основе. Самодеятельность как работа над процессом организации собственного мышления – необходимое условие развития чувства ответственности у человека. Поскольку любые конфликты возникают, сначала в ментальном плане, а затем уже реализуются на физическом поприще. Ответственность, в сущности, есть аналог любой из религий, так как исполняет те же функции в обществе, что и религиозные объединения. Ответственность есть праведный путь в беспредельном движении к самосовершенствованию. Ответственный индивид – это в сущности тот же верующий человек, в общепринятом значении, даже ещё более надёжный и устремлённый к своему идеалу. «Вначале у истоков, откровение бытия было непосредственной данностью. Грехопадение открыло перед нами путь, на котором познание и имеющая конечный характер практика, направленная на временные цели, позволили нам достигнуть ясности... На завершающей стадии мы вступаем в сферу гармонического созвучия душ, в царство вечных духов, где мы созерцаем друг друга в любви и в безграничном понимании» [4, с. 31].

Выводы: Ответственность – высокое духовное качество человека. Индивид – субъект и творец истории. Межконфессиональный конфликт – условия, созданные при помощи искусственных средств таких как: магия, гипноз, внушение, убеждение, мифы, взятые из интернета и тому подобные манипуляции.

Выходами из ситуации обострения межконфессиональных конфликтов представляются следующие:

- перманентное хранение в памяти своего добровольного решения о собственном ответственном выборе – бескорыстного служения людям;
- преданность избранному идеалу – образу учителя;
- удержание сознания в равновесии (молитве). Повторяя мысль И.А. Ильина, твердившего, что молитва есть сосредоточенная и страстная обращённость души к Богу.

Литература

1. Буряк В.В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. 462 с.
2. Лазарев Ф.В., Брюс А.Л. Современная эпистемология: дух и проблемы. Симферополь: Таврида, 1999. 176 с.
3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Соколова Р.И.

ОСОЗНАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ - ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ясное осознание цивилизационной сущности России является главным условием адекватного определения статуса Российского государства, формирования правильной его стратегии и соответственно выработки необходимых мер по снижению угроз национальной безопасности. Позиционирование России в качестве самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде государства-цивилизации, является наиболее перспективным.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, глобализация, религия, идеология.

Clear understanding of civilization essence of Russia is the main condition of adequate definition of the status of the Russian state, formation of its correct strategy and the development of necessary measures for decrease in threats of national security. Positioning of Russia as the independent center of the influence which is conceptually issued in the form of the state - civilization is the most perspective.

Keywords: Russia, civilization, globalization, religion, ideology.

Все споры о будущем России, о российской государственности известный историк А. Фурсов очень точно характеризовал как *"неосознанность происходящего"*. Причиной этой неосознанности является недостаточное внимание, а чаще всего игнорирование глубинной цивилизационной сущности России, о чем в свое время писал Александр Панарин. Для России важно четко осознавать, что это за цивилизация в своей глубинной основе, каков характер взаимоотношений с другими цивилизациями, ее возможности и пер-

спективы. Такого осознания, а значит и понимания, не было в достаточной мере ни в царское время (когда верхние слои общества отождествляли себя с Западом), ни в советское, - при котором доминировал формационный подход, ни тем более в постсоветское время, когда была провозглашена "новая Россия".

Неосознанность происходящего в 1990-2000 гг. привела к концептуальной неопределенности статуса российского государства и соответственно к росту его стратегической неопределенности, а как следствие - к возрастанию угрозы национальной безопасности. И только в последнее время под влиянием стремительно развивающихся международных событий, прямых и жестких вызовов Российскому государству общество и его лидеры начинают осознавать масштаб и характер угроз, приходит прозрение и понимание более глубоких причин противостояния.

В нынешнем необычайно сложном, но в то же время упрощенно - глобализированном мире стали более четкими и зримыми его основные черты. Это, во-первых, пока еще фактическая политическая однополюсность мира, во-вторых, сегодня как никогда ясно обозначившаяся его метафизическая двухполюсность, пронизывающая страны, регионы, континенты. Основание метафизической двухполюсности лежит в ответе на самый главный, фундаментальный вопрос, который волнует человечество на всем протяжении его истории: где искать корень зла - в самом человеке или окружающем мире? На этот вопрос человечество выработало два ответа - религиозный и идеологический (понимаемый в узком смысле как отражение социально-политических интересов определенных групп).

Религиозный ответ главную роль отводит человеку, которому даны сознание, духовные силы, чтобы победить зло в себе. Соответственно религиозный проект утверждал принципиально иной тип прогресса - натуральный, органический, действительно изменяющий человека, преодолевающий его животность, ведущий к невиданным высотам. Этот проект предполагал долгий и сложный путь развития человека. Он настолько труден, требовал таких огромных усилий, что казался невыполнимым, нервальным, а потому у многих людей вызывал неприязнь, ненависть. В конце концов он заменился прогрессом неорганическим, техническим, который сопровождался, с одной стороны, духовно-нравственной деградацией человечества, а с другой - специализацией наук, разрывающей целостную картину мира.

Идеологический ответ базируется на идее переделки окружающего мира посредством правильного, рационального с точки зрения несовершенного человека - его устройства.

И религия, и идеология, каждая в соответствии со своими представлениями, провозглашали в качестве цели борьбу со злом. Однако зло восторжествовало во всех своих проявлениях. Всюду в современном обществе, почти обезумевшем от уверенной поступи ничем не ограниченного зла, послышались апокалиптические ноты, которые звучат все чаще и громче, пока не слились в

тревожный набат, предупреждающий о последствиях упадка и краха великих идей и идеалов.

Эсхатологическому катастрофизму, который явился результатом следования в фарватере западных ценностей, можно противопоставить для начала новое прочтение религиозных учений в свете происходящих событий. Прежде всего необходимо вспомнить о первородном грехе, имея в виду, что в Новом Завете грех с греческого переводится как "промахнуться, пройти мимо Цели, не попасть в свое предназначение. К тому же представление о первородном грехе трактуется обычно крайне поверхностно и упрощенно - лишь как факт безнадежно устаревшей религиозной мифологии. Если же отойти от буквальной мифологии (выражение А.Ф.Лосева) и обратиться к метафизическому смыслу этого представления, то здесь можно увидеть такие глубины, постижение которых может перевернуть жизнь человечества.

Вот таким первородным грехом - грехом непопадания в свое предназначение явилось широко распространенное утверждение о том, что Россия - часть западной цивилизации. Однако это утверждение не находит своего научного подтверждения. Об этом свидетельствует, например, проведенное еще в 1993 г. в более чем 60-ти странах планеты исследование, которое было основано на эмпирических данных с применением специальных методик по так называемому проекту GLOBE [1]. Его итогом явилось создание теории, которая объясняет особенности различных национальных культур. Полученные в ходе осуществления этого проекта результаты позволили сделать вывод: национальные культуры России своеобразны и крайне далеки как от западно-центральноевропейских, так и от североамериканско-англосаксонских. Европейскость России - это иллюзия(!), навязанная нашему обществу извне и изнутри, причем иллюзия, имеющая глубокие исторические корни и до сих пор сохраняющаяся в виде определения России как "европейской страны" или указания траектории ее движения как "пути в Европу". Таким образом, результаты исследования давали основания для того, чтобы задуматься над собственным российским путем развития, особенно после ряда неудачных попыток заимствования и перенесения на российскую почву некоторых западных идей.

Это означает, что необходимо найти новую точку отсчета, скорректировать язык описания, пересмотреть духовно-теоретические и жизненно-практические ориентации. В этом плане цивилизационный угол зрения позволяет точнее охарактеризовать и некоторые существенные особенности развития исторической России, и своеобразие ее эволюции. Он дает также возможность оценить основательность прошлых притязаний России на особый цивилизационный статус, который является экзистенциально и ценностно отличным от Запада. И, что едва ли ни самое главное, помогает понять причину резкого перелома в отношениях с Западом после того, как Россия вступила в переходное состояние - от подконтрольного Западу государства к обретению политической независимости.

Отсюда напрашивается вывод о необходимости восстанавливать жизнь государства с самых оснований, при этом не имитировать и пародировать ка-

кие-то фрагменты дореволюционной или советской России (всегда неплодотворные), а искать ту генетическую, ценностную природу, которая задавала и должна задавать нормы нашей жизни.

Отсюда вытекает также необходимость жить по своим собственным законам, сохранять собственное достоинство и не пытаться втиснуться в прокрустово ложе чужих представлений и чужого исторического опыта. Это означает также необходимость качественно изменить основные подходы в самоопределении и самоидентификации российского государства и перейти от провозглашенного в 1990-е гг. концепта "национального государства," который доминировал до 2012 г., к дальнейшей разработке появившейся в теоретическо-политическом поле теории "государства-цивилизации". В успешном решении и реализации этой задачи - залог сохранения и безопасности Российского государства.

Позиционирование России в качестве самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде государства-цивилизации в меняющейся мировой обстановке является наиболее перспективным. Под государством-цивилизацией (новым определением в общественной теории) принято понимать большое многонациональное государство, объединенное не по принципу этнического родства, а по принципу общей религии или идеологии, комплементарности культур, схожего геополитического положения, наконец, общей исторической судьбы]. Данное определение не является искусственным или конъюнктурным, ибо история существования России во всех ее формах (Российской Империи и Советского Союза) свидетельствует о том, что она, по сути, всегда была государством-цивилизацией, хотя и не определялась подобным образом в силу доминирования других теоретических подходов. Большинство народов, составлявших как Российскую империю, так и СССР, составляли единую русско-российскую цивилизацию.

Относительно современной России можно сказать, что она пусть и в уменьшенном виде, но также соответствует почти всем признакам этого определения государства-цивилизации. Недостает лишь идеологии в смысле комплекса мировоззренческих идей, разделяемых всеми членами общества. При этом необходимо обратить внимание также на ее нынешние трудности и проблемы. Прежде всего не стоит забывать, что современная Россия еще со времен Петра Великого по-прежнему является, если использовать терминологию Хантингтона, "разорванной" страной. Это значит, что она имела у себя одну господствующую культуру, которая соотносит ее с одной цивилизацией, но ее элита стремится к другой цивилизации.

Современную Россию вполне можно признать "разорванной" страной, ибо реально российская элита живет в западной системе ценностей и имеет соответствующий образ и стиль жизни, а большинство населения существует в российской системе исторических и духовных координат. Эта "разорванность" приобрела, особенно в 1990-е годы, беспрецедентный характер, что нашло выражение в идеологии постсоветского западничества, отражающего презрение к ценностям и настроениям большинства общества. Цель этой идео-

логии - ликвидация собственного российского цивилизационного проекта и включение России в проект Евроатлантической цивилизации.

Это проявилось в проекте России как национального государства, который и был осуществлен в 1990-е годы. Соответственно этой модели, действующая Конституция РФ создавалась в перспективе возможной ее интеграции в некий (скорее всего, европейский) надгосударственный проект и заведомо предполагала отчуждаемость суверенитета, о чем свидетельствует не только принцип верховенства международного права над конституционным (ст. 15, часть 3), но и специальная статья (ст. 79), предусматривающая возможность передачи государством части своих полномочий в пользу межгосударственных объединений.

В рамках этой модели суверенитет Российского государства не просто ограничен, но носит условный характер, так как Россия не входит в ядро западного цивилизационного проекта и не является естественным продуктом западной истории и социальной среды. Поэтому формой существования России как государства-нации является постоянная борьба за пролонгацию признания со стороны неоимперского центра цивилизации, именуемого мировым сообществом, которое становится действительным источником его легитимности. И такое положение дел было не следствием слабости отдельных правителей страны, а результатом ее государственно-правового позиционирования.

В условиях же нового этапа глобализации важно обосновать законное положение и право России в пространстве, т.е. свой статус государства-цивилизации. А для этого ей необходимо восстановить свою *идентичность во времени*, т.е. показать, что в любую эпоху на огромном евразийском пространстве в ее государственном строительстве действовали мощные формообразующие силы, исходящие из источника глубинной российской метафизики и ее цивилизационной сущности. Иными словами, созидалась именно форма государства, которая пробивала себе дорогу в России через века. Государство как особый тип коллективного свершения стало плодом тысячелетнего исторического и цивилизационного творчества народа: огромное количество жертв, жизнью, самоотверженности, труда, таланта вложено в его строительство. Идее государства, вырастающей из самой цивилизации, не могла помешать даже революция 1917 г., явившаяся с лозунгами разрушения традиционных государственных институтов, упразднения границ, с идеалами интернационализма. А в конечном счете все обернулось созданием такого мощного государства, какого вообще не знала история России.

Особенность России состоит в том, что это единственное в мире государство, которое на протяжении столетий осуществляет управление развивающейся в его границах **региональной цивилизацией** как единым целым. В этом смысле Россия отличается от всех прочих государств, включая и такие гиганты, как США и Китай, тем, что у всех прочих государств не было необходимости осуществлять управление "своей" региональной цивилизацией как единым целым и это не свойственно культуре их народов. А в России в одном государстве исторически объединились и проживают вместе столетиями множество народов. Причем в ходе объединения ни один народ, как известно, не

был уничтожен. И каждый народ не только сохранил самобытность, но и обогащал свою культуру путем взаимодействия с другими культурами в рамках особого типа культурно-исторической общности. То есть **Россия – это не просто государство, а именно государство–цивилизация**. В этом и заключается ее "тайна", которая *веками непонятна чужеземным мудрецам*. Но такое положение вещей долгое время оставалось тайной также и для самой России, вернее, не то чтобы тайной, а скорее **неосознанностью происходящего**, о чем упоминалось в начале. Ее причина кроется в том числе в несоответствии между определенностью, значительностью, даже грандиозностью внешних форм общенациональной государственности и какой-то внутренней незавершенностью, незрелостью общественного сознания. Сама тяга к этой неопределенности выражается в обилии слов, выражающих неопределенности разного рода: какой-то, куда-то, зачем-то, почему-то и т.д. Данный факт не такой исключительный и в других языках, но в русском очень явно выражен. Это происходит от того, что внешне Россия пытается быть, как все "цивилизированные" нации: сильной, богатой, уверенной в себе, а природа-то ее метафизическая и идеократическая со смутной устремленностью к областям, лежащими за прямым, осязаемым и видимым опытом человека. "Да и во внутреннем чувстве русского человека нет у него, как у других народов, ощущения своего крепкого и четкого национального *есть*, утверждения себя в этом *есть*, а зыблемая, вздымающаяся к пониманию незавершенность и неопределенность, есть порыв стать наконец самим собой, определить, что же он такое на самом деле, зачем он, порыв стать Россией. В этих неопределенностях - предчувствие своей особой миссии в этом мире и даже готовность отказаться от неопределенности ради полной и истинной определенности, найти идеал Общего дела [2, с.275].

Сложная современная международная обстановка является мощным стимулом для того, чтобы избавиться от всех неопределенностей, начать процесс импортозамещения не только в экономике, но самое главное - в головах людей, в их осознании своих цивилизационных основ, понимании себя и соответственно движения в правильном направлении. Свидетельством чего и стало выдвижение в исследованиях некоторых ученых такого теоретического конструкта как государство-цивилизация, ставшего, по-видимому, одним из катализаторов появления в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ в декабре 2012 года словосочетания "Россия - государство-цивилизация". И еще более определенного его высказывания на заседании Валдайского клуба 19 сентября 2013 года. "Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства" [3]. Эта мысль была поддержана и Патриархом Московский и Всея Руси Кириллом, в октября 2013 года на ХУП Всемирном Русском Народном Соборе.

Данная констатация в действительности есть всего лишь восстановление в исторической памяти народа и в общественном сознании страны того факта, что Россия всегда была государством-цивилизацией, но которая в терминологии того времени обозначалась либо как империя, либо принимала форму СССР. Она основывалась на сохранении русской культурной доминанты, носителем

которой выступали не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальной принадлежности. Этот путь был и остается сегодня достаточно эффективным и продуктивным.

В современном мире, **как показывает политическая практика, государство-цивилизация** наиболее эффективная форма противостояния глобальным вызовам и угрозам. Воссоединение Крыма с Россией и события на Украине показывают, что цивилизационная идея реально работает. "Идея России-цивилизации и есть, по сути, та «волшебная формула», та искомая модель обустройства Российской Федерации, которая способна, с одной стороны, объединить народы России, с другой – дать им опору в противостоянии апологетам нового мирового порядка.

В эпоху приближающихся грозных перемен, как это ни покажется странным, может открыться истинное призвание России, которое раньше только смутно угадывалось. Именно России, которой свойственно возвышаться над всякой ограниченностью и односторонностью, над узкими специальными интересами, под силу сделать свою духовную задачу приемлемой для многих наций и религий. Поэтому в России есть все предпосылки для возникновения нового мировоззрения, в основе которого будет признание первичности духа, позволяющего противостоять упадку и убыванию современного мира.

Можно с уверенностью предположить, что в будущем конкурентноспособность и суверенитет государств будут зависеть от той роли, которую играет национальное мировоззрение в ценностных процессах. Осознание этой очевидной и понятной истины и призвано обеспечить смену системы ценностей, когда место сегодняшних приоритетов, основанных на культе денег и богатства, займут вечные ценности – разум, совесть, человечность, справедливость, долг, ответственность, творчество.

Многое свидетельствует о том, что сегодняшняя Россия, в которой сошлись самые разнообразные противоречия современного мира, в новых исторических условиях сможет открыть для себя путь самостоятельного исторического развития. И одновременно внести в будущее свой особый вклад, предложить миру в отличие от глобализации по-американски иной путь универсализма.

У России сегодня появилась возможность нравственного, морального доминирования в мире: общеизвестны миротворческая роль России и ее порядочное поведение по отношению к партнерам. Она стремится преодолеть реальную альтернативу сложившемуся мировому устройству, бескровно восстановить глобальный баланс сил, выдвинуть новую "модель мира", ядром которой станет принципиально новое объяснение смысла жизни человечества, социума, личности. Она способна стать необходимым духовным полюсом традиционного человечества, поскольку может предложить миру целый набор универсальных нравственных ценностей: справедливость как ключевая ценность России (в том числе и справедливость мироустройства), сакральность суверенного государства-субъекта, отрицание необратимости торжества евроатлантической модели глобализации, признание традиционной семьи как гла-

венствующего института воспроизводства человека в его духовной сущности, модель хозяйства достатка в противовес моделям сверхпотребления и гомо экономикс [4, с. 148].

Цивилизационные ценности российского государства способны в ходе современного развития компенсировать дефицит различных ресурсов. Цивилизационный ресурс, которым на данный момент располагает наша страна, достаточно устойчивый, единственно возобновляемый и восполняемый, практически неуничтожимый. Он не зависит от воли политической элиты и внешнеполитической конъюнктуры. И если экономический потенциал России пока еще недостаточен для того, чтобы стать полюсом или даже претендовать на роль полюса глобального мира, то цивилизационный потенциал внушает некоторые надежды. Поэтому позиционирование России в качестве самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде государства-цивилизации, которое ориентировано на сотрудничество и взаимодействие с другими странами и прежде всего со странами БРИКС на основе цивилизационных ценностей в меняющейся структуре мировой цивилизации является наиболее перспективным.

Литература

1. Савин А.В. Российская Евразия в "мире цивилизаций" [Электронный ресурс] Евразийский вестник. № 23. Режим доступа: <http://www.e-journal.ru/turo-st-3-23.html>.

2. Семенова С.Г. Тайны царства небесного. М.: Школа-ПРЕСС, 1994. - 415 с.

3. Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба "Валдай" [Электронный ресурс] Стенограмма 19 сентября 2013. Режим доступа: old.samddn.ru/attachvents/8603_valдай_клуб_19.09...

4. Аверьянов В. и соавторы. Другая холодная война. Стратегия для России / Холодная война 2.0. М.: Книжный мир, 2015. - 384 с.

Спиридонова В.И.

ОСОЗНАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В статье обосновывается необходимость осознания сущности российской государственности как отдельной, отличной от европейской, цивилизации. Формулируется метафизическое содержание полюсности современного мира в его политическом, религиозном, цивилизационном, идеологическом аспектах. Определяются основания и направления развития современной России как самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде многонационального государства-цивилизации. Анализируется потенциал цивилизационного ресурса российского государства.

Ключевые слова: двухполюсность, государство-цивилизация, суверенитет, глобализация, цивилизационный ресурс.

The necessity of understanding the essence of the Russian stateness as a separate and distinct from the European, civilized entity is argued. Formulated meta-physical content of the polarity of contemporary world in its political, religious, civilizational and ideological aspects. Determined considerations and directions of development of contemporary Russia as an independent center of influence, conceptualized as a multinational state-civilization. We analyze the potential of civilizational resource of the Russian state.

Keywords: bipolarity, the state-civilization, sovereignty, globalization, civilizational resource.

Все споры о будущем России, о российской государственности известный историк А.И. Фурсов точно характеризовал как «неосознанность происходящего». Причиной этой неосознанности является недостаточное внимание, а чаще всего игнорирование глубинной цивилизационной сущности России, о чем в свое время писал Александр Панарин. Для России важно четко осознавать, что это за цивилизация в своей глубинной основе, каков характер взаимоотношений с другими цивилизациями, ее возможности и перспективы. Такого осознания, а значит, и понимания, не было в достаточной мере ни в царское время (когда верхние слои общества отождествляли себя с Западом), ни в советское, - при котором доминировал формационный подход, ни тем более в постсоветское время, когда была провозглашена «новая Россия». Неосознанность происходящего в 1990–2000 гг. привела к концептуальной неопределенности статуса российского государства и соответственно к росту его стратегической неопределенности, а как следствие – к возрастанию угрозы национальной безопасности. И только в последнее время под влиянием стремительно развивающихся международных событий, прямых и жестких вызовов Российскому государству общество и его лидеры начинают осознавать масштаб и характер угроз, приходит прозрение и понимание более глубоких причин провозстояния.

В нынешнем необычайно сложном, но в то же время упрощенно - глобализированном мире стали более четкими и зримыми его основные черты. Это, во-первых, пока еще фактическая политическая однополюсность мира, во-вторых, сегодня как никогда ясно обозначившаяся его метафизическая двухполюсность, пронизывающая страны, регионы, континенты. Основание метафизической двухполюсности лежит в ответе на самый главный, фундаментальный вопрос, который волнует человечество на всем протяжении его истории: где искать корень зла – в самом человеке или окружающем мире? На этот вопрос человечество выработало два ответа – религиозный и идеологический (понимаемый в узком смысле как отражение социально-политических интересов определенных групп).

Религиозный ответ главную роль отводит человеку, которому даны сознание, духовные силы, чтобы победить зло в себе. Соответственно религиозный проект утверждал принципиально иной тип прогресса – натуральный,

органический, действительно изменяющий человека, преодолевающий его животность, ведущий к невиданным высотам. Этот проект предполагал долгий и сложный путь развития человека. Он настолько труден, требовал таких огромных усилий, что казался невыполнимым, нереальным, а потому у многих людей вызывал неприязнь, ненависть. В конце концов, он заменился прогрессом неорганическим, техническим, который сопровождался, с одной стороны, духовно-нравственной деградацией человечества, а с другой – специализацией наук, разрывающей целостную картину мира.

Идеологический ответ базируется на идее переделки окружающего мира посредством правильного, рационального с точки зрения несовершенного человека – его устройства

И религия, и идеология, каждая в соответствии со своими представлениями, провозглашали в качестве цели борьбу со злом. Однако зло восторжествовало во всех своих проявлениях. Всюду в современном обществе, почти обезумевшем от уверенной поступи ничем не ограниченного зла, слышались апокалиптические ноты, которые звучат все чаще и громче, пока не слились в тревожный набат, предупреждающий о последствиях упадка и краха великих идей и идеалов.

Эсхатологическому катастрофизму, который явился результатом следования в фарватере западных ценностей, можно противопоставить для начала новое прочтение религиозных учений в свете происходящих событий. Прежде всего, необходимо вспомнить о первородном грехе, имея в виду, что в Новом Завете грех с греческого переводится как «промахнуться, пройти мимо Цели, не попасть в свое предназначение». К тому же представление о первородном грехе трактуется обычно крайне поверхностно и упрощенно – лишь как факт безнадежно устаревшей религиозной мифологии. Если же отойти от буквальной мифологии (выражение А.Ф. Лосева) и обратиться к метафизическому смыслу этого представления, то здесь можно увидеть такие глубины, постижение которых может перевернуть жизнь человечества.

Вот таким первородным грехом – грехом непопадания в свое предназначение явилось широко распространенное утверждение о том, что Россия – часть западной цивилизации. Однако это утверждение не находит своего научного подтверждения. Об этом свидетельствует, например, проведенное еще в 1993 г. в более чем 60 странах планеты исследование, которое было основано на эмпирических данных с применением специальных методик по так называемому проекту GLOBE [1]. Его итогом явилось создание теории, которая объясняет особенности различных национальных культур. Полученные в ходе осуществления этого проекта результаты позволили сделать вывод: национальные культуры России своеобразны и крайне далеки как от западно-центральноевропейских, так и от североамериканско-англосаксонских. Европейскость России – это иллюзия(!), навязанная нашему обществу извне и изнутри, причем иллюзия, имеющая глубокие исторические корни и до сих пор сохраняющаяся в виде определения России как «европейской страны» или указания траектории ее движения как «пути в Европу».

Таким образом, результаты исследования давали основания для того, чтобы задуматься над собственным российским путем развития, особенно после ряда неудачных попыток заимствования и перенесения на российскую почву некоторых западных идей. Это означает, что необходимо найти новую точку отсчета, скорректировать язык описания, пересмотреть духовно-теоретические и жизненно-практические ориентации. В этом плане цивилизационный угол зрения позволяет точнее охарактеризовать и некоторые существенные особенности развития исторической России, и своеобразие ее эволюции. Он дает также возможность оценить основательность прошлых притязаний России на особый цивилизационный статус, который является экзистенциально и ценностно отличным от Запада. И, что едва ли не главное, помогает понять причину резкого перелома в отношениях с Западом после того, как Россия вступила в переходное состояние – от подконтрольного Западу государства к обретению политической независимости.

Отсюда напрашивается вывод о необходимости восстанавливать жизнь государства с самых оснований, при этом не имитировать и пародировать какие-то фрагменты дореволюционной или советской России (всегда неплодотворные), а искать ту генетическую, ценностную природу, которая задавала и должна задавать нормы нашей жизни.

Отсюда вытекает также необходимость жить по своим собственным законам, сохранять собственное достоинство и не пытаться втиснуться в прокрустово ложе чужих представлений и чужого исторического опыта. Это означает также необходимость качественно изменить основные подходы в самоопределении и самоидентификации российского государства и перейти от провозглашенного в 1990-е гг. концепта «национального государства», который доминировал до 2012 г., к дальнейшей разработке появившейся в теоретическо-политическом поле теории «государства-цивилизации». В успешном решении и реализации этой задачи – залог сохранения и безопасности Российского государства.

Позиционирование России в качестве самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде государства-цивилизации в меняющейся мировой обстановке является наиболее перспективным. Под государством-цивилизацией (новым определением в общественной теории) принято понимать большое многонациональное государство, объединенное не по принципу этнического родства, а по принципу общей религии или идеологии, комплиментарности культур, схожего геополитического положения, наконец, общей исторической судьбы. Данное определение не является искусственным или конъюнктурным, ибо история существования России во всех ее формах (Российской Империи и Советского Союза) свидетельствует о том, что она, по сути, всегда была государством-цивилизацией, хотя и не определялась подобным образом в силу доминирования других теоретических подходов. Большинство народов, составлявших как Российскую империю, так и СССР, составляли единую русско-российскую цивилизацию.

Относительно современной России можно сказать, что она пусть и в уменьшенном виде, но также соответствует почти всем признакам этого опре-

деления государства-цивилизации. Недостает лишь идеологии в смысле комплекса мировоззренческих идей, разделяемых всеми членами общества. При этом необходимо обратить внимание также на ее нынешние трудности и проблемы. Прежде всего, не стоит забывать, что современная Россия еще со времен Петра Великого по-прежнему является, если использовать терминологию С. Хантингтона, «разорванной» страной. Это значит, что она имела у себя одну господствующую культуру, которая соотносит ее с одной цивилизацией, но ее элита стремится к другой цивилизации.

Современную Россию вполне можно признать «разорванной» страной, ибо реально российская элита живет в западной системе ценностей и имеет соответствующий образ и стиль жизни, а большинство населения существует в российской системе исторических и духовных координат. Эта «разорванность» приобрела, особенно в 1990-е гг., беспрецедентный характер, что нашло выражение в идеологии постсоветского западничества, отражающего презрение к ценностям и настроениям большинства общества. Цель этой идеологии – ликвидация собственного российского цивилизационного проекта и включение России в проект Евроатлантической цивилизации.

Это проявилось в проекте России как национального государства, который был осуществлен в 1990-е гг. Соответственно этой модели, действующая Конституция РФ создавалась в перспективе возможной ее интеграции в некий (скорее всего, европейский) надгосударственный проект и заведомо предполагала отчуждаемость суверенитета, о чем свидетельствует не только принцип верховенства международного права над конституционным (ст. 15, часть 3), но и специальная статья (ст. 79), предусматривающая возможность передачи государством части своих полномочий в пользу межгосударственных объединений.

В рамках этой модели суверенитет Российского государства не просто ограничен, но носит условный характер, так как Россия не входит в ядро западного цивилизационного проекта и не является естественным продуктом западной истории и социальной среды. Поэтому формой существования России как государства-нации является постоянная борьба за пролонгацию признания со стороны неоимперского центра цивилизации, именуемого мировым сообществом, которое становится действительным источником его легитимности. И такое положение дел было не следствием слабости отдельных правителей страны, а результатом ее государственно-правового позиционирования.

В условиях же нового этапа глобализации важно обосновать законное положение и право России в пространстве, т.е., свой статус государства-цивилизации. А для этого ей необходимо восстановить свою идентичность во времени, т.е. показать, что в любую эпоху на огромном евразийском пространстве в ее государственном строительстве действовали мощные формообразующие силы, исходящие из источника глубинной российской метафизики и ее цивилизационной сущности. Иными словами, созидалась именно форма государства, которая пробивала себе дорогу в России через века. Государство как особый тип коллективного свершения стало плодом тысячелетнего исторического и цивилизационного творчества народа: огромное количество жертв,

жизней, самоотверженности, труда, таланта вложено в его строительство. Идея государства, вырастающей из самой цивилизации, не могла помешать даже революция 1917 г., явившаяся с лозунгами разрушения традиционных государственных институтов, упразднения границ, с идеалами интернационализма. А в конечном счете, все обернулось созданием такого мощного государства, какого не знала история России.

Особенность России состоит в том, что это единственное в мире государство, которое на протяжении столетий осуществляет управление развивающейся в его границах региональной цивилизацией как единым целым. В этом смысле Россия отличается от всех прочих государств, включая такие гиганты, как США и Китай, тем, что у всех прочих государств не было необходимости осуществлять управление «своей» региональной цивилизацией как единым целым и это не свойственно культуре их народов. А в России в одном государстве исторически объединились и проживают вместе столетиями множество народов. Причем в ходе объединения ни один народ, как известно, не был уничтожен. И каждый народ не только сохранил самобытность, но и обогатил свою культуру путем взаимодействия с другими культурами в рамках особого типа культурно-исторической общности. То есть Россия – это не просто государство, а именно государство–цивилизация. В этом и заключается ее тайна, которая веками непонятна чужеземным мудрецам. Но такое положение вещей долгое время оставалось тайной также и для самой России, вернее, не то чтобы тайной, а скорее неосознанностью происходящего, о чем упоминалось в начале. Ее причина кроется в том числе в несоответствии между определенностью, значительностью, даже грандиозностью внешних форм общенациональной государственности и какой-то внутренней незавершенностью, незрелостью общественного сознания. Сама тяга к этой неопределенности выражается в обилии слов, выражающих неопределенности разного рода: какой-то, куда-то, зачем-то, почему-то и т.д. Данный факт не такой исключительный и в других языках, но в русском очень явно выражен. Это происходит от того, что внешне Россия пытается быть, как все «цивилизованные» нации: сильной, богатой, уверенной в себе, а природа-то ее метафизическая и идеократическая со смутной устремленностью к областям, лежащими за прямым, осязаемым и видимым опытом человека. «Да и во внутреннем чувстве русского человека нет у него, как у других народов, ощущения своего крепкого и четкого национального есть, утверждения себя в этом есть, а зыблемая, вздымающаяся к пониманию незавершенность и неопределенность, есть порыв стать наконец самим собой, определить, что же он такое на самом деле, зачем он, порыв стать Россией. В этих неопределенностях – предчувствие своей особой миссии в этом мире и даже готовность отказаться от неопределенности ради полной и истинной определенности, найти идеал Общего дела» [2, с. 275].

Сложная современная международная обстановка является мощным стимулом для того, чтобы избавиться от всех неопределенностей, начать процесс импортозамещения не только в экономике, но самое главное – в головах людей, в их осознании своих цивилизационных основ, понимании себя и соответ-

ственно движения в правильном направлении. Свидетельством чего и стало выдвижение в исследованиях некоторых ученых такого теоретического конструкта как государство-цивилизация, ставшего, по-видимому, одним из катализаторов появления в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ в декабре 2012 г. словосочетания «Россия – государство-цивилизация». И еще более определенного его высказывания на заседании Валдайского клуба 19 сентября 2013 г. «Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства» [3]. Эта мысль была поддержана Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом в октябре 2013 г. на XVII Всемирном Русском Народном Соборе.

Данная констатация в действительности есть всего лишь восстановление в исторической памяти народа и в общественном сознании страны того факта, что Россия всегда была государством-цивилизацией, но которая в терминологии того времени обозначалась либо как империя, либо принимала форму СССР. Она основывалась на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступали не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальной принадлежности. Этот путь был и остается сегодня достаточно эффективным и продуктивным.

В современном мире, как показывает политическая практика, государство-цивилизация наиболее эффективная форма противостояния глобальным вызовам и угрозам. Воссоединение Крыма с Россией и события на Украине показывают, что цивилизационная идея реально работает. «Идея России-цивилизации и есть, по сути, та «волшебная формула», та искомая модель устройства Российской Федерации, которая способна, с одной стороны, объединить народы России, с другой – дать им опору в противостоянии апологетам нового мирового порядка.

В эпоху приближающихся грозных перемен, как это ни покажется странным, может открыться истинное призвание России, которое раньше только смутно угадывалось. Именно России, которой свойственно возвышаться над всякой ограниченностью и односторонностью, над узкими специальными интересами, под силу сделать свою духовную задачу приемлемой для многих наций и религий. Поэтому в России есть все предпосылки для возникновения нового мировоззрения, в основе которого будет признание первичности духа, позволяющего противостоять упадку и убыванию современного мира.

Можно с уверенностью предположить, что в будущем конкурентноспособность и суверенитет государств будут зависеть от той роли, которую играет национальное мировоззрение в ценностных процессах. Осознание этой очевидной и понятной истины и призвано обеспечить смену системы ценностей, когда место сегодняшних приоритетов, основанных на культе денег и богатства, займут вечные ценности – разум, совесть, человечность, справедливость, долг, ответственность, творчество.

Многое свидетельствует о том, что сегодняшняя Россия, в которой сошлись самые разнообразные противоречия современного мира, в новых исторических условиях сможет открыть для себя путь самостоятельного исторического развития. И одновременно внести в будущее свой особый вклад, пред-

ложив миру в отличие от глобализации по-американски иной путь универсализма.

У России сегодня появилась возможность нравственного, морального доминирования в мире: общеизвестны миротворческая роль России и ее порядочное поведение по отношению к партнерам. Она стремится преодолеть реальную альтернативу сложившемуся мировому устройству, бескровно восстановить глобальный баланс сил, выдвинуть новую «модель мира», ядром которой станет принципиально новое объяснение смысла жизни человечества, социума, личности. Она способна стать необходимым духовным полюсом традиционного человечества, поскольку может предложить миру целый набор универсальных нравственных ценностей: справедливость как ключевая ценность России (в том числе и справедливость мироустройства), сакральность суверенного государства-субъекта, отрицание необратимости торжества евроатлантической модели глобализации, признание традиционной семьи как главенствующего института воспроизводства человека в его духовной сущности, модель хозяйства достатка в противовес моделям сверхпотребления и гомо экономикс [4, с. 148].

Цивилизационные ценности российского государства способны в ходе современного развития компенсировать дефицит различных ресурсов. Цивилизационный ресурс, которым на данный момент располагает наша страна, достаточно устойчивый, единственно возобновляемый и восполняемый, практически неуничтожимый. Он не зависит от воли политической элиты и внешнеполитической конъюнктуры. И если экономический потенциал России пока еще недостаточен для того, чтобы стать полюсом или даже претендовать на роль полюса глобального мира, то цивилизационный потенциал внушает некоторые надежды. Поэтому позиционирование России в качестве самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде государства-цивилизации, которое ориентировано на сотрудничество и взаимодействие с другими странами и прежде всего со странами БРИКС на основе цивилизационных ценностей в меняющейся структуре мировой цивилизации является наиболее перспективным.

Литература

1. Савин А.В. Российская Евразия в «мире цивилизаций» // Евразийский вестник. № 23. Режим доступа: <http://www.e-journal.ru/turo-st-3-23.html>
2. Семенова С.Г. Тайны царства небесного. М.: Школа-ПРЕСС, 1994. 415 с.
3. Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». Стенограмма 19 сентября 2013 г. Режим доступа: old.samddn.ru/attachvents/8603_valдай_клуб_19.09
4. Аверьянов В. Другая холодная война. Стратегия для России // Холодная война 2.0. М.: Книжный мир, 2015. 384 с.

Спиридонова В.И.

«ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ» КАК ВАРИАНТ ПОИСКА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье фиксируется невозможность применения к современному российскому государству терминов «национальное государство» и «империя». Анализируется концепт «государство-цивилизация» применительно к Китаю, Индии, Бразилии, Индонезии, особенности которых непознаваемы с позиций с западной ментальности как ментальности национального государства. Обосновывается необходимость рефлексии российской «традиции» и возможность использования концепта «государство-цивилизация» для определения сущности, перспектив и векторов развития Российского государства.

Ключевые слова: империя, государство-цивилизация, национальное государство.

The article is fixed to the impossibility of applying the modern Russian state the terms “nation state” and “the empire”. We analyze the concept of “state – civilization” in relation to China, India, Brazil, Indonesia, the features of which are unknowable from the standpoint of a Western mentality as a nation-state mentality. The necessity of reflection of the Russian “tradition” and the possibility of using the concept of “state-civilization” to determine the essence, prospects and vectors of development of the Russian state.

Keywords: empire, state-civilization, nation state.

Последние годы шел интенсивный поиск новой формы бытия России. Неопределенность будущего рождала столь же туманные термины, которые определяли перспективы развития страны и ее государственного оформления. Среди них появились, например, такие наименования, как «региональная интеграция», «новая форма политики» и т.п. [8]. В конечном счете, правда, взгляды на государственное устройство России сводились к двум вариантам – империя или национальное государство. Первая обсуждалась, потому что такой опыт имелся, как признавали все, в истории самой России. Второй вариант примеривался к российской действительности, потому что по этому пути пошла Европа, которая, как предполагалось, не только оказалась наиболее успешной и прогрессивной, но стала эталоном так называемого общечеловеческого универсалистского типа развития. Однако идея национального государства, доведенная до своего логического конца применительно к России, означала неизбежный распад страны. Западные аналитики даже «помогали» нам приобщиться к такому проекту, рисуя, например, план разделения государства российского на три «свободных государства» – Европейскую Россию, Сибирскую республику и Дальневосточную республику [3, с. 240].

Что касается идеи империи, то учитывая историю, о российской империи говорили с постоянными оговорками, отстраняясь от диктаторского и деспотического акцента колониальных империй. И, действительно, Российская империя – это необычная империя. Империя без покорения входящих в нее народов. Фактически империя без господства и подавления, т.е. отходящая от при-

вычного образца отношений метрополии и периферии, когда центр живет за счет природных и человеческих ресурсов, выкачиваемых из колониальных окраин. Уже сам факт такого отклонения в реализации имперской философии означал, что назревал вопрос о переосмыслении понятия империи.

Одновременно, быстро развивающаяся глобализация мирового пространства создала новый, невиданный доселе феномен – феномен США, которые сегодня именуется западными аналитиками империей нового типа, которую обозначают как «империю без колоний», «нетерриториальную империю», «облегченную империю» [15].

Подобное течение самой истории, а вслед за ней и дискуссии об империи, привели к появлению нового термина – «импероподобное государственное образование» [10], который пока окончательно концептуально не определен. Существенно, однако, то, что эта новая политологическая категория задевает самую сердцевину проблемы и предлагает вариант решения дилеммы «национальное государство» - «империя». Родоначальник нового подхода А.И. Фурсов пишет по этому поводу: «Русские должны превратиться в нацию, но нацию — ядро не столько национального государства (нации-государства), сколько ядро импероподобного образования» [10]. Более того, он связывает с последним наиболее адекватную, по его мнению, перспективу развития России и полагает, что именно «импероподобное государство» должно составить конкуренцию недавно возникшему понятию, именуемому «государство-цивилизация».

Следует сказать, что, несмотря на свое недавнее рождение, термин «государство-цивилизация» уже существует в российской и западной политологии, он даже вошел в единичные российские и западные интернет-словари [1; 10; 11; 18; 4; 12]. Особенно активно его начали обсуждать на Западе после появления книги британского историка и журналиста Мартина Жака «Когда Китай правит миром: конец Западного Мира и рождение Нового мирового порядка» [18], изданной почти одновременно в двух странах – США и Великобритании. В ней автор использовал словосочетание «государство-цивилизация» как новую политико-философскую категорию применительно к Китаю. В отношении этой работы развернулась серьезная дискуссия среди западных и незападных интеллектуалов.

Главной новостью для зарубежных исследователей оказалось то, что Китай «модернизируется, но не вестернизируется» [19], что, несомненно, бросает вызов «традиционной западноцентричной теории международных отношений» [14]. Однако примечательно другое. Мартин Жак в своей работе констатирует, что мы являемся свидетелями возникающего на наших глазах «раскола современности», и, соответственно, концепций ее осмысливающих. Сегодня, утверждает американский исследователь, уже не существует единой и единственной западной современности, появляются новые ее разновидности. Мы живем, в эпоху «оспариваемой современности» (a new era of «contested modernity» [20]), в эру конкурирующих концепций и идеологий различных наций. И главной среди таких концепций является «государство-цивилизация».

Помимо Китая сегодня в рамках этой категории переосмысливается будущее Индии, Бразилии, Индонезии. При этом аналитики признают, что западная ментальность – это исключительно ментальность национального государства, и сквозь эту призму нельзя понять особенностей и новизны этих стран. «Дело в том, что все концепции, которые мы использовали до сих пор, чтобы осознать ход развития стран и международных отношений, были западными концепциями, исходящими из западного опыта, рожденными пониманием проблем, поставленных эволюцией Европы или США», констатирует М. Жак [16].

Европейские исследователи признают, что нет никакой возможности понять реалии Китая, если рассматривать его так, как если бы он был продуктом их собственной цивилизации. Такое отношение к Поднебесной является функцией высокомерия и невежества, и подобная позиция чревата маргинализацией западной теории и практики в будущем. Нельзя считать, что евроатлантическая традиция превосходит все остальные, что образ жизни иных народов есть некое отклонение от образца, и, следовательно, они стоят на более низкой ступени развития.

Необходимо заметить, что и сам Китай долгое время, находясь под давлением западной ментальности, причислял себя к национальным государствам. Как хорошо выразился по этому поводу американский специалист по Китаю Л. Пай: «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать из себя национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX века» [13].

Сегодня китайцы с удовольствием восприняли идею «оспариваемой современности» и стали ее развивать. Они считают, что возник новый вариант модерна помимо европейского – Восточно-азиатский модерн (the formation of East Asian modernity). «Сначала появилась Япония (которая стремилась во что бы то ни стало сохранить свои традиции), потом «четыре тигра», или в китайской интерпретации «четыре дракона», затем Китай. И теперь можно говорить о Восточно-азиатской современности, о восточно-азиатском модерне», - написал китайский ученый Гуанг Хиа в ответ на книгу М. Жака [21]. Как гласит китайское изречение, нечто начинают признавать, когда исключение из правила, становится правилом исключений.

Концепт «государство-цивилизация» стали активно использовать в Китае. Главную задачу китайские исследователи видят в том, чтобы, как они выражаются, «декодировать», расшифровать китайскую цивилизацию. Причем, процесс этот предусматривает два главных направления. Во-первых, речь идет о переоценке самой китайской истории в цивилизационной перспективе, а во-вторых, подчеркивается, что нужно определить отличие собственной истории, вывести ее за рамки западной цивилизации, где центральной идеей является идея национального государства.

Эта ситуация перекликается с российской. Правда, наше положение во внутреннем плане сложнее, потому что конфуцианская этика, составляющая ядро китайской цивилизации, не исключалась из повседневности в такой сте-

пени, с такой последовательностью, настойчивостью и всеохватностью, как это было у нас, в частности, с православием. Это означает, что нам надо не просто «дешифровать» свою традицию, а фактически отразить ее заново.

Но, что касается самоопределения в отношении западной модели, то здесь на помощь как раз может прийти осмысление идеи империи. Ведь два последних по времени термина - «импероподобное государственное образование» и «государство-цивилизация» - сейчас, как представляется, являются равно конкурентоспособными. Это происходит отчасти потому, что в основании логики «государства-цивилизации» и в основании логики империи в ее каноническом смысле лежит общий принцип, который отделяет их от идеи «национального государства».

Фундаментом национального государства является власть как **potestas**, власть как **публичная политическая сила**, как властное принуждение, а также как возможность обеспечить такое принуждение. Основу империи составляет **власть как imperium**, которая означает чистое могущество распоряжения, как бы мистическую силу *auctoritas*, мистическую силу власти. Разделение власти на **власть как potestas** и **власть как imperium** предложено античной мыслью. Первая – это материальная сила власти, вторая – духовная сила, духовная мощь, воля.

«Нации–государства», в определенном отношении, представляют тенденцию «материализации» политики, ухода от метафизики, от универсалий. Что такое национальное государство? Прежде всего, национальное государство это – отграниченная территория. Фундаментом национального государства является атомизированная единица – индивид. Основой его самостояния, опорой объявляется собственность. Динамику национального государства составляют столкновения и конфликты внутри гражданского общества. Как писал В.С. Соловьев, государство в Европе складывалось как результирующая противоборствующих сил. Сначала это была борьба светской и духовной власти. Затем возникло противостояние **равнозначных** претендентов на власть: короля, духовенства, феодалов и городских общин. В Новое время государство предстало как итог борьбы классов и партийных интересов. Смысл европейского государства, таким образом, - в уравнивании интересов. Логическим продолжением этой идеи является модель правового государства, ибо право призвано найти равновесие частной свободы и общего блага. Отсюда и название – state, etat, estado, staat – с латинским корнем status [9, с. 556-557].

Империя изначально сверхтерриториальна и основывается на идейном объединительном принципе. Даже современные США выдвигают такую «объединительную» идею – она называется «продвижение демократии».

В истории нематериальный, духовный характер власти-могущества империи часто приводил ее к сближению с религиозной динамикой, с религиозным динамическим импульсом, наполнял ее теологическим смыслом. Алан де Бенуа пишет: «Принцип **imperium** отражал волю к осуществлению на земле порядка и космической гармонии, вечно находящихся под угрозой» [2, с. 447-

448]. Поэтому для Империи характерны мессианиззм и сакрализация. Ее историческое задание видится как вселенское и одновременно священное.

В этом смысле **империя как понятие в чистом виде** смыкается с цивилизацией, основа которой по преимуществу конфессиональная, фундамент ее, как правило – одна из мировых религий. Российское тяготение к имперскому бытию совпадает с таким понятием империи. Оно сочетается с метафизикой православия, с цивилизационной основой жизни русского народа. Недаром К. Аксаков сказал, что «история русского народа есть его житие» [6, с. 190]. Николай Яковлевич Данилевский повторил это и считал глубокой истиной. Он пояснил свое замечание следующим интересным рассуждением.

Русский философ задался вопросом: Как обычно совершаются великие события в жизни европейских народов? И ответил на него: зарождается **интерес** либо вследствие каких-то обстоятельств, либо как плод мысли исторического деятеля. Интерес этот представляется партией, и борьба этих партий составляет историческую жизнь как Новой Европы, так и Древних Рима и Греции.

Совершенно иначе разворачивается процесс исторического развития в России. Все великие моменты в жизни страны как бы не имеют предвестников. Происходят чисто внутренние процессы в глубине народного духа, незримо и неслышимо. Старый порядок перестает удовлетворять народный дух, его недостатки уясняются внутреннему сознанию, смутно передумываются и прочувствуются. Народ ощущает пустоту и внутренне отрешается от того, что подлежит изменению. Он стремится к чему-то лучшему, что удовлетворит его духовную жажду. Борьба происходит в недрах народного сознания. И тогда внешняя перемена осуществляется поразительно быстро, как бы без внешнего противоборства и сопротивления к «совершенному ошеломлению» внешних наблюдателей [6, с. 195-196].

Из этого возникают, по крайней мере, два главных следствия. **Первое.** Когда появляется лидер, который прожил, прочувствовал это народное требование и выразил в ясной внешней форме, народ признает его за своего и идет за ним безоговорочно. Такова была ситуация с принятием христианства, с победой над поляками после Смуты - эпохи интенсивной глубинной перестройки сознания. Это то, что мы сегодня называем общенациональный лидер. Указанный процесс может выглядеть, на поверхностный взгляд, как появление вождя, но, по сути, это – духовное слияние лидера и народа. Такой лидер необходим, его народ ждет. И второй вывод: это огромный перевес, «который принадлежит общенародному элементу над элементом личным, индивидуальным» в поворотные моменты жизни российского общества [6, с. 197].

В работе М. Жака, упомянутой выше, приводится еще одно замечание, которое показывает отличие европейской ментальности «национального государства» от логики «государства-цивилизации». Автор считает, что европейская теория и практика укладываются в парадигму «одна страна – одна система», поясняя это примером с объединением Германии, когда слияние двух стран произошло «на условиях ФРГ». ГДР была поглощена ФРГ, одна система поглотила другую [16].

Речь фактически идет о том, что европейская логика – это логика либо ассимиляции, либо колонизации. Последний мультикультурный европейский эксперимент, кризис которого разворачивается на наших глазах, является ярким свидетельством такой парадигмы, ибо он был задуман как проект ассимиляции. Предполагалось, что во втором, или, в крайнем случае, в третьем поколении мигранты точно станут французами, немцами и т.д. И, собственно, кризис-то и состоит в **кризисе этих ожиданий**.

Противоположный принцип, принцип «государства-цивилизации», по сути, базируется на идее о том, что те части государства, которые ранее имели другие ценности (или другое социальное устройство), продолжают сохранять эти свои особые ценности. Условие здесь только одно, и оно состоит в том, что эти другие элементы принимают суверенитет ядра, от имени которого осуществляется внешняя политика страны в целом. Такая ситуация, например, имела место в Китае в случае с Гонконгом, когда был провозглашен тезис – «одно государство – две системы».

На самом деле, речь идет о логике терпимости – социальной, религиозной, культурной, этнической. Но именно это и составляет особенность России на всем протяжении ее истории. Л.Н. Гумилев отмечал, что русские переселенцы и администрация легко устанавливали плодотворные контакты с народами Сибири и Дальнего Востока. Противодействие миграции русских было ничтожно. «В целом с установлением власти московского царя образ жизни местного населения никак не изменился, потому что никто не пытался его сломать и сделать из аборигенов русских» [5, с. 318]. Они великомерно осознавали уникальность образа жизни народов, с которыми сталкивались, и потому этническое многообразие России продолжало увеличиваться. Освоение огромных территорий осуществлялось не за счет истребления туземцев, а за счет комплиментарных контактов и добровольного перехода под руку московского государя. «Таким образом, колонизация Сибири русскими не была похожа ни на истребление североамериканских индейцев англосаксами, ни на работорговлю, осуществлявшуюся французскими и португальскими авантюристами, ни на эксплуатацию яванцев голландскими купцами. А ведь в пору этих «деяний» и англосаксы, и французы, и португальцы, и голландцы уже пережили век Просвещения и гордились своей «цивизованностью» [5, с. 319].

Л.Н. Гумилев пишет, что в этом и состоит реализация принципа **соборности**, который соблюдался совершенно неукоснительно.

И еще один момент. Сущность «государства-цивилизации» связывается с особой ролью, какую играет в нем государство. В Китае оно является гарантом китайской цивилизации. Надо отметить, что процесс этот имеет двуединый характер. С одной стороны, китайцы относятся с глубоким почтением и уважением к своему государству, которое расценивают как покровителя и защитника китайской цивилизации. С другой стороны, государство и его руководители признают свою ответственность за поддержание сплоченности и интегрированности китайской цивилизации. Эти цели определяются как высший политический приоритет и как священно-сакральная задача (буквально «the sacrosanct task») китайского государства. «В отличие от Запада, где государ-

ство рассматривается с достаточной степенью подозрительности, и даже враждебности, где оно представляется как нечто внешнее, как аутсайдер, в Китае государство видится как «свое», очень близкое, как часть семьи, даже, больше, как глава семьи. В этом контексте следует говорить даже не о «нации-государстве», а о «нации-семье», отмечает М. Жак [16].

Но такова была историческая задача и российского государства. В.С. Соловьев определил эту задачу как **собирательную** в отличие от западно-европейского **относительного характера** государства, того самого status. Главной целью российской государственности была и остается проблема создания культурной, а в отдельные периоды и восстановления физической целостности. О том, что эта задача до конца не выполнена до сих пор говорит актуальность слов И.В. Киреевского, который написал: «...Теперь даже разделите Россию на такие уделы, на какие она разделена была в XII веке, - и завтра же родятся для нее новые татары, если не в Азии, то в Европе» [7, с. 130].

К сожалению, мы являемся невольными свидетелями именно такой исторической ситуации. А потому задача нового синтеза для нас сегодня является сверх актуальной, и размышления над значимостью идеи империи и цивилизации становятся ключевыми для выхода из кризиса, в котором оказалась наша страна.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Россия как государство-цивилизация // Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_17_09/11.pdf
9. Бенуа А. де. Идея империи // Бенуа А. де. Против либерализма. К четвертой политической теории. СПб., 2009.
10. Бжезинский З. Шахматная доска. М., 1999.
11. Государство-цивилизация // Режим доступа: <http://www.dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/04/134.html>
12. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М., 2015.
13. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
14. Киреевский И.В. Девятнадцатый век // Русская историософия. Антология. М., 2006.
15. Неклесса А.И. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности. Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15812-severnaya-romeya-rassuzhdenie-o-russkoy-identichnosti.html
16. Соловьев В.С. Значение государства // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 2.
17. Фурсов А.И. Будущее русской государственности: Нация? Цивилизация? Иное? // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6 // Режим доступа: <http://www.russia-today.ru/tema-nomera/1847-andrej-fursov-budushhee-russkoj-gosudarstvennosti-naciya-civilizaciya-inoe.html>
18. Якунин В.И. Россия – это государство-цивилизация // Режим доступа: <http://rusmirzp.com/2012/09/28/category/society/3479>

19. Civilization-state // Режим доступа: <https://en.wiktionary.org/wiki/civilization-state>
20. Cho K. The Middle Kingdom: Civilisation state or nation state? // Режим доступа: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state-1370>
21. Dr Martin Jacques predicts new Chinese world order // Режим доступа: <https://uosm2018.wordpress.com/2013/01/28/dr-martin-jacques-redicts-new-chinese-world-order/>
22. Ignatieff M. Empire Lite: Nation-Building in Afghanistan, Kosovo, and Bosnia, Toronto: Penguin, 2003.
23. Jacques M. Civilization state versus nation-state: China confronts Europe with an enormous problem: we do not understand it // Süddeutsche Zeitung. 15/01/11 // Режим доступа: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/>
24. Jacques M. China is a Civilization State. The Economic Times. 9/07/12 // Режим доступа: <http://www.martinjacques.com/when-china-rules-the-world/china-is-a-civilization-state/>
25. Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. L., 2009.
26. Martin Jacques (2009) When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. London: Penguin Books, A review. Режим доступа: <https://uosm2018.wordpress.com/2014/02/24/martin-jacques-2009-when-china-rules-the-world-the-rise-of-the-middle-kingdom-and-the-end-of-the-western-world-penguin-books-london-a-review/>
27. When China Rules the World. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/When_China_Rules_the_World
28. Xia G. China as a “Civilization-State”: A Historical and Comparative Interpretation // Режим доступа: http://ac.els-cdn.com/S1877042814033102/1-s2.0-S1877042814033102-main.pdf?_tid=e62fbbea-7014-11e5-99c8-00000aab0f01&acdnat=1444567256_60498442af90c493f6e6e9b5f0bfd753

Сюмко О.В.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КРЫМА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В статье анализируются результаты полевого исследования, проведённого в июле-ноябре 2014 года для изучения ожиданий крымчан от российской власти и их реакции на изменения, связанные с периодом перехода Крыма в российское правовое поле. Автор приходит к выводу, что, несмотря на обстановку неопределённости, общество Крыма выражает доверие новой власти, и что успешная внутренняя политика Российской Федерации по развитию Кры-

ма в будущем может создать конкурентное преимущество страны во внешней политике.

Ключевые слова: полевые исследования, внутренняя политика России, переходный период в Крыму, социологические исследования.

The article analyzes the results of a field study conducted from July up to November 2014 to explore the Crimean expectations from the Russian authorities and their reaction to the changes related to the transition period of the Crimea to the Russian Federation's legal field. The author concludes that, despite the uncertainty of the situation, the Crimean community expresses its confidence in the new power, and that the success of the internal policy of the Russian Federation on the development of the Crimea in the future could create a competitive advantage of the country's foreign policy.

Keywords: fieldwork, internal policy of Russia, the transitional period in the Crimea, sociological researches.

Попыткой изучить происходящие изменения послужило небольшое полевое качественное исследование, прошедшее в июле-ноябре 2014 г. на территории Республики Крым и г. Севастополя. Было взято порядка 20 интервью с самым широким кругом лиц как по национальному признаку (русские, украинцы, татары, белорусы), так и по социальному положению (наемные рабочие, иждивенцы, владельцы малого и среднего бизнеса, учителя, преподаватели ВУЗов, чиновники, беженцы).

Общее чувство, характерное для большинства опрошенных – неопределенность. Неопределенность не только в отношении своего будущего, но и настоящего. Огромную роль здесь играет недостаток объективной информации, заменяемой слухами. Большой резонанс в этом контексте вызвало заявление министра обороны Украины В. Галатея о параде победы в Севастополе. Возникшая в украинских СМИ эйфория, связанная с взятием Славянска, вызвала опасения крымчан, что следующим после установления контроля над Донбассом будет Крым. Обилие беженцев и отдыхающих с Украины, а так же традиционные связи местного населения способствуют постоянному обмену информацией, подпитывают почву для сравнений ситуации по обе стороны от Перекопа.

Большую роль в симпатиях и антипатиях к новым властям играет финансовый аспект. Товары и продукты питания подорожали в среднем в два раза, сократилось количество более дешевой украинской продукции. Особенно подорожали импортные лекарства. Те крымчане, что выезжали в Украину и туристы, приехавшие из Украины, подчеркивают, что рост цен произошел и там. Цены на большую часть товаров, кроме бензина, который в среднем по Крыму на треть дешевле украинского, сравнялись.

Позиция малого и среднего бизнеса носит выжидательный характер. Власти пока воздерживаются от усиления налоговой нагрузки на предпринимателей, что в значительной степени компенсирует их потери, связанные с переходным периодом. Спад потока туристов в сезоне 2014 г., так же не стал фатальным для бизнеса. С одной стороны, некоторые районы (например, Бала-

клава) находятся в откровенном запустении, с другой увеличение доли российских туристов привело к увеличению в 2-3 раза среднего чека ресторанов. Предприниматели пока практически ничего не знают о российской системе налогообложения, о преференциях и программах поддержки малого и среднего бизнеса.

С точки зрения инфраструктуры, Крым является «островом». Узкий перешеек, связывающий его с континентом, оказался политически отрезан. Керченская переправа, морской и авиатранспорт, пока, явно не перекрывают транспортные потребности полуострова с континентальной Россией. Большие нарекания вызывают вопросы градостроительства. Такие как: хаотичная застройка, самозахваты земли, ветхое жильё. В инфраструктурном плане Крым проигрывает не только олимпийскому Сочи, но и обычным районам Краснодарского края.

Этап неопределенности, связанный с переходом на новые стандарты, отразился, в первую очередь, на образовании. И дело не только в новых учебниках и программах. Кардинально изменится статус учителя. В течение 2015 г. планируется подъем зарплат учителей, что сделает работу учителя одной из наиболее высокооплачиваемой в регионе.

Сложнее обстановка в высшем образовании. Не в последнюю очередь, кризисные явления в нем связаны с резким разрывом международных связей, что для ВУЗов Крыма оказалось крайне болезненным. Проблемы с подтверждением научных статусов, ограничения в доходах и необходимость переходить на новые правила порождают здесь большее недовольство, нежели в системе среднего образования.

Мой киевский друг сразу после проведения крымского референдума о присоединении к России поставил главный, как ему казалось, вопрос: «Что вы будете делать с крымскими татарами?» Крымские татары составляют примерно 300 тыс. чел. из более чем двухмиллионного населения полуострова. Неприятие вступления Крыма в Россию не препятствует массовому получению российских паспортов, а также организованной Меджлисом подачи документов в российские органы власти списков лиц на получение статуса реабилитированного. Политические представители Меджлиса считают необходимым передать им в автономию весь Крымский полуостров. Значительно более осторожную позицию занимают владельцы малого и среднего бизнеса, защищая свои финансовые интересы, они в значительно большей степени готовы идти на политический диалог.

Крымские татары транслируют ранее полученную в Украине политическую культуру, где конфронтационная позиция позволяла получать им политические и экономические преференции. Федеральный центр видит в подобном поведении угрозу, отталкиваясь от собственного исторического опыта, когда проявление слабости и нерешительности ведет к трагедии. Зарождающийся конфликт возможно урегулировать путем соблюдения российского законодательства в области прав культурно-национальных автономий, в потенциал которого татары пока не верят.

Ожидания крымчан во многом говорят о преимуществах и дефицитах Российского государства. Все опрошенные независимо от своего статуса ставили на первое место проблему справедливости государства, соблюдения их прав и свобод, беспристрастности чиновников. Если главным преимуществом Украинской власти, как правило, называлось ее «отсутствие» в жизни Крыма, то от России ждут напротив большего участия. Крымчане видят перспективы в развитии (а вернее в возрождении) промышленности региона, позитивно воспринимают легализацию многих общественных и хозяйственных отношений (предпринимателям рекомендовано официально устраивать на работу своих сотрудников). Тот аванс доверия, который крымчане предоставили Российской Федерации, во многом выстроен на фундаменте советского прошлого, и современном позиционировании России как страны с охранительными ценностями.

Крым стал тем мостом, который связал две разных политических системы: унитарную Украину и федеративную Россию. Крым будет планкой для сравнения успешности или неуспешности двух подходов в государственном строительстве. Несмотря на существующие сегодня ограничения, если Киев не решит совсем отгородиться от Крыма гуманитарной стеной, украинцы по-прежнему будут составлять значительную часть отдыхающих в Крыму, и те впечатления от уровня жизни, которые они привезут с полуострова, возможно, станут конкурентным преимуществом России во внешней политике.

Хасанов Р.Ш.

РОЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

В работе раскрывается существо происходящей в политической науке дискуссии о деидеологизации партийно-политического пространства в современных демократиях. Из трёх изложенных в статье позиций, по мнению автора, более верной является та, которая утверждает не устранение идеологии, а изменение её концепта. Автор подкрепляет вывод примером современной Турции, политические партии которой во время последних избирательных кампаний стали отходить от традиционной идеологической риторики и концентрироваться на насущных социально-экономических проблемах.

Ключевые слова: партийные системы, деидеологизация партийно-политического пространства, идеологизация партийных систем, идеологический фактор, политологические дискуссии.

The paper reveals the essence occurring in political science discussion on deideologization party-political space in contemporary democracies. Of the three positions outlined in the article, in author's opinion, more correct is that which argues not elimination of the ideology, but the change of its concept. The author considers his thesis by the example of contemporary Turkey, where po-

litical parties during the last electoral campaigns began to depart from the traditional ideological rhetoric and focus on the urgent socio-economic problems.

Keywords: party systems, deideologization of parties-political space, indoctrination of party systems, the ideological factor, political science's discussion.

В политической науке продолжается спор вокруг верности тезиса о деидеологизации партийно-политического пространства в современных демократиях. Структурно дискуссия включает в себя 3 основные позиции в отношении данной проблемы.

Первую позицию представляют противники тезиса о полной деидеологизации партийно-политического пространства. По их мнению, идеология по-прежнему остается главной составляющей для существования политической партии, так как именно на основе партийной идеологии активный избиратель строит свое представление о назначении и характере партии; общность с этой идеологией побуждает его присоединиться к партии и участвовать в ее деятельности [2, с. 38]. В защиту своей позиции противники деидеологизации приводят утверждение о том, что «политика идеологична по самой своей сути — как стремление управлять, направлять, контролировать во имя определенной идеи» [6]. По их мнению, «в нынешних условиях самыми естественными отношениями политики и идеологии является их непосредственное объединение в идейно-политический комплекс, на котором должна базироваться практическая политика» [6].

Суть второй позиции, представленной сторонниками тезиса о деидеологизации, заключается в том, что «идеологизированная политика постепенно уступает место рационально-прагматической, за принятыми решениями все чаще стоят не программные установки, но трезвый расчет и сиюминутные конstellляции интересов» [7, с. 85], «происходит замещение идеологий политической рекламистикой и инфократией» [5, с. 12], а на политическую арену выходят партии нового типа, подобные «футбольной команде, вызывающей симпатии миллионов болельщиков» [1, с. 11]. По мнению сторонников деидеологизации, «жесткие идеологические дебаты левых и правых ушли в прошлое»: приставки «нео» или «пост» в таких категориях как «новые правые» или «новые левые» указывают на «крах нормативного идеологического метаязыка политики, когда старые концепты не способны верифицировать и легитимировать властно-политическую реальность пост-Модерна» [3, с. 173].

Третья группа экспертов полагает, что не идеология уходит из партийно-политического пространства, а меняется сам концепт идеологии. Сторонники данной позиции убеждены, что в современном мире не может существовать однозначно «левых» и однозначно «правых»; идеологии современных политических партий – это «симбиоз различных идеологических направлений» [4].

По мнению известного исследователя концепта идеологии Д. Шварцмангеля, в современных обществах происходит переход от классических

идеологий к идеологиям нового типа. Классические идеологии масштабны по своим задачам, связаны с государством, предполагают действие в рамках крупных институтов, выражены в программах политических партий. В отличие от них идеологии нового типа молекулярны, партикулярны, внесистемны, организованы по принципу сетей, локальны по типу поддержки (идентичности) и по провозглашаемому требованиям. Д. Шварцмантель полагает, что возникает некоторое постидеологическое общество, в центре которого лежат конкретные проблемы, а не масштабные картины общества [8, с. 274].

На наш взгляд, степень идеологизации партийной системы зависит от многих факторов: социокультурных особенностей конкретного социума, динамики политических и электоральных процессов, типа партийной и политической систем.

В данном аспекте показателен пример турецкой партийной системы.

Исторически в турецком партийно-политическом пространстве идеология играла очень важную роль. Некоторые принципы идеологии «кемализма», закрепленные в турецкой конституции, остаются ограничительными рамками для «идеологической маневренности» политических партий Турции. Отход от этих принципов не раз становилось причиной запрета политических партий в Турции, в первую очередь, для исламистских партий.

Идеологический спектр современной турецкой многопартийной системы очень широкий: начиная от крайне левых и заканчивая ультраправыми.

4 ведущих политических партий Турции также представляют крайне полярные идеологические платформы: это правящая Партия справедливости и развития (АКР), оппозиционная Народно-республиканская партия (СНР), Партия Национального движения (МНР), Демократическая партия народов (НДР). По результатам июньских выборов именно эти партии прошли в меджлис, однако из-за того, что партии не смогли договориться о создании коалиционного правительства, были назначены досрочные выборы на 1 ноября 2015 г.

В Таблице 1 представлены данные об идеологической идентификации этих 4 партий.

Таблица 1.

Идеологическая идентификация турецких партий.

Название партии	Идеология	Политическая позиция
Партия справедливости и развития	Консерватизм («консервативная демократия»)	правоцентристы
Народно-республиканская партия	«кемализм», социал-демократия.	левоцентристы
Партия национального движения	«национализм», «пантюркизм»	правые
Демократическая партия народов	социал-демократия	левые

Как видно из таблицы 1, все 4 партии четко определяют свои идеологические платформы. В основе идеологии правящей ПСР лежат принципы так называемой «консервативной демократии»: консерватизм здесь имеет больше культурную составляющую, нежели политическую, так как Партия справедливости и развития (АКР) последние 13 лет проводила модернизационную политику, отказываясь от многих принципов «кемалистского прошлого». В то же время в своих предвыборных программах ПСР делала всегда ставку на популистскую риторику и апелляцию к положительным результатам начатых в 2002 г. реформ. В основе идеологии Народно-республиканской партии (СНР) лежат принципы «кемализма» и социал-демократии: партия выступает за евроатлантическую интеграцию, сохранение в Турции принципов лаицизма, державности, республиканизма. Партия национального движения (МНР) (некоторые эксперты переводят как Партия Националистического движения) выражает идеи тюрко-исламского национализма, заложенные основателем партии А. Тюркешом. Демократическая партия народов (НДР) традиционно выражает интересы курдского населения Турции, идентифицирует себя как социал-демократическую партию и исповедуют идеи свободы, равенства, мира и справедливости.

Однако, несмотря на четкость идеологических предпочтений, главной особенностью июньской избирательной кампании стал отход партий от традиционной для них идеологочентричной предвыборной риторики и концентрации на насущных социально-экономических проблемах Турции. Как отмечает А.Э. Ёылмаз, сложная экономическая ситуация в стране определяет приоритеты в партийных программах [9]. В 2007 и 2011 гг. СНР делала ставку на такие идеологические конструкты как секуляризм, национализм и так далее, не имевшие первостепенной важности для избирателей. А победившая на тех выборах партия АКР в своих программах делала ставку на решение конкретных проблем. К примеру, в 2007 г. акцент делался на системе здравоохранения, а в 2011 г. – на транспортных проблемах. На обоих выборах победу одержали АКР, другие же партии не смогли привлечь избирателя своей идеологической риторикой за пределами своих постоянных сторонников.

Избирательная кампания к досрочным выборам в ноябре 2015 г. также отличалась тем, что партии фокусировались на конкретных проблемах, отказавшись от идеологочентричной риторики. Оппозиционные партии делали акцент на критике правящей АКР, апеллируя к итогам июньских выборов, как показателя нежелания турецкого общества продолжения единоличного правления АКР. В свою очередь, правящая АКР заостряла внимание избирателя на том, что коалиционные правительства в Турции никогда не были продолжительны и приводили только к углублению политического кризиса. Таким образом, главной интригой выборов является, сможет ли ПСР получить абсолютное большинство голосов и сформировать собственное правительство, как это было, начиная с 2002 г.

На основе проведенного анализа может сделать вывод о том, что тезис о полной деидеологизации партийно-политического пространства в современных демократиях ошибочен. Более верной представляется та позиция, что

происходит изменение самого концепта идеологии. Функциональная роль идеологического фактора зависит от различных факторов, прежде всего, динамики политических и электоральных процессов, что мы прослеживаем на примере партийной системы Турции, где, несмотря на четкость идеологических предпочтений, главной особенностью июньской и ноябрьской избирательных кампаний стал отход турецких партий от традиционной для них идеологически-центричной предвыборной риторики и концентрацию на насущных социально-экономических проблемах Турции.

Литература

1. Владиславлев А.П. Партии там, партии тут // Свободная мысль-XXI. 2003. № 1. С. 11-12.
2. Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий и партийного строительства. М.: Русская панорама, 2003. С. 38.
3. Мартьянов В.С. Политические партии современной России: от идеологической реальности к виртуальному популизму // Роль политических партий и общественных организаций в формировании органов власти в соответствии с интересами различных групп населения. Сборник статей. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2004. С. 173.
4. Мелешкин И.Г. Идеологический фактор в современной российской партийной системе. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 49. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskij-faktor-v-sovremennoy-rossiyskoj-partiynoy-sisteme>
5. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 13-15.
6. Утенков Г.Н. Прикладная идеология предвыборных программ политических партий РФ // Власть. 2011. № 11. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prikladnaya-ideologiya-predvybornyh-programm-politicheskikh-partiy-rf>
7. Холодковский К.Г. Противостояние левые-правые: анахронизм или смена координат? // Полис. 2006. № 6. С. 85.
8. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. С. 274.
9. Yılmaz A.E. Partiler ideolojiden vazgeçti ekonomik söyleme yöneldi. Режим доступа: <http://www.olay.com.tr/yazarlar/ahmet-emin-yilmaz/partiler-ideolojiden-vazgecti-ekonomik-soyleme-yoneldi/2623/>

Цветкова О.В.

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ РЕГИОНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕХНОЛОГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются технологии моделирования субнациональных границ субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделяется технологии изменения субнациональной границы субъектов РФ во внутривнутристрановом измерении.

Ключевые слова: субнациональные границы субъектов Российской Федерации, государственная граница, политическое пространство, технологии моделирования субнациональных границ

The article discusses the modeling techniques of sub-national boundaries of constituent entities of the Russian Federation. Special attention is paid to technology change sub-national boundaries of constituent entities of the Russian Federation in the intra-country dimension.

Keywords: sub-national boundaries of constituent entities of the Russian Federation state border, the political space, technology modeling sub-national boundaries

Во внутривнутристрановом измерении субнациональные границы упорядочивают территориальную организацию жизни общества. Для выяснения проблем и методов урегулирования многих территориальных претензий требуется тщательное изучение карты спорных вопросов по границам, так как существует ряд проблем по механизму изменения субнациональных границ субъектов РФ. По разным источникам политическая карта России включает от 36 до 62 спорных участков, связанных с установкой субнациональных границ РФ.

Рассмотрение случаев изменения субнациональных границ субъектов РФ имеют эмпирический характер. Анализ ситуации на внутривнутристрановом уровне показывает, что в настоящее время практика изменения субнациональных границ демонстрируется на реальных примерах.

Первый прецедент произошел в 1993 г. Нижегородской области был передан Сокольский район, который ранее входил в состав Ивановской области.

Похотная ситуация возникла в 2007 году на границе Еврейской автономной области и Амурской области по территориальному участку села Заречье.

По поводу границы между Костромской и Ивановской областями на протяжении десятилетий длится территориальный спор по урегулированию прохождения межрегиональной границы в районе реки Немда.

Территориальной целостности Российской Федерации угрожают, в том числе латентные территориальные споры между субъектами РФ в отношении принадлежности территориальных участков.

В период с 1999 г. по 2001 г. поступали неоднократно обращения от населения Саратовской области в частности, Ивандеевского района и от жителей г. Балаково с просьбой принять их в состав Самарской области.

В 2001 году с требованиями перехода в состав Самарской области обращалось население Бузулукского района Оренбургской области и Мелекесского района Ульяновской области.

В 2006 году город Новосибирск выдвинул требования о выходе из состава Новосибирской области. Инициативная группа муниципального и регионального парламента г. Новосибирска обращалась к депутатам Государственной Думы РФ с просьбой рассмотреть их предложение по приданию городу статуса субъекта федерации, мотивируя это экономическими причинами (увеличение доли налоговых отчислений в местный бюджет, улучшение инвестиционного климата).

В 2006 году город Сертолово предпринимал аналогичные попытки выхода из состава Ленинградской области в состав г. Санкт-Петербурга, мотивируя переход с точки зрения улучшения экономического состояния. Инициативная группа города Сертолово не набрала достаточное количество подписей для проведения референдума.

В период с 1999 г. по 2001 г. поступали неоднократно обращения от населения Саратовской области в частности, Ивантеевского района и от жителей г. Балаково с просьбой принять их в состав Самарской области.

В 2001 году с требованиями перехода в состав Самарской области обращалось население Бузулукского района Оренбургской области и Мелекесского района Ульяновской области.

В 2006 году город Новосибирск выдвинул требования о выходе из состава Новосибирской области. Инициативная группа муниципального и регионального парламента г. Новосибирска обращалась к депутатам Государственной Думы РФ с просьбой рассмотреть их предложение по приданию городу статуса субъекта федерации, мотивируя это экономическими причинами (увеличение доли налоговых отчислений в местный бюджет, улучшение инвестиционного климата).

В 2006 году город Сертолово предпринимал аналогичные попытки выхода из состава Ленинградской области в состав г. Санкт-Петербурга, мотивируя переход с точки зрения улучшения экономического состояния. Инициативная группа города Сертолово не набрала достаточное количество подписей для проведения референдума.

В мае 2013 года обсуждался вопрос о выходе из состава Пермского края муниципальных районов и муниципального образования (Усольский, Соликамский, Красновишерский, Чердынский и город Березники).

Далее рассмотрим технологию моделирования субнациональных границ субъектов РФ в политическом пространстве Российской Федерации.

Процесс создания государственной границы проходит три стадии (размещение, делимитация; демаркация). По сути, эти процедуры идентичны и для субнациональных границ. Проведение линии границы субъекта проходит операцию подробного описания границы региона в официальных документах в связи с юрисдикцией и землепользованием региона, а (демаркация) не осуществляется в связи с прозрачностью границ на внутристрановой территории.

Порядок установления границы субъектов Российской Федерации Кон-

ституцией не определен. Вопросы территориального устройства субъектов РФ Конституцией РФ не отнесены к ведению Российской Федерации и к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ. Следовательно, данные вопросы могут регулироваться законодательством субъекта РФ.

В правовом отношении ч. 3 ст. 67 Конституции Российской Федерации устанавливает, что границы между субъектами федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Такой порядок изменения границ между субъектами Федерации является гарантией целостности государственной территории России. Но это не означает, что субъекты изменяют свои границы без участия федеральных органов. В этом процессе участвуют три стороны: органы государственной власти двух субъектов (границы которых изменяются) и Совет Федерации. Изменение административных границ между субъектами подлежит, как установлено ст. 102 Конституции, утверждению Советом Федерации [1].

В политическом пространстве Российской Федерации проведение субнациональной границы субъектов РФ проходит три стадии: размещения, делимитации и демаркации. На стадии размещения устанавливается политический раздел территории между двумя субъектами РФ. Выбор места проведения границы и ее определение происходят на стадии делимитации. Делимитация границ между субъектами РФ должна быть высокой, поскольку это связано с политическими и экономическими отношениями субъектов Федерации. Власти и экономические субъекты обладают всей необходимой информацией о точном месте прохождения границы, поскольку с этим связаны их юрисдикция и система землепользования. Демаркация - точное непосредственное обозначение линии прохождения субнациональной (административной) границы субъектов РФ на местности.

В связи с прозрачностью субнациональных границ государства субъекты РФ не считают необходимым проводить их демаркацию, как это делается в международных договорах.

По поводу изменения субнациональной границы субъектов РФ центр и региональные власти ведут переговорный процесс, в принятии решения так или иначе задействованы власти заинтересованных регионов. Возможна ситуация, когда инициатива об изменении границы исходит снизу (население) и оформляется в политическое движение. Политическое движение может лоббировать изменение субнациональной границы, участвовать в организации референдума, если такой механизм предусмотрен законодательством субъекта Федерации.

В основном государство не изменяет свои внутренние границы по любому поводу, а следует характеру конвенциональности, т. е. условности. При наличии огромного количества теоретически возможных претензий власти соглашаются на закрепление системы сложившихся границ и идут на их пересмотр лишь в крайнем случае, когда бездействие может вызвать массовые протесты по поводу огромного количества потенциальных споров.

Как показывает анализ, сложившейся практики, технология изменения субнациональных границ субъектов РФ включает в себя следующие стадии:

- возникновение проблемы, выдвижение субъекта инициативы;
- создание согласительных и межведомственных комиссий из представителей спорных субъектов;
- подготовка проекта соглашения, учет мнения населения (процедура референдума);
- процедура подготовки, подписания и ратификации соответствующими регионами соглашения об изменении границ;
- принятие решения Советом Федерации;
- реализация решения соответствующих субъектов;
- обжалование или опротестование принимаемых на разных этапах решений (факультативная стадия).

На первоначальной стадии возникает проблема на спорном участке территории. Особую роль здесь играет субъект выдвижения инициативы. Субъектами могут выступать как представители федеральной и региональной властей (выдвинутая идея о целесообразности объединения Москвы и Московской области Президентом Д.А. Медведев в 2011 г. на Петербургском международном экономическом форуме), так и само население.

На второй стадии создаются рабочие группы, согласительные и межведомственные комиссии из представителей спорных субъектов. Деятельность консультативных органов, совместных комиссий включает обсуждение вопросов взаимодействия по вопросам изменения границ. Согласительные комиссии готовят проект соглашения изменения границы и ведут учет мнения населения. Проведение процедуры референдума с населением, проживающим на спорной территории региона. Проект соглашения готовится с учетом достигнутых договоренностей, подписывается губернаторами (высшими должностными лицами субъектов РФ). Утверждение соглашений находится в исключительной компетенции законодательных органов государственной власти субъектов РФ.

Далее происходит процедура подготовки, подписания и ратификации соответствующими регионами соглашения об изменении границ, причем в проекте соглашения учитываются договоренности спорных сторон и заверяется подписями высших должностных лиц субъектов РФ.

На основании решения Совета Федерации вносятся необходимые изменения в действующие нормативные правовые акты, разрабатываются и принимаются новые (внесение изменений в документы территориального планирования, государственного кадастра недвижимости). Например, реализация решения о последнем изменении границ Москвы и Московской области требует принятия целого пакета различных решений как на федеральном, так и на региональном и муниципальных уровнях, связанных с обустройством новых территорий, внесением изменений в бюджетное, земельное законодательство и др. Факультативная стадия на практике не применяется и касается больше решений, принимаемых на уровне субъектов РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Текст] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – Москва : Инфра-М, 2007. – 48 с.

Шентякова А.В.

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРА ВНУТРИЭЛИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ВЫРАБОТКУ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СТРАНЫ

Значение, которое имеют взаимоотношения внутри элиты в трансформационные периоды, автор раскрывает на примере современной России. В статье раскрывается тема формирования в российской элите во время первого президентства В.В. Путина двух группировок с разными внешнеполитическими приоритетами. Анализируется влияние отношений этих группировок на курс внешней политики государства. Автор прогнозирует, что изменений во внешнеполитическом курсе России в ближайшем будущем не ожидается.

Ключевые слова: взаимоотношения элит, внутриэлитные отношения, российские элиты, внешняя политика, внешнеполитический курс России.

The value that have relations within the elite in the transformation period, the author reveals the example of modern Russia. The article deals with the theme of the formation of the Russian elite during the first presidency of Vladimir Putin's two groups with different foreign policy priorities. The effect of the relationship of these groups on the course of foreign policy is analyzed. The author predicts that changes in Russia's foreign policy are not expected in the near future.

Keywords: elite relations, inside-elite relations, Russian elites, foreign policy, Russia's foreign policy.

В 90-е годы XX в. происходили изменения во всех сферах общества. Политические реформы, начатые М.С. Горбачевым, привели к значительным изменениям всей политической системы, но характер и направленность посткоммунистического развития страны во многом определялось особенностями внутриэлитных взаимодействий. Особое значение проблема характера взаимоотношений внутри элиты приобретает в период трансформаций. Роль элит в российской политике является доминирующей. Решения, которые принимают элиты являются ключевыми из-за слабого влияния общества на политические процессы.

Многие теории транзита выделяют консолидацию власти как одно из важных условий перехода к демократии и сохранение суверенитета власти. По мнению отечественных исследователей, российская элита после августа 1991 г. оказалась высоко фрагментирована. С приходом В. Путина к власти, ситуация в элитах значительно меняется. Происходит процесс консолидации элит вокруг фигуры лидера В.В. Путина. К концу первого президентского срока элита стала более сплоченной, но внутри федеральной элиты сформировались несколько влиятельных групп. Эта внутри элитная борьба находит отражение в выработке внешнеполитического курса.

Эксперты условно выделяют «либералов» и «силовиков». Одна из групп состоит из экономистов, финансистов, которые придерживаются либеральных ценностей и ориентируются на продолжение экономических реформ. Вторая группа состоит из людей, которые имеют опыт работы в спецслужбах или яв-

ялись кадровыми военными. Эти две группы предлагают 2 разных вектора развития страны. Первая группа выступает за тесное сотрудничество с западными демократическими странами, и вектор внешней политики ориентирует на взаимодействие с Европейскими государствами и США. Вторая группа отстаивает позицию, что перспективы развития России необходимо связывать со странами СНГ и Юго-Восточными государствами, налаживать связи с Китаем, Индией. «Как считают наблюдатели, в руководстве РФ сформировалось 2 блока, условно называемых военным и экономическим, при этом влияние и роль первого намного сильнее первого. Подобный расклад сил не может не отражаться на формировании и проведении внешнеполитического курса» [Ламулин, Шакен, 2008].

Для анализа взаимодействия и борьбы этих групп в исследовании использовался биографический метод. Анализ биографий чаще всего используют «для изучения социальных меньшинств – тех групп, которые довольно трудно поддаются пространственной и временной локализации (и, следовательно, менее доступны для масштабных выборочных обследований)» [Девятко]. Биография считается результатом субъективных решений, но эти решения, «в определенной степени, зависят от социально-структурных условий, возрастных когорт и исторических событий. В связи с чем анализируется не отдельный жизненный путь, а статистически объединенная совокупность жизненных путей» [Рождественская, 2012]. Анализ биографической информации позволяет решить ряд исследовательских задач: выявить основные каналы рекрутирования в политическую и административную элиту, определить широту бассейна рекрутирования, оценить степень открытости (закрытости) элиты для «новичков», структурировать внутренние ресурсы представителей элиты.

Используя биографический метод, удалось выделить в истории каждого респондента, характерные для его периода социализации, факторы, которые способствовали политической карьере. Эти факторы, являясь объединяющими для различных представителей элиты, позволяют формироваться внутри нее группировкам с общими целями, задачами, представлениями о методах и ресурсах для их достижения. «Принятие решения быть или не быть геополитическому риску принадлежит властвующей политической элите» [Юдин, 2009].

В первый президентский срок В.В. Путин испытывает кадровый голод. В составе его команды много людей из команды президента Б.Н. Ельцина, поэтому российская внешняя политика не меняется. Эта группа сохраняет либерально-демократическое направление во внешней политике и ориентацию на Запад. Например, Россия поддерживает решение США о проведении военной операции в Афганистане. В этот период анализ активности обсуждения внешнеполитических вопросов в Государственной Дум показывает низкий процент – около 23% от общего количества.

За первые годы своего президентства Путин рекрутирует в федеральную элиту людей, которые работали с ним в предыдущие годы. Новые персоны вытесняют людей из старой команды и это обостряет внутри элитную борьбу, которая к началу второго президентского срока Путина ослабевает и перевес сил оказывается на стороне более консервативной части властной элиты. Вто-

рая группировка, которая состоит из представителей спецслужб и военных подразделений, становится более влиятельной и курс внешней политики России начинает меняться.

Начиная с 2005 г. отношения между Россией и США значительно ухудшаются. Этот процесс идет параллельно с увеличением экономических и культурных связей с Китаем и активизацией деятельности России в международных организациях. Например, Шанхайская организация сотрудничества и Организация Договора о Коллективной Безопасности. Используя энергетический экономический ресурс как геополитический инструмент, формулируется стратегия внешнеполитического курса РФ, в которой отношения со странами СНГ подчеркиваются как наиболее приоритетные. Появляется проект Единого экономического пространства, как следующая ступень развития ЕврАзЭС. Более консервативная федеральная элита воспринимает США как потенциальную угрозу. Развитие отношений с восточными и азиатскими государствами выбирается как альтернативный путь и противовес. Наиболее четко эти изменения можно проследить, анализируя повестку дня заседаний Государственной Думы. Данные показывают рост частоты обсуждаемости внешнеполитических вопросов на заседаниях парламента, а характер вопросов четко укладывается в логику изменения вектора внешнеполитического курса элиты.

К началу 2010 г. элита достигла определенного уровня сплоченности. Баланс сил внутри элиты отразился на формировании концепции внешней политики РФ. Изменение приоритетов российской властной элиты во внешней политике четко прослеживается в новом документе. Федеральная элита четко артикулировала, что приоритетом во внешней политике является отстаивание экономических и политических интересов России на постсоветском пространстве. В этом документе подчеркивается особая важность укрепления связей со странами Содружества Независимых Государств. На втором месте по важности можно выделить сотрудничество с западными странами, но акцент делается на экономическом аспекте взаимоотношений. Восточноазиатский вектор внешней политики определяется как приоритетный, но упоминается после западного вектора. В этом направлении сотрудничество с Китаем, Индией и другими странами носит прагматический характер.

События 2014 г. демонстрируют сохранение элитой выбранных внешнеполитических приоритетов, даже в условиях экономических рисков и потерь. Учитывая качественный состав федеральной элиты, ожидать изменений во внешней политике в ближайшее время представляется не оправданным.

Литература

1. Лаумулин М., Шакен М. Казахстанско-российские отношения в контексте внешнеполитической стратегии Москвы // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2008. № 1 (55). С. 131-144.
2. Девятко И.Ф. Биографический метод в исследованиях. http://www.antema.ru/library/metody_marketingovyh_issledovaniy/kachestvennye_issledovaniya/devyatko_if_biograficheskij_metod_v_issledovaniyah/ (дата обращения: 13.02.2015).

3. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 5-6.

4. Юдин А.В. Проблема элит в контексте геополитического риска: деятельностно-онтологический и социокультурный подходы // Известия Саратовского университета. Серия: Философия, психология, педагогика. 2009. Т. 9, вып. 4. С. 54-58.

Юрченко В.М.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ И РИСКИ

Автор статьи высказывает свой взгляд на связь мер по предупреждению терроризма и экстремизма на региональном уровне и обеспечения национальной безопасности России. По мнению автора, успешность выполнения этой задачи может быть обеспечена концепцией многополярного мира и объединением усилий всего мирового сообщества против угроз. Особое значение придаётся патриотическому воспитанию молодёжи как идеологической альтернативе терроризму и экстремизму.

Ключевые слова: национальная безопасность России, терроризм, экстремизм, предупреждение терроризма, угрозы национальной безопасности.

The author expresses his view of the relationship of measures to preventing terrorism and extremism at regional level and providing the national security of Russia. According to the author's opinion, the success of this task can be provided by the concept of a multipolar world and combining the efforts of the entire international community against this threats. Particular importance is attached to the patriotic education of young people as an ideological alternative to terrorism and extremism.

Keywords: Russia's national security, terrorism, extremism, prevention of terrorism, threats to national security.

В ключевом документе по проблеме – «Стратегии национальной безопасности России до 2020 года», определены задачи по предотвращению угроз национальной безопасности, в числе которых: обеспечение социальной стабильности, этнического и конфессионального согласия, роста национальной экономики, повышение качества работы органов государственной власти и формирование эффективных механизмов их взаимодействия с гражданским обществом. Предотвращение как глобальных, так и региональных войн и конфликтов является стратегической целью РФ. Особо отмечено, что на региональном уровне обеспечение национальной безопасности напрямую связано с мерами по предупреждению терроризма и экстремистских проявлений, что имеет особое значение для Юга России.

Новый терроризм, потеряв как феномен безликость, требует со стороны мирового сообщества солидарных, продуманных и тщательно выверенных действий по разработке и обеспечению системы безопасности. И на наш взгляд, эту систему международной безопасности может обеспечить концепция многополярного мира, учитывающая новые типы угроз.

В настоящее время этот тезис озвучен уже не раз Президентом России В.В. Путиным. На сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ в Душанбе (сентябрь 2015 г.) он, анализируя все возрастающую активность ИГИЛ (и не только в Ираке и Сирии), подчеркнул, что «элементарный здравый смысл, ответственность за глобальную и региональную безопасность требуют объединения усилий мирового сообщества против этой угрозы. Нужно отложить в сторону геополитические амбиции, отказаться от так называемых двойных стандартов, от политики прямого или косвенного использования отдельных террористических группировок для достижения собственных конъюнктурных целей, в том числе смены неугодных кому бы то ни было правительств и режимов» [1].

Путин вновь обратил внимание на необходимость безотлагательно создать широкую коалицию противодействия экстремистам с участием законного правительства Сирии, курдского ополчения, умеренной оппозиции и стран региона.

Вместе с тем, уход в прошлое периода военно-политического доминирования США и наступающее многополярное мироустройство, несет в себе заряд конфликтности, так как обладает большим количеством степеней свободы. По мнению ряда авторов, множество полюсов влияния порождает большое количество кризисов и конфликтов. Отсюда, необходимо не определять Китай, Россию, Иран в качестве угрозы региональной стабильности, как это делает американское военно-политическое руководство, стремясь наращивать свой и натовский военный потенциал, а вместо этого – выстраивать переговорный процесс с заинтересованными сторонами, используя механизм ООН [2, с. 9-32].

Россия, в свою очередь, должна быть полноправным участником выстраивания новой архитектуры европейской и мировой безопасности. Вместо этого, мы наблюдаем провозглашение Западом политики сдерживания России на постсоветском пространстве, по сути дела – второй холодной войны.

По мнению П.А. Цыганкова, сегодня уже трудно отрицать, что истоки гражданской войны в Донбассе кроются в инспирированном и поддержанном США, Германией и Францией государственным перевороте на Украине. При этом продвигается идея и подтасовываются факты о том, что Россия ведет «гибридную войну» в Донбассе.

Об отсутствии у ряда западных стран желания искать выход из конфликтных ситуаций на основе норм международного права и ранее разработанных ООН принципов говорит целый ряд примеров. В их числе попытки выдать за истину в последней инстанции свою версию крушения «Боинга-777» над Донбассом. По мнению даже западных экспертов, итоги работы созданной

в одностороннем порядке комиссии из-за своей непрозрачности с большой долей вероятности будут односторонними и политически мотивированными.

Во время участия российской делегации в сессии Межпарламентского союза, прошедшей в октябре 2015 г. в Женеве, украинская сторона активно распространяла пропагандистский материал о якобы оккупационной политике России в отношении Крыма. Этот материал издан в Вашингтоне, у организаторов акции не хватило сообразительности напечатать свой опус в другом месте. И хотя на него никто внимания не обратил, по мнению В.И. Матвиенко, Россия по-прежнему находится в эпицентре мощной информационной войны. В Крыму побывало немало зарубежных делегаций, в том числе парламентарии. И все они отметили, насколько реальная ситуация отличается от той, что описывают западные СМИ и характеризуют многие европейские политики, опирающиеся на руководящие указания Вашингтона. В январе 2015 г. российская делегация покинула ПАСЕ из-за лишения ее ряда ключевых полномочий, что в Москве считают предвзятым, неправым и политизированным решением со стороны ПАСЕ [3].

Говоря об организации комплексного подхода к борьбе с терроризмом, нельзя не отметить, что терроризм сегодня является глобальным вызовом человеческому сообществу, угрозой существования отдельных стран и народов, в т.ч. – Российской Федерации. Не случайно В.В. Путин обратил внимание на то, что в рядах ИГИЛ проходят идеологическую обработку и военную подготовку боевики из многих стран мира, включая и европейские страны, и РФ, и многие бывшие республики Советского Союза. И их возможный возврат «домой» не может не беспокоить правительства этих стран [4, с. 278-288].

Если сопоставить, что в идеологическом плане можно положить на чашу весов в качестве альтернативы терроризму с его концептами (а порой и без оных, только за доллары), то, скорее всего, это следующее. Мы поддерживаем позицию Н.А. Нарочницкой, которая считает, что это, прежде всего, патриотизм, патриотическое воспитание молодежи, граждан своей страны. На это чувство нападают всевозможные оппоненты, понимая, что именно на этом зиждется Россия. Они пытаются внушать обществу и особенно юным гражданам, что мы живем в жутком, недемократическом государстве. Доходит порой, считает она, до иррациональной, беспредметной, обличительной истерии. Но сейчас всколыхнулось все общество: бедные и богатые, успешные и неуспешные, образованные и простые люди – все почувствовали себя единым целым. И это надо сохранить и направить в единое русло. И так думают многие члены Изборского клуба. Без воспитания молодежи в духе патриотизма ни одно государство не может жить и развиваться. Но надо обязательно соблюсти четкую грань – без навязчивой пропаганды, иначе будет обратный эффект. Здесь все зависит от тонкости и образованности тех, кто эту задачу решает. Что же касается толкования нашей истории, то история, считает она, это питомник человеческих идеалов и кузница мировоззрения личности [5, с. 249]. Мы бы добавили – и кузница антитеррористической убежденности, а значит, и выверенной гражданской позиции. И как тут не вспомнить слова великого реформатора П.А. Столыпина, которые высечены на памятнике, открытом в Киеве через год

после его смерти, о том, что «свет русской национальной идеи не погаснет и скоро озарит всю Россию». Об исторических корнях российского терроризма и борьбе с этим злом шла речь на IV Столыпинских чтениях, проходивших в сентябре 2015 г. в Кубанском государственном университете, по проблеме «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи».

Анализируя проблемы экстремистских проявлений на Юге России, А.В. Баранов приводит примеры стереотипов исторического сознания в ареале республик Северного Кавказа, существующих в виде устоявшихся мифов, порой поддерживаемых региональными властвующими группами. В их числе:

- идея мифической северокавказской цивилизации, игравшей весомую роль в мировой политике;
- модель «потерянного рая» – общества до российского завоевания Кавказа «огнем и мечом»;
- восприятие Кавказской войны и имамата Шамиля как ориентиров национально-исторического возрождения;
- акцентирование конфликтогенных аспектов в системе отношений с Россией;
- умалчение об извечной мозаичности и социальной неоднородности Северного Кавказа, конструирование мифа о дуальной оппозиции «Россия-Кавказ» [6 с. 9-10].

Научное сообщество призвано глубоко и всесторонне анализировать угрозы и риски национальной безопасности России, оказывать экспертно-консультационную помощь органам государственной власти страны.

Литература

1. Саммит ОДКБ [Электронный ресурс] // Президент России – 2015 15 сент. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50291>
2. Тищенко Г.Г., Новиков В.Е., Ермаков С.М., Николайчук И.А., Карякин В.В., Крячкина Ю.А., Селянин Я.В. Военная политика США и угрозы России. Доклад РИСИ // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 6. С. 9-32.
3. Петров В. Диалог без суеты // Российская газета - Федеральный выпуск. № 6807 (236). URL: <http://www.rg.ru/2015/10/19/sovfed-site.html>
4. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях / В.Ю. Бельский и др.; под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М., 2015.
5. Нарочницкая Н.А. Сосредоточение России. Битва за русский мир. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015.
6. Баранов А.В. Мифы исторического сознания в кавказоведении как конструкт этнической мобилизации на Юге России и Северном Кавказе // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всерос. науч. конф. (13-15 сент. 2011 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 8-11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамова М.А.** - Институт философии и права СО РАН, ведущий научный сотрудник сектора этносоциальных исследований, доктор педагогических наук, доцент, г. Новосибирск, РФ.
- Костюк В.Г.** - Институт философии и права СО РАН, старший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований, кандидат философских наук, г. Новосибирск, РФ.
- Антонюк В.А.** - ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», студентка 2 курса направления «Международные отношения» факультета истории, социологии и международных отношений, г. Краснодар, РФ.
- Самохин А.А.** - ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, кандидат исторических наук, доцент, г. Краснодар, РФ.
- Баранецкий А.Н.** - Высшее учебное заведение Индустриально-педагогический колледж, Руководитель лаборатории социальных и социально-культурных проектов, кандидат философских наук, г. Севастополь, РФ.
- Баранов А.В.** - ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры политологии и политического управления, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, г. Краснодар, РФ.
- Беспалова Т.В.** - доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ, кандидат политических наук, доктор философских наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, РФ.
- Бродский Ю.И.** - Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Вычислительный центр им. А. А. Дородницына Российской академии наук (ВЦ РАН), ведущий научный сотрудник, кандидат физико-математических наук, доцент, г. Москва, РФ.
- Вакулова Т.А.** - Севастопольский государственный университет, кафедра исторических, социальных и философских наук, доцент, кандидат политических наук, г. Севастополь, РФ.
- Валяровский Ф.И.** - ФГБОУ ВПО Пятигорский государственный лингвистический университет, заведующий кафедрой международного и европейского права, профессор, кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский край, г. Лермонтов, РФ.
- Галкина Э.Ю.** - Институт экономики, управления и права (г. Казань), старший преподаватель, г. Нижнекамск, Республика Татарстан, РФ.
- Ганский П.Н.** - Кубанский государственный университет, аспирант кафедры политологии и политического управления, магистр политологии, г. Краснодар, РФ.
- Гарас Л.Н.** - Севастопольский государственный университет, доцент кафедры исторических, философских и социальных наук, кандидат философских наук, доцент, г. Севастополь, РФ.
- Гаффаров И.З.** - Казанский Приволжский Федеральный Университет, старший преподаватель, кандидат исторических наук, г. Казань, РФ.

- Гелих О.Я.** - Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, профессор кафедры управления образованием и кадрового менеджмента, доктор философских наук, профессор, г. Санкт-Петербург, РФ.
- Говорухина К.А.** - Кубанский государственный университет, доцент кафедры политологии и политического управления, кандидат политических наук, доцент, г. Краснодар, РФ.
- Грива О.А.** - Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского, профессор кафедры культурологи и религиоведения Таврической академии, доктор философских наук, профессор, г. Симферополь, РФ.
- Гришин Н.В.** - Астраханский государственный университет, доктор политических наук, профессор, г. Астрахань, РФ.
- Грошева Г.В.** - Томский государственный университет, лаборатория социально-антропологических исследований, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент, г. Томск, РФ.
- Досанова Г.М.** - Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, и.о. доцента кафедры социологии, г. Астана, Казахстан.
- Калдыбаева О.В.** - Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, и.о. доцента кафедры социологии, г. Астана, Казахстан.
- Журавлева Е.Н.** - Институт экономики, управления и права (г. Казань), старший преподаватель, г. Нижнекамск, Республика Татарстан, РФ.
- Игнатьева И.Ф.** - Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, профессор кафедры социального управления, доктор философских наук, профессор, г. Санкт-Петербург, РФ.
- Исаев Б.А.** - Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры конфликтологии, доктор социологических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, РФ.
- Каншаова Н.Р.** - Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета, аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, г. Ставрополь, РФ.
- Конышев В.Н.** - Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, доктор политических наук, г. Санкт-Петербург, РФ.
- Коротченко Ю.М.** - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь, РФ.
- Лагутин О.В.** - Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, доцент, кандидат политических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, РФ.
- Ларионова И.Г.** - зам. директора по учебной и научной работе Нижнекамского филиала АНО ВПО «Московский гуманитарно-экономический институт», кандидат психологических наук.
- Носаненко Г.Ю.** - Институт экономики, управления и права (г. Казань), доцент, кандидат политических наук, г. Нижнекамск, Республика Татарстан, РФ.

- Липкин А.И.** – Московский физико-технический институт, кафедра философии, профессор, доктор философских наук, доцент, г. Москва, РФ.
- Лойко О.Т.** - Ведущий национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор кафедры социальных коммуникаций, доктор философских наук, г. Томск, РФ.
- Дрыга С.В.** - Ведущий национальный исследовательский Томский политехнический университет, кандидат философских наук, г. Томск, РФ.
- Мартынов М.Ю.** - ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», заведующий лабораторией социологических исследований, профессор кафедры политико-правовых дисциплин, доктор политических наук, доцент, г. Сургут, РФ.
- Мартынова Г.И.** - ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», доцент кафедры политико-правовых дисциплин, кандидат исторических наук, доцент, г. Сургут, РФ.
- Матросов М.А.** – Севастопольский государственный университет, студент, г. Севастополь, РФ.
- Медведев Н.П.** - Северо-Кавказский федеральный университет, ведущий научный сотрудник, доктор философских наук, профессор, г. Ставрополь, РФ.
- Миклина Н.Н.** - Российский государственный социальный университет, доцент кафедры социологии и философии культуры, доктор философских наук, г. Москва, РФ.
- Минчев М.П.** - Болгарский Евразийский научный центр, директор, доктор философских наук, г. София, Болгария.
- Муза Д.Е.** - ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма», профессор кафедры культурной антропологии и этнографического туризма, доктор философских наук, профессор, г. Симферополь, РФ.
- Пашковский П.И.** - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, кафедра политических наук и международных отношений, преподаватель, кандидат политических наук, г. Симферополь, РФ.
- Плащинский А.А.** - Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», проректор по идеологической и научно-инновационной работе, кандидат политических наук, г. Минск, Республика Беларусь.
- Попова О.В.** - Санкт-Петербургский государственный университет, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, доктор политических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, РФ.
- Поцелуев С.П.** - Южный федеральный университет, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, доктор политических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, РФ.

- Романович Н.А.** - Российская Академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, (Воронежский филиал) кафедра политологии и политического управления, профессор, доктор социологических наук, г. Воронеж, РФ.
- Руденко А.В.** - Севастопольский государственный университет, студентка, г. Севастополь, РФ.
- Сенюшкин Е.А.** - Крымский Федеральний Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Кандидат политических наук, доцент, г. Симферополь, РФ.
- Сенюшкина М.А.** - Заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, почётный член Крымской академии наук, кандидат экономических наук, доцент, г. Симферополь, РФ.
- Сенюшкина Т.А.** - Крымский Федеральний Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, профессор кафедры политических наук и международных отношений, доктор наук государственного управления, профессор, г. Симферополь, РФ.
- Снежкова И.А.** - Институт этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент, г. Москва, РФ.
- Соколова А.Б.** - Крымский Федеральний Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, соискатель учёной степени кандидата философских наук, г. Севастополь, РФ.
- Соколов Р.И.** - ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, г. Москва, РФ.
- Спирidonova В.И.** - ведущий научный сотрудник, заведующая сектором философских проблем политики Института философии РАН, доктор философских наук, г. Москва, РФ.
- Сюмко О.В.** - советник государственной службы, РАНХиГС, магистрант, г. Москва, РФ.
- Хасанов Р.Ш.** - Северо-Кавказский федеральный университет, аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Кизляр, Северная Осетия-Алания.
- Цветкова О.В.** - Ульяновский государственный университет, кандидат политических наук, доцент, г. Ульяновск, РФ.
- Шентякова А.В.** - Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет политологии, ассистент, г. Санкт-Петербург, РФ.
- Юрченко В.М.** - Кубанский государственный университет, советник ректора, заведующий кафедрой политологии и политического управления, доктор философских наук, профессор, г. Краснодар, РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова М.А., Костюк В.Г. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ, АККУЛЬТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ	3
Антонюк В.А., Самохин А.А. ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ.....	6
Баранецкий А.Н. ВО ЧТО МОЖЕТ ОФОРМИТЬСЯ «СОСРЕДОТОЧЕНИЕ» РОССИИ	10
Баранов А.В. КОНФЛИКТНОСТЬ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НОВОРОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ	15
Баранов А.В. УЧЕБНИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК КАНАЛ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СООБЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ КРЫМА И КУБАНИ	19
Беспалова Т.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА	24
Бродский Ю.И. РОССИЯ – ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК?: МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ГУМАНИТАРНЫЙ АНАЛИЗ	28
Вакулова Т.А. РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДПОСЫЛОК УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	32
Валяровский Ф.И. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ.....	37

Галкина Э.Ю. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ТАТАРСТАНА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ	40
Ганский П.Н. ПЕРСПЕКТИВЫ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ- ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	42
Гарас Л.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УКРАИНЕ	45
Гаффаров И.З. ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ НАЦИОНАЛЬНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ	50
Гелих О.Я. УПРАВЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ ФЕНОМЕНОВ	53
Говорухина К.А. ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СРЕДСТВ И ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И PR В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ.....	59
Грива О.А. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР.....	62
Гришин Н.В. ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КВОТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	67
Грошева Г.В. ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ)	69
Досанова Г.М., Калдыбаева О.В. ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА.....	73

Журавлева Е.Н. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ	77
Игнатъева И.Ф. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА.....	79
Исаев Б.А. ГЛОБАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС	85
Каншаова Н.Р. О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	90
Коньшев В.Н. ПОЛИТИКА США ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ.....	94
Коротченко Ю.М. ВАЛЮАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	98
Лагутин О.В. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОРПОРАТИВИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА	100
Ларионова И.Г., Носаненко Г.Ю. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ТАТАРСТАНА: 2002 г. и 2015 г.	103
Липкин А.И. ЦИВИЛИЗАЦИИ, НАЦИИ, ЭТНОСЫ – ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВ	108
Лойко О.Т., Дрыга С.В. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК РЕСУРС КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	112

Мартынов М.Ю., Мартынова Г.И. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИИ	
Матросов М.А. ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ	119
Медведев Н.П. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	121
Миклина Н.Н. МУЗЫКА С.В. РАХМАНИНОВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ	126
Минчев М.П. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ	131
Муза Д.Е. ТЕМА «ПОХИЩЕНИЯ» РОССИИ В ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ А.С. ПАНАРИНА	136
Пашковский П.И. А.И. Уткин о ресурсном потенциале и факторах развития России	138
Пашковский П.И. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»	145
Плащинский А.А. «БОЛЬШАЯ КАРТИНА» ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА	151
Попова О.В. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА	157
Попова О.В. БАЗОВАЯ МАТРИЦА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	160

Поцелуев С.П. ТОК-ШОУ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ)	165
Романович Н.А. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СОБЫТИЯХ В УКРАИНЕ	169
Романович Н.А. УКРАИНСКИЕ СОБЫТИЯ – ГОД СПУСТЯ	176
Руденко А.В., Вакулова Т.В. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ	185
Сенюшкин Е.А. УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ КАК СЕТЕВОЙ ПРОЦЕСС	188
Сенюшкина М.А. ЭКОСФЕРА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ	192
Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УПРАВЛЯЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА	199
Сенюшкина Т.А. ТРАДИЦИЯ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ	205
Снежкова И.А. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР «РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОИНСТВА»	208
Соколова А.Б. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНДИВИДА В УСЛОВИЯХМЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА	213
Соколова Р.И. ОСОЗНАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ - ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ	218

Спиридонова В.И. ОСОЗНАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ.....	225
Спиридонова В.И. «ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ» КАК ВАРИАНТ ПОИСКА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	233
Сюмко О.В. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КРЫМА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	240
Хасанов Р.Ш. РОЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ.....	243
Цветкова О.В. СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ РЕГИОНОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕХНОЛОГИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ.....	248
Шентякова А.В. ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРА ВНУТРИЭЛИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ВЫРАБОТКУ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СТРАНЫ	252
Юрченко В.М. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ И РИСКИ	255

Для заметок

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
&
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ**

Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 70 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru
www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражников Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru.